

№ 13 (108) 2011
Выпуск 19

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Учредитель
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профес-
сионального образования «Белгородский госу-
дарственный национальный исследователь-
ский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:
НИУ «БелГУ».

Издательско-полиграфический комплекс
НИУ «БелГУ»

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору за соблюдением
законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия
Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Л.Я. Дятченко,
ректор НИУ «БелГУ», доктор
социологических наук, профессор

Зам. главного редактора

В.В. Соколев,
проректор по научной работе
НИУ «БелГУ», кандидат педагогических
наук

Ответственные секретари:

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических наук

Е.Н. Кролевецкая,
доцент кафедры педагогики НИУ «БелГУ»,
кандидат педагогических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии

В.А. Шаповалов,
доктор исторических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов,
доктор исторических наук,
профессор (НИУ «БелГУ»)

И.Т. Шапохин,
кандидат исторических наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

В.Н. Шилов,
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Ответственный секретарь

Василенко В.В.,
кандидат исторических наук
(НИУ «БелГУ»)

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология Экономика
Информатика

Belgorod State University
Scientific Bulletin

History Political science Economics
Information technologies

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Cura annonae: полномочия эдилов V-III вв. до н.э. **А.Е. Телин 5**

Этапы законодательного ограничения несанкционированных
собраний в Риме. **Р.М. Фролов 12**

Роль и значение системы сухопутных дорог в хозяйственном
развитии раннего Боспора. **С.Н. Прокопенко 20**

Ветгий Агорий Претекстат и языческая оппозиция в римском
сенате. **М.А. Ведешкин 26**

Готы в Константинополе: мятеж Гайны 399-400 гг.

О.В. Ляховская 35

К истории древнехристианской скульптуры (саркофаги,
авории). **Я.Ю. Иванцкая 39**

“Lapis offensiois”, или к расшифровке монограмм правителей
Феодоро. **М.М. Чоревф 46**

Черная палата в Болгаре: к вопросу об истоках архитектурной
формы. **Э.Д. Зиливинская 56**

Военная психиатрия в Австро-Венгрии в годы Первой мировой
войны. **В.В. Миронов 61**

Проблема учреждения и замещения урядов старост на Вольни
(вторая пол. XV – начало XVI вв.). **А.В. Бортнникова 69**

Генерал-патриот Не Шичэн. **А.М. Пастухов 78**

Великобритания и геополитическая ситуация на Балканах в годы
Второй мировой войны. **А.В. Сковородников 87**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Некоторые особенности обряда у грузинского населения Рес-
публики Северная Осетия-Алания. **В.З. Дзидзшивили 90**

К вопросу отношений старообрядцев Казанской губернии с го-
сударством в период правления Николая I.

И.Р. Латыпов 96

Трансформация представлений русского крестьянства о поме-
щичьей добродетели в 50 – 90-е гг. XIX века.

В.А. Шаповалов, С.П. Шаповалова 101

Вопросы изучения уровня земледелия в России конца XVIII – нача-
ла XX веков на примере Европейского Севера. **П.П. Котов 111**

Процедура и практика установления и снятия опеки в поре-
форменный период для несовершеннолетних дворян, остав-
шихся без попечения родителей (на материалах

Курской губернии). **Е.П. Вьюнник 119**

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный университет)

В.И. Бортников, доктор политических наук, профессор (Волынский национальный университет им. Леси Украинки, г. Луцк, Украина)

Н.А. Гаврилюк, доктор исторических наук (Институт археологии Национальной академии наук Украины)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

М. Казански, доктор истории (Центр изучения византийской цивилизации, Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии (Университет штата Теннесси, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук, доцент (Белгородский юридический институт МВД России)

Е.А. Молев, доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

М. Плувиано, доктор истории (Генуэзский университет, Италия)

С.И. Посохов, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, старший научный сотрудник (Институт российской истории Российской академии наук)

С.Б. Сорочан, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

Н.П. Тельнов, доктор истории (Институт археологии Национальной академии наук Молдовы)

И.М. Тодоров, доктор истории, доцент (Великотърновский университет «Св. Кирилла и Мефодия», Болгария)

Э.М. Шагин, доктор исторических наук, профессор (Московский государственный педагогический университет)

Статьи представлены в авторской редакции.

Подготовка к печати: *Т.Г. Лагутина*;
оригинал-макет *В.В. Василенко, Н.А. Гапоненко*
E-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru

Подписано в печать 22.08.2011
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 25,57
Тираж 1000 экз.
Заказ 165.

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 18078

Оригинал-макет тиражирован
в издательско-полиграфическом комплексе
НИИУ «БелГУ»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

П.Г. Дервиз и «провинциалы» в деле строительства Рязано-Козловской железной дороги. **Р.Б. Кончаков 126**

Некоторые вопросы возникновения Общества для содействия русской промышленности и торговли (ОДСРПиТ) во второй половине XIX века. **А.Н. Мошвин, Е.П. Белоножко 134**

Трансформация представлений российских участников русско-турецкой войны 1877-1878 гг. о материальном состоянии болгар. **Е.А. Сучалкин 140**

Положение крестьянства Воронежской губернии в период между двумя русскими революциями (1908-1916 гг.).

Ю.В. Кудинова 146

Новогодние обряды и праздники в Башкортостане: эволюция традиций. **С.М. Гареева 150**

Духовный переворот Л.Н. Толстого: хронология и особенности. **Ю.Л. Ореханов (свящ. Г. Ореханов) 158**

Развитие русской церковно-исторической науки в концепции Н.Н. Глубоковского. **Н.И. Солнцев 165**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Человек в структуре гражданского общества (политико-антропологический подход). **С.К. Нагаева 170**

Политическая конкуренция: термин, понятие, форма деятельности. **В.Н. Шилов, А.П. Рылкина 180**

Политическая эффективность СМИ. **С.Ю. Лисова 189**

Демократия в постсоветской России: взгляд из характерологической креатологии. **Г.Ю. Канарш 194**

Этнонациональное движение русского населения Башкортостана на рубеже XX-XXI веков: основные этапы развития.

А.С. Щербаков 201

Специфика политических институтов и процессов в Центральной Азии. **И.Ж. Исаков 207**

Сведения об авторах 213

Информация для авторов 215

№ 13 (108) 2011
Issue 19

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education
«Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University,
Belgorod National Research University Press
The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media
ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-chief

L.J. Djatchenko,

Rector of Belgorod National Research University, Doctor of sociological sciences, professor

Deputy editor-in-chief

V.V. Sokorev,

Vice-rector for scientific research of Belgorod National Research University, Candidate of pedagogical sciences

Assistant Editors:

V.M. Moskovkin,

Professor of world Economy Department Belgorod National Research University, Doctor of geographical sciences

E.N. Krolevetskaya,

Associate professor of Pedagogics Department of Belgorod National Research University, Candidate of pedagogical sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Editor-in-chief of the series

V.A. Shapovalov,

Doctor of historical sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Deputies of editor-in-chief:

N.N. Bolgov,

Doctor of historical sciences, Professor (Belgorod National Research University)

I.T. Shatokhin,

Candidate of historical sciences, Associate professor (Belgorod National Research University)

V.N. Shilov,

Doctor of philosophical sciences, Professor (Belgorod National Research University)

**Belgorod State University
Scientific Bulletin
History Political science Economics
Information technologies**

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

**История Политология Экономика
Информатика**

CONTENTS

WORLD HISTORY

Cura annonae: Aediles` authorities in V-III cent. B.C. **A.E. Telin 5**

Stages of the unauthorized public meetings` legal restrictions in Rome.

R.M. Frolov 12

Role and meaning of roads` system in economic development of early Bosphorus. **S.N. Prokopenko 20**

Vettius Agorius Praetextatus and the pagan opposition in the Roman senate. **M.A. Vedeshkin 26**

The Goths in Constantinople: a revolt of Gainas in 399-400 AD.

O.V. Lyakhovskaya 36

To history of early Christian culture (sarcophagus, ivory).

Ya.Yu. Ivanitskaya 39

“Lapis offensionis”, or to reading of monograms of Theodoro rulers.

M.M. Choref 46

The Black Chamber in Bolgar: genesis of architectural design.

E.D. Zilivinskaya 56

The military psychiatry of Austria-Hungary during World

War I. **V.V. Mironov 61**

The problem of institution and substitution of administration in Volyn (second half of XV – beginning of XVI century).

A.V. Bortnikova 69

The General Patriot Nie Shicheng. **A.M. Pastukhov 78**

Great Britain and geopolitical situation in the Balkans in the Second World War. **A.V. Skovorodnikov 87**

RUSSIAN HISTORY

Some peculiarities of the traditions of the Georgian population of the Republic of North Ossetia-Alania. **V.Z. Dzidzishvili 90**

Relations of the Kazan province`s Old Believers with the state in the reign of Nicolas I. **I.R. Latypov 96**

Transformation of the Russian peasants` ideas about the landlords` virtues in 1850-1890s. **V.A. Shapovalov, S.P. Shapovalova 101**

The study of agricultural development in Russia in late XVIII – early XX centuries on the example of the European North of Russia.

P.P. Kotov 111

Procedure and practice of the guardianships` establishment and removal in post-reform period for minor noblemen without parental support (on materials of Kursk province). **E.P. Vyunnik 119**

P.G. Derviz and “provincials” in building the Ryazano-Kozlovskaya railway. **R.B. Konchakov 126**

Editorial assistant

V.V. Vasilenko,
Candidate of historical sciences
(Belgorod National Research University)

Members of editorial board:

M.G. Abramzon, Doctor of historical sciences, Professor (Magnitogorsk State University)

V.I. Bortnikov, Doctor of political sciences, Professor (Volyn National University named after Lesya Ukrainka, Lutsk, Ukraine)

N.A. Gavrilyuk, Doctor of historical sciences (Institute of Archeology of National Academy of Sciences of Ukraine)

A.V. Glukhova, Doctor of political sciences, Professor (Voronezh State University)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, USA)

K.N. Lobanov, Doctor of political sciences, Associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russian Federation)

E.A. Molev, Doctor of historical sciences, Professor (Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevskiy)

M. Pluviano, PhD in History (University of Genoa, Italy)

S.I. Posokhov, Doctor of historical sciences, Professor (Kharkov National University named after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, Doctor of historical sciences, Senior scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

E.M. Shagin, Doctor of historical sciences, Professor (Moscow State Pedagogical University)

S.B. Sorochan, Doctor of historical sciences, Professor (Kharkov National University named after V.N. Karazin, Ukraine)

N.P. Telnov, PhD in History (Institute of Archeology of National Academy of Sciences of Moldova)

I.M. Todorov, PhD in History, Associate Professor (Velikotyrnovo University «St. Cyril and Methodius», Bulgaria)

The articles are given in authors' editing.

Prepared for release: *T.G. Lagutina*;
dummy layout by *V.V. Vasilenko*,
N.Y. Pylenko, *N.A. Gaponenko*
e-mail: *vasilenko_v@bsu.edu.ru*

Passed for printing 22.08.2011
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 25,57
Circulation 1000 copies
Order 165.

Subscription reference
in Rospechat' agency catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Belgorod National
Research University Press
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

Some questions of origin of the Society for the promotion of Russian industry and trade (ODSRPiT/SFPRI&T) in the second half of XIX century. **A.N. Moshkin, E.P. Belonozhko 134**

Transformation of ideas of Russian participants of the Russian-Turkish war (1877-1878) about materials conditions of the Bulgarians. **A.E. Suchalkin 140**

Peasantry position in the Voronezh province during the period between two Russian revolutions (1908-1916). **J.V. Kudinova 146**

New Year's ceremonies and holidays in Bashkortostan: evolution of traditions. **S.M. Gareeva 150**

L.N. Tolstoy's spiritual revolution: chronology and peculiarities. **Yu.L. Orekhanov (Priest G. Orekhanov) 158**

Development of the Russian church-historical science in the conception of N.N. Glubokovskiy. **N.I. Solntsev 165**

POLITICAL SCIENCE

Individuals in structure of the civil society (political-anthropological approach). **S.K. Nagaeva 170**

Political competition: the term, the concept, the activity form. **V.N. Shilov, A.H. Rylkina 180**

Media efficiency in politics. **S.Yu. Lisova 189**

Democracy in post-Soviet Russia: view from characterologic creativity. **S.J. Kanarsh 194**

Ethnonational movement of the Russian population in Bashkortostan at the turn of XX-XXI centuries: the main stages of development. **A.S. Shcherbakov 201**

Specificity of the political institutes and processes in Central Asia. **I.Zh. Iskakov 207**

Information about Authors 213

Information for Authors 215



АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(37)

CURA ANNONAE: ПОЛНОМОЧИЯ ЭДИЛОВ V-III ВВ. ДО Н.Э.*

А.Е. ТЕЛИН*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова**e-mail: ae_telin@mail.ru*

Анализируя источники, касающиеся догракханского периода, автор обосновывает, что функцию *cura annonae* эдилы ранне-республиканского периода выполняли нерегулярно. При исследовании данной темы автор исследует вопрос о необходимости (целесообразности в определенный период времени) участить дополнительные поставки зерна в город и отмечает, что в рассматриваемый период отсутствовала четкая схема получения зерна и его последующего распределения в годы нехватки продовольствия. Рассмотрена проблема объема полномочий эдилов во время хлебных раздач, а также разграничения функций с другими магистратами и сенатом.

Ключевые слова: Римская республика, магистраты, эдилитет, *cura annonae*, хлебные раздачи, сенат.

Принято считать, что в республиканскую эпоху *cura annonae* была одной из основных функций эдилов¹, однако, единого мнения по поводу того, какие конкретные действия эдилов она предполагала, нет. Особенно это касается вопроса снабжения города продовольствием и последующего распределения продуктов в раннее время. Хорошо известно, что плебейские эдилы стали избираться после первой сессии как помощники плебейских трибунов в выполнении их контрольных функций. Впоследствии плебейские эдилы были наделены полномочиями самостоятельного рыночного контроля. Согласно Диону Кассию, именно эта функция дала им греческое название «рыночных надзирателей» — *αγορανομοι* (Dio Cass. IV. 7. 15). Указа-

* Статья подготовлена в рамках научного исследования «Низшие магистраты в системе римского публичного права: эдилитет и комиссии по административным и уголовным делам», по Государственному контракту № П172 от 20.04.2010 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы; в рамках Госконтракта № 16.740.11.0104 на выполнение научно-исследовательских работ по теме «Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование»; при поддержке РФФИ, грант 10-06-00140-а «Системный анализ античной государственности на основе информационных подходов и создания проблемно-ориентированных баз данных».

¹ Мнение исходит от фразы Цицерона, указавшего на круг обязанностей эдилов. Cic. Leg. III. 7-9: «*aediles curatores urbis, annonae ludorumque sollemnium*».



ние на данный аспект деятельности встречается в нарративных источниках (хотя и нечасто), а также содержится в эдильском эдикте².

На сегодняшний день в историографии нет четкой картины распределения хлеба во времена Республики³, а учитывая состояние источниковой базы, восстановить существовавшую систему, и в особенности определить роль эдилов в этом процессе, частоту *frumentationes* и сроки, в соответствии с которыми раздавалось зерно, нелегко, особенно в догракханский период. Тем не менее, круг вопросов, решаемых эдилами ранней эпохи, следует попытаться уточнить. Входили ли в них ценовое регулирование, обеспечение Рима продовольствием, борьба с монополиями на рынке, снабжение войск в Италии? Было ли администрирование со стороны эдилов успешным? Не приводило ли их неумелое управление к катастрофическим последствиям?

Политическую и социальную значимость рыночного регулирования и снабжения города продовольствием римские власти осознавали. Плиний Старший замечал, что на повышение рыночных налогов на другие продукты народ реагировал активно⁴. А согласно исследованию П. Гарнси, хлебные злаки составляли основу рациона римлян, и только 25% отводилось другим продуктам⁵. Поэтому значение хлебного снабжения и ценового регулирования в этой области в Риме трудно переоценить. Несмотря на то, что Рим был городом с высоким уровнем развития товарно-денежных отношений и рынка, тем не менее, в нем имели место (в силу социальных факторов и полисной идеологии) и хлебные раздачи. Цены на зерно в городе чрезвычайно беспокоили плебс, поэтому политики Республики (особенно поздней) искали благосклонности масс, продавая зерно ниже рыночных цен. Именно такие политики приобретали славу и поддержку горожан.

И все же, рост населения Рима, недостаток обрабатываемых земель на его территории, вынуждали правительство принимать меры по регулярному продовольственному снабжению города лишь с середины III в. до н.э. В ранней Республике в периоды нехватки продовольствия римляне получали дополнительный хлеб и сельскохозяйственные продукты с других территорий Италии⁶. Мы отметим, что недостаток и итальянских ресурсов для удовлетворения всех повседневных потребностей Рима стал острым лишь начиная с конца III в. до н.э. С этого времени вводились закупки больших объемов зерна по низким ценам в тех провинциях, где хлеб рос хорошо, с последующей его реализацией в Риме.

В сложившихся условиях территориальная экспансия Рима оказалась как нельзя кстати: источники упоминают об обложении налогом в виде зерна провинций Сицилия и Сардиния, а позднее и Африка. В 227 г. до н.э. Корсика и Сардиния были, подобно Сицилии, организованы в провинцию, и обложены десятиной. Сицилии было запрещено продавать зерно в другие страны кроме Рима. Катон сравнивал Сицилию с «кладовой» Рима, где находились необходимые запасы продовольствия. Такое ее положение в государстве в течение некоторого времени помогало решить вопрос, как с поставками зерна, так и с ценами на него. Плебс постоянно находился в ожидании того, что победоносный полководец вернется после военных действий с зерном для них. У нас также есть надписи о том, что зерно раздавалось по номинальным це-

² Телин А.Е. Эдикт эдилов в римском республиканском публичном праве // Развитие молодежной юридической науки в современном мире: сб. науч. тр. / В.М. Пучнин (отв. ред.). Тамбов, 2010. С. 81-85.

³ В зарубежной историографии вопросу снабжения Рима продуктами посвящены работы Питера Гарнси, но роли эдилов в данном процессе внимания практически не уделено.

⁴ Plin. HN. 19. 56: *itaque, Hercules, nullum quam macelli vectigal maius fuit Romae clamore plebis incusantis apud omnes principes donec remissum est portorium mercis huius*; Hollander D.B. Money in the late Roman Republic. Leiden and Boston, 2007. P. 114; Garnsey P.D.A. Mass Diet and Nutrition in the City of Rome // *Nourrir la plèbe: actes du colloque tenu à Genève les 28 et 29.* / A. Giovannini, D. van Berchem (eds.). 1989. № IX. P. 67-99.

⁵ Garnsey P.D.A., *Mass Diet and Nutrition in the City of Rome...* P. 82.

⁶ Patterson J.R. *The City of Rome* // *Cambridge Companion to Roman Republic* / ed. by H.I. Flower. Cambridge, 2004. P. 356-360; Taylor T.M. *A constitutional and political history of Rome from earliest times to the reign of Domitian.* London, 1910. P. 193.



нам как перед Ганнибаловой войной, так и после ее окончания⁷. В 146 г. до н.э. была создана провинция Африка, что означало появление в Риме еще одного источника частного, обложенного налогом, зерна. Другим источником зерна в Риме были подарки от иностранных правителей. Таким образом, Сицилия, Сардиния и Северная Африка были тремя главными (вне Италии) поставщиками зерна для Рима⁸. Исследователи относят к источникам зерна еще и Фессалию⁹.

Консулы и преторы, как магистраты, наделенные высшей властью, были обеспечены, прежде всего, поставками продовольствия для военных нужд, которые считались основными¹⁰. Вопрос хлебного снабжения гражданского населения принято относить, главным образом, к *сига аннонае* эдилов. О каких же конкретных действиях эдилов в данной области говорят нам источники? В случае нехватки продовольствия во времена ранней Республики назначался префект *аннонае*, как это было в 459 и 440 г. до н.э. (Liv. II. 27. 5; IV. 12. 8-10)¹¹. После 440 г. информация о них у Ливия отсутствует, в связи с тем, что, вероятно, во-первых, до конца III в. Рим мог прокормить себя сам, и случаи нехватки продовольствия случались редко. И, во-вторых, как следствие, к назначению или выборам должностных лиц, ответственных за дополнительные поставки продовольствия, прибегали в исключительных случаях. В связи с тем, что эдилы, как помощники трибунов уже в это время занимались контролем цен на хлеб, полномочия экстраординарных кураторов в части распределения зерна могли быть включены в круг обязанностей эдилов. Первое же упоминание в источниках эдилов в связи с продовольственным (в данном случае, хлебным) снабжением относится к событиям 298 г. до н.э. (Liv. X. 11. 7). Дороговизна хлеба вызывала постоянное недовольство жителей города и могла бы привести более серьезным последствиям, если бы не эдил Фабий Максим, сумевший вовремя доставить продовольствие в город и распределить хлеб. В 203 и 201 гг. до н.э. у эдилов было зерно из Испании и Африки, для распределения по низкой цене среди жителей окрестностей (*vicatim*)¹². В 200¹³ и

⁷ Fowler W.W. Notes on Gaius Gracchus // The English Historical Review. 1905. Vol. 20. № 78. P. 209-227. Fowler W.W. The Roman Festivals of the Period of the Republic. London, 1899. P. 76. Фаулер указывал, что и в более ранние времена Этрурия, Кумы и Сицилия были источниками зерна.

⁸ Цены на зерно в разных провинциях варьировались. Средняя цена пшеницы на Сицилии в 70 г. до н.э. была на 42% выше, чем средняя цена в Египте в период с 80 по 160 г. н.э. Для сравнения, обычная цена зерна в Писидии (Антиохия) в 93 г. н.э. находилась в пределах египетского диапазона цен, цены в римской Иудее также сопоставимы с египетскими, по крайней мере, в конце второго – третьем столетии. В Писидии были плодородные внутренние районы, и Иудея, возможно, могла привлекать сирийские ресурсы. Подробнее об этом: Rathbone D. Earnings and Costs: Living Standards and the Roman Economy (First to Third Centuries AD) // Quantifying the Roman Economy: Methods and Problems. Oxford, 2009. P. 306-307.

⁹ Garnsey P., Gallant T., Rathbone D. Thessaly and the Grain Supply of Rome during the Second Century B.C. // The Journal of Roman Studies. 1984. Vol. 74. P. 30-44.

¹⁰ Stambaugh J.E. The ancient roman city. Baltimore, 1988. P. 103.

¹¹ Liv. II. 27. 5: «Между консулами случился спор, кому освящать храм Меркурия. Сенат передал решение этого дела народу: тот из них, кому повелено будет народом освятить храм, станет ведать хлебным снабжением, учредит торговую коллегию, совершит торжественный обряд в присутствии понтифика. А народ предоставил освящение храма Марку Леторию, первому центуриону первого манипула, и, конечно, не столько ради того, чтобы его почтить – ибо такая честь не подобала человеку его звания, – сколько ради посрамления консулов»; Liv. IV. 12. 8-10.: «Наконец, плебеи без помех со стороны сената добились того, что распорядителем продовольственного снабжения избрали Луция Минуция, который, занимая эту должность, больше преуспел в защите свободы, чем в выполнении своих прямых обязанностей, хотя, в конце концов, наладив подвоз хлеба, он по заслугам снискал и благодарность, и славу. Он разослал сушей и морем посольства к соседним народам, но тщетно – лишь из Этрурии подвезли немного хлеба, – и занялся распределением остатков, принуждая всех объявлять об имеющихся запасах и продавать излишки сверх положенного на месяц, урезая дневной паек рабов, обвиняя и тем обрекая народному гневу хлебо-торговцев. Строгими мерами он скорее обнажил, чем ослабил, нужду, и многие потерявшие надежду, чтоб не испускать дух в мучениях, закутав голову, бросались в Тибр» (Пер. В.М. Смирнина).

¹² Cic. de off. II. 17. 58; Liv. XXX. 26: *annus . . . annonae vilitate fuit, praeterquam quod pace omnis Italia erat aperta, etiam quod magnam vim frumenti ex Hispania missam M. Valerius Falto et M. Fabius Buteo aediles curules quaternis aeris vicatim populo discipserunt*; Liv. XXXI. 4. 6: *frumentique vim ingentem quod ex Africa P. Scipio miserat quaternis aeris populo cum summa fide et gratia diviserunt*.



196 г. до н.э.¹⁴ соответственно, африканское и сицилийское зерно продавалось курульными эдилами по два асса за меру.

В 193 г. до н.э. М. Эмилием Лепидом и Л. Эмилием Павлом были построены портики у ворот Трех Близнецов, портик от Фонтинальных ворот к алтарю Марса, к одному из портиков были присоединены и склады на Тибре, и создана гавань напротив Авентина для удобной выгрузки провизии для города, привезенной по воде (Liv. XXXV. 10. 12). Другой портик на этой территории был построен курульными эдилами в следующем году (Liv. XXXV. 41). В 189 г. до н.э. эдилы штрафовали тех торговцев, которые копили зерно (Liv. XXXVIII. 35). Деньги, взысканные с хлеботорговцев, осужденных за сокрытие запасов зерна, курульные эдилы этого года Публий Клавдий Пульхр, Сервий Сульпиций Гальба и плебейский эдил Квинт Фульвий Флакк потратили на установку позолоченных щитов и статуй.

Это все нарративные свидетельства, которыми мы располагаем, эпиграфика также абсолютно неинформативна для случаев нехватки продовольствия. Следует также заметить, как мало нам известно о снабжении продовольствием между первой декадой второго столетия и внедрением *lex frumentaria* Гая Гракха. В связи с этим Бриско заявлял, что общественные раздачи не встречались после 196 г.¹⁵ В действительности Полибий и Ливий могли просто не упоминать о них, или подобные ситуации случались крайне редко. В тех случаях, когда дружественные государства предлагали Риму зерно, как правило, для армии, или в отдельных случаях, специально для города, это зерно также распространялось курульными эдилами (так было, например, в 191 г.). Мы же полагаем, что практика эта была нерегулярной, но не отмирала.

В источниках мы находим несколько упоминаний о бесплатных раздачах зерна до Гракхов. По нашему мнению, эти раздачи являлись не правилом, но исключением. Учитывая примерное число получателей в Риме эпохи Республики, а также потребность среднестатистической семьи, можно оценить степень нагрузки на казну в случае бесплатных раздач¹⁶. Несомненно, эдилы не раздавали, а продавали зерно. Если зерно было действительно в избытке в государстве, продажей этих излишков

¹³ Liv. XXXI. 50. 1: *annona quoque eo anno pervilis fuit; frumenti vim magnam ex Africa advectam aediles curules M. Claudius Marcellus et Sex. Aelius Paetus binis aeris in modios populo diviserunt*; Liv. XXXI. 19. 1. Тем временем послы, что находились в Африке, получили, наконец, ответ относительно Гамилькара, который по-прежнему стоял во главе войска галлов. «То небольшое, что мы могли сделать, – доложили карфагеняне, – мы сделали, объявив Гамилькара изгнанником и отобрав в казну его имущество. Перебежчики же и дезертиры – все, которых удалось разыскать, – переданы римлянам, а для завершения этого дела в Рим в скором времени отбудет посольство – оно и даст сенату необходимые объяснения». Карфагеняне добавляли, что они к тому же отправили двести тысяч модиев пшеницы в Рим и столько же – в Македонию для стоящего там войска. Затем римские послы явились к царю Нумидии. Передав ему дары и выполнив все, им порученное, они приняли от Масиниссы тысячу нумидийских конников из тех двух тысяч, что он им предлагал. Масинисса сам наблюдал, как конница грузилась на корабли, и отправил с нею в Македонию сверх двухсот тысяч модиев пшеницы еще двести тысяч модиев ячменя. Выполнили послы и третье свое дело. Вермина выехал им навстречу к границе своих владений и согласился, чтобы римляне сами составили мирный договор, ибо он готов принять все их условия, а любой мир с Римом будет для него благ и справедлив. Послы вручили Вермине условия мира и велели ему отправить для их утверждения посольство в Рим. (Пер. Г.С. Кнабе).

¹⁴ Liv. XXXIII. 42. 8. *eo anno aediles curules M. Fulvius Nobilior et C. Flaminius tritici deciens centena milia binis aeris populo discriperunt. id C. Flamini honoris causa ipsius patrisque advexerant Siculi Romam: Flaminius gratiam eius communicaverat cum college.*

¹⁵ Briscoe J. A Commentary on Livy, Books 31-33. Oxford, 1973. Liv. XXXI. 4. 6; Rickman G. The Corn Supply of Ancient Rome. Oxford, 1980. P. 150.

¹⁶ О получателях этого времени практически ничего не известно, но с 65 г. до н.э., например, *frumentationes* в размере 5 модиев в месяц полагались только взрослым мужчинам, из женщин исключение составляли только вдовы, иными словами, хлеб получали только главы семейств. Согласно подсчетам Рикмана и Бранта, Фоксхолла и Форбса, это количество зерна могло обеспечить 24% от предполагаемой общей семейной потребности (гипотетическая семья в данном случае включает еще ребенка мужского пола старше 11 лет). Но это количество слишком большим для одного человека. Ежегодно городу по приблизительным подсчетам требовалось 237 тыс. тонн пшеницы. Подробнее см.: Foxhall L.A., Forbes X.A. *Στοματεργεια: The Role of Grain as a Staple Food in Classical Antiquity* // Chiron. 1982. Vol. 12. P. 41-90.

государство получало доход в казну. К тому же те «дары», которые принимал Рим от иностранных правителей, и которые Ливий указывает в качестве источников дополнительного зерна, часто не были бесплатными. Например, в 191 г. до н.э. когда Карфаген и Массинисса предложили зерно бесплатно, сенат постановил, что примет его только в том случае, если заплатит за него.

Чаще всего, эдилы не участвовали в покупке зерна, которое раздавали. В то же время, например, сведения, касающиеся 298 и 196 г., выглядят так, будто эдилы располагали хлебом, который сами разыскивали для того, чтобы продать в Риме. Трудно представить, что эдилы не получали официальных инструкций для того, чтобы направиться на поиски зерна (в случае, если это требовалось), или просто осуществить продажу зерна по субсидированным ценам. Для разъяснения этого вопроса следует обратиться к механизму сбора десятины. Контракты о сборе десятины заключались между магистратами и откупщиками, а последние, в свою очередь, заключали прямые контракты с земледельцами о поставке теми продовольственной десятины, опираясь на их земельные декларации. Магистрат при заключении таких государственных контрактов должен был, прежде всего, руководствоваться соответствующими сенатусконсультами и хлебными законами и обязан был отчитываться перед государственным казначейством¹⁷. При этом товарищества откупщиков десятины имели право контролировать эти отчеты и в случае недостачи предъявлять магистрату от имени товарищества иск о взимании недостачи¹⁸. В связи с этим, нам представляется, что все меры, принимаемые эдилами, строго контролировались сенатом, учитывая вес сенаторских решений в республиканскую эпоху¹⁹. Все же, нельзя не согласиться с тезисом Л.Л. Кофанова о том, что эдилы и плебейские трибуны всегда стремились минимизировать цены на хлеб, поэтому государственные контракты по закупке хлеба находились под их особым контролем²⁰. Специальными законами о зерне цены снижались трибунами Семпронием Гракхом в 123 г. до н.э., Л. Апулеем Сатурнином в 100 г. до н.э., М. Ливием Друзом в 91 г. до н.э., Кассием Теренцием в 73 г. до н.э., а в 58 г. до н.э. плебейский трибун провел закон о бесплатной раздаче хлеба римскому плебсу²¹. По данным сведениям заметно, что деятельность плебейских трибунов в вопросе снижения цен на хлеб была гораздо более активной, нежели эдилов, однако, и относительно последних источники содержат некоторые упоминания²². Таким образом,

¹⁷ Cic. In Verr. III. 163: «Хлеб Веррес должен был покупать в Сицилии на основании сенатского постановления и хлебного закона Теренция и Кассия. Покупка производилась двумя способами: в первом случае покупались (вторые) десятины; другой же состоял в том, что все города должны были доставить на продажу, по равномерному распределению, известное количество хлеба. Сумма (вторых) десятин была та же, что и первых; «заказного» же хлеба ежегодно должно было быть доставляемо 800.000 модиев пшеницы; цена была назначена десятинному хлебу по 3 сест., за модий, заказному — по 3,5 сест. Таким образом, на заказной хлеб Верресу выдавалось на руки ежегодно 2.800.000 сест., для уплаты земледельцам, на вторые же десятины — около девяти миллионов; всего на покупку этого хлеба в Сицилии было ассигновано около двенадцати миллионов сестерциев в год, в течение трех лет» (пер. В.А. Алексеева, Ф.Ф. Зелинского).

¹⁸ Кофанов Л.Л. Государственные контракты в римском республиканском публичном праве // Древнее право. IVS ANTIQVVM. 2007. № 2 (18). С. 44-72.

¹⁹ Plut. Cor. XVIII. 16. «Тем временем в Рим прибыл хлеб, широкой рукою закупленный в Италии и не в меньшем количестве присланный в подарок из Сиракуз тираном Гелоном, и у большинства римлян появилась радостная надежда, что город освободится сразу и от нужды и от раздоров. Тут же собрался сенат, а народ, тесной толпою расположившись снаружи, ждал исхода заседания, почти не сомневаясь, что цены на рынке будут не слишком высоки, а полученные дары розданы безвозмездно» (Перевод В. Алексеева).

²⁰ Кофанов Л.Л. Государственные контракты в римском республиканском публичном праве... С. 61-62.

²¹ Liv. Per. 60; Cic. Ad Heren. I. 12. 21; Liv. Perioch. 71; Cic. In Verr. III. 70; 163; V. 52; Cic. Pro Sext. 55.

²² Plin. NH. XVIII. 4. 15. в 456 г. плебейский эдил Маний Марций добился снижения цены хлеба до асса за модий; Plin. NH. XVIII. 4. 15. Цены на хлеб контролировались плебейским трибуном Луцием Минуцием Авгурином в 440-439 гг. до н.э. — 1 асс; Plin. NH. XVIII. 4. 16. плебейским эдилом Титом Сеем в 356 г. до н.э.; Plin. NH. XVIII. 4. 17. триумфатор Луций Метел в 150 г. до н.э. довел цену пшеницы до одного асса за модий.



эдилы не имели самостоятельности в вопросах закупки зерна, также не решали они вопросов и о необходимости осуществления таковых, но при этом, вероятно, плебейские эдилы, исходя из своей древнейшей контролирующей функции, могли повлиять на его конечную цену.

В таком случае, рассчитывали ли они необходимый объем зерна для распределения в Риме, с тем, чтобы не вызвать обвала цен на рынке и не нанести ущерб продавцам? Ярким, по нашему мнению, является пример 202 г., когда доставка продовольствия из Сицилии и Сардинии настолько обесценила зерно, что купцам приходилось, расплачиваясь с моряками за перевозку, просто оставлять им свой товар²³. При этом, по данным того же Ливия, в 203 и 201 г. (см. выше) эдилы располагали достаточным количеством зерна. В тексте нет никаких упоминаний ни о том, что рыночная цена зерна была необычно большой до осуществления дополнительных поставок, ни о том, что Рим ожидал бы голод в случае, если они необходимый хлеб не прибудет. П. Гарнси считает: было бы несправедливо полагать, что эдилы были не заинтересованы продавать зерно с пользой для казны, или для них было привычным предлагать на рынке зерно ниже рыночной цены, что делало продукцию рядовых торговцев неконкурентоспособной²⁴. Можем отметить, такие случаи были нечастыми, поэтому упомянуты у Ливия лишь несколько раз: в 200 и 196 г. до н.э. (зерно продавалось по цене 2 асса за модий), в 203 и 201 г. до н.э. (4 асса) (Liv. XXXI. 50, 1; XXXIII, 42, 8 (2 асса); XXX, 26, 5.; XXXI, 4, 6 (4 асса).

Стоит отметить, что из этих весьма немногочисленных отдельных случаев, очевидно, что эдилы в вопросе распределения зерна зачастую проявляли некомпетентность. Ежегодно избиравшихся эдилов Фаулер называл неопытными управленцами, решавшими дела согласно собственной интуиции, а не устоявшимся правовым нормам²⁵. Однако, нельзя сказать, что корень проблем в данной сфере находился исключительно в деятельности эдилов. Существовавшая система продовольственного снабжения и распределения была уязвимой по ряду причин. Во-первых, из-за непродуманной системы хранения. В большинстве эпизодов облегчение голода в Риме зависело от случая: например, что большие запасы зерна будут расположены где-нибудь неподалеку от Рима, или, что у кого-либо из ключевых должностных лиц есть контакты в нужном месте, и что транспортировку можно будет осуществить в короткие сроки²⁶. При этой несостоятельности системы распределения эдилам время от времени приходилось еще и сталкиваться с трудностями из-за плохих урожаев, пренебрежения их предшественников текущими делами. Непосредственно перед первым трибунатом Гая Гракха саранча нанесла непоправимый ущерб зерновым культурам в Африке; Возможно, последнее могло стать одной из причин попытки введения новых норм регулирования поставок зерна.

Нам представляется, что говорить о систематических мерах по регулированию хлебного рынка можно лишь, начиная с 123 г. до н.э., когда по инициативе трибуна Гракха зерно стало распределяться по фиксированной цене, она составляла 6,5 ассов за модий (половина обычной цены). Lex Sempronia Frumentaria, введший эти задачи, определял и круг лиц, которым зерно полагалось.

Судя по количеству и характеру упоминаний эдилов в связи с выполнением этой функции в ранний период, очевидно, что до Гая Гракха она выполнялась нерегулярно, поэтому была неэффективной, в том числе из-за отсутствия схемы получения зерна в годы нехватки продовольствия. Кроме того, регулярные закупки хлеба в V-III вв. не являлись необходимостью для города, ресурсов которого было достаточно

²³ Liv. XXX. 38. 5: per eos dies commeatus ex Sicilia Sardiniaque tantam vilitatem annonae fecerunt ut pro vectura frumentum nautis mercator relinqueret.

²⁴ Garnsey P., Rathbone D. The Background to the Grain Law of Gaius Gracchus // The Journal of Roman Studies. 1985. Vol. 75. P. 20-25.

²⁵ Fowler W.W. Notes on Gaius Gracchus // The English Historical Review. 1905. Vol. 20. № 78. P. 209-227.

²⁶ Garnsey P., Rathbone D. The Background to the Grain Law of Gaius Gracchus... P. 20-25.



для обеспечения продуктами граждан. В случае возникновения проблем не эдилы, а высшие магистраты осуществляли дополнительные поставки, зерно из которых эдилами продавалось или распространялось бесплатно (в исключительных случаях). В определении необходимых объемов *frumentationes* и принятию мер по получению хлеба главенствующую роль играл сенат, но не плебейские трибуны или эдилы. При этом (это касается и более позднего времени, когда частота и объем *frumentationes* устоялись), распределение зерна в Риме эдилами не следует путать с обязанностью закупки зерна и доставки его из разных частей страны. Решение второго вопроса (закупки и доставки зерна) входило в компетенцию консулов, квесторов и преторов. Во времена поздней Республики, функции эдилов в сфере *cura annonae* сводились к тому, чтобы проследить, выполняются ли все требования сената по реализации зерна, когда оно доставлялось в Рим. После того, как эдилы раздавали предназначенное для удовлетворения общественных потребностей зерно, его остаток, который, как правило, составлял большую часть привезенного в Рим зерна, отпускался по рыночным ценам.

CURA ANNONAE: AEDILES' AUTHORITIES IN V-III CENT. B.C.

A.E. TELIN

*Yaroslavl State University
n.a. P.G. Demidov*

e-mail: ae_telin@mail.ru

The article considers the problem of aediles' authorities on a supply and distribution of corn, as well as the demarcation between the responsibilities of the aediles, with other magistrates and the Senate. The author proves that the aediles' function of *cura annonae* was performed not regularly in the early Roman Republic. He discusses a fragmentary data of sources, related to the period before the Gracchi. The author asks himself a question about the necessity, reasonability and frequency of additional grain supplies to the City, and notes that Rome didn't have a well-defined scheme for grain supply and its subsequent distribution in the time of food shortages.

Key words: Roman Republic, Roman Magistrates, Aedileship, *cura annonae*, grain distribution, the Senate.



УДК 94(37)

ЭТАПЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОГРАНИЧЕНИЯ НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫХ СОБРАНИЙ В РИМЕ*

Р.М. ФРОЛОВ*Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова**e-mail: FrolovRM@yandex.ru*

В статье предлагается периодизация развития несанкционированных собраний (в том числе, несанкционированных *contiones*) в Риме. Периодизация основывается на том, как менялось отношение законодательства к изучаемым собраниям. Делается вывод о постепенном ограничении несанкционированных собраний и их запрете к концу существования Республики. В эпоху Империи отмечается дальнейшее ужесточение этого запрета, развитие системы санкций за нарушение соответствующих норм, пресечение отдельных сохранявшихся возможностей обхода тех ограничений, которые складывались в законодательстве о недозволенных собраниях.

Ключевые слова: античный Рим, публично-правовая система, собрания, *contiones*, *coetus*.

Римские народные сходки (чаще всего обозначавшиеся термином *contio*) представляли собой политические собрания, где не проводилось голосования, и где перед собравшимися выступал с речью оратор (*Gell. N.A. XVIII. 7*)¹. *Contiones*, которые не созывались должностными лицами, можно назвать несанкционированными². Важной проблемой является определение степени их легитимности. Свидетельством легальности римских несанкционированных *contiones* являются законодательные и другие правовые акты, устанавливавшие определенные рамки их функционирования, а также функционирования схожих с ними других «немагистратских» собраний (т.е. таких, которые не проводились должностными лицами).

Существует также необходимость в периодизации развития несанкционированных *contiones*, чтобы в дальнейшем иметь возможность учитывать при рассмотрении конкретных случаев проведения этих собраний определенный исторический и публично-правовой контекст, специфику того или иного периода развития института. На наш взгляд, такую периодизацию можно было бы дать также, исходя из степени законодательного ограничения несанкционированных *contiones* и других немагистратских собраний. Попробуем реконструировать процесс такого ограничения, отмечая его основные этапы (всего их можно выделить шесть) по наиболее важным известным нам правовым установлениям, относящимся к рассматриваемой проблеме.

Первый этап: до Законов XII таблиц (451-450 гг. до н.э.). На первом этапе несанкционированные сходки, согласно имеющейся у нас информации, не были ограничены законом, а их организаторы не преследовались. Из сведений традиции о пле-

* Исследование проводится при поддержке Министерства образования и науки РФ: Госконтракт № 16.740.11.0104, Аналитическая ведомственная программа развития научного потенциала высшей школы, а также РФФИ: грант № 10-06-00140-а.

¹ См., напр.: Фролов Р.М. Античные дефиниции *contiones* как основа выработки их научного определения // Реальность. Ретроспекция. Реконструкция: Проблемы всемирной истории. Сб. науч. трудов / В.В. Дементьева, М.Е. Ерин (отв. ред.). Ярославль, 2011 (в печати).

² См. о них: Дементьева В.В., Фролов Р.М. Несанкционированные гражданские *contiones* как общественно-политический институт Римской Республики // ВДИ. 2009. № 4. С. 63-88. О специфике воинских конций см.: Махлаюк А.В. Воинская сходка в жизни римской армии и политическом механизме римской империи // Власть, человек и общество в античном мире. Докл. конф. 1996 и 1997 гг. / Е.С. Голубцова (отв. ред.). М., 1997. С. 131-141; он же. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. С. 208-227. В целом о видах и функциях *contiones* см.: Фролов Р.М. Виды и основные функции римских народных сходок (*contiones*) в эпоху Республики // Проблемы истории, филологии культуры. 2011. № 2 (в печати).



бейской сессии следует, что впервые именно на несанкционированной сходке плебса (и только затем – на *concilium plebis*) были избраны плебейские трибуны (см., в частности: *Liv.* II. 32. 8 – 33. 3), которым право собирать сходки, причем с гарантией невмешательства магистратов, было теперь предоставлено священными законами (*Dionys. Ant. Rom.* VII. 17. 4-5). Однако с учреждением плебейского трибуната несанкционированные сходки плебса продолжали проводиться (напр.: *Liv.* II. 45. 6-9; 11-15).

Второй этап: от принятия Законов XII таблиц (451-450 гг. до н.э.) до закона Габиния (139 г. до н.э.). Порций Латрон (2 пол. I в. до н.э.) в *Declamatio contra L. Sergium Catilinam* (19 С.Н. Frotscher = XII tab. VIII. 26) сообщает о такой норме Законов XII таблиц: *NE QVIS IN VRBE COETVS³ NOCTVRNOS AGITARET* («ПУСТЬ НИКТО НЕ ПРОВОДИТ В ГОРОДЕ НОЧНЫХ СХОДОК»)⁴. Речь идет о несанкционированных магистратами собраниях, поскольку невозможно, чтобы запрещались магистратские конции. Таким образом, на этом этапе запрещаются, во-первых, ночные сходки, во-вторых, только те из них, которые проводятся в городе. В изданиях Законов XII таблиц К.Г. Брунса⁵, С. Риккобоно⁶, П. Жирара⁷, эта норма приводится так, как она передана Латроном. В издании М. Кроуфорда (VIII. 14-15), однако, дается только фраза *COETUM NE FACITO* («ПУСТЬ НЕ ПРОВОДЯТ СХОДКУ»)⁸. Т.е. снимаются оба условия, в результате чего оказывается, что запрещаются любые (несанкционированные) собрания. Не вдаваясь в споры о том, насколько нужно следовать здесь информации Латрона, отметим только, что интерпретация М. Кроуфорда прямо противоречит сведениям традиции о проведении несанкционированных конций в ближайшее после принятия Законов XII таблиц время и без каких-либо указаний на их незаконность (напр.: *Liv.* XXV. 38. 1-23). Таким образом, рассматриваемый свод запрещал ночные собрания, т.е. как раз те, которые до того весьма эффективно использовались плебсом (*Liv.* II. 28. 1-4).

Здесь же нужно отметить принятый значительно позднее Законов XII таблиц, в 186 г. до н.э., «сенатусконсулт о вакханалиях» (*ILS 18*), который ограничил исполнение вакхических тайнств, в том числе, собрания вакхантов, проводившиеся как раз в ночное время⁹. Эти собрания были чисто религиозными и не являлись *contiones*. Но их ограничение, во-первых, связывается античной традицией с необходимостью избежать политической угрозы со стороны неконтролируемых собраний (*Liv.* XXXIX. 15-16), а во-вторых, за указанным сенатусконсультом последовал закон Габиния относительно уже политических немагистратских собраний.

Третий этап: от закона Габиния (139 г. до н.э.)¹⁰ до постановления Гая Юлия Цезаря о сходках (ок. 44 г. до н.э.). О законе Габиния сообщает тот же Латрон (19 С.Н. Frotscher), согласно которому, в этом законе содержалась следующая норма: *QVI CONCIONES VLLAS CLANDESTINAS IN VRBE CONFLAVISSET, MORE MAIORVM CAPITALI SVPLI- SIO MVLTARETVR* («КТО КАКИЕ-ЛИБО ТАЙНЫЕ СХОДКИ СОБИРАЛ В ГОРОДЕ, ПО ОБЫЧАЮ

³ О проблеме соотношения терминов *coetus* и *contio* и возможности рассматривать *coetus* как, в некоторых случаях, аналог *contio*, см.: Фролов Р.М. Употребление термина «*coetus*» в Кодексе и Дигестах Юстиниана // *Время. События. Этнос: Проблемы всемирной истории: Сб. науч. тр.* Ярославль, 2009. С. 51-55.

⁴ См. напр.: Nippel W. Policing Rome // *The Journal of Roman Studies*. 1984. № 74. P. 24; Волчков А.С. Римское законодательство относительно религиозных и профессиональных союзов // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 7 / Э.Д. Фролов (ред.).* СПб., 2008. С. 322.

⁵ Bruns C.G. *Fontes iuris Romani antiqui*. I. Tübingen, 1909. P. 15-40.

⁶ Riccobono S. *Fontes iuris Romani antejustiniani*. I. Firenze, 1941. P. 21-75.

⁷ Girard P.F., Senn F. *Les lois des Romains*. Napoli, 1977. P. 22-73.

⁸ Crawford M.H. *Roman Statutes*. Vol. II. L., 1996. P. 694-695. См. тж. Mueller H.-F. *Nocturni coetus in 494 BC* // *Augusto augurio. Rerum Humanarum et Divinarum Commentationes in Honorem Jerzy Linderski*. Ed. C.F. Konrad. Stuttgart, 2004. P. 82.

⁹ См., напр.: Nippel W. Policing Rome... P. 24-25; Idem. *Public order in ancient Rome*. Cambridge, 2003. P. 27-29; O'Neill P. *Going Round in Circles: Popular Speech in Ancient Rome* // *Classical Antiquity*. 2003. № 1. P. 147-148; Mueller H.-F. *Op. cit.* P. 84-85. Ливий описывает, как преследовались *coetus nocturni* вакхантов (XXXIX. 14 ff.). О том, что эти преследования не выходили за рамки норм Законов XII таблиц, см., напр.: Волчков А.С. *Указ. соч.* С. 325.

¹⁰ Вильфрид Нипель, например, связывает этот закон с законом Габиния 139 г. до н.э., однако, сомневается в точности информации о данном законе (Nippel W. *Public order*... P. 27).



ПРЕДКОВ НАКАЗЫВАЛСЯ СМЕРТНОЙ КАЗНЮ»). Здесь мы видим ограничение, схожее с устанавливаемым Законами XII таблиц: запрещена городская сходка. Но вместо ночных сходок теперь объявлены вне закона «тайные». Таким образом, и некоторые дневные собрания могли теперь запрещаться (если квалифицировать их как «тайные»). В то время как любая ночная сходка уже по определению (с точки зрения магистрата) могла рассматриваться как «тайная». Ужесточение наблюдается и в том, что теперь мы имеем информацию о санкции закона – смертная казнь для организатора незаконного собрания (впрочем, нельзя уверенно утверждать, что в Законах XII таблиц не было подобной санкции). Если бы уже Законы XII таблиц запрещали все несанкционированные сходки, то не ясно, зачем понадобилось бы повторение этого закона спустя такой значительный промежуток времени. Если даже предположить, что закон Габиния просто повторял Законы XII таблиц в рассматриваемом аспекте (ведь Габиний ссылается на уже существовавший у предков обычай), то становится неясным, почему он оказывается (при такой интерпретации) менее строгим. Исходя из всего сказанного, логичнее заключить, что закон Габиния стал следующим этапом ограничения немагистратских собраний, а не повторял старую норму, тем более, не смягчал ее. То, что ни по Законам XII Таблиц, ни по закону Габиния, не были запрещены все сходки, подтверждается и тем, что здесь же Латрон, обращаясь к Катилине, обвиняет его в организации именно ночных сходок (*De te itaque, Catilina, sciscitor, tunc coetus istos commilitonum tuorum contra praecepta XII tabularum, contra leges nostras, contra Senatus ac plebis auctoritatem, noctu cogendos esse putavisti? Deinde quaero, si quando in lucem sepulchrales istae conciunculae¹¹ tuae prodissent...* «Поэтому, Катилина, в отношении тебя я стараюсь узнать, предполагал ли ты тогда, что будут ночью собираться эти сходки соратников твоих против предписаний XII таблиц, против законов наших, против авторитета сената и плебса? Наконец, пытаюсь узнать, проводились ли когда-либо до того эти твои могильные собрания днем...»). Кстати, как видно, для Латрона понятие «тайный» как минимум равнозначно термину «ночной», а возможно и шире по содержанию.

Собрания коллегий, поскольку на них не председательствовали магистраты, можно сравнить с несанкционированными *contiones*. Поэтому важно проследить отношение закона и к собраниям коллегий¹². В 64 г. до н.э. был принят сенатусконсулт, ограничивавший коллегии (*Cic. Red. Sen. 33; Red. Pop. 13; Sest. 34; 55; Pis. 8; Dio Cass. XXXVIII. 13. 2*), запрещавший те из них, которые были учреждены *adversus rem publicam* (*Asc. 6 f.*). Асконий (75), когда говорит об этом эпизоде, отмечает следующее: *Frequenter tum etiam coetus factiosorum hominum sine publica auctoritate malo publico fiebant: propter quod postea collegia et S.C. et pluribus legibus sunt sublata* («Часто еще в то время сходки мятежных людей без общественного решения собирались во вред государству. Из-за чего коллегии отменялись впоследствии и постановлением сената, и многочисленными законами»). Таким образом, функционирование коллегий мыслилось невозможным без проведения собраний, несанкционированных магистратами (*coetus*). Поэтому запрет многих коллегий означал и запрет соответствующих сходок. С другой стороны, запрещалась только часть коллегий и только *coetus factiosorum hominum sine publica auctoritate*, что означает сохранение законности некоторых коллегий, а, следовательно, и их собраний¹³. Другое дело, что далеко не все они являлись политическими, не случайно поэтому используется все-таки общий термин *coetus*, а не более конкретный – *contiones*. Тем не менее, политический потенциал коллегий не ставится под сомнение¹⁴, следовательно, процесс законодательного огра-

¹¹ Хотя используется уменьшительная форма слова *contio* (сходки Катилины не достойны наименования *contio*), но, тем не менее, очевидно, что Латрон употребляет *contio(uncula)* и *coetus* в принципе как синонимы.

¹² Об этой проблеме в целом см., напр.: Волчков А.С. Указ. соч. С. 321-344.

¹³ См., однако, ниже о способах контроля проведения собраний и легитимных коллегий.

¹⁴ Tatum W.J. *The Patrician Tribune: Publius Clodius Pulcher*. L., 1999. P. 117.

ничения коллегий и их собраний необходимо связывать и с процессом ограничения немагистратских *contiones*: к последним, не исключено, можно отнести и некоторые из собраний коллегий. Шесть лет спустя, в 58 г. до н.э., Клодий провел закон о восстановлении ранее запрещенных коллегий (*Asc.* 7 f.; см. тж.: *Cic. Red. Sen.* 33; *Dom.* 129; *Sest.* 34; 55; *Pis.* 9; *Att.* III. 15. 4; *Dio Cass.* XXXVIII. 13. 2)¹⁵. Однако, эта мера оказалась лишь временным «ослаблением»: окончательно уже Август распустил все коллегии, кроме «древних» и «легитимных» (*collegia praeter antiqua et legitima dissoluit*; *Suet.* Aug. 32. 1; см. тж.: *Asc.* 75; *Dig.* XLVII. 22. 1). Все это вполне коррелирует с процессом ограничения несанкционированных политических сходов как таковых.

Четвертый этап: от постановления Гая Юлия Цезаря о сходах (ок. 44 г. до н.э.) до закона Юлия о преступлении против величия (конец I в. до н.э.). Иосиф Флавий (*Ant. Jud.* XIV. 213-216) сообщает: καὶ γὰρ Γάιος Καῖσαρ ὁ ἡμέτερος στρατηγὸς [καὶ] ὕλατος ἐν τῷ διατάγματι κωλύων θιάσους συνάγεσθαι κατὰ πόλιν μόνους τούτους οὐκ ἐκώλυσεν οὔτε χρήματα συνεισφέρειν οὔτε σύνδειπνα ποιεῖν. ὁμοίως δὲ καὶ γὰρ τοὺς ἄλλους θιάσους κωλύων τούτοις μόνοις ἐπιτρέλω κατὰ τὰ πάτρια ἔθη καὶ νόμιμα συνάγεσθαι τε καὶ ἐσιτῆσθαι («Наш претор и консул Гай Цезарь в своем постановлении относительно запрещения всяких сходов в городе (Риме) изъясил именно иудеев из общего правила и разрешил им собирать деньги и собираться на совещания. Равным образом и я, запретив все прочие сходы, разрешаю одним только иудеям собираться сообразно их установлениям и отправлять требования их закона»; пер. Г. Генкеля, Я. Чертка). Теперь запрещались все сходы, без уточнения «ночные» или «тайные», в городе Риме и, вероятно, в провинциях¹⁶. Это распоряжение Гая Цезаря подводит итог развитию несанкционированных собраний в республиканский период: от положения, когда они не были ограничены законом, до ситуации, когда запрещались все несанкционированные магистратами сходы в городе Риме.

Свидетельство запрета несанкционированных собраний обнаруживаем и в муниципальном законодательстве практически этого же времени. Так, 106 рубрика *lex coloniae Genetivae Iuliae sive Ursonensis* (ок. 44 г. до н.э.; CIL II 5439) гласит: QVICVMQVE C(OLONVS) C(OLONIAE) G(ENETIVAE) ERIT QVAE IVSSV C(AI) CAESARIS DICT(ATORIS) DED(VCTA) / EST NE QVE(M) IN EA COL(ONIA) COETVM CONVENTVM CONIV//[rationem... («Кто бы ни стал жителем колонии Генетивы, которая выведена по приказу диктатора Гая Цезаря, никакую в этой колонии сходку, собрание, заговор...»). Очевидно, имеется в виду запрет проводить сходы, собрания, организовывать заговоры.

Пятый этап: от закона Юлия о преступлении против величия (конец I в. до н.э.) до начала III в. (комментарий Ульпиана о недозволенных сходах, не позднее 228 г. н.э.). В комментариях к *Lex Iulia de maiestate*¹⁷ Ульпиан (*Dig.* XLVIII. 4. 1) пишет, что ответственность по закону о преступлении против величия несет, в том числе, тот, усилиями и по злому умыслу которого будет принято решение о том, чтобы *coetus conventusve fiat hominesve ad seditionem convocentur* («произошла сходка или собрание или люди призывались к восстанию»; пер. под ред. Л.Л. Кофанова). Марциан (*Dig.* XLVIII. 4. 3) добавляет, что на основании этого же закона (Юлия) ответственность несет *quive privatus pro potestate magistrature quid sciens dolo malo gesserit* («и тот, кто, будучи частным человеком, вместо начальника или магистрата созна-

¹⁵ См. об этом, напр.: Schulz-Falkenthal H. Zur politischen Aktivität der römischen Handwerkerkollegien // *Wiss. Z. Univ. Halle.* 1972. № 21. S. 79-99; Nippel W. Public order... P. 71 ff.; Tatum W.J. *Op. cit.* P. 117-119.

¹⁶ Исключение для иудеев также существовало, видимо, недолго, см.: *Suet. Tib.* 36; *Tac. Ann.* II. 85; *Dio Cass.* LX. 6. 6 (μη συναθροίσεσθαι).

¹⁷ По поводу этого закона см., в частности: Вержбицкий К.В. Развитие системы принципата при императоре Тиберии (14–37 г. н.э.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.centant.pu.ru/aristeas/monogr/verzhbit/verzhbo13.htm>; Nippel W. Public order... P. 54 ff.; Щеголев А.В. Закон об оскорблении величия в политической истории Рима: I в. до н. э. – I в. н. э.: Автореф. дисс... к.и.н. М., 2000.



тельно со злым умыслом что-либо совершит...»; пер. под ред. Л.Л. Кофанова; ср.: Dig. L. 17. 176). Из сказанного очевидно стремление исключить возможность не только городских (и в отдельных провинциях), но и вообще каких-либо несанкционированных магистратами сходок. Проведение последних недвусмысленно связывается с угрозой мятежа (приравнивается к нему). Под это подводится и более общий принцип: частное лицо ни при каких обстоятельствах не может выполнять функции лица должностного, в том числе и собирать сходку. Нарушение относится к закону об оскорблении величия. Описываемая норма вполне отвечает стремлению Августа обеспечить стабильность государства, пресечь царивший в эпоху гражданских войн хаос в управлении. Таким образом, теперь запрещаются любые несанкционированные сходки, причем на основании не постановления, а именно закона и с опорой на общий принцип, объявляющий незаконными любые действия *privatus* по замещению лиц, облеченных *potestas*, или магистратов.

К этому же этапу законодательного ограничения изучаемых собраний можно отнести закон Юлия о публичном и частном насилии. По нему «привлекается к ответственности тот, кто «устроил сходку и сборище, дабы кто-нибудь не был приведен в суд» (*cum coetum aliquis et concursum fecisse*; Dig. XLVIII. 7. 4), «а также тот, кто, собрав людей, учинит насилие...» (*Haec lege tenetur et qui convocatis hominibus vim fecerit...*; Dig. XLVII. 6. 10). Здесь уже подчеркивается «уголовная», а не «политическая составляющая» опасности, исходившей от немагистратских собраний.

В эпоху ранней Империи сохранялся законодательный контроль над коллегиями и связанными с ними собраниями. В 59 г. н.э. был принят сенатусконсульт о запрете коллегий и сходок (во время гладиаторских боев) жителей Помпей (*eius modi coetu Pompeiani collegiaeque*; Tac. Ann. XIV. 17)¹⁸. К 111-113 гг. относится распоряжение императора Траяна об *ἔρανος* амиссцев (*Plin. Epist. X. 92-93*), согласно которому жители города Амис получали возможность беспрепятственно использовать кассу взаимопомощи, но при условии, что «они станут употреблять подобные сборы не на смуты и недозволенные сходки, а на поддержку бедняков» (*si tali collatione non ad turbas et ad illicitos coetus, sed ad sustinendam tenuiorum inopiam utuntur*). Однако для Никомедии, например, Траян не разрешил учредить колледию пожарных именно из-за опасений ее превращения в гетерию, т.е. из политических соображений (*Plin. Epist. X. 33-34*). Наконец, можно упомянуть сенатусконсульт о погребальных коллегиях (не позднее 136 г. н.э.) который гласит: *Quib[us coire co]nvenire collegium(ue) habere liceat. Qui stipem menstruam conferre volen[t in fune]ra, in it collegium coeant, neq(ue) sub specie eius collegi nisi semel in mense c[oeant co]nferendi causa, unde defuncti sepeliantur¹⁹* («Которым пусть будет позволено сходиться, собираться и организовывать колледию. Те, кто желают вносить ежемесячный денежный взнос на похороны, пусть объединяются в эту колледию, но под видом этого члены коллегии пусть собираются не чаще, чем раз в месяц для внесения средств, за счет которых хоронят умерших»). Итак, очевидно, что и собрания разрешенных коллегий (как *collegia funeraria* в данном случае) осуществляются не чаще, чем минимально необходимо для их функционирования (ср. Dig. XLVII. 22. 1 ff.²⁰) и только в целях обеспечения своей основной задачи (в данном случае – сбора средств, за счет которых потом осуществляются похороны умерших членов коллегии).

Свидетельство ограничения собраний находим в муниципальном законодательстве этого периода. В *lex municipalis Irnitana* (I в. н.э.), в рубрике *DE COETV SODALICIO COLLEGIO* (CIL II 1201. 74) отмечается: *NE QVIS IN E[O] MVNICIPIO COETVM FACITO, NEVE SODALICI[VM] CONLE/GIVMVE EIVS REI CAUSA{M} HABETO, NEVE HABEATVR CONVIVATO,*

¹⁸ См. об этом: Nippel W. Public order... P. 89-90.

¹⁹ Bruns C.G. Op. cit. P. 194, n. 49; 389, n. 175.

²⁰ В данном случае еще и специально отмечается, что нормы относительно недозволенных коллегий имеют силу не только в городе (Риме), но и в Италии, и в провинциях.

NEVE FACITO QVO QVID EARVM RERVVM FIAT («Пусть никто в этом муниципии сходку не собирает и товарищество или коллегиию для этой цели не организывает и не стоваривается, чтобы была проведена [сходка], и не совершает того, от чего произошло бы что-нибудь из перечисленного»)²¹. Таким образом, запрещается организовывать какие-либо сходки, самовольно создавать коллегии²², эти действия приравниваются к подготовке заговоров. Сходные нормы можно обнаружить, например, в эдикте египетского префекта Авла Авилия Флакка (32-34 гг.), где он запрещает собираться неорганизованным толпам, устраивать собрания (*συνόδοις*) и сообщества под предлогом совершения жертвоприношений (*Philo. Flacc. 4*).

Шестой этап: с начала III в. до конституции императора Льва I (466 г.). Здесь нужно, прежде всего, отметить комментарий Ульпиана о недозволенных сходках (*Dig. XLVII. 11. 2*; не позднее 228 г. н.э.), где знаменитый юрист говорит: *Sub praetextu religionis vel sub specie solvendi voti coetus illicitos nec a veteranis temptari oportet* («Недозволенные собрания под предлогом религиозного обряда или под видом исполнения обета недопустимы, даже если их пытаются созывать ветераны»; пер. под ред. Л.Л. Кофанова; ср. *Dig. XLVII. 22. 1*). Этот комментарий мы отмечаем уже не просто как свидетельство запрета недозволенных собраний. Прежде всего, запрет теперь распространяется даже на ветеранов, следовательно, мог не распространяться на них до того. Это предположение выглядит логичным, поскольку именно ветераны служили опорой принципата, потому могли, не исключено, самостоятельно организовывать сходки тогда, когда остальные граждане давно были лишены этого права. Также это уточнение относительно ветеранов явным образом расширяет применение описываемого запрета на территорию за пределами города Рима и вообще какого-либо города или конкретной провинции.

Здесь есть еще один важный момент. Вспомним свидетельство Иосифа Флавия о том, что иудеям разрешалось Гаем Цезарем организовывать собрания, в том числе, для обеспечения отправления своего культа. Теперь эта возможность исчезла. Следовательно, на этом, последнем, этапе законодательного ограничения несанкционированных собраний были перекрыты две последние из возможных «лазеек»: организация сходок ветеранами и собрания, созываемые под предлогом необходимости совершения религиозных действий (видимо, повсеместно, а не только в Египте, согласно отмеченному выше эдикту префекта Флакка). По поводу последнего можно отметить еще запрет христианам организовывать собрания (*Eusebius. Hist. eccl. VII. 11*) распоряжением Эмилиана (253 г.). Причем этот запрет описывается как типичный. Хотя, он, согласно повествованию Евсевия Кесарийского, оказывается, при этом, постоянно нарушаемым²³.

Проясняют картину этого этапа ряд других актов, в частности, комментарии Ульпиана (не позднее 228 г. н.э.) о причинении ущерба посредством организации сборищ и смуты (*Dig. XLVII. 8. 2*; 4; *XLVIII. 6. 5*) и об оскорблениях на сходке (*Dig. XLVII. 10. 7*; 10. 15). Здесь, скорее всего, не идет речь о политической сходке, но для нас важно, что факт сбора людей, созыва толпы (*coetus, turba*) при совершении преступления рассматривается как отягчающее обстоятельство.

Наиболее поздними по времени положениями, которые можно рассматривать в связи с несанкционированными публичными выступлениями, собраниями, являлись конституция императоров Грациана, Валентиниана и Феодосия (384 г.) и конституция императора Льва I (466 г.). Первая из них гласит: *Si quis contra evidentissi-*

²¹ См. тж.: Liu J. *Pompeii and collegia: a New Appraisal of the Evidence* // *Ancient History Bulletin*. 2008. № 22.1-4. P. 54-55.

²² Сходки и коллегии вновь неразрывно связаны; сказано о запрете создавать коллегии именно с целью проводить сходки.

²³ Относительно проблемы коллегий, недозволенных сходок и собраний в связи с гонениями на христиан см., напр.: Болотов В.В. *Лекции по истории древней церкви*. В 4 т. Т. 2. СПб., 1910. С. 24-29.



mum iussionem suspicere plebem et adversus publicam disciplinam defendere fortasse temptaverit, multam gravissimam sustinebunt (Cod. Ius. IX. 30. 1 = Cod. Th. IX. 33. 1; «Если кто-либо против очевиднейшего повеления дерзнет собирать народ и возражать, например, против общественного порядка, пусть понесут тяжелейшее наказание»; пер. А.В. Марeya). Обращает внимание вновь подчеркивание скорее политической опасности таких собраний (adversus publicam disciplinam), а не их «уголовный характер». Отмечаются «очевиднейшее» повеление и «тяжелейшее» наказание, что, возможно, говорит как раз о частом нарушении этого закона. Для борьбы с этим явлением и повеление делается «максимально очевидным», и наказание – «максимально тяжелым». Вторая конституция относится к самому концу античной эпохи и имеет такую формулировку: In nullis locis aut civitatibus tumultuosis clamoribus cuiusquam interpellatio contumeliosa procedat nec ad solam cuiusquam invidiam petulantia verba iactentur: scituris his, qui huiusmodi voces emisierint moverintque tumultus, se quidem fructum ex his quae postulant nullatenus habituros, subdendos autem poenis his, quas de seditionum et tumultus auctoribus vetustissima decreta sanxerunt (Cod. Ius. IX. 30. 2; «Пусть ни в одном городе, ни в одном краю не раздастся бранный шум чьих-либо крикливых голосов, и не произносятся бесстыдные слова лишь ради чьей-то злобы; и те, кто подобным образом подают голос и поднимают возмущение, должны знать, что не получат ничего из того, что требуют, но даже будут подвергнуты карам, установленным древнейшими декретами в отношении возбудителей бунтов и возмущений»; пер. А.В. Марeya). Здесь как таковое собрание не упомянуто, но отмечены публичные требования, а также «древнейшие декреты», которые, как мы видели, издавались и в отношении тех, кто незаконно организовывал собрания.

В общем и целом, на наш взгляд, отмеченные акты дают возможность увидеть, как менялось с течением времени отношение закона к немагистратским собраниям в целом и к политическим сходкам в частности. На основании вышеизложенного можно сделать следующие наблюдения: 1. В Риме имел место процесс изменения с течением времени объема возможностей частных лиц по проведению политических и других собраний. 2. Этот процесс в целом шел в направлении ограничения указанных возможностей. 3. Только к концу Республики несанкционированные собрания были в целом запрещены. 4. В дальнейшем лишь уточнялись санкции за нарушения запрета, были учтены отдельные возможности, до того иногда позволявшие обходить этот запрет. 5. Прослеживается тесная связь между отношением закона к несанкционированным *contiones* и отношением закона к коллегиям, собраниям членов коллегий, религиозным собраниям и в целом к любым собраниям, на которых не председательствовал магистрат. 6. В эпоху Империи в законодательстве утверждается положение о том, что частные лица ни при каких обстоятельствах не должны выполнять функции должностных лиц, в том числе, созывать собрания. Соблюдение этого принципа мыслится одним из основных условий сохранения общественного порядка. 7. В эпоху Империи созыв сходки, организация толпы, уголовное правонарушение в присутствии толпы, сходки рассматривается как особо тяжкое преступление. 8. В законах этого времени можно обнаружить намеки и на потенциал именно политической опасности несанкционированных сходок.

Конечно, нам сложно судить о том, как в действительности выполнялись перечисленные акты, однако, опираясь на предложенную периодизацию, можно рассматривать конкретные случаи проведения изучаемых собраний в определенном публично-правовом контексте. Так, в частности, теперь очевидно, что оценка законности того или иного несанкционированного собрания в античном Риме будет зависеть от того, к какому периоду времени относится его проведение.



STAGES OF THE UNAUTHORIZED PUBLIC MEETINGS' LEGAL RESTRICTION IN ROME

R.M. FROLOV

*Yaroslavl State University
n.a. P.G. Demidov*

e-mail:FrolovRM@yandex.ru

The article provides a periodization of Roman unsanctioned public meetings (including unsanctioned *contiones*) development. The periodization is based on change of legislation attitude towards the meetings in question. It is concluded that there was a gradual restriction of unauthorized public meetings and their prohibition towards the end of the Republic. Under the Empire further toughening of this prohibition is observed, as well as development of penalty system and suppression of certain remained possibilities of circumventing the laws on the inadmissible meetings.

Key words: ancient Rome, political system, public meetings, *contiones*, *coetus*.



РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ СИСТЕМЫ СУХОПУТНЫХ ДОРОГ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ РАЗВИТИИ РАННЕГО БОСПОРА*

С.Н. ПРОКОПЕНКО

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: sprokopenko@bsu.edu.ru

В статье автор исследовал вопросы становления дорожной системы на Боспоре VI-V вв. до н.э. Изучил взаимосвязь развития дорог и поселенческой структуры Раннего Боспора. Выделил основные уровни организации сухопутных коммуникаций, игравших важную роль в рассматриваемый период истории региона.

Ключевые слова: дорога, маршрут, город, поселение, побережье, переправа.

Изучение системы хозяйствования невозможно без исследования отдельных элементов организации сельской территории Боспора, среди которых особое место по значимости занимает система коммуникаций, являющаяся к тому же и наименее изученным элементом.

Исследование сухопутных дорог античного Боспора стало возможным, в первую очередь, благодаря внедрению в античную археологию новых методик исследований, в особенности, дистанционного зондирования земли (ДЗЗ). До начала массового использования аэро и космоснимков выявление дорог было сопряжено с большим количеством трудностей, которые вытекали из сохранности дорог как археологических памятников, и несовершенства методики проведения археологических разведок. К тому же, перед отечественной наукой как минимум до середины XX в. не стояла задача исследования межевых систем и дорожной сети античного Боспора, а основные усилия были сосредоточены на изучении античной поселенческой структуры и погребальных памятников. Но даже в таких условиях в научной литературе сер. XX в. появились первые краткие заметки описательного характера об археологических объектах, интерпретируемых авторами как античные дороги¹. Дорожная сеть Боспора стала самостоятельным объектом исследования лишь в последние десятилетия XX в. Причина этому – не только вышеуказанное внедрение технической возможности их исследования, но и формирование новых задач перед античной археологией Северного Причерноморья.

Современное антиковедение при изучении дорожной системы Боспора столкнулось с рядом трудностей: во-первых, датировка сооружения и функционирования дорог там, где она возможна, всегда условна и не точна; во-вторых, в письменных источниках отсутствует информация, которую можно было бы использовать в совокупности с археологическими данными; в-третьих, проследить дорожную систему Боспора в развитии затруднительно. Поэтому современные исследования в основном сводятся к изучению дорог исключительно как археологических объектов, без должной исторической интерпретации. В некоторых работах наблюдается чрезмерное увлечение построением идеальной модели, зачастую оторванной от конкретной исторической ситуации. Особенностью современного состояния изучения проблемы яв-

*Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., мероприятие № 1.3.1 Проведение научных исследований молодыми учеными – кандидатами наук. Проект «Сельское хозяйство как доминанта экономической системы Раннего Боспора» (3 этап). Гос. контракт № П1059 от 21.08.2009.

¹ См. например: Блаватский В.Д. Отчет о раскопках в Фанагории // Труды Государственного исторического музея М., 1941. С. 27, 28, 61; Веселов В.В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949-1964 гг. М., 2005. С. 160. №514; С. 174. №636.



ляется и то, что в научной литературе рассмотрена дорожная система IV-III вв. до н.э., в то время как в отношении более ранних и более поздних периодов истории античного Боспора дороги остаются практически неизученными. В научной литературе отсутствует обобщающее исследование дорожных систем для Боспора в целом, в то время, как дороги европейского и азиатского Боспора рассмотрены по отдельности². Стоит отметить, что ныне уже ни одно научное исследование обобщающего характера, посвященное изучению сельской территории Боспора, не может обойтись без изучения маршрутов античных дорог и рассмотрения некоторых аспектов их обустройства³.

В античном мире сообщение между населенными пунктами осуществлялось посредством морских путей и сухопутных дорог. Общеизвестен факт, что древние греки свое предпочтение отдавали водным путешествиям⁴. По сообщению Страбона (Strab. V. 3,8), эллины обустройству сухопутных путей сообщения уделяли малое значение: «... если греки при основании городов особенно удачно достигали цели стремлением к красоте, неприступности, наличию гаваней и плодородной почвы, то римляне как раз заботились о том, на что греки не обращали внимания: о постройке дорог, водопроводов, клоак...». Являлся ли Ранний Боспор типичным примером того же, или же дорожная сеть здесь играла более значительную роль? Что собой представляли дороги на Боспоре в VI-V вв. до н.э.? Во всем древнегреческом обществе раннего периода развития цивилизации дороги являлись грунтовыми, т.е. не имели твердого покрытия. Они были предназначены для перемещения гужевого транспорта, повозок и пешего перехода⁵. Археологические данные свидетельствуют об этом же и в отношении Боспора. Но В.В. Веселову в ходе археологических разведок на Керченском полуострове удалось обнаружить участок *мощеной* (выделено мною, С.П.) дороги в районе с. Глазовка, Партизаны, Бондаренково, Войково⁶. Автору исследований не удалось ее датировать. В.К. Голенко в районе ближайшей округи Киммерика обнаружил и описал ряд древних дорог, обустройство которых потребовало от их создателей немалых усилий, так участок приморской дороги на южном склоне г. Опук восточнее источника сооружен путем террасирования склона (см. рис. 3); полотно дороги на северо-восточном склоне Опука прорублено на глубину 0,20-0,65 м в выходе скалы; на юго-западном склоне горы отрезок античной дороги сооружен путем выборки известняка. Владимир Константинович предложил слишком широкую датировку существования археологического объекта – «...не ранее и не позднее бытования античных и раннесредневековых памятников...»⁷, но, учитывая направленность этих дорог к ранним античным усадьбам, мы посчитали необходимым их рассмотреть. В качестве промежуточного вывода по поводу вышесказанного можно отметить, что появление мощеных дорог или дорог, для сооружения которых необходимо было

² Об античных дорогах европейского Боспора см., например: Смекалова Т.Н., Смекалов С.Л. Попытка реконструкции системы дорог и клеров городов европейского Боспора (по данным аэрофото съемки, картографии и наземных разведок). // Боспорские исследования. Вып. X. Симферополь-Керчь, 2005. С. 27-60; Смекалов С.Л. Древние антропогенные структуры Восточного Крыма (геоинформационный и историко-картографический аспекты) // Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Тула, 2005. 22 с. О дорогах азиатского Боспора в античный период см., например: Паромов Я.М. Главные дороги Таманского полуострова в античный период // Древности Боспора. Т.1. М., 1998. С. 216-225; Он же. Таманский полуостров в раннеантичное время (VI-V вв. до н.э.) // Древности Боспора. Т.10. М., 2006. С. 365-388, особенно Рис. 2-5.

³ См. например: Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998; Зинько В.Н. Хора боспорского города Нимфея // Боспорские исследования. Вып. IV. Симферополь-Керчь, 2003; Он же. Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. Вып. XV. Симферополь-Керчь, 2007; Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь: Азбука, 2004. 368 с.; Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2006.

⁴ Куле К. СМИ в Древней Греции: сочинения, речи, разыскания, путешествия. М., 2004. С. 149.

⁵ Блаватский В.Д. Природа и античное общество. М., 1976. С. 41.

⁶ Веселов В.В. Указ. соч. С. 160. №514.

⁷ Голенко В.К. Указ. соч. С. 252-253. Рис.112; С. 403.



реализовывать сложные инженерные решения, на Боспоре на самом раннем этапе развития античной цивилизации представить сложно. Их наличие не только противоречило бы вышеописанной традиции обустройства сухопутных дорог эллинами, но и не согласуется с возможностями полисов, на хоре которых они могли располагаться, да и цель строительства подобных сооружений в VI-V вв. до н.э. была бы не совсем понятна.

При обустройстве дорог древние греки учитывали природно-географические условия региона. Открытые пространства Боспора позволили эллинам более свободно проектировать маршруты сухопутных путей сообщения и с меньшими затратами сооружать их, нежели на юге Балканского полуострова.

Важно учитывать, что дороги являются вторичным элементом организации сельской территории по отношению к поселенческой структуре, поэтому можно констатировать, что системы сухопутных коммуникаций Раннего Боспора были развиты ровно настолько, насколько эллины в этом нуждались. С момента появления первых колонистов на побережье Боспора Киммерийского и основания первых поселений начинают осваиваться сельские округа городов. На первом этапе в 1-й пол. VI в. до н.э. происходит освоение ближайших к городу земель радиусом 5 км (1 час пешим ходом). Размеры хоры городов европейского Боспора в указанный период колебались в пределах 5-10 кв. км⁸. На азиатском Боспоре ситуация выглядела аналогичной. Это был период развития хоры без существования на ней постоянных поселений. Второй этап развития сельской округи полисов (сер. VI в. до н.э. – 1-я четв. V в. до н.э.) характеризуется расширением хоры городов европейского Боспора, которая разрастается в среднем до 20 кв. км⁹. Первые поселения на хоре городов в Восточном Крыму появились в посл. четв. VI в. до н.э. К началу V в. до н.э. их общее количество достигло 10¹⁰. Хора городов европейского Боспора расширяется преимущественно вдоль побережья. Процесс развития хоры в глубь полуострова сдерживался нестабильностью греко-варварских отношений¹¹, о чем свидетельствуют разрушения в Мирмекии и Порфмии в сер. VI в. до н.э.¹² Хора городов азиатского Боспора по средним размерам возможно превышала в рассматриваемое время округу городов европейского Боспора. Всего к кон. 3-й четв. VI в. до н.э. на Тамани насчитывалось 26 сельских поселений¹³, а к кон. 1-й четв. V в. до н.э. – 63 поселения¹⁴. Все они были основаны в стратегических местах и охватили практически все свободные территории Тамани (2/3 территории).

Третий период, рассматриваемый нами – 2-3 четв. V в. до н.э. Во 2-й четв. V в. до н.э. на азиатском Боспоре число сельских поселений достигает 80¹⁵. Начиная с 60-х

⁸ Зінько В.М. Сільська округа міст Европейського узбережжя Боспору Кіммерійського // Автореф. на дис. здоб. наук. ступ. д.і.н. Київ, 2006. С. 8; Он же. Постройки VI-V в. до н.э. полисной хоры Европейского Боспора // Боспорские чтения. Вып. VII. Керчь, 2007. С. 137.

⁹ Зінько В.М. Сільська округа міст... С. 8.

¹⁰ Зинько В.Н. Постройки VI-V в. до н.э. полисной хоры... С. 134-136; Он же. Хора полисов Боспора и кризисные ситуации VI-V вв. до н.э. // Боспорские исследования. Вып. XI. Симферополь-Керчь, 2006. С. 7-15; Завойкин А.А., Масленников А.А. Специфика освоения сельских территорий Восточного Крыма и Таманского полуострова в VI-V вв. до н.э. // Боспорские чтения. Вып. VII. Керчь, 2006. С. 121.

¹¹ Виноградов Ю.А. Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. Вып. XXII. Симферополь-Керчь, 2009. С. 71-72. Здесь же см. ссылки на работы по представленной проблеме.

¹² Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен. Ч.1. СПб., 2001. С. 44; Бутягин А.М. Некоторые проблемы греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI-V вв. до н.э. // Античный мир. Вып.1. Белгород, 1999. С. 70-71; Он же. Мирмекий в период архаики // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII-I вв. до н.э. СПб., 2006. С. 27.

¹³ Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник. 1993. №2. С. 71; Завойкин А.А., Масленников А.А. Специфика освоения сельских территорий... С. 121.

¹⁴ Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова... С. 73; Сапрыкин С.Ю. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 179.

¹⁵ Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова... С. 76.

гг. V в. до н.э., вступают в силу процессы некоторой стагнации в ходе дальнейшего развития хоры. Рост количества поселений или замедляется, или прекращается вовсе, причем эти процессы особо ярко проявляются на азиатском Боспоре. А.А. Завойкин и А.А. Масленников приводят следующие данные понижения численности сельских поселений в 3-й и 4-й четв. V в. до н.э.: до 55 и 43 соответственно, что, по их мнению, может свидетельствовать о кризисе развития хоры городов на азиатском Боспоре во 2-й пол. V в. до н.э.¹⁶ А.П. Абрамов и Я.М. Паромов не столь радикальны, и в отношении этого времени отмечают лишь стабилизацию численности сельских поселений на Тамани. Количество поселений, по их подсчетам, к концу периода достигло цифры 82, что лишь на 2 поселения больше, чем во 2-й четв. V в. до н.э.¹⁷ На противоположной стороне пролива ситуация, видимо, выглядела иначе. Во 2-й четв. V в. до н.э. сельских поселений насчитывалось не менее 15¹⁸. Далее количество поселений растет плавным, без особых скачков, и к приходу к власти Спартокидов достигает количества 30¹⁹.

Из всей изложенной выше информации можно сделать вывод о том, что в рассматриваемый нами период поселенческая структура Боспора динамично развивается, но еще далека от своих пиковых значений. Поселенческая структура азиатского Боспора в своем развитии опережает поселенческую структуру европейского Боспора, что, в свою очередь, косвенно указывает на большую развитость системы сухопутных дорог азиатской части Боспора. Основная масса поселений располагалась в непосредственной близости или к морскому побережью, или к протокам реки Кубань. По-видимому, главную роль среди сухопутных дорог Боспора играли дороги, которые проходили вдоль морского берега. Это, например, отмечено в отношении начальных периодов истории Китея. Е.А. Молев указал, что основная дорога, связывающая Китей с другими городами Боспора, шла вдоль берега к мысу Такиль и далее²⁰.

Из всех дорог, выявленных исследователями на Боспоре античного периода развития региона, лишь некоторые из них можно соотнести с изучаемым нами периодом. Но дороги, как известно – это наиболее устойчивый элемент территориальной организации²¹, поэтому логично предположить, что основные сухопутные маршруты дорог, выявленные исследователями в рамках единой коммуникационной сети IV-III вв. до н.э. между населенными пунктами, возникшими еще в VI-V вв. до н.э., соответствуют маршрутам между ними в более ранний период. На основе анализа опубликованных материалов по интересующей нас проблеме мы констатируем, что среди сухопутных путей VI-V вв. до н.э. выделяются дороги четырех уровней:

1. Магистральные дороги²². Например, «Варварская» дорога, обозначенная цепью курганов от г. Старый Крым, вдоль р. Чурук-Су, вдоль Парпачского гребня вплоть до Узунларского вала, после которого она раздваивается, одним концом подходя к м. Ак-Бурун, другим к Нимфею (см. рис. 1). Эта дорога, по-видимому, являлась основным путем миграции кочевников в зимнее время из Крыма в Прикубанье (Herod. IV. 28)²³, как минимум до III в. до н.э. Возможно, эта дорога

¹⁶ Завойкин А.А., Масленников А.А. Специфика освоения сельских территорий... С. 121.

¹⁷ Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова... С. 77.

¹⁸ Завойкин А.А., Масленников А.А. Специфика освоения сельских территорий... С. 121.

¹⁹ Зинько В.Н. Хора полисов Боспора и кризисные ситуации... С. 17-22.

²⁰ Молев Е.А. Боспорский город Китей. Симферополь-Керчь, 2010. С. 12; Он же. Система оборон Китея // Боспорские исследования. Вып. 2. Симферополь, 2002. С. 298.

²¹ Смекалова Т.Н., Смекалов С.Л. Попытка реконструкции системы дорог и клеров... С. 37.

²² Смекалов С.Л. Древние антропогенные структуры Восточного Крыма... С. 11.

²³ Большинство ученых отмечает реальность существование и третьей возможности переправы через Керченский пролив в районе современной паромной переправы в месте локализации Порфмия. О магистральных путях перекочевков скифов подробнее см: Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // Вестник древней истории. 1980. №4. С. 157-161; Федосеев Н.Ф. Еще раз о переправе через Боспор Киммерийский // Археология и история Боспора. Т. III. Керчь, 1999. С. 75, 82; Смекалова Т.Н., Смекалов С.Л. Попытка реконструкции системы дорог и клеров... С. 44, 42; Смекалова Т.Н. Курганы в ландшафте Северного Причерноморья. Постановка задачи // Древности Боспора. Т. 12. Ч. II. М., 2008. С. 458; Виноградов Ю.А. Миграции кочевников Евразии... С. 69-70.



упоминается во фрагменте эпиграфического документа кон. II – нач. III в. н.э., определяющего границы большого участка: «... до холма и *варварской* (выделено мною, С.Л.) дороги; от холма и варварской дороги до второго ее поворота и до оврага и моря, и от моря к западу до дороги в ложине, и от дороги в ложине до сарм...»²⁴.

2. Пути, связывающие античные центры и отдельные микрзоны на Боспоре. К этой группе можно отнести и дорогу, описанную А.В. Гавриловым, из Пантикапея в Феодосию вдоль берега Феодосийского залива²⁵, упомянутую нами дорогу из Китея вдоль морского побережья к м. Такиль²⁶, а также дороги на Тамани, описанные Я.М. Паромовым (см. рис. 4, 5)²⁷.

3. Дороги, обеспечивающие сообщение между городом и сельскими поселениями. Нимфейский полис уже на самом раннем этапе существования был соединен с крупными сельскими поселениями хоры (Героевка-1, Тобечик-8, Огоньки-1, Чурубашское) (см. рис. 2). Эти дороги расходятся радиально от города и хорошо маркируются как курганами, так и фрагментами амфорной тары, прослеженной на протяжении многих километров²⁸.

4. Сеть дорог, соединяющих поселения с наделями. К подобным можно отнести дороги, описанные В.К. Голенко в районе г. Опук (см. рис. 3)²⁹.

Дороги 1-2 уровней существовали в рассматриваемый нами период, но приобретают особую значимость и интенсивно начинают использоваться, на наш взгляд, не ранее IV в. до н.э., когда Боспорское государство окончательно оформилось территориально, освоило большие внутренние пространства, а также наладило устойчивые внешние контакты.

В VI-V вв. до н.э. пожалуй, наиболее востребованными были дороги 3 и 4 уровней. Именно они из всех сухопутных дорог испытывали основную нагрузку при хозяйственном функционировании полисов Боспора.

Для того, чтобы определить истинное значение сухопутных путей сообщения в хозяйственной системе Раннего Боспора, следует обратиться к сопоставлению их с морскими путями. Выявить интенсивность использования морских путей сообщения крайне сложно. О сообщении по морю между Пантикапеем и Феодосией свидетельствует указание Демосфена в Речи против Лакрита (Dem. XXXV. 31-32). Хотя оно и относится к более позднему периоду развития Боспора (IV в. до н.э.), оно отражает устоявшуюся традицию, поэтому его использование в нашем исследовании небезосновательно. Об их функционировании свидетельствуют и археологические материалы – остатки якорей и штоков судов малого водоизмещения на рейдах городов и вблизи сельских поселений; остатки пристаней и портовых сооружений, как на сельских поселениях, так и в городах. Подобное отмечено в отношении рейда Нимфея и его сельских поселений Героевка-1, ²³⁰. В отношении азиатского Боспора обнаружены якорные стоянки у х. Коротки, у м. Панагия, у м. Тузла и др.³¹ В пользу доминирования морских путей сообщения может говорить и логика. Так, например, Т.Н. Смекалова и С.Л. Смекалов полагают, что сообщение между античной Феодосией и поселением Казека, локализуемым на м. Чауда, происходило преимущественно морским путем, т.к. это было безопаснее и, возможно, быстрее. Протяженность сухопутного пути со-

²⁴ Корпус боспорских надписей. №837.

²⁵ Гаврилов А.В. Укрепленные памятники античной эпохи в ближних окрестностях Феодосии // Боспорские исследования. Вып. II. Симферополь, 2002. С. 163; Он же. Округа античной Феодосии... С. 50.

²⁶ Молев Е.А. Боспорский город Китей... С. 12; Он же. Система обороны Китея... С. 298.

²⁷ Паромов Я.М. Главные дороги Таманского полуострова... С. 217-222.

²⁸ Зинько В.Н. Хора боспорского города Нимфея... С. 39; Он же. Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского... С. 71.

²⁹ Голенко В.К. Указ. соч. С. 252-253. Рис.112; с. 403.

³⁰ Зинько В.Н. Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского... С. 71.

³¹ Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова... С. 77; Кондрашев А.В. Подводные исследования у мыса Панагия // Изучение памятников морской археологии. Вып.2. СПб., 1995. С. 55-67; Шамрай А.Н. Локализация узлового навигационного пункта азиатского Боспора Корокондамы // Боспорские исследования. Вып. XXI. Симферополь-Керчь, 2009. С. 146 и др.



ставляла ок. 50 км, морского же через Феодосийский залив – всего 32 км. Данная схема, на наш взгляд, действовала на всем Боспоре. Водные пути использовались в первую очередь, сухопутные во вторую.

На этом основании можно сделать вывод о том, что сухопутные и морские пути сообщения действовали независимо, как бы дублируя друг друга; это главное отличие от ситуации, сложившейся в IV-III вв. до н.э., когда сухопутные и водные пути взаимно дополняли друг друга, когда зерно с наделов, например, доставляли к побережью по сухопутным путям, затем грузили на корабли малого водоизмещения, которые перевозили товар в города Боспора³².

Общая тенденция развития системы коммуникаций сводится к двум основным моментам: поэтапное усложнение, более интенсивное использование морских путей сообщения в ранний период, в связи с особенностями расселения, и постепенное увеличение роли сухопутных дорог.

ROLE AND MEANING OF ROADS` SYSTEM IN ECONOMIC DEVELOPMENT OF EARLY BOSPORUS

S.N. PROKOPENKO

Belgorod National Research University

e-mail: sprokopenko@bsu.edu.ru

The author investigated the question of becoming the road system in the Bosphorus VI-V centuries. BC Examined the relationship of roads and settlement structure of the Early Bosphorus. Highlighted the main level of the land communication plays an important role in this period in the history of the region.

Key words: Road, route, city, settlement, coast, ferry.

³² Смекалова Т.Н., Смекалов С.Л. Попытка реконструкции системы дорог и клеров... С. 31.



ВЕТТИЙ АГОРИЙ ПРЕТЕКСТАТ И ЯЗЫЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В РИМСКОМ СЕНАТЕ

М.А. ВЕДЕШКИН

*Московский педагогический
государственный университет*

e-mail: Balatar@mail.ru

В настоящей статье исследуются жизнь и деятельность одного из лидеров языческой оппозиции Рима Веттия Агория Претекстата. Начиная с периода правления Юлиана Отступника, Претекстат становится известен в Римской империи, как защитник традиционных культов. После лишения языческой религии государственной поддержки Претекстат пытается вынудить императора отменить свои антиязыческие указы, для чего проводит в столице бурную деятельность по пропаганде древних культов.

Ключевые слова: Поздняя античность, Римская империя, сенат, язычество, христианство, Грациан, Валентиниан II.

Начиная с периода правления императора Константина, христианство стремительно распространялось по всей Римской империи. Несмотря на это, языческие культы продолжали стойко удерживать позиции во многих регионах, и их приверженцами оставалось довольно значительное количество людей, причём не только в «традиционно языческих» сельских местностях, но и в городах. Одним из наиболее значительных бастионов древней религии был римский сенат. Бурная политическая и религиозная деятельность языческой оппозиции Рима даже дала повод некоторым исследователям говорить о «языческом возрождении» второй половины IV в.¹ Одним из вождей язычников Рима этого времени являлся Веттий Агорий Претекстат. Основные факты его жизни и политической деятельности и являются предметом рассмотрения в настоящей статье.

Деятельность Веттия Агория Претекстата отражена в ряде источников, наиболее информативными из которых являются «История» Аммиана Марцеллина, письма и речи Иеронима, «Новая история» Зосима и анонимная «Поэма против язычников». Необходимо отметить довольно высокую степень достоверности данных названных источников, несмотря на безусловный субъективизм их авторов по отношению к Претекстату (к его личности, в частности, и к традиционному римскому язычеству в целом).

После кризиса III века роль сената в государственном управлении империи заметно снизилась, однако римской аристократии удалось сохранить значительную часть своего культурного, политического и экономического влияния в западных провинциях, прежде всего благодаря колоссальным земельным владениям и развитой системе патроната.

Официальный римский культ был неразрывно связан со старыми республиканскими традициями, хранителями которых считали себя аристократы – сенаторы. Столетиями, отправление сенаторских магистратур было связано с язычеством². Го-

¹ Robinson D.N. An Analysis of the Pagan Revival of the Late Fourth Century, with Especial Reference to Symmachus // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1915. № 46. P. 87-101; Moore C.H. The Pagan Reaction in the Late Fourth Century // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1919. № 50. P. 122-134; Bloch H. A New Document of the Last Pagan Revival in the West, 393-394 A.D. // The Harvard Theological Review. 1945. № 38. P. 199-244.

² Еще в III веке Тертуллиан предупреждал христиан от занятия государственных должностей, так как они были неразрывно связаны с жертвоприношениями и отправлением государственного культа (Tertullian Idol. 17.3). Даже после полного поражения языческой партии в конце IV века, значительная часть магистратур Рима занималась язычниками. В эпоху правления императора Гонория епископ Павлин Ноланский наставлял своего младшего друга Лицентия словами: «Избегай опасностей скользкого пути государственной службы. Должности манят к себе, однако приводят лишь к рабству и кончине печальной.... Знаешь ли ты, что как господам кланяешься идолопоклонникам, рабам [идолов из] камня и дерева» (Paul. Nol. Ep. 8.3). Salzman P.M.R. The Making of a Christian Aristocracy: Social and Religious Change in the Western Roman Empire. Cambridge; London, 2004. P. 117-122.



сударственные праздники, фестивали, торжественные шествия и игры, организация которых почетным бременем ложилась на плечи людей сенаторского достоинства, всегда носили языческий характер³. Контроль над землями и имуществом жреческих коллегий к IV веку находился в руках наиболее знатных римских семей, и, по-видимому, составлял значительную часть их доходов⁴. С ослаблением римского язычества, а вместе с ним и римских традиций и обычаев, ослабевал престиж сената и магистратур, ослаблялись социальные и экономические позиции языческой аристократии Рима. По этим причинам значительная часть римской знати на протяжении всего IV века выступала в качестве защитника язычества.

Претекстат относился к одной из наиболее знатных и уважаемых римских фамилий, возможно, восходившей к довольно известному и древнему роду Веттиев⁵. Точная дата рождения Претекстата неизвестна. По косвенным свидетельствам можно предположить, что он родился около 310 г.⁶ Как и большинство молодых людей его круга, Претекстат начал свою карьеру с должности претора или квестора Рима (CIL VI 1778; 1779; 1779a)⁷. Позднее Претекстат вступил в должность корректора Тусции и Умбрии, а затем стал консуляром Лузитании (CIL VI 1779)⁸.

В начале правления Юлиана Отступника Претекстат был назначен проконсулом Ахайи. Выбор правителя Эллады был особенно важен для императора Юлиана из-за его искренней привязанности к религиозной и культурной традиции классической Греции⁹. Об этом факте историк Аммиан Марцелин сообщает следующее: «Он [Претекстат] случайно оказался по личным делам в Константинополе, и Юлиан по собственному убеждению назначил его правителем Ахайи с проконсульской властью» (Амм. XXII.7.6)¹⁰. Видимо, уже тогда Претекстат был известен как один из

³ О сохранении языческих праздников в Риме до конца V в. см. например: Green W.M. *The Lupercalia in the Fifth Century* // *Classical Philology*. 1931. № 26. С. 60-69.

⁴ О земельной собственности жреческих коллегий и ее значении для языческой аристократии см.: Sym. Ep. 1.68; McGeachy J.A. *Quintus Aurelius Symmachus and the senatorial aristocracy of the West*. Chicago, 1942. P. 148-150.

⁵ 'superbo qui creatus genuine' (CIL VI.1779). Отцом Претекстата, с большой долей вероятности, был Веттий Коссиний Руфин – консул 316 г., префект Города в 315–316 гг., корректор Кампании между 306 и 312 гг., проконсул Ахайи до 306 г., корректор Тусции и Умбрии, комит, корректор Венетии и Истрии в период дуархии Константина и Лициния, фламмин, понтифик и авгур (Arnheim M. *The Senatorial aristocracy in the later Roman Empire*. Oxford, 1972. P. 60-61; Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Volume I. A.D. 260-395. Cambridge, 1971 (далее – PLRE I). Rufinus 15).

⁶ Иоанн Лид упоминает некоего иерофанта Претекстата, участвовавшего вместе с неоплатоником Сопатром Апамейском в языческом ритуале «освящения Константинополя», приблизительно в 330 г. (Joan. Lyd. *De mensibus*, 4.2). Если принять тот факт, что иерофант Претекстат и сенатор Веттий Агорий Претекстат являются одним и тем же лицом, то мы можем предположить, что он родился не позднее 310 г.

⁷ В IV веке эти магистратуры потеряли свое прежнее значение и стали почетными званиями, открывавшими молодым людям, принадлежащим к *ordo senatorius*, путь к месту в сенате.

⁸ Предполагаемый отец Претекстата Веттий Коссиний Руфин также занимал должность *corrector Tusciae et Umbriae* из чего можно сделать вывод о последовательном занятии этой должности членами семьи Веттиев. Подтверждением данной гипотезы может служить тот факт, что в Тусции находилось одно из имений Веттиев (Symm. 1.51). О связи земельных владений римской аристократии с занимаемыми должностями в провинциях см. например: Arnheim M. *The Senatorial aristocracy in the later Roman Empire*. Oxford, 1972. P.156-158; Matthews J. *Western Aristocracies and Imperial Court, AD 364-425*. New York, 1990. P.23-25.

⁹ Юлиан, завершая свое образование, прожил в Афинах около полугода. Этот недолгий период оказал сильнейшее влияние на его дальнейшую жизнь. Во время своего пребывания в Греции Юлиан был посвящен в Элевсинские мистерии, тем самым окончательно порывая со своим христианским прошлым (Eunap. V. Soph. C. 476). Именно жителям Эллады, наряду с жителями Рима (Амм. XXI.10.7), Юлиан писал свою апологию после захвата власти в 360 г. (Jul. Ep. ad Ath.).

¹⁰ Аммиан Марцелин, известный своей острой критикой быта и нравов римской аристократии, относится к Претекстату с нескрываемым уважением и даже восхищением. С большой долей вероятности можно утверждать, что историк был знаком с сенатором. Видимо рассказы Претекстата были для Аммиана источником информации о константинопольском периоде правления Юлиана. Описывая деятельность Юлиана в первые месяцы его единоличного правления, историк прямо ссылается на Претекстата: «Свидетелем всех этих его [Юлиана] поступков был сенатор Претекстат, сочетавший благородный образ мыслей с древнеримской важностью» (Амм. XXII.7.6).



столпов римского язычества, что привлекло к нему внимание Юлиана, искавшего союза с римской аристократией¹¹.

В Ахайе Претекстат начал проводить провозглашенную молодым императором политику обновления городов и восстановления традиционных культов. Панегирик, произнесенный Мамертином по случаю его вступления в должность консула, сообщает нам, что: «...города...Пелопоннеса изменились, как по волшебству, они будто помолодели, были заново возведены разрушенные стены, фонтаны забили на еще недавно покрытых сухой пылью площадях, стоки были вычищены; радостные толпы людей заполнили рынки, аллеи и гимнасии; снова отмечаются древние отеческие¹² праздники, к ним присовокупляются новые, посвященные нашему принцепсу» (Pan. Lat., 3.9.4)¹³.

Претекстат сохранил свою должность проконсула Ахайи и после гибели Юлиана. Свое положение он использует для защиты языческих культов. Византийский историк Зосим сообщает, что в правление Валентиниана I Претекстат выступил против императорского закона, запрещающего ночные мистерии (CTh., IX.16.7), и добился его отмены (Zos. IV.3.3)¹⁴.

Летом 367 г.¹⁵ Претекстат был назначен префектом города Рима¹⁶. Описание деятельности Претекстат на этом посту оставил Аммиан Марцеллин: «Многообразными проявлениями своей неподкупности и высокой честности... он достиг того, что редко случается, а именно, что, хотя сограждане боялись его, он не потерял их любви, которая вообще не выпадает на долю чиновным лицам, внушающим к себе страх» (Amm. XXVII.9.8). Своим справедливым судом Претекстат заслужил себе славу сравнимую со славой Брута: «...хотя он ничего не допускал в угоду кому-либо, однако все его действия были всем угодны» (Ibid. XXVII.9.10).

На период пребывания Претекстата в должности префекта пришлась высшая точка борьбы за Святой Престол, которая велась между Дамасом и Урсином.¹⁷ После смерти епископа Либерия римские христиане практически одновременно возвели в сан римского епископа дьякона Урсуна, пользовавшегося популярностью среди плебса, и пресвитера Дамаса, имевшего связи в городской администрации (Rufin. Hist. II.10; Jerome Chron. 366; Soz. VI.23; Socr. 4.29; Amm. XXVII.3.11). Борьба партий привела к кровопролитию в храмах и на улицах города. Префект Вивенций, попытавшийся восстановить порядок, был вынужден бежать из города (Amm. XXVII.3.13). Претекстат после вступления на должность префекта изгнал Урсуна из Рима (Soz. VI.23) и «...своим авторитетом и правильными, самой истиной продиктованными

¹¹ Salzman P.M.R. The Making of a Christian Aristocracy: Social and Religious Change in the Western Roman Empire. Cambridge; London, 2004. P. 193-294.

¹² Т.е. языческие.

¹³ Известно, что в то же время ритор Гимерий посвятил одну из своих речей Претекстату. Сама речь Гимерия не сохранилась (Man and the word: the orations of Himerius / translated, annotated, and introduced by Penella R.J. London, 2007. P. 210).

¹⁴ Стоит отметить, что Претекстат, как и его жена Паулина были посвящены в Элевсинские мистерии (CIL VI.1779).

¹⁵ Последний закон, адресованный предшественнику Претекстата – Вивенцию датируется 5 мая 367 г. (CTh IX.38.3). Первый закон Претекстата в качестве префекта Рима – 18 августа 367 г. (CTh VIII.14.1).

¹⁶ Эта должность была одним из наиболее важных административных постов в западной половине Римской империи, уступая по рангу лишь должностям префекта претория Италии и префекта претория Галлии (Notit. dign. Occ. I). Префект Города традиционно председательствовал в сенате, выполнял обязанности верховного судьи в Риме и его окрестностях, обеспечивал функционирование городских служб, а также занимался организацией поставки и раздач плебсу хлеба (Jones A.H.M. The Later Roman Empire, 284-602: A Social, Economic, and Administrative Survey. Baltimore, 1986. P. 689-692).

¹⁷ См. например: Curran J. Pagan city and Christian capital: Rome in the fourth century. Oxford; New York, 2000. P. 137-142.



приговорами... успокоил волнение, которое вызвали раздоры христиан» (Amm. XXVII.9.9)¹⁸.

Как и ранее в Ахайе, в Риме Претекстат выступил в качестве защитника язычества, позиции которого стали ослабевать вследствие распространения в столице христианства. Претекстат приказал разрушить мэнианы (*maeniana*) – частные пристройки, которые примыкали к храмам, портя их вид и способствуя их разрушению (Ibid. XXVII.3.10). Претекстат восстановил и заново освятил статуи двенадцати богов – покровителей римского народа и сената – *Porticus Deorum Consentium* (CIL VI 102), которые были установлены на Римском форуме еще во времена Республики¹⁹. Восстанавливая языческие памятники и охраняя традиционный культ, сенат во главе с Претекстатом снова заявлял и о своих религиозных пристрастиях, и о своей традиционной роли в римском государстве.

В отличие от многих сенаторов своего времени, воспринимавших поддержку язычества лишь как средство для сохранения неизблемых римских устоев и своего положения в римском обществе, для Претекстата восстановление портика двенадцати богов стало средством распространения своих собственных религиозных убеждений²⁰.

Авторитет, богатство, знатность и набожность Претекстата, о которых пишет Макробий, делали его безусловным лидером язычников Рима²¹. За свою жизнь он занимал почти все возможные магистратуры, сопряженные с отправлением государственного культа²². Однако, его религиозные интересы не ограничивались традиционными римскими культами. Претекстат был адептом культов Изиды и Кибелы, достиг высших степеней посвящения в Элевсинских мистериях и таинствах Митры²³. Во всех языческих богах он видел лишь сложное и множественное проявление или знак (*pnumen multiplex*) Единого Бога – Солнца (Macrob. Sat. I.17-23). Таким образом, воззрения Претекстата имела черты неоплатонического монотеизма, схожего с религиозной системой императора Юлиана²⁴. Упоминание о двенадцати богах – покровителях, как о связующем звене между Единым Богом и материальным миром, часто встречаются в неоплатонической литературе IV века²⁵. Мистико-философский эле-

¹⁸ Несмотря на то, что Претекстат был вынужден поддержать Дамаса в борьбе за папский престол, префект был весьма невысокого мнения о новом римском епископе. Претекстат в шутилой манере упрекал Дамаса, который вел роскошный образ жизни (Amm. XXVII.3.14-15), «получив власть подобную царской» (Collectio Avellana 2.83), говоря, «сделай меня римским епископом, и в тот же час стану я христианином» (Jerome. Contra Iohannem 8).

¹⁹ Long C. The twelve gods of Greece and Rome. Leiden; New York, 1987. P. 305-306.

²⁰ Bloch H. A New Document of the Last Pagan Revival in the West, 393-394 A.D. // The Harvard Theological Review. 1945. № 38. P. 208-209; Kahlos M. The Restoration Policy of Vettius Agorius Praetextatus // Arctos. 1995. № 29. P. 42-43.

²¹ «...Ветгий, осведомленный о всех священных обрядах...» (Macrob. Sat. I.7.17); «... божества пожелали, чтобы ты, Ветгий Претекстат, был глашатаем всего священного...» (Macrob. Sat. I.17.1).

²² На основании эпиграфических данных мы знаем, что в разное время Претекстат занимал посты: Augur, p[ro]ntifex Vestae, pontifex Sol[is], quindecemvir, curialis Herc[ul]is sacratus (CIL VI.1779; CIL VI.1778).

²³ Libero et Eleusiniis hierophanta, neocorus tauroboliatus, pater partum (CIL VI.1779; CIL VI.1778).

²⁴ Солнце – Гелиос занимало центральное место в религиозной философии императора Юлиана. В речи «К Царю Солнцу» он пишет: «... Гелиоса – величайшего из богов произвел Единый из Себя во всем подобным себе» (Julian. Or. 132d – 133a). В одном из своих писем к александрийцам Юлиан называл Гелиоса благотворительным образом умопостигаемого отца, наделенным умом и душой (Julian. Ep. 55). Гелиос в теософии Юлиана, также является Отцом и Царем всего мира и всех Людей, первопричиной всякой красоты, центральным пунктом всего мироздания, соединяющим воедино мир чувственный и сверхчувственный. Свою деятельность в материальном мире Гелиос проявляет через видимое Солнце, служащее отражением его существа (Julian. Or. 133a – 133b). Как посреднику между Единым и «низшими богами», Юлиан присуждает Гелиосу атрибуты последних, и даже выражает мысль о полной тождественности всех богов с Гелиосом по своему существу (Julian. Or. 156d – 157a). Например, Юлиан пишет: «Я полагаю, что Зевс ничем не отличается от Гелиоса», а Афины называет «совершенной мыслью Гелиоса» (Julian. Or. 149b – 149d).

²⁵ В трудах Ямвлиха Халкидского (Лосев А.Ф. История античной эстетики: Последние века. М.: Искусство, 1988. Ч. 2. IV. §3.2), Саллюстия (Sallust. 6.1-5) и Юлиана Отступника (Julian. Or. 148c) упоминаются двенадцать зодиакальных богов – управителей небесных сфер.



мент, характерный для неоплатонизма, Претекстат, видимо, пытался использовать для повышения престижа римского язычества²⁶.

В период с 371 по 373 гг. правительство императора Валентиниана проводило репрессии против римской аристократии. Обвинения в колдовстве, изначально выдвинутые против трех частных лиц, переросли в масштабный политический процесс, инспирированный викарием Максимином. Несколько десятков членов знатных семей были арестованы по самым незначительным обвинениям. Некоторых из осужденных сенаторов пытали или даже казнили, несмотря на запрет применения физических наказаний против представителей senatorского сословия. Для защиты своих прав члены сената направили Валентиниану посольство, главой которого был назначен Претекстат. Итогом стала отмена распоряжения о применении пыток против сенаторов, перевод Максимиана в Галлию, а также издание рескрипта о помиловании осужденных членов сената (Amm. XXVIII.1; CTh IX.38.5).

После этих событий Претекстат на много лет отошел от всякой политической деятельности, большую часть времени проводя в своем имении в Тускании (Symm. I.51). Годы, проведенные в добровольном изгнании, Претекстат посвятил литературе и философии. Видимо именно тогда он перевел на латинский язык Парафраз Аналитики Аристотеля за авторством константинопольского философа Фемистия²⁷. Культурная деятельность сенатора позволила Макробию в «Сатурналиях» описать Претекстата хранителем древних языческих традиций, вокруг которого собирался цвет языческого общества второй половины IV века (Macrob. Sat. I.1.1).

После отмены своего закона о ночных мистериях император Валентиниан придерживался политики веротерпимости и не вмешивался в духовную жизнь своих подданных (CTh. IX.16.9; Amm. XXX.9.5; Sym. Rel. III.19)²⁸. Его сын Грациан, через несколько лет после своего вступления на престол²⁹, совершает резкий поворот в религиозной политике империи³⁰. Под влиянием епископа Амвросия Медиоланского Грациан отказывается от титула Великого Понтифика, формально провозглашавшего императора главой официального языческого культа (Zos. IV.36.5)³¹. Это событие обозначило окончательный разрыв между язычеством и императорской властью.

²⁶ Блох предполагал, что Претекстат возглавлял партию сенаторов – «ориенталистов», разделявшую теософские идеи Юлиана Отступника, и желавшую реформировать римские языческие культы. Вторым полюсом римского язычества была партия Симмаха – «традиционалисты», стремившиеся охранить древний культ от любых нововведений (Bloch H. A New Document of the Last Pagan Revival in the West, 393-394 A.D. // The Harvard Theological Review. 1945. № 38. P. 199-244). При всей своей привлекательности гипотеза Блоха строится на весьма спорных умозаключениях, и в дальнейшем была подвергнута основательной критике такими видными учеными как Мэттьюз и Кэмерон (Matthews J.F. Symmachus and the Oriental Cults // The Journal of Roman Studies. 1973. № 63. P. 175-195; Cameron A. The last pagans of Rome. New York, 2011).

²⁷ В дальнейшем именно этим переводом пользовался «последний римлянин» Манлий Северин Боэций (Boeth. De interpret. ed. sec. 1.289; ссылка по: Vanderspoel J. Themistius and the imperial court: oratory, civic duty, and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor, 1995. P. 184).

²⁸ Либаний замечает, что Валентиниан и Валент запрещали любые формы жертвоприношения за исключением возжжения ладана (Lib. Or. XXX.7). Этот запрет, однако, не подтверждается другими источниками. См.: Lenski N. Failure of empire: Valens and the Roman state in the fourth century A.D. Berkeley, 2002. P. 211-234; Казаков М.М. Последний период религиозного мира в Римской империи // Лістападаўскія сустрэчы-5: Праблемы старажытнасці і сярэднявечча. Минск, 2005. С. 99-102.

²⁹ Грациан наследовал своему отцу в 375 г. Кроме Грациана августом был провозглашен его младший брат Валентиниан II (Amm. XXX.10.6). Если верить сообщению Зосима, братья разделили Западную империю между собой. К домену Грациана отходили Галлия, Испания и Британия, Валентиниану было вверено управление Италией, Илириком и африканскими провинциями (Zos. IV.19). Однако, по всей видимости, реальной властью обладал только Грациан.

³⁰ В первые годы своего правления Грациан следовал веротерпимой политике своего отца. Напуганный Адрианонопольской катастрофой, он даже издает указы о веротерпимости ко всем подданным империи, кроме манихеев и евномиян (Soc. 5,2; Soz.7,1).

³¹ Отказ от титула произошел не ранее 379 г., т.к. Авзоний в речи, написанной в честь Грациана в благодарность за дарование ему консульского достоинства, среди прочего называет императора Понтификом (Aus. XX.7). Стоит отметить, что такой видный ученый как Алан Кэмерон, ставит под сомнение сам факт отказа Грациана от титула Великого Понтифика. См.: Cameron A. Gratian's Repudiation of the Pontifical Robe // The Journal of Roman Studies. 1968. № 58. P. 96-102; Cameron A. The last pagans of Rome. New York, 2011. P. 51-56.



За отказом от титула Великого Понтифика последовал целый ряд мер, направленных на окончательное размежевание языческого культа и римского государства. Из зала заседаний сената был удален алтарь Победы, у которого сенаторы приносили клятву верности Риму и императору. Средства, выделенные на проведение языческих обрядов и жертвоприношений, были конфискованы в пользу императорского фиска и казны префекта претория. Было прекращено содержание весталок и жрецов традиционного культа за счет казны. Недвижимость, перешедшая в пользование коллегий жрецов и весталок по завещанию, конфисковалась в пользу фиска. Служителям традиционных культов было отказано в праве приобретать недвижимость посредством пожертвования или завещания. Жрецы традиционных римских культов были лишены государственных привилегий³².

Реакция язычников в сенате не заставила себя долго ждать. Из Рима в Медиолан была отправлена делегация, целью которой было убедить Грациана отказаться от своей религиозной политики и восстановить алтарь Победы и привилегии языческого культа. Возглавил делегацию выдающийся оратор и политический деятель Квинт Аврелий Симмах³³, которого в Риме называли «наследником» Претекстата (*Carmen contra Paganos 114* (далее ССР.))³⁴. Сенаторы христиане, не имея возможности открыто выступить против могущественной языческой аристократии Рима, втайне подготовили петицию протеста против решения Сената. Христиане пытались убедить императора, что язычники не имеют численного превосходства в сенате³⁵, и, следовательно, Симмах не имеет права говорить от имени всего сената (*Amb. Ep. 17.9-10; Ep. 18.31*)³⁶. Они предупредили императора, что в случае возвращения алтаря Победы в

³² McGeachy J.A. *Quintus Aurelius Symmachus and the senatorial aristocracy of the West*. Chicago, 1942. P. 141.

³³ О нем см. подробнее: Sogno C. Q. *Aurelius Symmachus: a political biography*. Ann Arbor, 2006. Очевидно, немалую роль в назначении Симмаха главой посольства сыграли связи сенатора при христианском дворе. Так, например, Симмах вел переписку с воспитателем Грациана Авзонием (*Sym. I.13-43*), обменивался рекомендательными письмами с медиоланским епископом Амвросием (*III.30-37*).

³⁴ Cameron A. *The last pagans of Rome*. New York, 2011. P.298.

³⁵ Вопрос о численном соотношении христиан и язычников в римском сенате во второй половине IV века до сих пор является не решенным в исторической литературе. Обращение к источникам не дает однозначного ответа. Августин, освещая религиозную ситуацию в Риме на начало шестидесятых годов IV века, пишет о «нечестивых таинствах, увлекаясь которыми почти вся тогдашняя римская знать чтит младенца Озириса» (*Aug. Conf. VIII.2.3*). Язычник Зосим (*IV.59*) и христианин Пруденций (*S. Symm. 506-607*) пишут, что большая часть сенаторов сохраняла языческие обычаи до 394 г. Однако, по справедливому замечанию Казакова, Амвросий, защищая интересы христиан перед императором, не мог прибегать к сознательной фальсификации, т.к. любое искажение фактов могло быть использовано противниками христианства (Казаков М.М. *Христианизация Римской империи в IV веке*. Смоленск, 2003. С. 272). Долгое время в историографии преобладала точка зрения о безусловном численном превосходстве язычников над христианами в сенате (Гиббон Э. *История упадка и разрушения Великой Римской империи*. М., 2008. С. 302; Буасье Г. *Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в четвертом веке*. М., 1892. С. 423; Geffcken J. *The last days of Greco-Roman paganism*. Amsterdam; New York; Oxford, 1978. P. 163). Позднейшая историография предлагает несколько решений вопроса о количественном соотношении язычников и христиан в сенате. Так, например, Донини безоговорочно придерживается точки зрения о численном преобладании язычников в сенате (Донини А. *У истоков христианства (от зарождения до Юстиниана)*. М., 1979. С. 262). Мэттьюз пишет о невозможности решения данного вопроса, из-за отсутствия достаточной информации в источниках (Matthews J. *Western Aristocracies and Imperial Court, AD 364-425*. New York, 1990. P. 207). МакГичи, проведя просопографический анализ корреспонденции Симмаха, пришел к выводу о незначительном количественном превосходстве сенаторов-язычников над христианами (McGeachy J.A. *The Editing of the Letters of Symmachus // Classical Philology*. 1949. № 44. P. 226-227). МакМаллен пишет, что даже если количество христиан и язычников в сенате было приблизительно равным, сенаторы-язычники, безусловно, превосходили христиан богатством и статусом (MacMullen R. *Christianizing the Roman Empire (A.D. 100-400)*. New Haven; London, 1984. P. 81).

³⁶ В течение первой половины IV века число сенаторов было увеличено с 600 до 2000 (Salzman P.M.R. *The Making of a Christian Aristocracy: Social and Religious Change in the Western Roman Empire*. Cambridge; London, 2004. P. 31). Большинство «новых» сенаторов, многие из которых были христианами, проживало вдалеке от Рима и не имело возможности посещать заседания сената. В то же время представители наиболее древних, влиятельных и богатых сенаторских фамилий, среди которых языче-



сенат они перестанут посещать его заседания. С помощью римского епископа Дамаса петицию переслали Амвросию Медиоланскому, который позаботился о том, чтобы делегация сенаторов – язычников даже не удостоилась императорской аудиенции (Amb. Ep. 17.10; Sym. Rel. III.29).

Надежды язычников на восстановление привилегий традиционных культов возродились в 383 г., когда британские войска под командованием Магна Макима восстали против Грациана. Часть римских войск в Галлии перешла сторону узурпатора. Проиграв генеральное сражение под Паризием, Грациан был умерщвлен людьми Максима. Вся галльская префектура теперь была во власти узурпатора (Zos. IV.35.4-6; Prosp. 1183). Только благодаря решительным действиям полководца Бауто Валентиниану II удалось удержать Италию (Amb. Ep. 24.6-8).

Даже после заключения мирного договора с Максимом положение Валентиниана оставалось весьма шатким. Юный император находился под сильным влиянием своей матери Юстины, благоволившей арианам. Из-за своих религиозных убеждений вдовствующая императрица вступила в конфликт с могущественным Амвросием Медиоланским (Amb. Ep. 20; Aug. Conf. IX.7; Ruf. Hist. II.15; Theod. Hist. V.13; Socr. V.11; Soz. VII.13; Philost. X.7), находившимся в дружественных отношениях с ревностным никейцем Максимом³⁷, который был готов использовать любой предлог для вторжения в Италию (Theod. Hist. V.14; Ruf. Hist. II.16). Положение медиоланского двора еще более усложнилось из-за неурожая в 383 г. В Италии наступил голод. Нехватка продовольствия в Риме заставило власти города пойти на крайнюю меру и выслать всех приезжих из города³⁸.

Чтобы сохранить свою власть, Валентиниан II вынужден был обратиться за поддержкой к лидерам сената. Весной 384 г.³⁹ Претекстат был назначен Префектом претории Иллирии, Италии и Африки (CIL VI 1778; CIL VI 1779), и удостоен почетнейшего звания консула на будущий 385 год (Sym. Rel. X-XII; CIL VI 1777; Jerome. S. Iohannem 8). Вскоре, видимо по протекции Претекстата, Симмах был возведен на должность Префекта Рима⁴⁰. Таким образом, к лету 384 г. важнейшие административные должности западной половины Римской империи находились в руках язычников.

Воспользовавшись отсутствием Амвросия и растущим влиянием Претекстата при дворе Валентиниана летом 384 г., сенат через Симмаха снова обращается к императору с просьбой о возвращении древней религии ее привилегий. Знаменитая Третья Реляция Симмаха представляла собой образец ораторского искусства⁴¹. Будучи зачитана в присутствии императора, речь имела огромный успех. Красноречие Симмаха было велико, а его аргументация звучала чрезвычайно убедительно. Не только язычники, но и христиане были готовы согласиться с доводами оратора (Amb. De Ob. Val. 19). Амвросий, еще даже не будучи знаком с текстом послания Симмаха, отправил Валентиниану письмо, в котором грозил тринадцатилетнему императору

ство имело наиболее прочные корни, зачастую проживали в Риме или его окрестностях, регулярно посещая заседания сената (Arnheim M. The Senatorial aristocracy in the later Roman Empire. Oxford, 1972. P. 99-100; Salzman P.M.R. The Making of a Christian Aristocracy: Social and Religious Change in the Western Roman Empire. Cambridge; London, 2004. P.39). Исходя из факта что для кворума в сенате необходимо было присутствие всего 50 сенаторов (CTh VI.4.9; Arnheim M. The Senatorial aristocracy in the later Roman Empire. Oxford, 1972. P.21), мы можем сделать вывод, что заседание, решением которого Симмах был направлен ко двору Грациана в Медиолан, было формально легитимным.

³⁷ Так, например, при Максиме состоялась первая в истории казнь еретика (Sulp. II.LI.1).

³⁸ Возможно, голод и недопоставка продовольствия в Рим были искусственно спровоцированы языческой аристократией, чтобы вызвать недовольство среди народа и наглядно показать, к чему может привести гнев оскорбленных эдиктом Грациана богов (Казаков М.М. Христианизация Римской империи в IV веке. Смоленск, 2003. С.275).

³⁹ Последний закон Кодекса Феодосия к префекту Ноннию Аттику датируется 13 марта 384 г. (CTh. XIII.1.12), первый закон Претекстата издан 21 мая 384 г. (CTh. VI.5.2).

⁴⁰ Не ранее 11 июля 384 г., не позднее 29 июля 384 г. (PLRE I Symmachus 4h).

⁴¹ Исключительное красноречие Симмаха признавали даже его противники христиане (Amb. Ep. 18.2; Prud. C. Symm. II.55-59).

отлучением от Церкви, в случае если тот согласится выполнить просьбу язычников (Amb. Ep. 17.13). Прошение сената снова было отвергнуто⁴².

После этого языческая партия решила открыто бросить вызов христианскому двору. По наущению Претекстата Симмах инициировал в Риме процесс против частных лиц, разрушающих общественные здания, фактически являвшийся процессом против христиан, разорявших языческие храмы (Sym. Rel. XXI.5)⁴³. Понимая необходимость своим авторитетом поддержать язычество в столице, Претекстат переезжает в Рим. Его трехмесячную деятельность в городе подробно описывает анонимная «Поэма против язычников»⁴⁴. В Риме Претекстат проводит множество акций, призванных укрепить положение язычества: подарками или повышениями склонить на свою сторону нестойких в вере христиан, показать мощь и богатство языческой партии. Анонимный автор «Поэмы против язычников» следующим образом характеризовал деятельность Претекстата:

«В безумии своем желал он погубить немало христиан.
Давал награды тем, кто вне Закона [Божьего] скончаться пожелал,
Мужей, себя забывших, в ловушку заманил уловкою бесовской,
Желал умы одних сломить дарами,
Других от Бога отвратить наградою ничтожной,
Вслед за собой несчастных в Тартар отправляя...» (ССР. 78-83)⁴⁵.

Иероним и автор «Поэмы против язычников» сообщают, что проводимые Претекстатом церемонии в честь языческих богов поражали своим великолепием⁴⁶. В этих торжественных процессиях Претекстат «будто полководец, празднующий триумф» (Jerome Ep. XXIII) участвовал вместе с высшими сановниками Рима и первыми лицами сената при большом стечении римского народа (Jerome Ep. XXIII.3; ССР. 103-107). Этими акциями Претекстат пытался наглядно продемонстрировать императорскому двору непоколебимую верность римского сената и народа языческим традициям и убедить императора возратить языческому культу былые привилегии.

Надеждам префекта не суждено было сбыться. Претекстат умер в конце 384 г., так и не дожив до вступления в должность консула. Симмах пишет, что покойного префекта оплакивали как простые граждане, так и члены сената (Sym. Rel. X.1-2). Всенародное горе после смерти префекта упоминает Иероним, злорадно добавляя,

⁴² О Споре об алтаре Победы см. подробнее: Казаков М.М. Христианизация Римской империи в IV веке. Смоленск, 2003. С.269-289; Matthews J. Western Aristocracies and Imperial Court, AD 364-425. New York, 1990. P.204-209; Sogno C. Q. Aurelius Symmachus: a political biography. Ann Arbor, 2006. P.49-51; Sheridan J.J. The Altar of Victory: Paganism's Last Battle // L'Antiquite Classique. 1966. № 35. P.186-206; Cameron A. The last pagans of Rome. New York, 2011. P. 39-51.

⁴³ По сравнению со временем, когда Претекстат занимал должность префекта Рима, положение языческих храмов в столице значительно ухудшилось. В 70-е годы IV в. участились случаи их разрушения и ограбления, несмотря на то, что храмы находились под опекой государства как общественные здания (см.: СTh. XV.1.19; XVI.10.3; XVI.10.8). Так, например, христианин Фурий Гракх в 376-377 гг. (PLRE I. Gracchus 1) разрушил один из крупнейших римских митрарееумов (Jerome. Ep.107,2; Prud. C. Symm. I.561-565).

⁴⁴ О личности префекта, против которого была написана «Поэма», в научной литературе продолжительное время велись споры. Наиболее распространенной до недавнего времени была точка зрения, что героем «Поэмы» был Вирий Никомах Флавиан, возглавлявший языческую партию во время кратковременного «языческого возрождения» при узурпаторе Евгении (Matthews J.F. The Historical Setting of the 'Carmen contra Paganos' (Cod. Par. Lat. 8084) // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1970. № 19. P. 474-478; Bloch H. A New Document of the Last Pagan Revival in the West, 393-394 A.D. // The Harvard Theological Review. 1945. № 38. P.230-232; O'Donnell J.J. The Career of Virius Nicomachus Flavianus // Phoenix. 1978. № 32. P. 141). Некоторые историки признавали в префекте Габиния Барбара Помпеяна, пыгавшегося с помощью жертв умилостивить богов и спасти Рим от готв Алариха (Brown P.R.L. Aspects of the Christianization of the Roman Aristocracy // The Journal of Roman Studies. 1961. № 51. P. 3). Алан Кэмерон в своей последней работе провел текстологический анализ данной поэмы и блестяще доказал, что префектом «Поэмы против язычников» был Веттий Агорий Претекстат (Cameron A. The last pagans of Rome. New York, 2011. P. 273-320).

⁴⁵ Перевод М.В.

⁴⁶ Были проведены церемонии в честь Осириса и Изиды (ССР. 97-102), Кибелы и Атиса (ССР. 106-109).



что душа язычника Претекстата: «...ныне опустошенная и обнажённая томится в мерзейшей тьме» (Jerome Ep. XXIII).

Неожиданная смерть Претекстата в конце 384 г., сорвала планы языческой оппозиции в римском сенате. Вскоре после смерти Претекстата расследование Симмаха было сорвано анонимной запиской, поданной императору. В записке утверждалось, что префект «...нарушает права веры Христовой» (Sym. Rel. XXI.1) и в своих застенках мучает невинных священников (Ibid. XXI.2). Клеветнический характер записки открылся, когда римский епископ Дамас подтвердил необоснованность обвинений против префекта (Ibid. XXI.3). Продолжать расследование Симмах не решился. Вскоре он, не выдержав травли, начатой на него христианами в городской администрации, был вынужден просить у императора отставки (Sym. Rel. X.2-3).

Языческая аристократия, казавшаяся единым целым, без Претекстата погрязла в мелочных спорах⁴⁷. Только полный запрет всех форм старого культа императором Феодосием вынудил язычников в римском сенате снова сплотиться вокруг нового лидера Вирия Никомаха Флавиана. После поражения Флавиана император Феодосий вынуждает большую часть сената принять христианство, тем самым, покончив с языческой оппозицией в римском сенате.

VETTIUS AGORIUS PRAETEXTATUS AND THE PAGAN OPPOSITION IN THE ROMAN SENATE

M.A. VEDESHKIN

*Moscow Pedagogical
State University*

e-mail: Balatar@mail.ru

This article explores the life and affairs of Vettius Agorius Pretextatus – one of the leaders of Roman pagan opposition. Pretextatus was known as a defender of traditional cults since the reign of Julian the Apostate. After the revocation of state pagan cult's privileges Pretextatus tried to force the emperors to abolish their antipagan legislation by promoting the ancient cults in the capital.

Key words: Late Antiquity, Roman empire, senate, paganism, Christianity, Gratian, Valentinian II.

⁴⁷ Bloch H. A New Document of the Last Pagan Revival in the West, 393-394 A.D. // The Harvard Theological Review. 1945. № 38. P. 217-219.



УДК 94(37).09

ГОТЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ: МЯТЕЖ ГАЙНЫ 399-400 ГГ.

О.В. ЛЯХОВСКАЯ*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: Lyahovskaya_1989@mail.ru*

В данной статье рассматривается вопрос о процессе интеграции готских племен в империю рубежа IV-V вв. Мятеж гота Гайны (399-400 гг.) свидетельствует об углублении процесса инфильтрации готов в военно-политические круги империи. Готские военачальники теперь борются не только за отдельные провинции или права, они бросают вызов власти римского императора. Попытку урегулировать конфликт предпринимает и церковь в лице архиепископа Константинопольского Иоанна Златоуста. Это свидетельствует о сложности взаимоотношений, которые сложились к V в. между империей и готами. «Готский вопрос» стал одним из важнейших не только среди правящих кругов, но и среди представителей церкви.

Ключевые слова: готы, Константинополь, мятеж, варвары.

За полтора тысячелетия, прошедшие со времени падения античной цивилизации в массовом историческом сознании уже в значительной мере забылось то обстоятельство, что Великое переселение народов первоначально обрушилось на восточные провинции Римской империи, на формировавшийся территориально-политический и культурный комплекс Ранней Византии.

Одним из важнейших вопросов, вставших очень остро перед империей уже в III в., является проблема адаптации готов, попавших на ее территорию в результате набегов. В конце IV в. массивы готского населения оказываются на территории ряда провинций в результате гуннского нашествия, после которого готы разбили императорскую армию при Адрианополе (378 г.). Уже в начале IV в. готские имена нередко упоминаются в римских войсках.

Готы к началу V в. уже не просто вписались в жизнь восточных провинций империи, шла явная готская инфильтрация в высшие военно-политические структуры Константинополя. Отдельные крупнейшие готские командиры получали от империи целые провинции под полный фактический контроль. Среди них следует выделить гота Гайну. Гайна, гот по происхождению, *magister utriusque militiae*, поднявший мятеж в 399-400 гг., арианин¹. Арианская форма христианства, принятая готами, имела для последующей их истории важное значение, так как во время их позднейшего утверждения на территории римского государства мешала им слиться с местным населением, которое придерживалось никейского вероисповедания². Сократ Схоластик пишет в своей «Церковной истории», что Гайна, «сделавшись римским подданным и вступив на военную службу, весьма скоро достиг высших должностей и, наконец, объявлен предводителем римской пехоты и конницы. Получив столь великую власть, он забылся и не мог ограничить своих замыслов, но по пословице, ворочал камни, чтобы подчинить себе Римскую империю» (Soz. VI, 6). Для Сократа Гайна является варваром по рождению, отсюда и соответствующие оценки его деятельности.

Созомен сообщает о нем следующее: «Гайна, перебежавший к римлянам, и из простого воина сверх чаяния достигший степени военачальника, вознамерился захватить верховную власть над Римской империей» (Soz. VIII, 4). При этом Созомен также называет его варваром.

* Исследование подготовлено в рамках работ по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, Госконтракт П322 от 28.07.2009 г. «Человек переходной эпохи: Поздняя античность – Ранняя Византия», 2009-2011 гг.

¹ The Prosopography of the Late Roman Empire. L., 1980. Vol. I. P. 379-380.

² Васильев А.А. История Византийской империи. СПб., 1998. С. 141.



В сочинениях Феодорита Киррского Гайна – единственный из германских военачальников, о котором рассказывает этот историк. И.П. Кривушин объясняет это тем, что церковные события IV – начала V вв. не получили еще достойной оценки. Чтобы восполнить этот пробел, Феодорит пытается освободить свое повествование от светской информации и строго отделить церковную историю от светской истории христианской империи³. Феодорит характеризует Гайну следующим образом: «Некто Гайна, по происхождению скиф, да и по чувствам сердца варвар, с тиранскими замыслами, в это время был военачальником и, под своей властью имея единоплеменников, предводительствовал также конницей и пехотой римлян. Его боялись не только все другие, но и сам царь, замечавший в нем стремление к тирании» (Theod. V, 32).

Если сравнить эти отрывки, то можно отметить, что их авторы, несмотря на схожесть взглядов, все-таки несколько по-разному оценивают гота Гайну. Если Сократ в некоторой степени говорит о нем нейтрально, как о человеке, ставшем римским подданным и поступившем на военную службу, то Созомен уже более категорично реагирует на события, связанные с мятежом Гайны, поэтому у этого историка Гайна представляется лишь «перебежчиком», который из простого воина превратился в военачальника. Отношение Феодорита к Гайне определяется, прежде всего, его «скифским» происхождением, делавшим его и «по чувствам сердца» варваром. И для Сократа, и для Созомена слово «варвар» несет в себе очевидную отрицательную характеристику.

После встречи с императором Аркадием в Халкидоне в 399 г. и попытки мирного решения вопроса со стороны императора, «...оба — и царь, и варвар — дали друг другу клятву, что не будут злоумышлять один против другого,... царь, привыкший быть верным данному слову, и за то любимый Богом, сохранил клятву, а Гайна нарушил договор» (Soc. VI, 6).

В 399 г. гот Трибигильд, предводитель военных отрядов в малоазийской области Фригии, поднял восстание и разорял провинции. Гайна, вызвавшись со своим войском разбить противника, стал тайным его союзником. Объединенные войска Гайны и Трибигильда легко преодолевали натиск императорских отрядов и быстро стали хозяевами положения. Гайна требовал выдачи ему Евтропия (бывшего влиятельного царедворца), отношения с которым в этот период времени были крайне враждебными. Но кроме того, как сообщает Сократ, «Гайна для своих единоверцев, ариан, дерзнул просить у царя одну церковь внутри города (Константинополя)» (Soc. VI, 5).

Созомен свидетельствует, что после встречи в Халкидоне Гайна получил от царя власть управлять пехотой и конницей. Но, не заслужив такого счастья, Гайна не сумел благоразумно воспользоваться им. «Так как первое безумное дело совершилось согласно его желанию, то он вздумал еще возмущать католическую церковь, ибо он был христианин из ереси тех варваров, которые исповедают учение Ария. Подстрекаемый ее предстоятелями, или побуждаемый собственным честолюбием, он начал просить царя о том, чтобы единоверцам его дана была одна из церквей в городе (Константинополе)» (Soz. VIII, 4).

Феодорит по этому же поводу сообщает: «Заразившись арианством, он доложил царю об уступке ему одного из Божиих храмов (Theod. V, 32). При сравнении отрывков снова отмечается сдержанность Сократа при характеристике Гайны. Несмотря на то, что он называет Гайну варваром, нарушение клятвы он не объясняет его происхождением. Созомен при описании тех же событий старается найти причины, побудившие Гайну так поступить. Основную причину он видит в личности самого Гайны, который не сумел благоразумно пользоваться своим счастьем и был побуждаем собственным честолюбием. Но Созомен не отрицает возможности факта влияния на Гайну представителей арианской ереси. Для Феодорита же именно факт «скифского», варварского происхождения Гайны является определяющим фактором. Однако, когда Феодорит подчеркивает положительное влияние православной церкви, в

³ Кривушин И.П. История и народ в церковной историографии V в. Иваново, 1996. С. 76.

частности, епископа Иоанна Златоуста, то историк сообщает, что Иоанн Златоуст сумел воздействовать на мятежника, потому что добродетель и в людях неприязненных обыкновенно поселяет к себе уважение и страх (Theod. V, 33). И.П. Кривушин так объясняет позицию Феодорита: «...Перед нами христианский мыслитель, одержимый желанием создать истинную историю церкви и только церкви».⁴ Иоанн, узнав о том, что готы требуют церкви для еретиков-ариан, просил Аркадия не поддаваться угрозам еретиков: «Я не допущу, чтобы исповедующие и прославляющие Бога-Слово выведены были из божественного храма и сдали его хулителям Христа» (Theod. V, 32).

Когда Гайна находился во Фракии, к нему, по свидетельству Феодорита, отправился Иоанн Златоуст. Как сообщает Феодорит, Гайна... «еще издали усердно встретил его, приложил руку его к своим очам, а детей наклонил к священным его коленям. Так-то добродетель и в людях неприязненных обыкновенно поселяет к себе уважение и страх» (Theod. V, 33). Свидетельство Феодорита о встрече Гайны и Иоанна Златоуста более никем из историков не подтверждается и может считаться вымыслом, целью которого было еще раз обратить внимание на деятельность Иоанна Златоуста, причем мятежник и еретик Гайна, вопреки присущим ему качествам, признает и подчиняется духовному авторитету православного епископа. И.П. Кривушин отмечает, что постоянная ориентация на идею торжества защитников истины заставляет Феодорита дописывать в нужном ему русле отдельные сюжеты, фигурирующие в сочинениях Сократа и Созомена⁵.

Таким образом, предвзятость в оценке Гайны, основанной на его происхождении, сохраняется даже в последнем отрывке. Определенную тенденциозность в оценке Гайны Феодоритом Киррским можно объяснить, исходя из общего направления труда историка, которое было отмечено современными историками. Так М.В. Бибииков характеризует сочинение Феодорита как страстную инвективу..., а категоричность и дидактизм, по его мнению, составляют основной пафос данного произведения⁶.

Однако, тот факт, что Златоусту удалось убедить Гайну не требовать невозможного, а довольствоваться теми великими наградами, которыми он уже был награжден, само по себе стало чудом. Более того, когда варвары осаждали столицу, Иоанн по «всеобщей просьбе» явился в лагерь готов, чтобы умиротворить Гайну. И здесь снова произошло чудо: Гайна в очередной раз смирился перед смелостью Златоуста (Theod. V, 32-33, Soc. VI, 5, Soz. VIII, 4).

Вместе с тем, епископ очень заботился о том, чтобы православные готы не испытывали никакого недостатка: он предоставил им церковь рядом с императорским дворцом и рукоположил епископов, знающих готский язык, «...и сам часто хаживал туда беседовать, употребляя при этом разумевшего тот и другой язык переводчика, да и умевших говорить по-готски побуждал и это делать тоже. Все сие совершая внутри города, он уловил многих обольщенных и показал им истину апостольской проповеди» (Theod. V, 30).

Однако растущее господство варваров в городе не могло не вызывать недовольство. Сократ говорит, что город был полон варваров, и горожане чувствовали себя пленниками (Soc. V, 6, Soz. VIII, 7, Zos. V, 12-18). Гайна, со своей стороны, предпринимал отчаянные усилия, чтобы захватить всю власть в свои руки. Тем не менее, он потерпел поражение, поскольку «все жители встали на защиту своего города, вооружаясь всем, что находилось под рукой» (Zos. V, 19). Только 7 тыс. готов уцелели в схватке и пытались найти убежище у алтаря церкви, в которой они молились. Император отверг их мольбу о пощаде, и по приказу императора варвары были сожжены заживо в здании церкви, где они искали убежища (Soc. V, 6, Soz. VIII, 4, Zos. V, 19, Theod. V, 32-35).

⁴ Кривушин И.П. История и народ в церковной историографии V в. Иваново, 1996. С. 76.

⁵ Кривушин И.П. Историческая концепция Феодорита Киррского // Историческая мысль в Византии и на средневековом Западе. М., 2002. С. 55.

⁶ Бибииков М.В. Историческая литература Византии. М., 1998. С. 53.



Однако нельзя сказать, что политика Иоанна Златоуста по отношению к готам свидетельствовала о засилье готов на территории империи. Как известно из многочисленных источников, Иоанн Златоуст был ярким противником арианства, приверженцами которого были многие готы. Сократ сообщает о ночных шествиях ариан, происходивших, несмотря на то, что со времен Феодосия Великого всяческие собрания и шествия ариан были запрещены (Soz. VIII, 4). По субботам, воскресеньям и праздничным дням «они собирались в городских воротах у портиков, и на двух противоположных сторонах пели гимны, составленные с целью пропаганды арианского учения» (Soc. V, 8). Иоанн как ревностный пастырь не мог не опасаться, что красочные ночные шествия привлекут кого-то из православных на сторону ариан. Златоуст инициировал подобные ночные шествия и в православной церкви, постаравшись, чтобы православные шествия превосходили арианские своей торжественностью. Он заручился поддержкой императорского двора, придумал сопровождать песнопения ношением серебряных крестов и восковых свечей, на что сама императрица Евдоксия выделила средства, «и вскоре православные ночные шествия превзошли арианские и красотой, и многочисленностью» (Soz. VIII, 8; Soc. VI, 8).

Таким образом, уступки, сделанные готам по поводу открытия арианской церкви, вовсе не означают, что Иоанн Златоуст способствовал их дальнейшей инфильтрации и более глубокому проникновению в империю. На данный момент, когда ситуация в империи была крайне небезопасной, такие уступки смогли несколько сгладить назревшие противоречия и затормозить дальнейшее продвижение Гайны.

В ходе всех этих важных для страны событий Златоуст играл второстепенную роль, но его действия показали, что он умел быть выше всех разногласий, проявляя дипломатический талант и умея вести сложнейшие переговоры. Иоанн Златоуст в своей деятельности огромное внимание уделял «готской проблеме». По готскому вопросу в Восточной Римской империи существовало полное единодушие государства, церкви и общества, и на какое-то время действия епископа Иоанна примирили его со знатью, которая ненавидела Гайну и готов – первых варваров, активно внедрившихся в высшие структуры империи на рубеже IV-V вв.

THE GOTHES IN CONSTANTINOPLE: A REVOLT OF GAINAS IN 399-400 AD

O.V. LYAKHOVSKAYA

*Belgorod National Research
University*

e-mail: Lyahovskaya_1989@mail.ru

At this article are research a question about of process of Gothic tribes' integration in Empire at border of 4-5 cent. AD. A Revolt of Gainas the Goth (399-400 AD) is a monument of a rise of force in process of Gothic infiltration in military and politic circles of Empire. The Gothic generals now fighting for separate provinces and privacy and gives a challenge to government of Roman Emperor. A Church did a chance of elimination of this conflict in person of Constantinople Priest John Chrysostom. There is a difficult of relationship between Empire and Gothes at Early 5 cent. AD. "A Gothic question" was one of importance in government and in man of Church too.

Key words: Gothes, Constantinople, Byzantium, barbares.



К ИСТОРИИ ДРЕВНЕХРИСТИАНСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ (САРКОФАГИ, АВОРИИ)*

Я.Ю. ИВАНИЦКАЯ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Emortalov@mail.ru

В работе рассматривается круг памятников – древнехристианская пластика, представленная прежде всего рельефами на саркофагах и из слоновой кости (авории). Эта ветвь древнехристианского искусства оказалась маргинальной и не вышла за рамки ранневизантийского периода.

Ключевые слова: христианство, скульптура, рельеф, саркофаг, диптих.

Древнехристианский скульптурный рельеф представлен значительным числом памятников – в первую очередь погребальных саркофагов, широко распространившихся именно в это время¹. Наиболее древними образцами христианской скульптуры являются мраморные саркофаги, которые изготавливались, начиная с III в. для наиболее видных членов церкви и христиан-мирян². До правления императора Константина их украшали практически те же немногочисленные сюжеты, знакомые нам по катакомбной живописи: Добрый Пастырь, Иона с китом – и т.д., но оформлялись и размещались они на саркофагах так, как это делали язычники³.

Рельефы высекались на внешних сторонах саркофагов. Расположенные в один ряд, иногда в два, в отношении полноты разнообразия сюжетов они не уступают стенописи. На боковых сторонах барельефы встречаются редко, ибо их не было видно вследствие того, что саркофаги ставились в семейных усыпальницах катакомб под арками, вырубленными в туфе. Еще реже барельефы имеются на всех 4-х сторонах саркофага.

После торжества христианства саркофаги помещались кругом церквей. Многие из них можно отнести к векам гонений. Сюжеты их барельефов те же самые, что и катакомбных фресок; но к ним прибавлены некоторые другие, например: явление Христа перед Пилатом; Ирод, отдающий приказание истребить младенцев; апостол Петр, ведомый в темницу; Спаситель, вынимающий из пасти змея плод древа познания добра и зла, и т.п. Некоторые из христианских саркофагов, найденных в катакомбах, украшены фигурами вполне классического характера, каковы, например, аллегорические образы времен года, плывущие дельфины, корабль, управляемый гениями, жатва, а потому можно предполагать, что они исполнены языческими мастерами. К подобным сюжетам верующие присоединяли иногда фигуру христианского значения. У римлян были точно такие же саркофаги, и христианские памятники этого рода по внешнему виду, по размещению барельефов, по орнаментации и по технике составляют, так сказать, продолжение языческих. Сюжеты – христианские, но «вставлены в античную рамку».

Самые ранние дошедшие до нас христианские саркофаги исполнены с тщательностью; фигур на них обычно мало, архитектурные части в них выбраны и рас-

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Госконтракт ПЗ22 «Человек переходной эпохи: Поздняя античность – Ранняя Византия».

¹ Аверинцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 35. Многочисленные образцы этих памятников см. в кн.: Dalton O.M. Byzantine Art and Archaeology. N.Y., 1961. P. 131-142.

² Байе Ш. Византийское искусство. СПб., 1888. С. 115.

³ Васильев А.А. История Византийской империи. Т. 1. СПб., 1998. С. 358.



пределены со вкусом. Символические изображения их барельефов размещены довольно оригинально, с большой свободой; ничего условного не проявляется в их расположении, чего мы обычно не встречаем в барельефах более позднего времени. В христианских барельефах саркофагов несколько планов; одни из фигур совершенно отделяются от фона, так что получают вид статуэток; другие прикасаются к нему только одним боком или спиной; третьи несколько более углублены в него.

Так как верующие очень часто передавали на саркофагах начало, развитие и заключение христианских догматов при помощи библейских сюжетов, что требовало многочисленных сцен, то в их барельефах мы встречаем больше сложности и спутанности, чем на языческих римских саркофагах. Сцены, представленные рядом, без промежутка, входят одна в другую, и нужен некоторый навык, чтобы понимать их смысл. Иногда они разделены одна от другой колонками, которые поддерживают архитрав, щипец или арку. В отдельных случаях для их разделения служат деревья, виноградная лоза и т.п.

В середине изображается главный сюжет, иногда Спаситель на троне. В исторических сценах барельефов Он представляется в виде молодого римлянина, задрапированного в античные одежды, со свертком пергамента или с жезлом в руке. При изображении чудес, совершенных Христом, часто является фигура в античной одежде, не принимающая участия в действии; она означает, вероятно, народ, символизирует общественное мнение, как хор в греческих трагедиях. В барельефах ранних саркофагов вплоть до середины IV в. драпировки накинуты правильно, в изображении обнаженного тела видно изучение природы, головы и движения фигур передают иногда довольно верно одушевляющие их чувства. Тут еще проявляются античная простота и ясность распределения сюжетов⁴. Замечен также и прием античного искусства, состоящий в том, что определенное действие, известная идея представляются и выражаются меньшим, по возможности, числом лиц.

Во 2-й половине IV в. наступает упадок христианской пластики: подражание натуре ослабляется в ней символизмом; фигура человека воспроизводится все с меньшим и меньшим умением. Вкус делается менее чистым; в композиции и группировке наблюдаются однообразие, монотонность, забота о сохранении симметрии; например, в крайних сценах изображается какой-нибудь массивный предмет – с одной стороны седалище Богоматери, с другой скала Моисея. Однажды выработанная форма не изменяется, но грубеет и передается все менее и менее удовлетворительно. Фигуры мало оживлены, позы их повторяются; головы, руки и ноги делаются массивными; складки одежд становятся как бы искусственными.

В V в. в телах фигур на христианских барельефах уже мало жизни, и их мускулы лишены определенности, члены как бы связаны, движения вялы, неловки; обнаженное тело вылеплено без знания его структуры, без наблюдения природы; техническая часть совершенно неудовлетворительна. Этот упадок идет постоянно в возрастающей прогрессии; сюжеты выбираются и группируются уже без всякого вкуса. Лица погребенных, когда они представлены на саркофагах, очень неопределенны и не имеют почти ничего портретного. Одни и те же сцены повторяются с утомительным однообразием. Если художники и желают иногда придать фигурам силу и энергию, то это делается очень грубо и неловко, при помощи широких лиц, коротких, тяжелых и неуклюжих туловищ, неестественных телодвижений. Изображая несколько лиц вместе, мастера не знают, как поставить их одно возле другого. Орнаменты и архитектурные мотивы делаются также однообразными и выказывают бедность фантазии; они даже совершенно исчезают. Сама техника работы из мрамора утрачивается.

⁴ Нельзя не согласиться с известной идеей Н.П. Кондакова о постепенной схематизации и огрублении ранневизантийского искусства, происходившими синхронно с изживанием остатков античного искусства в VI-VII вв.

Среди наиболее интересных и важных изображений – рельефы на саркофаге св. Елены IV в. из мавзолея на Via Labicana (ныне Ватикан)⁵, саркофаге Констанции IV в. (Ватикан)⁶, рельеф Христос на колеснице саркофага из базилики Св. Амвросия в Милане⁷, саркофаг Пигнатта из Равенны⁸, саркофаг из Музея Равенны с сценой Воскрешения Лазаря⁹, саркофаг Барбаттиана из Кафедрального собора Равенны¹⁰, саркофаг IV в. из катакомб св. Калликста в Риме¹¹ и др.

Наиболее известным памятником раннехристианской скульптуры является мраморный саркофаг, в котором был похоронен римский городской префект Юний Басс (359 г.)¹². Будучи уже при смерти, он обратился в христианство, именно поэтому на саркофаге изображены христианские сюжеты из Ветхого и Нового Завета.

Передняя плита саркофага посредством небольших колонн делится на десять квадратных секций, каждая из которых представляет собой рельеф на сюжет из Ветхого или Нового Завета. В верхнем ряду мы видим такие сцены, как «Жертвоприношение Авраама», «Св. Петр в узах», «Спаситель на троне со свв. Петром и Павлом» и «Христос перед Понтием Пилатом» (две правые секции). В нижнем ряду изображены сюжеты: «Иов на гноище», «Грехопадение Адама и Евы», «Вход Господень в Иерусалим», «Даниил во львином рву» и «Св. Павел, ведомый на мучения». Такой несколько странный для нас выбор сюжетов был очень характерен для людей эпохи раннего христианства с их специфическим образом мышления, согласно которому божественная природа Христа в противовес его человеческому естеству приобретала особую значимость¹³. Поэтому страдания и смерть Спасителя оставались в тени – на них как бы указывалось косвенно.

На верхнем рельефе – Пантократор, то есть Вседержитель, владыка мира, восседающий на небесном троне; на нижнем – царь Иудейский, при всеобщем ликовании въезжающий в Иерусалим¹⁴. Адам и Ева – первые грешники – символизируют принятие Христом на себя грехи мира; сюжет «Жертвоприношение Авраама» – это ветхозаветный прообраз искупительной жертвы Христа¹⁵. Образы Иова и Даниила выполняют ту же функцию, что и образ Ионы: они вселяют надежду на ниспосланное свыше спасение. Фигуры, размещенные создателем саркофага в глубоких нишах, явно свидетельствуют о его сознательном стремлении попытаться воссоздать то благородство форм, что было свойственно статуям Древней Греции¹⁶. Вместе с тем, в сценах, предусматривающих, казалось бы, большой накал действия, за внешней «ширмой» классицизма мы ощущаем удивительную пассивность и вялость. Представшие перед нами события и персонажи уже не говорят сами за себя в физическом или эмоциональном смысле, но сообщают нам более высокое знание; они исполнены символического значения, которое связывает их воедино и задает иератичную медлительность.

Так как данный памятник относится к IV веку, то Иисус, в соответствии с религиозной традицией того времени, изображен здесь без бороды, волосы его коротко пострижены. Сцены из Ветхого Завета (например, жертвоприношение Авраама) подобраны таким образом, чтобы предвещать совершённую Христом жертву¹⁷.

⁵ Dalton O.M. Byzantine Art and Archaeology. N.Y., 1961. P. 131, fig. 76.

⁶ Ibid. P. 134, fig. 77.

⁷ Сусленков В.Е. Свет в позднеантичном и раннехристианском искусстве и раннехристианская иконография Христа-Солнца // Образ Византии. Сборник статей в честь О.С. Поповой. М., 2008. С. 501, рис. 10.

⁸ Dalton O.M. Byzantine Art and Archaeology. P. 137, fig. 78; p. 139, fig. 79.

⁹ Ibid., p. 140, fig. 80.

¹⁰ Ibid., p. 141, fig. 81.

¹¹ Беляев Л.А. Христианские древности. СПб., 2000. С. 83, илл.

¹² Колпакова Г.С. Искусство Византии. Ранний и средний периоды. СПб., 2004. С. 35, илл.

¹³ Бычков В.В. Византийская эстетика. Теоретические проблемы. М., 1977. С. 216.

¹⁴ Гарнак А. Сущность христианства: 16 лекций. М., 2001. С. 87.

¹⁵ Талбот Райс Д. Искусство Византии. М., 2002. С. 98.

¹⁶ Полевой В.М. Искусство Греции. Средние века. М., 1973. С. 289.

¹⁷ Залеская В.Н. Символика античных образов в ранневизантийском искусстве // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв. Л., 1988. С. 21–22.



На саркофаге сцены, группирующиеся вокруг образа Спасителя Эммануила, организованы на началах преобразовательной символики: «Жертвоприношение Авраама» соответствует здесь «Взятию Петра под стражу»; «Иов на гноище» – «Адаму и Еве»¹⁸ и т.д. Эпизоды объединяются попарно в горизонтальном ряду, знаменуя этим включение новой символики в рамки прежнего повествовательного принципа. Сцены саркофага разделяются между собой колоннами, лица персонажей индивидуальны, отличает фигуры то, что их головы непропорционально велики. Портрет покойного отсутствует, но на крышке саркофага высечена надпись, которая восхваляет различные доблести умершего.

Поиски новых законов объединения разновременных эпизодов выразились в том, что каждая сценка помещается в архитектурно оформленную нишу. Игра разнообразно выступающих объемов (от почти круглой скульптуры к уплощенному рельефу) подчеркивает эффектную «раскадровку» композиции колонками коринфского ордера. Пространство, заключенное в эти ниши, выглядит очень глубоким: объемы фигур таинственно проступают из этой глубины¹⁹.

Композиция христианских барельефов была несколько видоизменена со временем. Барельефы представляли собой длинную полосу, в итоге составляющую сюжетную линию; каждый мини-сюжет делился между собой колоннами на окошки. Наглядно данное разделение было представлено в виде двух-трех фигур, упирающихся головами в арку окошка, а концами ног касающихся карнизов. Подобный вид отделки барельефа воспринимался первыми христианами как эстетичный и именно поэтому нашел широкое распространение. Основными сюжетами в этот период по-прежнему оставались изображения Адамы и Евы, шествие Иисуса в Иерусалим, Иисус, сидящий на троне, и другие.

Рельефы, изображенные на саркофаге Юния Басса, показывают некий синтез древнеримской иконографии и зарождающегося христианского искусства. Имеются здесь и некоторые языческие изображения, к которым можно отнести фигуру Целия.

Еще одним памятником раннехристианской скульптуры является саркофаг «двух братьев» (IV в.)²⁰. В его скульптурном решении содержится иной принцип организации: это не отдельные сцены, соединенные по закону «агрегатного» пространства, а лента непрерывного фриза. В основе этой композиции лежат не пространственные ячейки и не архитектурный ордер, а плоскость – ее единство является стержнем рождения композиции. Общее устройство подчинено очень жесткой симметрии, строгой центричности и постоянной ориентации фигур на заднюю стенку рельефа. Новые композиционные принципы отражены и в интерпретации формы: она становится более резкой, определенной, можно сказать, «академической»²¹.

Еще один вариант композиционной структуры представлен саркофагом со сценой сбора винограда (350 г.)²². Здесь в полной мере отражены буйство форм и игра динамичной светотени на основной поверхности изображения, они заключены в жесткие рамки разделителей – фигур трех мосхофоров²³. Фигуры этих «добрых пастырей» проявляют новый христианский закон и новый смысл обыденной жизни. Сцена сбора плодов приобретает значение христианской жатвы: устойчивые вертикали фигур мосхофоров придают новую разумность и целенаправленность евангельской перспективы²⁴.

¹⁸ Безобразов П.В. Очерки византийской культуры. Петроград, 1919. С. 96.

¹⁹ Вёрман К. История искусства всех времен и народов. Т. 1. М., 2000. С. 125.

²⁰ Колпакова Г.С. Искусство Византии. СПб., 2004. С. 37.

²¹ Покровский Н.В. Очерки памятников христианского искусства. СПб., 1999. С. 83.

²² Колпакова Г.С. Искусство Византии. СПб., 2004. С. 36.

²³ Пастух, несущий на плечах теленка (мосхофорос).

²⁴ Еп. Порфирий (Успенский). Святыни Земли Итальянской (из путевых заметок 1854 г.). М., 1996. С. 186.

Среди наиболее зрелых и отточенных по замыслу и исполнению рельефов является хранящийся в Равенне саркофаг с изображением Христа и апостолов²⁵. Здесь композиция представляется единой. И архитектура, и орнамент упорядочены и симметричны: в этой симметрии прочитывается новый высший закон – абсолютный покой, статика и неизменность. Раковины, на фоне которых помещены головы апостолов, – еще не нимбы, но они четко формулируют идею изокефалии (равноглавия), которая здесь несет нескрываемый символический подтекст: «И кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» [Матф. 20:27]. Раковины, вписанные в арки на колоннах, являются традиционным, еще ветхозаветным символическим знаком храма. Апостолы представлены на саркофаге в Новой скинии евангельского завета, ограждая строем своих фигур ее Святая Святых²⁶.

Помимо саркофагов рельефы создавались и в крупных формах – как детали украшений христианских храмов.

Интересен сюжет рельефа, происходящего из церкви св. Сабины в Риме, – изображение здесь помещено на портале и представляет собой законченные сюжетные линии. Данное произведение раннехристианского искусства относится к V веку²⁷. Створки портала, предположительно, имели 28 рельефных панно, из которых дошли до нас 10 малых и 8 больших. Пять панно содержат в себе изображения новозаветных сюжетов, 13 представляют ветхозаветные сцены. На первой слева доске верхнего ряда изображено Распятие. Три креста, обозначенные только концами поперечных брусьев, стоят в ряд перед фронтонами города. Спаситель почти вдвое больше разбойников. Все три фигуры нагие, и только их чресла прикрыты небольшими драпировками. Ступни их ног поставлены врозь. Формы здесь достаточно грубы, но идея передана вполне достоверно. Имеются на портале и изображения других сцен, например, Взятие пророка Илии на небо, или Вознесение Господне, данные изображения более динамичны, возможно, данный факт можно объяснить тем обстоятельством, что сцена Распятия весьма трагична, и излишний динамизм и живость могли помешать восприятию этого сюжета. Австрийский исследователь нач. XX в. Й. Стржиговский считал, что данные композиции, выполненные на портале церкви св. Сабины, принадлежат к малоазиатскому или сирийскому искусству²⁸.

Обилие художественных вариаций в рельефной пластике раннего христианства словно предвещает будущую судьбу этого вида искусства в Византии, где круглая скульптура окончательно утратит свои позиции²⁹.

Таким образом, в раннехристианский период скульптура развивалась главным образом в виде изображений рельефных на саркофагах. Основные ее мотивы – это изображения из Ветхого и Нового Заветов, которые исполнены покоем, умиротворенностью, новым смыслом жизни, – христианским.

Длительной исторической перспективой этот вид искусства не имел. По сравнению с живописью и архитектурой скульптура играла в раннехристианском искусстве второстепенную роль³⁰. Сами изображения типологически зависимы от позднеримских, от которых они, собственно, и происходят.

Другими наиболее важными памятниками рельефа «помимо саркофагов» являются мраморный рельеф из константинопольского Ипподрома³¹, рельеф с базы обели-

²⁵ Колпакова Г.С. Искусство Византии. СПб., 2004. С. 36.

²⁶ Weitzmann K. The Survival of Mythological Representations in Early Christian and Byzantine Art and their Impact on Christian Iconography // DOP. 1960. V. 14. P. 51.

²⁷ Бармина Н.И. Роль катакомб и базилик в становлении христианской художественной культуры // Византия в контексте мировой истории. СПб., 2004. С. 12.

²⁸ Банк А.В. К вопросу о роли Сирии в формировании византийского искусства // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967. С. 80. Ориентализм Стржиговского критиковал Д.В. Айналов, утверждавший эллинистические приоритеты в византийском искусстве.

²⁹ Покровский Н.В. Очерки памятников христианского искусства. СПб., 1999. С. 109.

³⁰ Weitzmann K. Late Antique and Early Christian Book Illumination. N.Y., 1977. P. 230.

³¹ Dalton O.M. Byzantine Art and Archaeology. N.Y., 1961. P. 143, fig. 82.



ска Феодосия в Константинополе³², изображение Орфея на мраморе из Каирского музея³³, амвон V в. из Салоник³⁴, мраморный рельеф с изображением св. Петра из окрестностей Синопы³⁵, скульптуры колонн кивория церкви св. Марка в Венеции³⁶ и др.

Что касается древнехристианской прочей рельефной пластики, выраженной в виде различных рельефов, помещенных на резных изображениях из кости (авории), наиболее интересны те произведения, которые относятся к IV веку.

К данному периоду принадлежит прямоугольный ящик слоновой кости в христианском музее Брешии, признаваемый мощехранительницей (липсанотекой). В его рельефах присутствует некое сплетение тем Нового и Ветхого Завета, сама композиция отличается ясностью и спокойностью, четкостью изображений.

Также наиболее репрезентативны изображения на коптских панелях V в. из Каирского музея³⁷, рельеф на костяной пиксиде IV в. из Берлина³⁸, костяная панель VI в. «Крещение» из Британского музея³⁹, рельефы епископского трона из Равенны VI в.⁴⁰, костяная пиксида с двумя рельефами – «Даниил между львами» и «Мученичество св. Мины» VI в. из Британского музея⁴¹, пиксида IV в. со сценой «Жертвоприношение Исаака» из Берлина⁴², диптихи «Адам в раю»⁴³ и «Св. Павел на Мальте»⁴⁴ 1-й пол. VI в. из Музея Барджелло во Флоренции, костяной книжный оклад VI в. из Национальной библиотеки в Париже⁴⁵, такой же оклад из Музея Равенны⁴⁶ и Британского Музея⁴⁷, резная панель из собора в Треви VI в. со сценой перенесения реликвий⁴⁸, изображение императрицы на панели из Музея Барджелло во Флоренции⁴⁹ и др.

Наконец, еще одним ярким видом памятников древнехристианской пластики являются Консульские диптихи – таблички для записей из слоновой кости, вручавшиеся консулам при вступлении в должность. Самый ранний датирован 406 г., последний – 541 г. На консульских диптихах помещалось изображение назначенного консула (в полный рост или погрудно) в обрамлении растительного орнамента. Кроме этого встречаются в отдельных медальонах цирковые сцены, состязания колесниц на ипподроме, борьба с дикими зверями, театральные актёры. Также диптихи покрывались красками, иногда инкрустировались драгоценными камнями. На ранних диптихах видно влияние античных традиций. Это проявляется как в стилистике изображения, так и в подборе сцен (например, сцены из античных драм, персонификации и т.п.). Консульские диптихи VI в. показывают появление византийского стиля на фоне греко-восточной художественной традиции⁵⁰.

Среди основных диптихов – диптих Проба 406 г., диптих Боэция 487 г. из Музея Брешии, диптих Ареобинда 506 г., диптих Анастасия 517 г.⁵¹, диптих Филоксена

³² Ibid., p. 145, fig. 83.

³³ Ibid., p. 152, fig. 87.

³⁴ Ibid., p. 147, fig. 84.

³⁵ Ibid., p. 154, fig. 88.

³⁶ Ibid., p. 155, fig. 89.

³⁷ Ibid. – P. 181, fig. 108.

³⁸ Ibid., p. 183, fig. 110.

³⁹ Ibid., p. 184, fig. 111.

⁴⁰ Ibid., p. 186, fig. 112; p. 204, fig. 122; сцена «Господь и самаритянка» – p. 205, fig. 123.

⁴¹ Ibid., p. 187, fig. 113.

⁴² Ibid., p. 191, fig. 115.

⁴³ Ibid., p. 193, fig. 116.

⁴⁴ Ibid., p. 194, fig. 117.

⁴⁵ Ibid., p. 207, fig. 124.

⁴⁶ Ibid., p. 210, fig. 125.

⁴⁷ Ibid., p. 211, fig. 126.

⁴⁸ Ibid., p. 212, fig. 127.

⁴⁹ Ibid., p. 213, fig. 128; Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 1999, табл. V.

⁵⁰ Лихачёва В.Д. Искусство Византии IV-XV веков. Л., 1981. С. 28-29.

⁵¹ Также см.: Dalton O.M. Byzantine Art and Archaeology. N.Y., 1961. P. 198, fig. 119.



525 г., диптих Ореста 530 г.⁵², диптих 1-й пол. VI в. с изображением архангела Михаила⁵³ и др.

Особое место занимает диптих Барберини⁵⁴ – не консульский, а парадный, с изображением императора (IV в.)⁵⁵. Центральная панель диптиха из слоновой кости несёт выполненный в высоком рельефе образ императора-триумфатора. Виктория, персонифицирующая Победу, увенчивает его главу; Земля в виде женской фигуры приносит к его ногам свои плоды; варвар, скиф или перс, покорно стоит за его конём.

Ни сама композиция, ни её детали не содержат указаний на христианскую догматику. Боковые изображения выполнены в низком, уплощённом рельефе, оттеняющем живописность центральной сцены. Их содержание двойственно. Наибольший интерес представляет верхняя панель, с IMAGO CLIPATA юного, безбородого и безусого Христа, несомого ангелами. Его присутствие указывает на истинный источник власти в империи – небесного Суверена.

Таким образом, наблюдается композиционная преемственность в скульптуре и рельефах христиан от генезиса христианской религии до периода ее повсеместного распространения среди населения Империи и ее провинций. Объемная скульптура, лишённая богослужебного смысла, не получила дальнейшего развития. Консульские диптихи исчезли вместе с фактическим значением должности консулов.

TO HISTORY OF EARLY CHRISTIAN SCULPTURE (SARCOPHAGUS, IVORY)

Ya. Yu. IVANITSKAYA

Belgorod National Research University

e-mail: Emortalov@mail.ru

At this article are research a circle of monuments – early Christian sculpture, mainly in part of relief on sarcophagus and on elephantine (ivory). This part of early Christian Art was marginal and don't came from border of Early Byzantine period.

Key words: Christianity, sculpture, relief, sarcophagus, diptichus.

⁵² Ibid., p. 199, fig. 120.

⁵³ Ibid., p. 201, fig. 121.

⁵⁴ Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 1999, табл. IV.

⁵⁵ В литературе есть датировки этого памятника VI в.



УДК 902.9+902.6:930.27(477.75)

«LAPIS OFFENSIONIS»), ИЛИ К РАСШИФРОВКЕ МОНОГРАММ ПРАВИТЕЛЕЙ ФЕОДОРО

М.М. ЧОРЕФ

*Тюменский государственный
университет*

e-mail: Choref@ukr.net

Несмотря на более чем двухвековое исследование, история позднесредневековых государств Таврики все еще не изучена в полной мере. Причина этому не только в недоступности или в отсутствии письменных источников. Их комментированием занимается уже не первое поколение ученых. Проблема в том, что до сих пор не выработана методика прочтения такого информативного источника информации, как монограммы правителей. Дело в том, что не все они попали на страницы истории. Ведь летописцев интересовали только события на восточном Олимпе. В предлагаемой статье мы пытаемся вынести на научное обсуждение нашу схему прочтения монограмм православных правителей Горной Таврики. Полагаем, что эти аббревиатуры были составлены с учетом требований греческой стенографии. В результате исследования были скорректированы переводы фунской и херсонской надписей, что, как нам кажется, не только позволит по-новому взглянуть на ситуацию в регионе в тот период, но и приблизить выработку единой схемы дешифровки грекоязычных аббревиатур.

Ключевые слова: Византия, Таврика, Феодоро, Мангуп, эпиграфика, монограмма.

Изучение лапидарных памятников древней Таврики началось еще в конце XVIII в. Уже первые исследователи, посетившие полуостров, обратили внимание на позднесредневековые закладные плиты, украшенные сложными греческими монограммами, самыми заметными элементами которых являлись знаки, похожие на букву «Т». К сожалению, ученые того времени только разрабатывали методику прочтения средневековых аббревиатур¹. Этим можно объяснить нежелание первооткрывателей расшифровывать найденные ими монограммы. Однако, к счастью, лапидарные памятники были своевременно введены в научный оборот. К примеру, только благодаря П.С. Палласу мы знаем о существовании утерянной плиты с монограммами из

¹ Схему дешифровки латинских монограмм разработал еще Ш. дю Фресне дю Канж (См.: Du Fresne du Cange S. Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis. Niort, 1855. Т. V. P. 507–509. Pl. 1, 2). У. Смит обратил внимание на греческие аббревиатуры, встречающиеся на римских денариях, и выработал методику их прочтения (См.: Smith W. Literae de Re Nummaria; in Opposition to The Common Option, that the Denarii Romani. Newcastle, 1729. P. 46). Расшифровывал подобные сокращения на античных монетах и Ж. Пеллерин (См.: Pellerin J. Recueil de médailles de peuples et de villes, qui n'ont point encore été publiées, ou qui sont peu connues. Paris, 1763. Т. I. Contenant les Médailles d'Europe. P. 133; Mélange de diverses médailles: pour servir de supplément aux Recueils des M Médailles de Rois et de Villes, Qui ont été imprimés en MDCCLXII & MDCCLXIII. Paris, 1765. Т. II. Médailles Impériales Grecques, qui manquent dans Vaillant, avec des Observations sur celles qu'il a publiées. P. 141, 145). Занимался ими и Й.Х. фон Эшкель (См.: Eckhel I. Doctrina numorum veterum. Vindobonae, 1792. P. I. Numis urbium, populorum, regum. V. I. P. CLI, 195, 233). К концу XVIII в. методика их прочтения была так хорошо изучена, что Й.К. Раш смог проиллюстрировать свой просопографический словарь греческими и латинскими монограммами (См.: Lexicon universale rei numariae veterum et praecipue graecorum ac romanorum cum observationibus antiquariis geographicis chrinologicis historicis criticis et passim cum explicatione monogrammatum / Edidit Io. Cristophorus Rasche, praefatus est Christ. Gottl. Heyne. Lipsae, 1785. Т. I. A–C. Pl. 1–2; Lexicon universale rei numariae veterum et praecipue graecorum ac romanorum cum observationibus antiquariis geographicis chrinologicis historicis criticis et passim cum explicatione monogrammatum / Edidit Io. Cristophorus Rasche. Lipsae, 1785. Т. II. P. I. D–G. Pl. 1; Lexicon universale rei numariae veterum et praecipue graecorum ac romanorum cum observationibus antiquariis geographicis chrinologicis historicis criticis et passim cum explicatione monogrammatum / Edidit Io. Cristophorus Rasche. Lipsae, 1787. Т. III. P. I. M–E. Pl. 1). Однако широкой известности эти работы не получили.



Херсона² (рис. 6,5–7). К настоящему времени в результате активного археологического исследования древностей Горного Крыма было выявлено множество схожих монограмм, размещенных не только на камне, но и на керамике (рис. 1–3, 6). Обилие материала позволило исследователям выработать и вынести на научное обсуждение оригинальные теории расшифровки этих лигатур. Однако их предположения оказались противоречивыми.

На данный момент существует две концепции прочтения этих сокращений. Камнем преткновения стал «Т»-образный символ, наличие которого склонны учитывать отнюдь не все исследователи. Так, если часть современных ученых видят в нем знак черкесских правителей³, верхний элемент аббревиатуры слова $\delta\epsilon\omicron\lambda\omicron\tau\eta\varsigma$ ⁴, а также часть монограммы Гаврасов–Таронитов, по мнению В.Л. Мыца – владетельного дома Феодоро⁵, то их оппоненты его вовсе не выделяют и внимание на нем не концентрируют. К примеру, румынского историка Ш. Горовея он вовсе не заинтересовал⁶. С ним солидарен и австрийский исследователь Х.-Ф. Байер. Ученый видит в «Т»-образном символе «крышку монограммы»⁷. В 2009 г. в свет вышло исследование В.Л. Мыца «*Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты*»⁸. Нам оно интересно не только тем, что его автор – один из авторитетнейших исследователей–медиевистов, привел исчерпывающие сведения по археологии и истории Горного Крыма, капитанства Готии и генуэзской Кафы, реконструировав, тем самым, историю их взаимодействия. Важно то, что ученый привел тщательный разбор всех гипотез расшифровки монограмм правителей Феодоро⁹. Проведя педантичный анализ существующих теорий, он в основном поддержал точку зрения Х.-Ф. Байера, уточнив ее с учетом работ Ш. Горовея и результатов собственных исследований. Кроме того, археолог сам вынес на научное обсуждение новое прочтение ряда аббревиатур. В.Л. Мыц предположил, что монограммы, приведенные на рис. 6,6,7, можно дешифровать как «Мануил» и «Макарий»¹⁰. Но к атрибуции «Т»-образного символа он уже не возвращался, очевидно, считая свое прежде выдвинутое предположение достаточно правдоподобным. Однако и выход в свет труда В.Л. Мыца не прекратил дебатов. Дело в том, что предложенная им атрибуция «Т»-образного знака так и не стала общепринятой. Так что не стоит удивляться тому, что сторонники разных точек зрения читают в позднесредневековых таврических грекоязычных монограммах разные имена. Так, к примеру, В.А. Сидоренко на плите из Херсона разбирает имена князя Исаака (1465–1475), хана Менгли Гирая I (871–872, 874–879, 880, 883, 884–921 гг.х., 1466–1467, 1469–1474, 1475, 1478, 1479–1515 гг.) и «некоего Михаила Дуки, представителя знат-

² Pallas P.S. Observations faites dans un Voyage entrepris dans les Gouvernements méridionaux de l'Empire de Russie dand les années 1793 et 1794, traduit de l'allemand. Leipzig, 1801. P. 65. Fig. 3.

³ Кирилко В.П. Аспры с большим «Т» на лицевой стороне: опыт интерпретации // *Stratum plus*. СПб.-Кишинев-Одесса, 1999. № 6. С. 140.

⁴ Сидоренко В.А. Памятники каменной пластики средневековой Таврики // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 159. Полагаем, что в аббревиатуре Α , заинтересовавшей уважаемого исследователя, было зашифровано не « $\delta\epsilon\omicron\lambda\omicron\tau\eta\varsigma$ », а « $\lambda\omicron\beta\iota\varsigma$ Херсонов». Нашу точку зрения мы обосновали в статье: Чорев М.М. Позднейшие эмиссии Херсона, или к атрибуции монет с монограммой «Рω» // *Вестник ТГУ. Тюмень*, 2009. Вып. VII. С. 35–51).

⁵ Мыц В.Л. Поливная керамика с монограммами из раскопок Мангупа и Фуны // *Материалы I Симпозиума по проблеме «Полихромная поливная керамика Закавказья. Истоки и пути распространения»*. Тезисы докладов. Тбилиси, 1985. С. 53–54.

⁶ Gorovei Ş.S. Maria Asanina Paleologhina, doamna Moldovlahiei (I) // *Studii și materiale de istorie medie*. Bucureşti, 2004. Vol. XXII.

⁷ Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 395.

⁸ Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009.

⁹ Там же. С. 359–361.

¹⁰ Там же. С. 361. Мы имеем несколько отличное мнение о дешифровке этих аббревиатур. Но, в любом случае, их прочтение стало возможным только в результате активной научной дискуссии, начатой В.Л. Мыцом и В.П. Кирилко.



ного византийского рода»¹¹. По мнению этого же исследователя, в средней лигатуре надписи из Фуны было зашифровано имя Хаджи Гирая I (845–871 гг. х., 1441–1466 гг.)¹². Ученый полагает, что феодориты титуловали деспотами и своих князей, и татарских ханов¹³. В то же время Х.-Ф. Байер считает, что в монограммах упомянутой надписи зашифрованы имена Алексея, Исаака и Александра¹⁴. По его мнению, все они были олубеями¹⁵. В то же время В.Л. Мыц полагает, что только некоторых правителей Феодоро звали Олобо¹⁶.

Как видим, ситуация с прочтением заинтересовавших нас монограмм далеко не благополучна. Считаем, что безрезультатность дискуссии по поводу их дешифровки объясняется отсутствием общепризнанной методики прочтения позднесредневековых таврических монограмм. С целью привлечь внимание научной общественности к этому вопросу, вынесем на обсуждение наше видение на атрибуцию «*lapis offensiois*» этих аббревиатур. Надеемся, что эта гипотеза позволит выработать более достоверные и убедительные дешифровки монограмм феодоритов.

Начнем изучение монограмм с анализа явлений, на которое пока еще никто не обратил внимание. Первым делом попытаемся объяснить сам факт обилия монограмм на изучаемых плитах. Можно, конечно, считать, что посвятельные надписи из Херсона и Фуны были установлены от имени трех династов, одновременно правивших в Горном Крыму и на Южном берегу. Однако нам не известны такого рода провозглашения пиетета в византийской традиции. Сразу же заметим, что считаем это обстоятельство достаточно интересным и крайне важным. Дело в том, что в последние века существования империи при дворе бытовал обычай украшать гербами предков саккосы деспотов – младших представителей царствующей фамилии, а также жен автократов. Обратим внимание на миниатюры¹⁷ хрисовулов Мануила II Палеолога (1391–1425) и Алексия III Великого Комнина (1349–1390) (рис. 4,1–3). На первом из них старшие мужчины в семье – Мануил II и Иоанн VIII (1416–1448) облачены в темно-пурпурные саккосы и лоры. В то же время алые одежды Феодора II (1407–1443) и Андроника V (1404–1428) украшены золотыми двуглавыми орлами – гербами династии Палеологов. Примечательно то, что Елена Драгаш и Феодора Кантакузина на рассматриваемых хрисовулах облачены в алые одеяния, украшенные все теми же двуглавыми орлами (рис. 4,1–3). Следовательно, мы имеем дело с традицией, известной во всем византийском мире. Не менее интересен фрагмент фрески аркосолия внешнего нартекса церкви монастыря Хора в Константинополе (рис. 1,4). Судя по монограммам, на нем изображены представители младших ветвей рода Палеологов, принадлежавшие к домам Асанов и Дермокаитов¹⁸. Их одеяния расшиты монограммами родовых имен. Очевидно, что таким образом аристократы информировали о знатности своего происхождения. Перейдем теперь к анализу погребальной пелены Марии Асанины Палеологины¹⁹ (рис. 5). Ее одеяния украшены цветочным

¹¹ Сидоренко В.А. Указ. соч. С. 159.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Байер Х.-Ф. Указ. соч. С. 396.

¹⁵ Там же. С. 220, 222. Полагаем, что слово *Olobei* (*Olobi*) является калькой с тюркского, буквально переводимого на русский как «*правитель улуса*». Аристократ, носящий такой титул, являлся наместником хана. К примеру, Аргун, будучи улус-беком, в 1241–1245/6 гг. чеканил монету в Иране и Азербайджане от имени «*великих монголов*», т.е. всех Чингизидов (См.: Сайфеддини М.А. Монеты с надписью «Улуг мангыл улус-бек» // НиЭ. М., 1871. Т. IX. С. 117).

¹⁶ Ученый убежден в адыгском происхождении этого имени (См.: Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. С. 361. Прим. 10).

¹⁷ На рис. 4,1–2 приведен семейный портрет Мануила II Палеолога с семейством, взятый из Трудов Дионисия Ареопагита (Париж, Лувр). Для лучшего восприятия мы приводим и гравюру этого изображения, изданную Ш. дю Фресне дю Канжем (См.: Du Fresne du Cange S. *Historia Bysantina duplici commentario illustrate*. P. I. *Familiae Byzantinae*. Paris, 1680. P. 242. Fig. VII; *Historia Bysantina duplici commentario illustrate*. P. II. *Constantinopolis Christiana*. Paris, 1680. Fig. VII).

¹⁸ Ousterhout R. *The Art of the Kariye Camii*. London, 2002. P. 88.

¹⁹ Т.н. Марии Мангупской.

орнаментом. Монограммы и двуглавые орлы Палеологов размещены только по углам алой окантовки, очевидно, намекающей на высокое общественное положение покойной. Однако ее платье украшено только растительным орнаментом. Очевидно, что мы имеем дело с последними отсветами заходящего солнца древней традиции.

Попытаемся проанализировать этот факт. Полагаем, что три монограммы фунской и херсонской надписей не обязательно должны трактоваться как свидетельство родственных симпатий одновременно правящих династов. Вероятнее всего, они представляли собой своеобразную прокламацию знатности только одного или некоторых из них, по приказу которых и были построены сооружения, украшенные закладными плитами с аббревиатурами. Кроме того, в Романии в тот период времени в монограммы шифровали не личные, а династические имена. Это обстоятельство также заслуживает внимательного обсуждения. Стоит обратить внимание и на то, что лигатуры на таврических закладных плитах построены с использованием иных методов шифрации, не известных в византийской традиции. Так, к примеру, они составлены не из прописных унциальных букв, как это было принято в эпоху Палеологов, а из знаков скорописи. Следовательно, при дешифровке таврических аббревиатур мы должны использовать не столько результаты исследования лапидарных памятников, сколько наработки источниковедов, занимавшихся тахиграфическими и стенографическими сокращениями, встречающимися в византийских документах.

Итак, определившись с полем исследования, постараемся разрешить выявленные задачи. Первым делом попытаемся выработать нашу точку зрения на атрибуцию т.н. «Т»-образных символов. Сразу же заметим, что вариации в их написании не дают нам основания считать их буквами. Так, к примеру, на мангупских надписях вертикальная составляющая этих знаков значительно выступает за горизонтальную перекладину, которая, будь она на самом деле ординарная буква «Т», должна была бы ограничивать ее. Складывается впечатление, что резчик изобразил крест²⁰. Но, заметим, что на фунской и херсонской надписях т.н. «Т»-образный символ имеет иную форму. Он, действительно, напоминает ординарную букву «Т». Но он не может ею быть, так как входит в состав аналогичных монограмм²¹, расположенных в центре мангупских (рис. 1; 2; 6,4) и во втором слева кружке фунской (рис. 3; 6,1) надписей. Вообще, эти аббревиатуры отличаются друг от друга только стилем исполнения и написанием заинтересовавшего нас символа. Заметим, что именно это обстоятельство не дает нам оснований считать его какой-либо родовой эмблемой. Ведь вариации в написании т.н. «Т»-образного знака слишком разительны, чтобы считать его эмблемой одного человека.

Итак, мы пришли к выводу, что т.н. «Т»-образный символ не мог быть ни буквой, ни каким-либо родовым знаком. Попытаемся определить его значение с учетом наработок источниковедов, исследовавших византийские рукописи. И действительно, в любом средневековом рукописном тексте мы без труда найдем т.н. «титла»²² – стандартные обозначения сокращений²³. Обратимся к фундаментальному труду Г.Ф. Церетели «Сокращения в греческих рукописях преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы»²⁴. И уже во введении мы находим сле-

²⁰ Полагаем, что так оно и было. Крестообразное сочетание титла и вертикальной линии являлось аналогом культового знака – основы большинства известных поздневизантийских монограмм. Как помним, вокруг креста в круге размещали символы большинства сохранившихся аббревиатур имен знатных византийцев.

²¹ Обратим внимание на рис. 6,1,4. Как видим, написание этих монограмм практически аналогично. Различия, объясняемые почерками резчиков, с нашей точки зрения, слишком незначительны, чтобы строить на основании их анализа какие-либо гипотезы о возможности иного прочтения. Нашу дешифровку этих аббревиатур мы приведем ниже.

²² От греч. τίτλος – «надпись».

²³ По мнению Х.-Ф. Байера они представляют собой «крышки монограмм» (См.: Байер Х.-Ф. Указ. соч. С. 395).

²⁴ Церетели Г. Сокращения в греческих рукописях преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы. СПб., 1896; Сокращения в греческих рукописях преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы. Издание 2-е исправленное и дополненное. Таблицы. СПб., 1904.



дующую фразу: «Основой всей системы служит вертикальная линия, которая сообразно своему положению заменяет гласные а, е, и, о, у. Для обозначения двугласных к этой линии прикрепляется в разных положениях крючок, а для замены согласных – горизонтальная черточка»²⁵, что мы, собственно, в рассматриваемых монограммах и наблюдаем. Подобные обозначения использовались и для выделения комбинации букв, составляющих лигатуру. Такие знаки заметны практически во всех сокращениях, приведенных Г.Ф. Церетели в качестве иллюстраций²⁶. Следовательно, если рассматриваемые монограммы действительно построены с учетом требований греческой тахиграфии и стенографии, то у нас есть все основания видеть в их верхних элементах ординарное «титло»²⁷.

Итак, отказавшись от необходимости видеть в т.н. «Т»-образных символах какой-либо титул, родовое имя или что угодно другое, попытаемся проверить известные расшифровки монограмм и объяснить их массовое появление на фунской и херсонской надписях. На первой из них хорошо видны три аббревиатуры, вписанные в четко прорезанные окружности. Хорошая сохранность монограмм позволяет проследить особенности почерка резчика. Он, безусловно, хорошо владел материалом. Резчик работал практически без погрешностей. Его буквы изящны, четки и симметричны. Так, в состав левой лигатуры, очевидно, входят символы «А» (расположен левее т.н. «Т»-образного знака), «Е» (просматривается ниже этого «таинственного» символа), правее их размещена безусловно узнаваемая «Λ». Небольшой кружок, расположенный выше ее – определенно «О». Вертикальная же переключательная, проходящая через «А» в сочетании с продольной чертой выше этой буквы и ее горизонтальными составляющими, образует хорошо узнаваемые «Е» и «Σ». А вертикальная составляющая т.н. «Т»-образного знака определенно может трактоваться как «I». Все они объединены окружностью, которую, вернее всего, следует понимать как рамку ординарной монограммы, а в нашем случае являющуюся ее каркасом. Если наши рассуждения верны, то в рассматриваемой аббревиатуре зашифровано имя ΑΛΕΞΙΟΣ (Αλεξίας) – «Алексий»²⁸.

Обратим внимание на монограммы мангупских надписей 1425 и 1427 гг. Очевидно, что в них зашифровано одно и то же имя. Различия в почерках резчиков не должны нас смущать. Учтем, что временной разброс между датами мангупскими и фунской надписей более 30 лет. Считаем, что на закладных плитах из столицы Феодоро были размещены монограммы Алексия.

Перейдем к центральной монограмме закладной плиты из Фун. Для ее прочтения воспользуемся ранее опробованной методикой. Очевидно, что ее левый символ – «М», нижний – «А», а правый – строчная «К». В центральной части аббревиатуры расположена сложная комбинация букв, схожая с той, которую мы ранее расшифровали как «А», «Е» и «Σ». Но теперь она размещена в центре монограммы, причем так, что хорошо видны поперечные линии развернутой зеркально «Σ». В то же время «А» в надписи уже выделяется. Полагаем, что заинтересовавшая нас лигатура состоит из символов «О» и «Σ». В любом случае, вертикальную составляющую т.н. «Т»-образного знака можно трактовать как «I». Теперь учтем тот факт, что сочетание окружности – составляющей «А» и «I» похоже на зеркально развернутую

²⁵ Церетели Г. Сокращения в греческих рукописях преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы. С. VIII–IX.

²⁶ Церетели Г. Сокращения в греческих рукописях преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы. Таб. 1–30; Сокращения в греческих рукописях преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы. Издание 2-е исправленное и дополненное. Таблицы. Таб. 1–30.

²⁷ Заметим, что также считает Х.-Ф. Байер. Но, к сожалению, австрийский ученый не аргументировал свою точку зрения (См.: Байер Х.-Ф. Указ. соч. С. 396).

²⁸ Мы только слегка уточнили прочтения В.Л. Мыца (См.: Мыц В.Л. Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма XIV – XV вв. // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 192) и Х.-Ф. Байера (Байер Х.-Ф. Указ. соч. С. 396). При дешифровке монограмм мы воспользовались методикой, разработанной В.А. Сидоренко (Сидоренко В.А. Указ. соч. С. 159).

«P»²⁹. В таком случае, монограмму можно прочесть как ΜΑΚΑΡΙΟΣ (Μακαρίος) – «Макарий»³⁰.

Куда проще обстоит дело с правой монограммой фунской надписи. Очевидно, что она состоит из совмещенных «А», «Δ» и «Λ» (в нижней части), правильно развернутого «P» (в центре), и поперечная перекладина которого и ординарно центральная вертикальная составляющая т.н. «T»-образного знака составляют безусловную «E». Поперечный отрезок «А», вертикальная составляющая и верхняя ограничительная линия «P» образуют развернутую на 270° «N». Окружность – составляющая «P» может трактоваться и как «O». Правее их, за окружностью, резчик разместил «E». На противоположной стороне лигатуры хорошо видна конечная «Σ». Получается ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ (Αλεξανδρος) – «Александр»³¹.

Попробуем проанализировать результаты дешифровки. Очевидно, что к 1459 г., а именно тогда была высечена фунская надпись, Алексей уже умер. Но его монограмма не могла быть размещена случайно. В таком случае, у нас есть все основания предполагать, что династы позднесредневековой Таврики вырезали на закладных плитах не только свои имена, но и упоминания о великих предках³². Предполагаем, что Макарий и Александр таким образом обосновывали свое право на власть. По этой же причине на плите появился и орел Палеологов.

Перейдем к плите из Херсона. При прочтении ее монограмм воспользуемся наработками В.А. Сидоренко и В.Л. Мыца. Сразу же заметим, что, судя по почерку, ее резал третий мастер, не участвовавший в оформлении закладных камней Мангупа и Фуны. Да и по свидетельству П.С. Палласа, ее изготовили не из известняка, а из мрамора³³. Относительно высокая плотность и мелкозернистость материала не только сохранили резьбу, но и затруднили само оформление. Именно этим обстоятельством можно объяснить отсутствие на херсонской плите растительного орнамента, характерного для всех прочих позднесредневековых грекоязычных закладных камней с т.н. «T»-образными знаками. Но, в любом случае, отличная сохранность элементов аббревиатур должна облегчить их расшифровку. Приступим к этому процессу.

Начнем с левой аббревиатуры. Очевидно, что она состоит символов «I», «Σ» и «K». Некоторые сложности возникают только с атрибуцией ее нижнего элемента. Но мы все же попытаемся его определить, используя наши наработки. Заметим, что схожие символы известны на мангупских и фунской плитах. Напомним, что с учетом обстоятельств, мы видели в них «А» или «O» в комбинации с «E» и «Σ». Но так как в рассматриваемой аббревиатуре нет очевидной прописной «А», да и заинтересовавший нас символ не ограничен поперечными линиями, то у нас есть все основания трактовать его как «А». Таким образом, рассматриваемая монограмма должна расшифровываться как ΙΣΑΑΚ (Ισαάκ) – «Исаак»³⁴.

²⁹ Заметим, что изобразить ее по-другому не представлялось возможным, так как правее «I» и левее «K» свободное поле отсутствует.

³⁰ К сожалению, его биография нам неизвестна. Надеемся, что в ближайшем будущем удастся проследить события его жизни.

³¹ Как видим, мы разобрали в аббревиатурах те же имена, что и Х.-Ф. Байер (См.: Байер Х.-Ф. Указ. соч. С. 396).

³² Убедительное подтверждение нашему предположению мы находим в тексте фунской надписи. По нему башню (?) построили по приказу одного (sic!) правителя (См.: Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. С. 400).

³³ Pallas P.S. Op. cit. P. 65.

³⁴ Также полагал и А.Л. Якобсон (См.: Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII – XIV вв.) // МИА. № 17. С. 44. Прим. 1). Заметим, что Исаак известен не только по монограммам (рис. 6,5) и меткам на поливной посуде (рис. 6,8). Его правление оставило следы и на страницах истории (См.: Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. С. 401–413). Считаю своим долгом отметить заслуги В.П. Кирилко в установлении титула этого мангупского феодала. Разобрав надпись на блюде (рис. 6,8), ученый аргументировано доказал, что Исаак носил титул αὐθεντής (См.: Кирилко В.П. Указ. соч. С. 138. Прим. 2) – «самовластный повелитель, самодержец, неограниченный властелин». Убедительность его доводов была оценена научным миром. Мы также согласны с прочтением В.П. Кирилко. Попробуем только несколько скорректировать перевод слова αὐθεντής, приведенный уважаемым исследователем, а также объяс-



Перейдем к центральной монограмме. Левый ее символ, очевидно, прописная «М». Вертикальная составляющая т.н. «Т»-образного знака может быть определена как «I». Она и параллельная ей вертикальная линия, пересеченная ступенчатой чертой, возможно, составляли «N». Нижний элемент монограммы, безусловно, «А». Получается ΜΙΝΑ (Μήνα) – «Мина»³⁵.

Правая аббревиатура читается довольно просто. Ее левым символом является «М», вертикальная составляющая т.н. «Т»-образного знака, очевидно, является «I». Между ними размещена «X», образованная пересечением короткой наклонной линии и ободка монограммы. Комбинация вертикальной оси т.н. «Т»-образного знака и наклонной линии вправо образует легко узнаваемую «Λ», на которой образована «Δ». Правее ее размещена «K». Под «Λ» видны строчная «Σ», наложение которой на контур образует «Е». Левее их просматривается «Α» привычной для херсонской надписи конфигурации. Получается ΜΑΛΧΙΣΕΔΕΚ (Μελχισεδέκ) – «Мелхиседек»³⁶.

Перейдем к позднейшей таврической монограмме, вышитой на надгробной пелене Марии Асанины Палеологины (рис. 5; 6,10). Для ее дешифровки воспользуемся уже неоднократно использованной технологией. Очевидно, что поперечная перекладка – «крышка монограммы», как справедливо заметил бы Х.-Ф. Байер, является все тем же титлом. Под ним размещены сопряженные «А» и «М». Справа вышита «I», соединенная с первыми символами неширокой линией. Слева от них видна зеркально развернутая «P», окружность которой разорвана, вероятно, для симметрии. Если наша дешифровка верна, то эту лигатуру можно прочесть как ΜΑΡΙΑ (Μαρία) – «Мария»³⁷.

Как видим, для расшифровки всех этих монограмм было задействовано одно ординарное правило. Были выделены стереотипные сокращения, используемые во

нить его значение и определить период использования (ведь нельзя датировать надпись только по имени). Первым делом заметим, что этот титул появился в византийской табели о рангах при Палеологах. Именно этим можно объяснить тот факт, что Ш. дю Фресне дю Канж его не знал (См.: Du Fresne du Cange S. Glossarium ad Scriptorum Mediae et Infimae Graecitatis. Paris, 1688), Ф.И. Успенский не обнаружил его в «Тактикόν» (См.: Успенский Ф.И. Византийская табель о рангах // ИРАИК. Константинополь, 1898. Т. III. С. 98–137), а Н. Икономидис не встретил в «Κλητορολόγια» Филофея (См.: Oikonomides N. Les Listes de Préséance Byzantines des IX^e – et X^e Siècles. Paris, 1972). Ведь эти исследователи работали с более ранними источниками. Впервые самодержцем стал именовать себя только Михаил VIII Палеолог (1259/1261–1268) (См.: PLP. № 19015). Во второй половине XIV в. этот титул переняли государи крестоносцев (См.: Ibid. № 19337), а позже и многие другие греческие и латинские феодалы, в том числе и средней руки (См.: Ibid. № 21192, 21571, 21572, 21986, 25109, 26264, 29757, 30059, 31285, 92308). С конца XIV в. самодержцами стали именовать себя правители довольно удаленных от Византии государств. К примеру, этот титул переняли воеводы Молдавии Штефан I Мушату (1394–1399) (См.: Ibid. № 26805) и Штефан II (1433–1447) (См.: Ibid. № 26806). О длительности употребления этого титула говорит тот факт, что еще Георг Кастриоти Скандербег (1405–1468) – предводитель достославного восстания албанцев против турок, считал себя самодержцем. Судя по печати, хранящейся в Национальном Музее Дании, он именовал себя «ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ, ΕΛΕΩ ΘΕΟΥ, ΑΥΤ. ΡΩΜ., Ο ΜΕΓ. ΑΥΟ. ΤΟΥΡ.ΑΛΒ. ΣΕΡΒΙ.Κ. ΒΟΥΛΓΑΡΙ» (βασιλεὺς Ἀλέξανδρος, ἐλέω θεοῦ, αυτοκράτωρ Ρωμαίων, ὁ Μέγας αὐθέντης Τοῦρκων, Ἀλβανῶν, Σέρβων καὶ Βουλγαρῶν) – «Царь Александр, милостью Божией император римлян, великий самодержец Турции, Албании, Сербии и Болгарии» (См.: The seal of Scanderbeg). Таким образом, у нас есть все основания считать, что мангупский Исаак, живший в XV вв., имел полное право именовать себя самодержцем. Полагаем также, что можно не акцентировать внимание на ошибке в написании слова Ἰσαάκ. Хоть резчик и ошибся, назвав своего государя Ἰσαάκ-ом, имел в виду он все того же династа.

³⁵ В PLP приведены сведения о двадцати одноименных личностях, живших в эпоху Палеологов (См.: PLP. № 18017–18036). Но, похоже, нашего Мины среди них нет. Предполагаем, что он был светским правителем, имевшим отношение к греческим династам позднесредневековой Таврики. Считаем важным отметить и то, что у нас и в данном случае нет нужды быть излишне требовательными к грамотности резчиков монограмм. По-видимому, они регулярно путали «N» и «I», а изредка «K» и «X».

³⁶ К этому же выводу пришел и Ш. Горovej. Правда, румынский ученый не выделил символы «Е» и «X» (См.: Gorovej Ş.S. Op. cit. P. 25). Весьма близок к дешифровке этой аббревиатуры был и В.П. Кирилко. Ученый разобрал в ней символы «М», «А», «Λ», «X», «Ο» и «Σ». Он предположил, что монограмму можно расшифровать как Μάλχος или Μάλαχος (См.: Кирилко В.П. Указ. соч. С. 138. Прим. 2).

³⁷ Мы приводим прочтение этой лигатуры исключительно в целях проверки нашей методики.

всех аббревиатурах. Удалось выяснить правила их использования. Отсутствие различий придает нам уверенности в правдоподобности предложенной дешифровки.

Обратим теперь внимание на монограммы, известные на керамике феодоритов. Очевидно, что аббревиатура, изображенная на рис. 6,9, совершенно аналогична правой монограмме фунской плиты (рис. 6,3). Полагаем, что ее также следует приписать Александру. Куда сложнее ситуация с лигатурами, изображенными на рис. 6,11–14. Ведь, даже выделив буквы, мы не сможем уверенно их расшифровать. Заметим также, что материал, на котором они размещены – камень и поливная керамика – не дает нам очевидных оснований отнести их к монограммам правителей Феодоро.

Но даже это обстоятельство не дает нам оснований отчаиваться. В любом случае, нами была выработана методика, как нам кажется, пригодная для дешифровки позднесредневековых лигатур имен правителей Феодоро. В результате исследования были скорректированы переводы фунской и херсонской надписей, что, как нам кажется, не только позволит по-новому взглянуть на ситуацию в регионе в тот период, но и приблизит выработку единой схемы дешифровки грекоязычных аббревиатур, чем мы и планируем заняться в ближайшем будущем.



1



2

Рис. 1–2. Архитравная плита с надписью «владельца Феодоро и Поморья» Алексия (1425 г.):
1–фотография сохранившейся части надписи;
2–реконструкция (по В.Л. Мыцу)



Рис. 3. Прорисовка надписи 1459 г. из Фуны (по В.Л. Мыцу)



Рис. 4. Семейные портреты Палеологов и представителей родственных им семейств: 1—Мануил II Палеолог с семейством (Труды Дионисия Ареопагита, Париж, Лувр); 2—гравюра с этой миниатюры (по Ш. дю Фресне дю Канжу); 3—Алексий III Великий Комнин и Феодора Кантакузина на хрисовуле монастырю Дионисиат на Афоне (по С.П. Карпову); 4—изображения представителей родов Асанов и Дермокаитов из аркосолия внешнего нартекса церкви монастыря Хора в Константинополе.



Рис. 5. Погребальная пелена Марии Асанины Палеологини из монастыря в Путне: 1—фотография; 2—прорись (по В.Л. Мыцу)

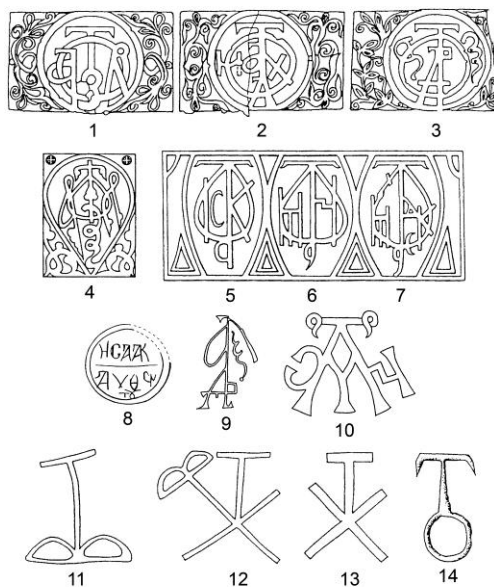


Рис. 6. Позднесредневековые грекоязычные таврические монограммы: 1–7 – на закладных плитах (1–3 – из Фуны; 4 – из Мангупа; 5–7 – из Херсона); 8–9, 11–14 – надписи и монограммы на керамике и камне (8 – надпись Исаака самодержца на доньшке блюда из Мангупа, 9 – монограмма Александра на дне поливной чаши из Фуны; 11–14 – метки на камне и керамике из Мангупа); 10 – монограмма Марии Асанины Палеологины (по В.Л. Мыцу).

«LAPIS OFFENSIONIS», OR TO READING OF MONOGRAMMS OF THEODORO' RULERS

M.M. CHOREF

Tumen' State University

e-mail: Choref@ukr.net

Despite more than two centuries of research, the history of late medieval Taurica still not been explored fully. The reason for this is not just unavailability or lack of written sources. Commenting on their deals is not the first generation of scientists. The problem is that there is still not developed a method of reading such a helpful source of information, such as monograms of rulers. The fact that not all of them were on the pages of history. After all, the chroniclers were only interested in events in the power Olympus. In this article we try to make a scientific discussion of our reading scheme Monograms Mountain Taurica Orthodox rulers. We believe that these abbreviations have been compiled with the requirements of the Greek shorthand. The study was adjusted translations titles from Cherson and Phuna that we think will not only allow for a fresh look at the situation in the region during that period, but also bring out a unified scheme of decryption Greek abbreviations, which, incidentally, we plan to do in the near future.

Key words: Byzantine, Taurica, Theodoro Mangup, epigraphy, monogram.

Список сокращений

- | | | |
|-------------------------------|---|---|
| ИРАИК | – | Известия Русского Археологического института в Константинополе |
| МАИЭТ | – | Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии |
| МИА | – | Материалы и исследования по археологии СССР |
| НиЭ | – | Нумизматика и Эпиграфика |
| ТГУ | – | Тюменский государственный университет |
| PLP | – | Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 2001. 1 эл. опт. диск (CD-ROM) |
| The seal of Scanderbeg | – | The seal of Scanderbeg. URL: http://bjoerna.dk/albansk-historie/Seal-of-Scanderbeg.htm (дата обращения: 27.03.2011) |



ЧЕРНАЯ ПАЛАТА В БОЛГАРЕ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ АРХИТЕКТУРНОЙ ФОРМЫ

Э.Д. ЗИЛИВИНСКАЯ

*Институт этнологии
и антропологии РАН
им. Н.Н. Миклухо-Маклая,
г. Москва*

e-mail: eziliv@mail.ru

Уникальным памятником золотоордынского зодчества, который сохранился до наших дней, является Черная палата в Болгаре. В разное время ее считали мечетью, мавзолеем, ханак и судным местом с тюрьмой. По своим архитектурным формам Черная палата представляет собой типичный пример центрического мавзолея. До сих пор исследователи сравнивали ее с мавзолеем Средней Азии и считали, что она построена в среднеазиатских традициях. Анализ объемно-пространственной структуры, архитектурного декора и строительной техники позволяет сделать вывод о принадлежности Черной палаты к закавказско-малоазийской сельджукской традиции.

Ключевые слова: Средневековье, Золотая Орда, Болгар, Черная палата, мавзолей, сельджукская традиция.

Город Болгар является уникальным памятником истории и культуры Поволжья. Возникнув в домонгольский период, он переживает расцвет в золотоордынское время. Именно тогда здесь строятся многочисленные каменные здания, часть которых сохранилась до наших дней. Среди них видное место занимает памятник, носящий название Черная палата (рис. 1.1; 2.1). Это квадратное в плане купольное здание, общая высота которого в настоящее время достигает 12 м. По вертикали здание разделено на четыре яруса.

Нижний, цокольный ярус имеет форму усеченной пирамиды, которая сужается от 11,5 до 10 м и имеет высоту 1,8 м. В северной стене цоколя сделан вход со стрельчатым верхом, который ведет в нижнее, полуподземное помещение. Вокруг цокольной части со всех сторон были пристроены небольшие камеры, остатки которых хорошо видны на изображениях, сделанных в XVIII-XIX вв.¹ и впоследствии были выявлены археологически². Дополнительные помещения опоясывали здание с западной, южной и восточной сторон на ширину 2 м и с северной стороны на 3 м. Перед южным входом был сделан широкий проем, в котором, возможно, находился айван шириной около 3 м. В.В. Егерев считал, что все пристройки были сделаны позже и не имеют непосредственного отношения к первоначальному зданию³. С.С. Айдаров придерживается противоположного мнения и считает, что помещения, окружавшие здание составляют «органическое целое с первоначальным обликом Черной палаты»⁴.

Второй ярус имеет размеры 10 x 10 м и высоту 4,15 м. По центру всех его сторон сделаны дверные проемы стрельчатого очертания, на южной стене по сторонам от двери находятся два окна стрельчатой формы. Третий ярус также квадратный в плане, но несколько меньших размеров. Высота его – 1,6 м. В третьем ярусе каждая стена снабжена небольшим стрельчатым окошком. Четвертый ярус постройки представлен восьмигранной призмой со стороной около 5 м и высотой 2 м. Все восемь граней верхнего яруса имеют по одному окну, причем вокруг каждого сделано стрельчатое, а затем прямоугольное обрамление. Восьмигранник перекрыт несколь-

¹ Чернецовы Г. и Н. Путешествие по Волге. М. 1970. С. 98; Айдаров С.С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001. Рис. 65.а, 66.в.г.

² Воскресенский А.С., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные об архитектуре волжских болгар // СА. 1967. № 4.

³ Егерев В.В. Архитектура города Болгара // МИА. 61. М.-Л., 1958. С. 366.

⁴ Айдаров С.С. Указ. соч. С. 62-63.



ко уплощенным куполом. Форма купола и незначительная толщина его кладки позволяют предположить, что он имел наружное покрытие, скорее всего, конической формы⁵.

Внутри мавзолей имел над цокольной частью балочное перекрытие и был разделен на два помещения. Стены нижнего полуподземного помещения были гладко оштукатурены, интерьер верхнего, расположенного выше уровня земли, более разнообразен. В верхних ярусах стены отделаны пилястрами и трехчетвертными колоннами, окна третьего и четвертого ярусов выделены стрельчатыми архивольтами. Переход к восьмерику осуществлен при помощи полусферических тромпов, декорированных сталактитами, а тимпаны арок украшены лепными розетками и шестиконечными звездами. Окна были забраны ганчевыми решетками «панджара» с вставленными в них круглыми оконными стеклами.

Здание построено из камня в типичной для Волжской Болгарии технике. Цокольный этаж и четверик второго яруса сложены панцирной кладкой, причем внешняя облицовка составлена из тщательно отесанных блоков, а внутренняя из грубо сколотых камней на растворе. Восьмигранный ярус и купол выполнены бутовой кладкой без облицовки на растворе большой прочности. Большинство исследователей считает, что кладка, примененная при строительстве Черной палаты, происходит из Закавказья⁶.

По своей планировке, размерам и количеству помещений Черная палата значительно отличается от остальных болгарских мавзолеев. Поэтому различные исследователи атрибутировали это здание по-разному. Так А.П. Смирнов в разные годы описывал это здание как мечеть⁷, мавзолей⁸, ханака⁹. В.В. Егерев считал его центрально-купольным мавзолеем¹⁰. Ф.Х. Валеев придерживается мнения, что здание использовалось как ханака, и по своей структуре близко к ханака в Евпатории¹¹. С.С. Айдаров, основываясь на бытующих в этих местах легендах, приписывает Черной палате функции судного места с тюрьмой в цокольной части¹².

С.С. Айдаров предлагает вариант реконструкции первоначального облика здания¹³. Он считает, что основной объем был окружен двухъярусными крытыми галереями с небольшими помещениями, которые чередовались с открытыми лоджиями. Здание имело мощный выступающий портал, расположенный у его северо-западного угла, а перекрыто было восьмиольным сомкнутым сводом, так как шатровое покрытие характерно только для мавзолеев¹⁴. Наиболее близким по архитектуре Черной палате С.С. Айдаров считает Здание Диван-хане в Баку (XV в.), которое тоже по преданиям считается «ханским судилищем». Между тем, известный исследователь азербайджанского зодчества Л.С. Бретаницкий называл такую трактовку назначения Диван-хане «домыслами, сдобренными значительной долей романтической экзотики», и прямо указывал, что это сооружение мемориального назначения – мавзолей, о чем свидетельствует вся его объемно-планировочная композиция¹⁵. В Диван-хане, как и в Черной палате, имеется нижнее, полуподземное помещение склепа. Такая двухкамерная структура характерна для мавзолеев Азербайджана, Малой Азии, Среднего Востока.

⁵ Егерев В.В. Указ. соч. С. 369.

⁶ Смирнов А.П. Волжские Булгары. М., 1951. С.144; Егерев В.В. Указ. соч. С. 376.

⁷ Смирнов А.П. Указ. соч. С. 208.

⁸ Булгары – Черная палата. Казань, 1951. С. 7.

⁹ Воскресенский А.С., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Указ. соч. С. 284.

¹⁰ Булгары – Черная палата. С. 12; Егерев В.В. Указ. соч. С. 366.

¹¹ Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975. С. 140.

¹² Айдаров С.С. Архитектурные комплексы средневекового Болгара // Архитектурное наследие. 1976. XXIV. С. 142; Айдаров С.С. Исследование... С. 64-65.

¹³ Айдаров С.С. Исследование... Рис. 70.

¹⁴ Айдаров С.С. Исследование... С. 65-66.

¹⁵ Бретаницкий Л.С. Диван-хане в Баку и вопросы типологизации архитектурного наследия Переднего Востока // Художественное наследие Переднего Востока эпохи феодализма. М., 1988. С. 98.



Черная палата, в том виде, в котором она дошла до наших дней, без сомнения, представляет собой типичный пример центрического мавзолея, имеющего четыре входа и одинаковые фасады со всех сторон. Самой известной и одной из наиболее ранних построек этого типа является мавзолей Исмаила Самани X в. в Бухаре, которому посвящена огромная литература. Центрические мавзолеи были широко распространены на Среднем Востоке в домонгольское время¹⁶. Наиболее близки Черной палате по объемно-пространственной композиции центрические мавзолеи Даваздах имама в Йезде (XI в.) и мавзолей султана Санджара в Мерве (XII в.), а также закрытые фасадные мавзолеи Фахраддина Рази (XII в.) в Куня Ургенче, и Гунбад-е Сурх в Мараге (рис. 1.2-5)¹⁷. Все они состоят из одного или нескольких квадратных в плане ярусов, которые переходят в восьмигранную призму, увенчанную куполом или шатром. Такую структуру зданий исследователи связывают с сельджукской традицией¹⁸. Известны подобные мавзолеи и в Анатолии, хотя большее распространение там получили башенные мавзолеи. Примером кубического мавзолея с шатровым покрытием является усыпальница Нур ал-Дина бей Сентимура (рис. 2.6)¹⁹. В дальнейшем эта традиция получила развитие в османское время.

С.С. Айдаров также приводит многочисленные аналогии из среднеазиатского зодчества преимущественно из ансамбля Шах-и Зинда, однако все они относятся к совершенно иному типу порталных мавзолеев²⁰. Этот комплекс вдохновил исследователя в создании реконструкции внешнего облика Черной палаты, однако многое в этой реконструкции кажется фантастичным. Прежде всего, непонятно, почему главный вход в комплекс с мощным порталом находился у северо-западного угла здания. Здание, обращенное входами на все четыре стороны, обычно не имеет развитого портала. Асимметричная планировка также не характерна для мемориальных построек простого плана, а в этом случае портал не только смещен относительно осей симметрии, но и не соединяется с входами в основной объем.

Исходя из общей планировки Черной палаты, скорее можно принять точку зрения В.В. Егерова о том, что опоясывающие здание помещения были возведены позднее. Археологические раскопки также показали, что не все стены пристройки одновременны²¹. Изначально Черная палата представляла собой центрический мавзолей с одинаковыми фасадами со всех сторон, впоследствии нижняя часть здания была охвачена пристройкой. Если стены пристройки поднимались выше цокольного этажа, то три входа (западный, северный и восточный) перестали сообщаться с улицей. Южный вход стал главным и с внешней стороны он, скорее всего, был оформлен порталом с айваном. Выступы западной стены, вероятно, также оформляли другой, боковой вход. Перепланировка мавзолея могла быть связана с изменением его назначения. Возможно, здесь был похоронен какой-то почитаемый человек, его усыпальница стала местом поклонения и стала использоваться как место религиозных собраний. Трудно представить, что боковые комнаты шириной около 2 м могли быть жилыми, поэтому в Черной палате вряд ли могла располагаться ханака. Но стремление сделать пространство более закрытым (и менее холодным), наличие двух входов и нескольких дополнительных помещений свидетельствует о том, что в центральной

¹⁶ Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии. Берлин-Рига, 1992. С. 122-156. Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Часть I. Берлин-Рига, 1996. С. 153-161.

¹⁷ Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ. Т. VI. М., 1958. С. 315-328; Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча // Известия ГАИМК. Т.6, вып. 2. Л., 1930. С. 39-48; Хмельницкий С. Между Саманидами... С. 174-179; Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York, 1994. P. 291; Усейнов М.А., Бретаницкий Л.С., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963. С. 81-83.

¹⁸ Воронина В.Л. Конструкции и художественный образ в архитектуре Востока. М., 1977. С. 125; Хмельницкий С. Указ. соч. С. 176-177; Hillenbrand R. Op. cit. P. 294.

¹⁹ Hillenbrand R. Op. cit. P. 307.

²⁰ Айдаров С.С. Исследование... С. 65.

²¹ Воскресенский А.С., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Указ. соч. С. 284.

части здания могли собираться люди для проведения каких-то религиозных обрядов. Наличие пристроек, окружающих центральное здание мавзолея, сближает Черную палату с крупными мавзолеями Средней Азии, такими как мавзолей султана Санджара в Мерве и шейха Шерефа в Ургенче.

Возвращаясь к реконструкции С.С. Айдарова, следует также сказать, что возращения вызывает восьмидольная форма купола, перекрывающего восьмигранник. Если брать за образец архитектуру Средней Азии, то все рассматриваемые исследователем постройки имеют полусферический или сфероконический купол, дольчатый купол имеет только более позднее здание Диван-хане в Баку. Мне представляется, что скорее прав В.В. Егерев, и Черная палата, как и остальные мавзолеи Болгара, была перекрыта шатровой крышей.

В работах, посвященных Черной палате, исследователи сравнивают ее с мавзолеями Исмаила Самани (X в.), султана Санджара (XII в.), Фахраддина Рази (XII в.), шейха Шерефа (XII в.) и приходят к выводу о принадлежности ее к среднеазиатской группе мавзолеев. Черты явного отличия они приписывают влиянию закавказской строительной техники и приспособлению к местным условиям²². Эта точка зрения не бесспорна, а объединение среднеазиатских мавзолеев в одну группу несколько искусственно. Достаточно отметить, что они относятся к различным типам. Мавзолей Исмаила Самани – кубическое здание центрического плана, увенчанное полусферическим куполом. Центрический мавзолей Санджара отличается от него наличием высокого барабана. Мавзолеи Фахраддина Рази и шейха Шерефа относятся к группе шатровых мавзолеев, причем один из них является фасадным, а другой порталным. Эти памятники, выстроенные из кирпича в среднеазиатской технике, можно связывать с Черной палатой только в самом общем виде, например, по пространственной композиции или по центричности плана. Более правомерным представляется мнение Ф.Х. Валеева, который считает, что «внешнее объемное решение Черной палаты в стилевом отношении обнаруживает связь с памятниками Малой Азии, Крыма, Азербайджана»²³.

По предположению С.Г. Хмельницкого, в возведении ургенчских мавзолеев могли принимать непосредственное участие строители из Малой Азии, на что указывает строение сталактитовых парусов мавзолея Фахраддина Рази и оформление портала мавзолея шейха Шерефа²⁴. Возможно, именно малоазийское влияние предопределило некоторое сходство мавзолеев Ургенча и Черной палаты в Болгаре.

По своему внешнему облику Черная палата более всего напоминает простейшие турецкие мечети раннеосманского периода (рис. 2.2-4). Эти здания, построенные также из камня, имели кубическое основание, переходящее в невысокий многогранный или круглый барабан, перекрытый полусферическим, чуть уплощенным куполом. На глухой плоскости стен выделялись только небольшие окна стрельчатого очертания. Такие же окошки, еще меньшего размера, находились на гранях барабана. Очень близки к мечетям по внешнему виду и раннеосманские мавзолеи²⁵. По сравнению с ними здание Черной палаты выглядит более изысканно, так как его объем расчленен на четыре, постепенно сужающиеся яруса, но в целом стилистическое единство этих построек бросается в глаза (рис. 2.5).

Определенное сходство с турецкими мавзолеями наблюдается и в интерьере Черной палаты. В верхней части, при переходе к восьмиерику, по углам сделаны сферические тромпы стрельчатого очертания, внутренняя поверхность которых оформлена белыми ганчевыми сталактитами. Плоскости стен между тромпами также украшены стрельчатыми арочками. Точно так же выглядит верхний ярус гробницы

²² Егерев В.В. Указ. соч. С. 369-371; Айдаров С.С. Архитектурные комплексы... С. 142.

²³ Валеев Ф.Х. Указ. соч. С. 141.

²⁴ Хмельницкий С. Между Саманидами... С. 76.

²⁵ Hillenbrand R. Op. cit. P. 495; Stierlin H. Turkey from the Selcuks to the Ottomans. Köln, 1998. P. 82, 90-95.



Мурада II в Бурсе (XV в.)²⁶. Тимпаны арок первого яруса украшены лепными розетками, второго – звездами. Различные розетки, пальметки и другие выпуклые мелкие резные детали, выделяющиеся на ровной плоскости стен, являются характернейшей чертой сельджукского декоративного стиля. Эти факты позволяют отнести Черную палату к памятникам, возникшим под влиянием закавказско-сельджукской школы. Несмотря на отсутствие точных аналогий, как отдельные черты ее, так и весь облик в целом, более всего напоминает малоазийские постройки XIV-XV вв. Естественно, этот факт никак не может свидетельствовать о том, что турецкие мечети и мавзолеи османского времени происходят из Волжской Болгарии. Скорее всего, это сходство говорит о единстве происхождения этих памятников и принадлежности их к одной архитектурной школе.

THE BLACK CHAMBER IN BOLGAR: GENESIS OF ARCHITECTURAL DESIGN

E.D. ZILIVINSKAYA

*Institute of Ethnology and
Anthropology of the Russian
Academy of Sciences, Moscow*

e-mail: eziliv@mail.ru

The so-called Black Chamber at Bolgar is a unique monument of the Golden Horde architecture that has survived almost intact. It has been attributed in turn as a mosque, a mausoleum, a khanaka and a law court with a prison. In design the Black Chamber is a typical centric mausoleum. It has been compared to Central Asian mausolea and believed to be built in the tradition of Central Asia. An analysis of the spatial pattern, architectural decorations and building technique enables one to identify the Black Chamber as belonging to the Seljuk tradition of Transcaucasia and/or Asia Minor.

Key words: Middle Ages, Golden Horde, Bolgar, the Black Chamber, mausolea, Seljuk tradition

Список сокращений

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград.

СА – Советская археология. Москва.

ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция. Ашхабад.

²⁶ Stierlin H. Op. cit. P. 95.



УДК 94(436).08

ВОЕННАЯ ПСИХИАТРИЯ В АВСТРО-ВЕНГРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В.В. МИРОНОВ*Тамбовский государственный
университет им. Г.П. Державина**e-mail: mironov.vladimir@hotmail.com*

Освещена деятельность военной психиатрии Австро-Венгрии, столкнувшейся в 1914-1918 гг. с феноменом «военного невроза». В глазах большинства психиатров «военный невроз» являлся скорее дисциплинарной, нежели медицинской проблемой. Тотальная мобилизация на нужды войны вела к игнорированию врачами соображений гуманности. Основным методом лечения «военного невроза» являлась электротерапия, часто приводившая к летальным исходам.

Ключевые слова: военная психиатрия, военная юстиция, «военный невроз», Первая мировая война, армия Австро-Венгрии.

Войны и участвующие в них комбатанты оказались в поле зрения европейской психиатрии в начале XIX в. Первая его половина прошла под знаком дискуссий о воздействии политических, социальных и военных конфликтов на психическое здоровье населения. Выдвинутый французской психиатрической школой тезис о «политическом» или «религиозном безумии» опирался на рационалистические и антиклерикальные традиции Просвещения. Поражение европейских революций 1848-1849 гг., казалось бы, подтверждало аксиоматичность заключения французских специалистов. Войны Пруссии 60-х гг. XIX в. сформировали научный интерес к психическим последствиям военных действий. Франко-германская война 1870-1871 гг. инициировала новый виток дискуссий в медицинской среде, побудив к ревизии прежних представлений¹.

К началу XX в. психиатрия в Западной Европе пользовалась дурной репутацией науки о душевных заболеваниях, а практиковавшиеся ею методы терапии, связанные с изоляцией от общества, вызывали справедливую общественную критику. Выход из кризиса виделся в интеграции психиатрического знания в различные государственные институты и, как следствие, в обосновании новых концепций патологий. Широкое поле для деятельности в этом отношении представляли комплектовавшиеся на основе всеобщей воинской повинности европейские армии, привлекавшие внимание психиатров массовостью клинических данных. Интерес военных к психиатрии был многосторонним. Влияние психиатрических интерпретаций распространялось на санитарное дело, осуществление судебно-медицинских экспертиз и на практику военно-медицинских освидетельствований на призывных пунктах. Наряду со своей медицинской функцией, оформившаяся в начале XX в. армейская отрасль психиатрического знания была призвана устранить структурные противоречия, возникавшие в практике военного судопроизводства и комплектования вооруженных сил. С точки зрения военных трибуналов заключения судебно-психиатрической экспертизы оказывались решающими в тех случаях, где уголовно-правовые санкции наталкивались на свои границы. Это относилось, прежде всего, к наложению наказания на тех военнослужащих, которые повторно совершали дисциплинарные и уголовные проступки вопреки уже принятым мерам².

Новое поколение военных психиатров, поставившее на службу государству свой опыт, концентрировалось на практических вопросах комплектования армии и экспертной деятельности, отказавшись от компрометировавшего вооруженные силы

¹ Lengwiller M. Zwischen Klinik und Kaserne. Die Geschichte der Militärpsychiatrie in Deutschland und in der Schweiz 1870-1914. Zürich, 2000. S. 5-62.

² Ibid. S. 312-315.



тезиса о «военных психозах». Нестрогость диагностических категорий, циркулировавших в военно-медицинских кругах, представляла собой скорее преимущество, нежели недостаток. В то время, когда в гражданской психиатрии были подвергнуты критике концепции происхождения таких патологий, как «истерия», «дегенерация», «моральное слабоумие», они по-прежнему фигурировали в военно-медицинской документации.

Во всех европейских армиях Первой мировой войны обращалось преимущественное внимание на эмоциональные потребности и социальные интересы офицеров. После заседания военных психиатров Германии в Мюнхене в 1916 г., повлекшего за собой существенное ужесточение терапии «военных неврозов», подчеркивалось, что с представителями офицерского корпуса следует обращаться гуманнее³. В Австро-Венгрии, как и в других европейских государствах, трактовка расстройств нервной системы носила отчетливо выраженный классовый характер. Неврастения считалась недугом среднего и высшего военных рангов, вызванным не столько боевыми действиями, сколько большой ответственностью командного состава. Офицеры не стыдились пожаловаться солдатам на измотанные нервы и обосновать долгое отсутствие на фронте необходимостью курортного лечения⁴.

В 1917 г. венский психиатр Ю. фон Вагнер-Яауреги сообщал о «нервном офицере», которому подозрение в симуляции создало «золотой мост». По желанию пациента ему была прописана вместо обычного в этих случаях лечения электрическим током «консервативная терапия», состоявшая из занятий на турнике. Напротив, рядовые солдаты, прежде всего, если они не были австрийскими немцами, находились в тяжелом положении в невропатологических отделениях венских госпиталей. Венгерскому ремесленнику, польскому крестьянину или русинскому рабочему не ставился диагноз «неврастения». Диагностировавшееся у представителей низших социальных слоев «психопатическое расстройство с истерическими симптомами» было невысказано при лечении офицера, в то время как пациенты – представители рядового состава сталкивались с подобной дискриминацией довольно часто⁵.

Ю. Вагнер-Яауреги дифференцировал в 1918 г. национальные принадлежности солдат, страдавших психогенными заболеваниями. В контингенте больных, обследованных венским психиатром, преобладали северные славяне (чехи, поляки, русины, словаки). Особенно тяжело проявлялись симптомы нервных заболеваний у итальянцев и румын, составлявших незначительное количество пациентов. Доля австрийских немцев и венгров среди больных, по данным Ю. Вагнера-Яауреги, была ничтожной⁶.

Попытки связать национальную принадлежность с «предрасположенностью» к психическим заболеваниям предпринимались еще в довоенный период. А. Манн, психиатр Краковского военного госпиталя, в 1907 г. в двух статьях об истерии в имперской армии объяснял ее происхождение расовыми аргументами. По классификации Манна, наибольшей предрасположенностью к психическим заболеваниям отличались славяне, евреи и романские народы. В годы Первой мировой войны в неврологическом отделении венского военного госпиталя главный штаб-врач А. Пильц констатировал наличие психического заболевания лишь у 10 представителей рядового состава немецкой национальности из 1105 обследованных военнослужащих. Он обратил внимание на полное отсутствие в числе пациентов-немцев уроженцев сельской местности (Тироль, Зальцбург), подчеркивая, что практически все больные рекрутировались из больших городов, прежде всего, венского «дна». Высокая степень подверженности психическим заболеваниям была установлена у поляков и русин, что объяснялось, по мнению Манна, распространенным на территории их проживания

³ Hofer H.G. Nervenschwäche und Krieg. Modernitätskritik und Krisenbewältigung in der österreichischen Psychiatrie (1880-1920). Wien; Köln; Weimar, 2004. S. 224.

⁴ Ibid. S. 222-224.

⁵ Ibid. S. 225.

⁶ Malleier E. Formen männlicher Hysterie. Die Kriegsneurosen im I. Weltkrieg. Wien, 1993. S. 100.

ния алкоголизмом. Дополнительный источник часто наблюдавшихся у русин депрессивных состояний венский врач усматривал в свойственной им малороссийской меланхолии⁷.

Объектом внимания военной психиатрии стали социальные группы, отличавшиеся девиантным поведением. Толкование преступности как психической патологии помогало устранить противоречия между законодательными нормами и ограниченными возможностями практики наказания из-за положения о невменяемости, освобождавшего от уголовной ответственности. Так, в заключении судебно-психиатрической экспертизы от 24 октября 1918 г., проведенной неврологическо-психиатрическим отделением резервного госпиталя Надъзомбат в отношении заключенного военной тюрьмы г. Петроварадин А. Валашека, делалась ссылка на его плохую наследственность и перенесенные в детстве травмы. Указывалось, что тетя А. Валашека страдала душевным заболеванием, отец был алкоголиком, а 12 его братьев и сестер умерли в детском возрасте. В детстве осужденный жаловался на головные боли вследствие падения с большой высоты, охотно потреблял алкогольные напитки и за несколько лет до войны вступил в конфликт с властями, случайно найдя и продав украденный вексель. Обращалось внимание на наличие у заключенного признаков дегенерации, в числе которых значились гидроцефальная форма черепа и маскоподобные черты лица. Происхождение заболевания связывалось экспертом с тяжело отразившимися на здоровье пациента военными лишениями, усугубленными последствиями перенесенного сифилиса и хронического отравления алкоголем. Но поставленный больному диагноз «прогрессирующее слабоумие в стадии полного развития» не освободил его от дальнейшего отбытия наказания⁸.

В деле дезертировавшего в 1916 г. из штирийского Гартберга В. Лоренца имелась хорошо задокументированная еще до войны «история болезни». Пройдя в 1911 г. военно-медицинский осмотр и поступив на службу в 3-й горный артиллерийский полк, он несколько раз попадал в госпиталь для наблюдения и в итоге был направлен в психиатрическую клинику Инсбрука. После нескольких недель обследования его признали негодным к военной службе, направив в распоряжение 7-го запасного пехотного полка. Но ожидание документов из военного министерства оказалось для него слишком скучным, и он добровольно отправился на фронт с маршевой ротой указанного полка, проведя восемь месяцев на галицийском театре боевых действий. После выписки из госпиталя он прибыл в свой родной полк в Гартберге. Оттуда он снова ушел на итальянский фронт, не получив отпуска даже тогда, когда умерла его мать. Отправившись по железной дороге в Клагенфурт, Лоренц в состоянии беспамятства совершил проступок против общественной безопасности, угрожая револьвером встреченной им публике. Трибунал 10-й армии, приговоривший 19 октября 1917 г. дезертира по совокупности преступлений к смертной казни, не смутил тот факт, что еще 25 июля 1914 г. распоряжением военного министерства Лоренц был комиссован из вооруженных сил с диагнозом «психопатическая неполноценность». Вердикт был отменен Верховным командованием, направившим дело на новое расследование⁹.

Контузии вследствие огнестрельных ран, разрывов снарядов или отравления газом могли повлечь за собой нарушения нервно-психической деятельности. Увеличивалось количество историй болезни солдат, которые спустя несколько часов или дней после травматического события чувствовали себя нормально, но затем заболели. Для Германии число неврологических нарушений оценивается в 313337 случаев, что составляет около 1,7 % от общего числа военнотружущих, находившихся на

⁷ Hofer H.G. Op. cit. S. 228.

⁸ Österreichisches Staatsarchiv (ÖStA) – Kriegsarchiv Wien (KA) – Militärgerichtsarchiv (MGA), Gericht des k.u.k. Distriktskommandos Udine Karton 9536/17-18, Strafakt K 192/18, Adalbert Valasek, K.u.k. Reservespital in Nagyszombat, Abteilung für Geistes – und Nervenkrankhe, Ärztlicher Bericht und Gutachten, 24.10.1918.

⁹ Ibid, Feldkriegsgericht der 6. Armeekommando, (Quartiermeisterabteilung), Karton 2208, K 29/18 Wolbart Lorenz.



стационарном лечении. Во Франции в распоряжении психически пострадавших находилось 20000 коек – около седьмой части всех мест в госпиталях¹⁰. В социальном отношении «военный невроз» был заболеванием рядового состава. Даже если у офицера диагностировалось истерическое нарушение, оно отличалось по своим симптомам, в течении заболевания и в прогнозе, существенно от невроза простого солдата. В Австро-Венгрии, судя по цифрам, приведенным в докладе Ю. Вагнера-Яаурегга, на конец октября 1918 г. было зарегистрировано 5500 психически пострадавших военнослужащих (данные по всем венским клиникам). Война уже близилась к завершению, и речь шла о назначении пенсии психически пострадавшим военнослужащим. Поэтому у официальной стороны был интерес держать число психически пострадавших солдат как можно меньшим¹¹.

Боеспособность армии обеспечивали не только патриотическая пропаганда, муштра и система судопроизводства, но и военная психиатрия, отвечавшая за «дисциплинирование нервов». Военнослужащие в условиях промышленной войны ощущали себя «винтиками» гигантского механизма, подвергаясь чрезмерным психическим перегрузкам. Перемышль, считавшийся одной из самых крупных крепостей Австро-Венгрии, располагал к началу войны собственным госпиталем с неврологическим отделением, которым руководил линцкий психиатр Г. Штифлер. 55 из 60 поступивших во время первой осады крепости осенью 1914 г. больных были выписаны без каких-либо симптомов заболевания. После войны Штифлер объяснял хорошие результаты лечения особым положением своего отделения. Перемышль стал прототипом «расположенной вблизи от фронта нервной станции», учреждения которой в дальнейшем ходе войны часто требовали, но очень редко реализовывали¹².

Задача быстрого «излечения» и возвращения в строй психически пострадавших воинов укрепила позиции военной психиатрии. Прежде всего, расширилось ее экспериментальное поле и, как следствие, усилилась полемика вокруг методов лечения «военного невроза». Для понимания сути развернувшейся дискуссии необходим краткий экскурс в историю «травматического невроза». Под ним с середины XIX в. подразумевали нарушения психики, наблюдавшиеся у жертв железнодорожных катастроф. Наиболее авторитетным сторонником «анатомического происхождения» указанного недуга в германской медицине являлся невролог Г. Оппенгейм.

Вместе с тем, в рамках той же научной школы выдвигались теории, интерпретировавшие «травматический невроз» посредством категории «шока», введенной в научный оборот английской хирургией. Кризис теории Г. Оппенгейма был обусловлен не столько ее несостоятельностью с медицинской точки зрения, сколько недовольством промышленных кругов и владельцев страховых обществ. Жертве железнодорожной катастрофы или несчастного случая на производстве полагалась выплата компенсации или пенсии. Высказывались опасения, что симуляция симптомов заболевания открывает дорогу злоупотреблениям. «Спор о симуляции» достиг своей кульминации на 10-м международном конгрессе врачей в Берлине (1890 г.). Оппенгейм и его последователи исходили из того, что симуляция «травматического невроза» имела место только в 4% случаев из-за сложной симптоматики заболевания. Их оппоненты Гофман и Зеелигмюллер полагали, что доля симулянтов составляет 25%. Зеелигмюллер разработал методику «разоблачения» симулянтов и внес на заседании конгресса предложение о введении уголовной ответственности за симуляцию и публикации в прессе списка лиц, понесших наказание. Инициатива Зеелигмюллера вызвала неоднозначную реакцию. Часть медицинского сообщества выступила с пре-

¹⁰ Michl S. Im Dienste des „Volkskörpers“. Deutsche und französische Ärzte im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2007. S. 186.

¹¹ Malleier E. Op. cit. S. 112.

¹² Hofer H. G. Op. cit. S. 237.

достережением против использовавшихся для «разоблачения» симулянтов негуманных методов¹³.

Сложившееся в довоенное время представление о причинах «травматического невроза» оказалось востребованным с началом боевых действий. Болезненная реакция нервной системы на «ужасы войны», наблюдавшаяся у пациентов военных госпиталей, стала выдаваться за страх перед возвращением на фронт. Констатированное врачами «бегство в болезнь» обусловило выбор методов лечения, призванных принудить больного предпочесть «бегству в болезнь» «бегство в здоровье». В сознании врачей больной превратился в «опасного элемента», лечение которого подчинялось военной логике борьбы против «внутреннего врага»¹⁴. Убеждение специалистов в мнимом характере заболевания укрепилось после того, как было установлено, что невротических симптомов не наблюдалось у военнопленных. Логическим объяснением обнаруженного казуса стало предположение, что «бегство в болезнь» не сулит военнопленному в отличие от военнослужащего действующей армии никаких выгод¹⁵. Результатом явилось постепенное стирание различий между лечением и наказанием. В 1980-е и в начале 1990-х под влиянием публиковавшихся исследований о врачебных экспериментах нацистов психиатрическая практика осмыслялась исключительно как отражение милитаристской и человеконенавистнической медицины. Первая мировая война рассматривалась как исходная точка и катализатор формировавшегося «аппарата насилия» в области психиатрии, кульминацией которого стала лишенная человечности нацистская медицина.

Новейшие исследования убедительно показывают, что терапевтические методы германской психиатрии в годы Первой мировой войны могут быть истолкованы лишь в рамках процесса модернизации научных, экономических и административных институтов, который социолог М. Вебер назвал «рационализацией». Тезис об особой готовности к насилию военных психиатров Германии и Австро-Венгрии не находит своего научного подтверждения. Мышление в национальных категориях позволяет очертить лишь приблизительные контуры той или иной военной психиатрии, существенно затрудняя идентификацию региональных особенностей и различий¹⁶.

По меткому замечанию З. Фрейда, военврачам отводилась роль «пулеметов позади фронта», гнавших на передовую убежавших с него военнослужащих¹⁷. Потенциальные пациенты военных госпиталей ставились перед фактом санкционированного медициной отвращения от применявшихся «методов лечения», принуждавших больного к признанию отсутствия у него симптомов заболевания. Спектр медицинских манипуляций, скрытых в эвфемизме «активная терапия», включал влажные обертывания, продолжительные ванны, инъекции поваренной соли, гипноз и использование электрического тока¹⁸.

Последняя процедура, получившая название «лечение по Кауфманну», основывалась на систематическом использовании мощных электроразрядов. Ф. Кауфманн, психиатр клиники Людвигсхафена, первым применил в конце 1915 г. электроток для лечения «военных невротиков». Страдания пациента находились на периферии политико-социологической и финансовой аргументации Кауфманна. «Устранение» симптомов заболевания увеличивало контингент трудоспособного населения, освобождая государство от выплаты пенсий по инвалидности. С момента

¹³ Riedesser P., Verderber A., *Maschinengewehre hinter der Front. Zur Geschichte der deutschen Militärpsychiatrie*. Frankfurt a/M, 1996. S. 27-30.

¹⁴ Bröckling U. *Soziologie und Geschichte militärischer Gehorsamsproduktion*. München, 1997. S. 214.

¹⁵ Riedesser P., Verderber A. *Op. cit.* S. 35.

¹⁶ Hofer H.G. Was waren «Kriegsneurosen»? Zur Kulturgeschichte psychischer Erkrankungen im Ersten Weltkrieg // *Der Erste Weltkrieg im Alpenraum. Erfahrung, Deutung, Erinnerung. La grande Guerra nell'arco alpino. Esperienze e memoria* / Hrsg. von Hermann J.W.Kuprian, O. Überegger, Innsbruck, 2006. S. 309-310, 314-316.

¹⁷ Riedesser P., Verderber A. *Op. cit.* S. 64.

¹⁸ Bröckling U. *Op. cit.* S. 214-215.



заседания германских психиатров в Мюнхене 21–22 сентября 1916 г. «лечение по Кауфманну» получило признание в военных клиниках Центральных держав, в том числе и в Австро-Венгрии¹⁹.

Проблемы врачебной этики уступили место государственным интересам, требовавшим тотальной мобилизации не только материальных ресурсов, но и душевных сил германской нации. Максимой в обращении «людей в белых халатах» с психически пострадавшими военнослужащими стала фраза, брошенная на указанном заседании представителем Австро-Венгрии Э. Странски. Он подчеркнул, что «в наше тяжелое время врач должен держать перед глазами при лечении отдельных случаев, требующих особого подхода и терапевтических средств, не благополучие отдельного пациента, а благополучие наших союзных государств и боеспособность их армий»²⁰. Жесткие методы лечения «военного невроза» относились исключительно к низшим чинам, не распространяясь на представителей офицерского корпуса²¹.

Суть «терапии нападения врасплох», предложенной Кауфманном, сводилась к четырем составляющим. Первым компонентом являлось внушение, призванное добиться согласия пациента на проведение болезненной процедуры. Залогом дальнейшего успеха лечения считался болевой шок, вызванный применением переменного электротока. Действие последнего, продолжавшееся 2–5 минут, сопровождалось внушениями врача. После небольшого перерыва сеанс «терапии» повторялся. Кауфманн подчеркивал, что эффективность лечения обеспечивается должностным положением лечащего военврача. Военная дисциплина, требовавшая беспрекословного подчинения приказам командиров, создавала благоприятную почву для успеха суггестивной терапии. После сеанса «электротерапии» пациентам с тремором (дрожанием) конечностей надлежало заниматься строевой подготовкой. Особенно важное значение имел последний пункт, сформулированный его автором как «непоколебимо последовательное принуждение к выздоровлению».

Число «излеченных» с помощью подобной «терапии» держалось в границах, в то время как росло количество смертей и самоубийств пациентов²². В июне 1918 г. штаб-врач невропатологического отделения 2-го гарнизонного госпиталя Вены С. Еллинек подготовил доклад, информировавший о более десяти зарегистрированных случаях смерти в Германии и в Австро-Венгрии во время «лечения по Кауфманну». Стремясь затушевать значение подобной статистики, ложившейся позорным пятном на врачебную этику, автор доклада проводил сравнение между степенью распространенности электротерапии Кауфманна и количеством летальных исходов: «С технической стороны позволю себе сказать, что в Германии и в Австро-Венгрии используются многие тысячи электрических аппаратов, вырабатывающих синусовый ток; если мы сделаем предположение, что в Австро-Венгрии и в Германии лечение электротоком проводят по сто врачей, что в году только триста дней и ежедневно лечение проходят пять пациентов, то получится цифра в 1 200 000 больных за четыре года войны!» Громадное количество успешно проходивших лечение позволяло считать венскому штаб-врачу официальные сведения о тринадцати жертвах «каплей в море»²³.

Перспективным способом лечения была признана гипнозотерапия. Одним из первых применил гипноз невролог из Гамбурга М. Нонне, практиковавший его в подчеркнуто авторитарной форме. Пациентам не объяснялось назначение проводившейся врачом процедуры, целевой установкой которой являлась «борьба с неврозом». Венский психиатр Ю. Вагнер-Яаурегт не следовал в своей практике принципам М. Нонне, ссылаясь на нехватку персонала и обычную для Австро-Венгрии многоязычность контингента госпиталей. Применявшаяся им методика лечения

¹⁹ Riedesser P., Verderber A. Op. cit. S. 50–56.

²⁰ Bröckling U. Op. cit. S. 210.

²¹ Riedesser P., Verderber A. Op. cit. S. 35 – 36.

²² Ibid. S. 44.

²³ Ibid. S. 65.



сочетала различные подходы, главным из которых являлась электротерапия. Но не следует идентифицировать ее с описанным выше «лечением по Кауфманну». Электроаппараты клиники Ю. Вагнер-Яаурегга вырабатывали гораздо меньшую силу тока, не угрожавшую жизни пациента. Перед началом сеанса Ю. Вагнер-Яаурегг сначала проверял действие тока на самом себе, давая больному воочию убедиться в том, что ожидающая его процедура переносима.

Но вопреки инструкциям венского психиатра, адресованным другим практикующим врачам его клиники, все же имели место злоупотребления электротерапией. В 1920 г. Ю. Вагнер-Яаурегг предстал перед созданной австрийским парламентом комиссией по расследованию должностных преступлений офицерского корпуса, но слушание по его делу завершилось вынесением оправдательного приговора²⁴. Несмотря на перечисленные факты, характеризующие военную психиатрию Австро-Венгрии как «вспомогательный орган командования», все же нет оснований рассматривать ее как гомогенный коллектив экспертов. Исследования 1970-х – начала 1980-х гг. концентрировались преимущественно на деятельности венской психиатрии, служившей, несомненно, генератором идей и центром притяжения в общеавстрийском масштабе. Но даже поверхностный взгляд, брошенный на другие регионы, где практиковалось лечение «военных неврозов», показывает, что заданная венскими клиниками магистральная тенденция применения электротерапии претворялась в жизнь далеко не везде. Такого рода примером может служить клиника нервных заболеваний г. Граца, возглавлявшаяся Ф. Гартманном. Применявшийся здесь широкий спектр методов лечения включал прописывание покоя, горячих ванн, диетотерапии и так называемую «трудотерапию». Суть последней сводилась к привлечению страдавших нервными заболеваниями пациентов клиники к сельскохозяйственному и ремесленному труду. Персоналу грацкой клиники не может быть предъявлено обвинение в медицинских пытках, но этот факт совсем не означает, что психиатрия Граца действовала гуманнее, ставя индивидуальные потребности лечившихся военнослужащих выше военных интересов. Принципы «рационалистической психиатрии» последовательно претворялись в жизнь и в Граце. Уже в 1915 г. Ф. Гартманн выдвинул лозунг: «Победит тот народ, который здоров». Деятельность клиники была нацелена на скорейшее и эффективное восстановление годности к несению воинской службы, оборотной стороной которой нередко являлись чрезмерные физические и психические перегрузки ее контингента²⁵.

Свой вклад в осмысление душевного состояния травмированных воинов внесла и формировавшаяся школа психоанализа. Ее родоначальник З. Фрейд развил и дополнил психоаналитическую теорию, применявшуюся его последователями для лечения «военного невроза». Военврачи, разделявшие психоаналитическую теорию, признавали за «военным неврозом» статус заболевания. В их глазах воин, получивший на фронте «душевную травму», уже не выглядел подлежащим разоблачению симулянт, а ассоциировался с полноправным пациентом госпиталя. Так, Э. Зиммель с помощью гипноза выяснил, что нарушения в работе нервной системы возникали из-за вытеснения агрессии. Суть предложенной им терапии сводилась к тому, что в руки введенного в гипнотическое состояние пациента вкладывалась набитая кукла. Процесс излечения наступал тогда, когда страх перед врагом преобразовывался в ненависть, приводившую к полному разрушению куклы.

О значимости проблемы «военных неврозов» в годы Первой мировой войны свидетельствует ее включение в повестку дня 5-го международного конгресса психиатров, проходившего в Будапеште в сентябре 1918 г. Знаковым событием стало участие в его работе делегации Верховного командования, давшей согласие на внедрение в практику лечения «военного невроза» принципов психоанализа. З. Фрейд, представший в 1920 г. перед комиссией по расследованию должностных преступлений офицерского корпуса по делу Я. Вагнер-Яаурегга, расценивал факт

²⁴ Meißel T. Freud, die Wiener Psychiatrie und die "Kriegszitterer" des Ersten Weltkrieges // Wiener Zeitschrift zur Geschichte der Neuzeit. 6 Jg. 2006. H. 1. S. 43-45.

²⁵ Hofer H.G. Was waren «Kriegsneurosen»?... S. 315-316.



участия в работе конгресса представителей Верховного командования как доказательство краха широко распространенной в те годы электротерапии²⁶.

Таким образом, на австро-венгерских материалах мы установили, что в «Великой войне» эффективно практиковалась отягощенная националистическими предрассудками «рационалистическая психиатрия», согласовывавшая свои методы с военными целями. Указанный феномен осмыслялся через призму тотальной мобилизации материальных и духовных ресурсов вовлеченной в войну нации.

THE MILITARY PSYCHIATRY OF AUSTRIA-HUNGARY DURING WORLD WAR I

V.V. MIRONOV

*Tambov State University
n. a. G.R. Derzhavin*

e-mail: mironov.vladimir@hotmail.com

The article first look at military psychiatry of Austria-Hungary which confronted during the World War I with phenomenon of “the wartime neurosis”. In the eyes of the most psychiatrists was “ the wartime neurosis” rather a disciplinary than a medical problem. The total mobilization for wartime aims led to ignorance of human reasons by psychiatrists who punished their patients. The principal method of the treatment of “the wartime neurosis” was the electrotherapy which often resulted in the lethal termination.

Key words: military psychiatry, military justis, “wartime neurosis”, World War I, Army of Austria-Hungary.

²⁶ Meißel T. Op. cit. S. 44-50.



УДК 94(477.82) "14/15":352.07

ПРОБЛЕМА УЧРЕЖДЕНИЯ И ЗАМЕЩЕНИЯ УРЯДОВ СТАРОСТ НА ВОЛЫНИ (ВТОРАЯ ПОЛ. XV–НАЧАЛО XVI ВВ.)

А.В. БОРТНИКОВА

*Волынский национальный
университет им. Леси Украинки,
г. Луцк*

e-mail: allabortnikova@rambler.ru

На основе источников, прежде всего, коллекции документов Литовской метрики, материалов «Архива Сангушков», Первого Литовского статута, изучаются вопросы динамики замещения наместников и старост на Волыни в период вхождения ее в состав Великого княжества Литовского. Институт представителей верховной власти формировался в великокняжеских городах – Владимире, Луцке, Кременце. Наместники и старосты возглавляли систему управления в регионе.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Волынь, Владимир, Луцк, Кременец, город, князь, король, наместник, староста, лист, акт, привилей.

Волынь, как и большинство западнорусских волостей, с вхождением ее в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ) сохраняла свою самобытность и относительную самостоятельность. Последнее объясняется тем, что Волынская земля, в отличие от ядра ВКЛ, которое составляли непосредственно Литва (Аукштайтя) и Черная Русь (Минская земля и окраинные волости Киевской, Сиверской и Смоленской, а также Брестско-Подляская и Турово-Пинская земли), относились к землям «аннексам» (Полоцкая, Витебская, Волынская, Киевская, Смоленская, а также Жемайтя), которые были связаны с ее центром значительно слабее¹. Процесс инкорпорации Волынской земли в состав ВКЛ характеризовался особенностями, которые состояли в том, что утверждение институтов государственной власти в ВКЛ предполагало последовательное сохранение долитовских традиций у присоединенных территорий. Центральная великокняжеская власть, проводя политику ликвидации удельных княжеств, не разрывала традиционных политических связей и отношений, существовавших в удельный период². Великий князь брал на себя только самые важные политические функции удельных князей, а большая часть повседневной урядничьей работы оставлял в стольных городах бывших удельных княжеств в руках своих наместников. На Волыни, и в городе Луцке в частности, у наместника сохранялся и весь штат удельных должностных лиц: конюший, тивун, ключник, ловчий, бобровничий и др. Следовательно, сохранялись политические и социально-экономические вес и влияние местных элит и волостей после ликвидации уделов.

На Волыни со второй половины XV в. под контролем верховной власти ВКЛ создавалась и совершенствовалась система управления, которую возглавляли наместники и старосты. Институт представителей верховной власти Волыни формировался в трех центрах – великокняжеских и королевских городах: Владимире, Луцке, Кременце. Источники свидетельствуют, что система управления в регионе эволюционировала от наместничества к старостам. Среди представителей верховной власти луцкий староста занимал высшие позиции, что очевидно, объясняется особым статусом Луцка, сохранявшимся с древнейших времен, а также соответствующим уровнем развития города. Немаловажную роль имело и географическое расположение Волыни в составе ВКЛ, которое требовало надлежащего содержания замков в качестве оборонных сооружений.

¹ Василенко В. Політична історія Великого князівства Литовського (до 1569 р.) в східнослов'янських історіографіях XIX – першої половини XX ст.: моногр. Донецьк, 2006. С. 129.

² См.: Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. 3-тє вид., перероб. та розш. К., 2006. С. 140–149 и др.



Целью настоящей публикации является анализ источников по истории учреждения и замещения на Волыни должностей наместников и старост, как главных представителей верховной власти после ликвидации «удельной» системы в Великом княжестве Литовском. На основе актовых документов Литовской метрики, материалов «*Archiwum ksiąząt Sanquzków*» («Архива Сангушков»), прежде всего великокняжеских и королевских пожалований в форме листов, привилеев, данин, а также судебных актов исследуется динамика замещения урядов старост и наместников в главных городах Волыни – Луцке, Владимире, Кременце.

Анализ великокняжеских и королевских распорядительных документов вызывает научный интерес, поскольку они были теми законодательными актами, которые устанавливали соответствующий правопорядок, характеризовали правовые, имущественные, родственные и другие типы отношений населения данной территории в условиях существования средневекового государства, регламентировали разные стороны местного управления.

Фундаментальные труды по истории ВКЛ базировались на тщательном изучении в первую очередь этих источников. М.К. Любавский, М.В. Довнар-Запольский, М.С. Грушевский и многие другие сделали огромный вклад в изучение широкого спектра вопросов по истории Литовского княжества, его регионов, положения в нем Русских земель³. Отдельные аспекты истории Великого княжества Литовского разрабатываются исследователями и в наше время. Изучается история западных и юго-западных земель Великого княжества Литовского XIV – начала XVI вв., их политические институты и социальные группы, процессы формирования сословий и учреждения государственности. Особый интерес вызывают труды В.Т. Пашуто, А.Ю. Дворниченко, А.Л. Хорошкевич, Б.Н. Флори, И.П. Старостиной, Ф.М. Шабульдо, Н.Н. Яковенко, В. Василенко и др.⁴ Тематика функционирования луцкого старостинского (замкового) уряда в контексте судебно-административной системы ВКЛ и Волыни первой половины XVI в. изучается В.В. Полищук⁵.

Однако источники по истории формирования урядов старост на Волыни второй половины XV – начала XVI вв., особенно вопросы мотивации и причины замещения наместников/ старост, не были предметом анализа исследователей.

После смерти Свидригайла (1452 г.) Волынь вошла в состав ВКЛ. Тогда Луцк и другие города Волынской земли были заняты литовско-русскими гарнизонами. Великий князь литовский Казимир передал Луцк пану Олизару Шиловичу, который дал присягу «городъ Лучоскъ держати верьно на короля его м(и)л(о)сть к Великому

³ Любавский М.К. Областное деление и местное управление в Литовско-Русском государстве до Люблинской унии. М., 1892; Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. Изд. 2-е. М., 1915; Довнар-Запольский М. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. I. Киев, 1901; Грушевский М.С. Історія України-Руси. Т. IV. Київ; Львів, 1907; Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. V. Ч. I. Львів, 1903.

⁴ Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского: Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.). СПб., 1993; Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959; Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982; Старостина И.П. Судебник Казимира 1488 г. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1988–1989 гг. / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1991. С. 170–341; Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987; Василенко В. Політична історія Великого князівства Литовського (до 1569 р.) в східнослов'янських історіографіях XIX – першої половини XX ст.: монографія. Донецьк, 2006; Яковенко Н. Українська шляхта з кінця XIV- до середини XVII століття. Волинь і Центральна Україна. Видання друге, переглянуте і виправлене. Київ, 2008.

⁵ Полищук В. Врядове виживство красносільських бояр у контексті замкових служб (Луцьке староство в 1545–1567 рр.) // Молода нація. Альманах. Вип. 3. К., 2001. С. 196–239; Полищук В.В. Луцький замковий уряд в адміністративній системі Великого князівства Литовського до реформ 1564–1566 рр. // УІЖ. 2003. № 2. С. 3–14; Полищук В.В. Урядницький клан луцького старости Богуша Корецького (на прикладі Луцького замкового уряду, 1561–1567 роки) // Український археографічний щорічник. Вип. 8/9. Київ, 2004. С. 266–298; Полищук В.В. Луцький замковий уряд в адміністративній системі Великого князівства Литовського до реформ 1564–1566 рр. // УІЖ. 2005. №1. С. 108–125.



Княжеству Литовскому». Документ помещен в Книге записей №4 Литовской метрики и датируется приблизительно апрелем 1480 г.⁶ Присяга луцкого наместника содержала, прежде всего, указание на принадлежность города и Луцкого замка верховному правителю. Указывались условия держания Луцка назначенным должностным лицом. Так, наместник не имел права никому («инъшой стороне») передавать полученный город, только «г(о)с(по)д(а)ру королю его м(и)л(о)сти и Великому Княжеству Литовскому». Оговаривалась ситуация, которая могла сложиться в случае смерти господаря, тогда Олизар Шилович должен был передать город сыну нового правителя, который займет место великого князя литовского. Заверялось, что и в дальнейшем город Луцк должен принадлежать Великому княжеству Литовскому. Таким образом, присяга назначенного луцкого наместника стала тем документом, который закрепил великокняжеский и королевский статус города Луцка.

Волынская земля, которой управляли урядники великого князя, с этого времени и до подписания Люблинской унии оставалась областью Великого княжества Литовского. Во второй половине XV в. великий князь литовский и польский король Казимир выдал документ, которым подтверждал волынским князьям, панам и землянам «право ихъ земли». В свою очередь его преемники подтвердили права и вольности, которые гарантировал этот лист⁷. Документ появился в период активной раздачи привилегий и подтверждений верховных правителей, которые свидетельствовали об интенсификации процессов государственного образования, легитимизации владных элит присоединенных территорий.

Изучая ценнейший источник по истории литовского права, Судебник Казимира 1468 г., который отразил нормы обычного права, восходившие к древнейшему периоду, а также зафиксировал один из этапов развития феодального иммунитета и государственности в ВКЛ второй половины XV в., И.П. Старостина справедливо отмечала, что, несмотря на «определенную государственную консолидацию, Литовское княжество во второй половине XV в. отличалось политическим и правовым сепаратизмом»⁸.

Каждая земля ВКЛ составляла самостоятельный военный округ, который возглавлял наместник главного города или воевода. В Волынской земле им был маршалок, такое звание, как правило, предоставлялось старшему уряднику в области – луцкому старосте. Последний был главным представителем центральной власти. В руках старосты находилось и высшее административное управление землей и высший суд. Все другие урядники были в определенной мере ему подчинены. Вокруг них (старосты и государственных урядников) собирались местные князья, паны и бояре или мяняне-шляхта с целью обсуждения важных вопросов областной жизни, решения которых должны были иметь силу законов в границах «земли». Должность старосты наследовала должность бывшего наместника. Поскольку функции наместников были равнозначными с функциями польских старост, то в канцелярии ВКЛ тексты иногда писались на латыни, особенно после унии с Польшей, поэтому слово «наместник» стало переводиться *capitaneus*, которое со временем трансформировалось в понятие «староста».

Урядническое устройство Волынской земли формировалось под влиянием удельной эпохи литовского владычества. На Волыни существовали три удела потомков Гедимины – Луцкий, Владимирский и Кременецкий. Вместе с ликвидацией в них княжеских столов появилось три повета – Луцкий, Владимирский и Кременецкий. Ими управляли урядники великого князя. Со временем ликвидировался княжеский стол в Кременце, за ним во Владимире. А в городе Луцке, в резиденции удельного

⁶ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Užrašymų knyga 4 / Parengė L. Anužytė. Vilnius, 2004. № 57. S. 107–108.

⁷ Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. С. 42.

⁸ Старостина И.П. Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1988–1999 годы / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1991. С. 285.



князя всей Волыни, оставался великокняжеский урядник, который занимал первое место среди великокняжеских урядников Волынской земли. Ему вначале подчинялись Луцкий и Кременецкий округа, позже и Владимирский. Этот урядник именовался вначале наместником и воеводой. После смерти Свидригайла и ликвидации удельного стола на Волыни, великокняжеское управление перешло к старосте и маршалку Волынской земли. Звание маршалка Волынской земли соединялось с должностью луцкого старосты или владимирского наместника. Так, Олизар Шилович во времена Казимира официально был владимирским наместником и маршалком Волынской земли, а в частных документах назывался старостой. Например, так было во время продажи паном Ивашко Дышко Васильевичем села Ровное (1461) князю Семену Васильевичу Несвижскому, также во времена перераспределения владений князей Семена, Солтана и Василия Васильевичей Збаражских после смерти Солтана⁹. Для рассмотрения этих дел Олизар Гаврилович Шилович приглашался свидетелем как маршалок Волынской земли и владимирский староста. Должность господарского маршалка и владимирского наместника в конце 80-х годов XV в. занимал Иван Юрша¹⁰. Владимирский уряд после Олизара Шиловича занял Войтех Кучукович, который в актах также назывался наместником. В листе 1494 г., адресованном «маршалку нашому, наместнику Володимирскому, пану Войтеху Кучуковичу», великий князь Александр запретил владимирским землянам препятствовать мещанам Владимира брать дерево на дрова на расстоянии двух миль от города¹¹. В следующем 1495 г. должность владимирского наместника занимал Василий Хребтович. Лист великого князя Александра адресовался «наместнику Володимирському, Горюховскому и Здолбицкому, пану Василию Хребтовичу»¹². В 1499 г. владимирскому наместнику Василию Хребтовичу великий князь Александр поручил провести проверку состояния владений, принадлежащих селу Сомин Владимирского повета. Владения жаловались правителем дворянину Ивашку Русиновичу¹³. В бытность Александра владимирскими наместниками были князь Юрий Иванович (1501) и пан Федор Янушевич (1503–1505). Князь Василий Андреевич Полубенский получил титул владимирского наместника от польского короля и великого князя Жигимонта I в 1507 г. Владимирский замок он «держал» еще при великом князе Александре. Жигимонт I подтвердил данину своего брата («тое данины брата н(а)шого Александра... не рушили»). Приказал держать его пожизненно: «дали ему тот замок держати по тому ж и с корчмами володимирскими и со всеми доходы наместничими». Обязанности Василия Андреевича Полубенского сводились к обеспечению пушкарей в замке на деньги, полученные от «корчем»¹⁴.

В 1507 г. Федор Янушевич во второй раз получил Владимир после держания луцкого старостства, которое Жигимонт I, в свою очередь, передал Константину Ивановичу Острожскому, возвратившемуся из московского плена. Тогда Федор Янушевич согласно привилея Жигимонта I от 23 декабря 1507 г. стал именоваться владимирским старостой: «А маемо его старостою в листех н(а)ших писати»¹⁵. В документе впервые для Владимира зафиксирована смена названия должности великокняжеского представителя во Владимире «наместника» на «старосту». Привилей не указывает причины такой замены. Но содержание документа позволяет приблизиться к ее уяс-

⁹ Archiwum książąt Lubartowiczów Sanquzków w Sławucie. T. I. 1366–1506. We Lwowie, 1887. 204 s. // AS. T. I. № LVI. S. 53–54; № LVII. S. 54–55; № LXXIV. S. 69–70; № LXXV. S. 71 (Далее – AS).

¹⁰ Русская историческая библиотека Т. XXVII. Литовская Метрика. Отд. 1. Часть 1. Книга записей. Т. 1. Ред. И.И. Лаппо. СПб., 1910 // Книга пятая записей. № 11. С. 224–225; № 109. С. 424–425 (Далее – РИБ. Т. XXVII).

¹¹ РИБ. Т. XXVII. Книга пятая записей. № 18. С. 530–531.

¹² РИБ. Т. XXVII. Книга пятая записей. № 82. С. 597–598.

¹³ РИБ. Т. XXVII. Книга пятая записей. № 215. С. 765–766.

¹⁴ Lietuvos Metrika (1499–1514). Knyga Nr. 8. Užrašų knyga 8 / Parengė A. Balulis. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. 680 s. S. 188 (Далее – Knyga Nr. 8).

¹⁵ Knyga Nr. 8. № 292. С. 243–244.

нению. Федор Янушевич получил луцкое староство и маршалковство Волынской земли от короля и великого князя Александра в заставу «до живота его и въ его п(е)н(е)зех в тысячи и чотырехъсотъ золотых». Застава правителем проводилась для «своеи потребе и земьскои». В условиях продолжительных войн с крымскими татарами и княжеством всея Руси, особенно в последние годы своего правления, Александр для покрытия текущих расходов вынужден был отдавать «в заставу» государственные имения. Фактически посредством заставы занимались деньги у частных лиц с предоставлением им права взимать в свою пользу вместо процентов господарские доходы с известных господарских замков или дворов с волостями до уплаты долга¹⁶. Во вступительной части привилея 1507 г. имеется указание на челобитие Федора Янушевича о подтверждении ему этого держания «до живота его в тых его пене-зех». Правитель подтвердил «тое держанье» своим привилеем. Однако в сложившейся ситуации Жигимонт I решил наградить князя К.И. Острожского почетным держанием и владением луцким староством и маршалковством Волынской земли. Поэтому принял решение о передаче этих держаний князю Константину Ивановичу Острожскому. Вместо этого Федору Янушевичу было пожаловано на оплаченную им заставу в размере одной тысячи и чотырехсот золотых следующие владения: владимирский замок с местечком Литовеж, монастырь Святого Спаса со всеми дворами, фольварками, волостями, прежде всего «двор Турейскъ» вместе с селами, которые ему принадлежали. В привилее кроме этих владений перечислялись следующие поселения, которые передавались: Болблы, сельцо Асоловичи, село Смедино. Они обеспечивали замок соответствующими отработками и данинами, «што на замок всякую роботу робять и дан даютъ». Передавалось также село Свиноухи вместе с служилым населением («люди служебными»).

После перечисления пожалованных владений К.И. Острожскому и Ф. Янушевичу в привилее указывались разные виды поступлений и доходов от них. Содержание этой части привилея было стандартным для такого рода документов, издаваемых в Великом княжестве Литовском.

В заключительной части привилея излагались права нового владимирского урядника (Федора Янушевича) на полученные владения, и подчеркивалось, что «маеть то он со всимъ на себе держати аж и до живота своего». Правитель имел право в силу разных обстоятельств этот вид держания («до живота») забрать у владельца и передать иному лицу. Таким образом, это было держание в полном понимании «до воли и ласки господарской». Фактически Жигимонт I подтвердил привилей своего брата Александра и обеспечил Федора Янушевича равнозначными по размеру и доходам владениями, теперь уже во Владимире. Поскольку речь шла об обмене владений луцкого староства на владимирские владения, вероятно, в связи с необходимостью предоставить равнозначное владение и произошла смена термина «наместник» на «староста» во Владимире. Поэтому было решено, что с этого времени Федор Янушевич в официальных государственных документах должен был именоваться старостой: «маемо его старостою в листах наших писати».

Но так как владимирское наместничество в то время не давало уряднику места в раде великого княжества, то Жигимонт I, чтобы не лишить Федора Янушевича звания маршалка, в привилее 23 декабря 1507 г. указал: «Такожь напротивъ тое чти, староства Луцкого, маршалства Волынского земли, дали есмо ему маршалство н(а)шо до жывота его держати». Кроме этого, Федору Янушевичу было предоставлено членство и в государственном органе – Панов Раде. Ему выделялось место в зале ее заседаний¹⁷. Хотя привилей от 23 декабря 1507 г. прямых указаний на смену должностной титулатуры во Владимире не дает, наши предположения относительно обмена равно-

¹⁶ Любавский М.К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства / Издание императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1900. С. 177.

¹⁷ Knyga Nr. 8. S. 244.



значными урядами кажутся верными и в силу сложившейся ситуации в канцелярии ВКЛ. В это время менялись писари канцелярии ВКЛ. Наивысший писарь ВКЛ Иван Семенович Сапега (эту должность занимал с 1505 по 1516 г.) в 1508 г. пребывал с посольством в Москве. В 1507 г. его замещал М. Богуш-Боговитинович¹⁸, что могло повлиять на исполнение писарем его обязанностей и также привести к замене титулов должностных лиц на местах.

После Федора Янушевича владимирским старостой стал князь Андрей Сангушкович, которому Жигимонт I в 1508 г. выдал привилей на держание замка и города Владимира вместе с волостью под заставу в тысячу золотых жене пана Федора Янушевича¹⁹. После Андрея Сангушковича Владимирское староство с 21 сентября 1531 г. занимал его сын Федор Андреевич Сангушкович.

В Кременецком повете среди урядников были наместники, а в конце 20-х годов XV в. появились старосты, которые их заменили. Источники дают немало ведомостей об этих должностных лицах. В книге четвертой записей Литовской метрики находится документ «Записи раздачи наместничествъ и староствъ», где перечислены урядники времен Казимира до 1481 г.²⁰ В последующем, кременецким наместником был князь Александр Сангушкович, затем Андрей Михайлович Сангушкович. Так, кременецкий наместник Андрей Михайлович Сангушкович вместе с луцким старостой князем Семенем Юриевичем подготовили и выдали «вырок» по делу о владениях кременецких землян Цепеневских, якобы присвоенных Александром Сангушковицем²¹. Великий князь Александр 20 мая 1500 г. пожаловал кременецкому наместнику князю уже Андрею Александровичу (Сангушку) владение Звинячее (*Zwiniacz*), которое его мачеха в свое время передала во владение его отцу, князю Александру²². 3 ноября 1505 г. король польский и великий князь литовский Александр поручил следующему кременецкому наместнику Юрию Михайловичу Монтовтовичу провести «увязание» во владение селищем Жибовцы в Кременецком повете князю Василию Федоровичу Четвертинскому²³. Итак, за Андреем Михайловичем Сангушковицем в бытность Александра и первые годы правления Жигимонта I кременецким наместником был Юрий Михайлович Монтовтович и его брат Якуб.

В источниках эти урядники часто фигурируют как свидетели рассмотрения дел о грабежах, наездах на владения, имущественных спорах и др. В этой связи привлекает внимание помещенный в книгу записей № 15 Литовской метрики «вырок» в деле о кривдах и оскорблениях, нанесенных князем Дмитрием Буремским пану Щасному Якимовичу²⁴. В присутствии уже кременецкого старосты Якуба Михайловича Монтовтовича и других волынских князей и панов слушалось дело («справа»), принятие решения по которому поручалось луцкому старосте Федору Михайловичу Чарторыйскому. Документ раскрывал сущность конфликта, возникшего между богатыми представителями волынских владельцев (князем и паном). Характерно, что принимая решение, волынские урядники руководствовались и действовали «водле обычая права н(а)шого земли Волынское». Вынесение «вырока» датировалось 6 сентября 1529 г., годом принятия в Великом княжестве Литовском первого Литовского Статута.

В документе имелась непосредственная ссылка на законодательные нормы волынских областных привилеев. В ходе рассмотрения ситуации волынские урядники во главе с кременецким старостой апеллировали к нормам областного привилея в

¹⁸ Груша, Алесъ. Службовы склад і структура канцелярыі Вялікага Княства Літоўскага 40–х гадоў XV – першай паловы XVI ст. // METRICIANA: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага. Т. 1. Мн., 2001. С. 11–45.

¹⁹ Knyga Nr. 8. № 314. S. 256–257.

²⁰ РИБ. Т. XXVII. Книга четвертая записей. № 27. С. 328–329.

²¹ AS. Т. I. № XCIX. S. 94.

²² AS. Т. I. № CXVIII. S. 116–117.

²³ AS. Т. I. № CXXIX. S. 130.

²⁴ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 15 (1528–1538). Užrašymų, knyga 15 / Parengė A. Dubonis. Vilnius, 2002. № 115. 1529. 06.09. С. 146–148 (Далее – Knyga Nr. 15).



части следования установленного в нем порядка действий волыньских старост. В частности они руководствовались решением волыньского областного привилея, по которому: «кто кому которую кривду вчинить, ино взять у старосты два листы и его позвати; естли за тыми не станеть, ино староста мает по него служебника своего послати, а коли и за служебникомъ не станеть, ино на немъ всказати». В документе упоминалось о функционировании волыньского сейма, который в этом деле, согласно волыньского привилея, не принял решения («на первомъ сойме такъ квал(тов)не на конец на немъ всказу не чинили»), поэтому урядники обращались к правителю («дали то есьмо до господара его м(и)л(о)сти»).

Главное место среди урядников Волыньской земли занимал луцкий староста. Как и в других областях ВКЛ, на Волыни луцкий староста заменил наместника в Луцке. Таким образом, он получил соответствующую долю урядничьей власти.

В 50-х гг. XV в. в бытность Свидригайлы луцким старостой был Немыря. Его племяннику пану Митку (Мышке) Свидригайло предоставил села в Перемышльском и Владимирском поветах²⁵. Луцкий староста Немыря был свидетелем предоставления владений «за знаменитую службу» великому князю пану Пашку Прокофиевичу во Владимирском повете²⁶. 3 января 1452 г. уже великий князь Казимир Ягеллончик жаловал упоминаемому племяннику луцкого старосты Немыри пану Мышке несколько владений во Владимирском повете²⁷. В 1463 г. «отъчину свою» делили между собой князья Семен, Солтан и Василий Збаражские «перед паном Михайлом Монт/о/втовичом старостою луцким»²⁸. Очевидно, именно луцкому старосте правитель поручал рассмотрение важных имущественных споров, поскольку по своему статусу он стоял выше других волыньских урядников, в частности, маршалка Волыньской земли. В деле от 3 июля (1463 г.) луцкий староста Михайло Монттовович именовался главным лицом, в присутствии которого состоялся раздел владений князей Збаражских в Кременецком повете 1463 г. В то время маршалком Волыньской земли был пан Олизар Шилович, владимирский наместник²⁹. Луцкий староста здесь представлен главным урядником Волыньской земли, которому в административном отношении подчинялся и Кременецкий повет этой земли, кроме Луцкого.

Продолжение развития рассматриваемого дела («справы») источники фиксируют 1475 годом. Тогда луцкий староста также председательствовал вместе с маршалком Волыньской земли, владимирским наместником (здесь он именовался старостой) Олизаром Шиловичем³⁰. Староста вновь занимал первое место, за ним следовал маршалок Волыньской земли, что указывает на сложившуюся иерархию урядников и влияние на Волыни луцкого старосты. В пользу этой мысли говорит очередной архивный акт, посвященный разделу между братьями владений умершего князя Солтана Збаражского. В нем имелось указание на необходимость предоставления отчета по этому делу луцкому старосте: «жебы то имело изрешано бытии, а то сведомо пану Михайле Монттовович/у/, старосте луцкому»³¹. После получения согласования у луцкого старосты акт называл других влиятельных представителей Волыньской земли, в присутствии и с одобрения которых проводилась передача княжеских владений. Такими представителями, вслед за луцким старостой, были: владыка луцкий Алексей, князь Александр Сангушкович, пан Олизар Шилович, владимирский староста, маршалок земский. Следовательно, маршалок Волыньской земли в иерархии местных урядников занимал далеко не первую позицию.

Источники подтверждают мнение М.К. Любавского о том, что полномочия маршалка в Волыньской земле сводились к осуществлению им функций руководства

²⁵ AS. T. I. № XLVIII. 1450. S. 45.

²⁶ AS. T. I. № XLIX. 1451. S. 46-47.

²⁷ AS. T. I. № L. 1452. S. 46.

²⁸ AS. T. I. № LVII. 1463. S. 54.

²⁹ AS. T. I. № LVII. 1463. S. 54-55.

³⁰ AS. T. I. № LXXIV. 1475. S. 69-70.

³¹ AS. T. I. № LXXV. 1475. S. 71.



местными вооруженными силами; он выступал в качестве специального военного урядника, помощника луцкого старосты, а главным урядником и политическим представителем Волынской земли был все же луцкий староста³².

В дальнейшем должность луцкого старосты занимал Михаил Монтовтович. Данную информацию подтверждает акт 1474 г., в котором он выступает в качестве свидетеля продажи пану Андрушко Федоровичу села Ступно³³. За ним луцким старостой стал Олизар Шилович. В четвертой книге записей Литовской метрики содержится уже упоминаемый выше документ – присяга пана Олизара Шиловича, будущего луцкого старосты, на верность Казимиру и Великому княжеству Литовского с заверением Шиловича верно держать «отданный в его заведывание городъ Лучоскъ на короля его милость к великому княжеству Литовскому», а также Луцкий замок³⁴. В 1484 г. пан Олизар Шилович, которому великий князь поручил «вести Юхна Зеньковича во владение отчиною»³⁵, уже упоминается в качестве луцкого старосты и маршалка Волынской земли. Олизар Шилович упоминается в документе 1487 г. Этим годом датируется подтверждение Казимира Ягеллончика о передаче владения Хоцен «до живота» паном Олизаром Шиловичем своей падчерице (дочке своей жены), княгине Марии Семеновой Ровенской. Документ был предоставлен женой («старостиною луцкою») паней Федько Олизаровой Шиловичей³⁶. Вероятно, в этом же году луцкий староста Олизар Шилович умер. 10 марта 1487 г. луцким старостой упоминается уже пан Петр Янович, который занимал также должность маршалка Волынской земли. Петр Янович заверял передачу на держание Татьяной Енковичевой Чапличевой владения ее отца Енка Чаплича «двора» Межиречья «вечно и непорушно»³⁷.

Луцким старостой в начале 90-х годов XV в. документы фиксируют Семена Юриевича Гольшанского. Последний, вместе с кременецким наместником Андреем Михайловичем и «со князьями и паны волынскими» в сентябре 1491 г. рассматривали дело («справу») кременецких земян Цеценевских с князем Александром Сангушком. Земяне жаловались королю на якобы незаконное присвоение князем их села Новосельцы³⁸. Подтверждением высокого статуса луцкого старосты было то, что он председательствовал на этом и аналогичных собраниях. В этом отношении показательно уже упоминаемое нами в другом контексте судебное дело 1529 г. пана Щасного Якимовича с князем Дмитрием Буремским «о разные кривды». Тогда луцкий староста Федор Михайлович Чарторыйский также возглавлял рассмотрение судебного дела и не был маршалком Волынской земли. Ему помогали и, соответственно, подчинялись знатные духовные и светские лица Волыни. Как отмечалось в документе, с ним были «того смотрели: г(оспо)д(и)нъ от(е)ць вл(а)д(ы)ка луцкий Макарей его м(и)л(о)сть; архиманъдыртъ жьдичынъский отецъ Арсеней его м(и)л(о)сть; а пан Якубъ его м(и)л(о)сть Михайловичъ Монътовътовичъ, староста кремьяницкий; кн(я)зь Василей Федоровичъ Четвертенъский; кн(я)зь Алексъандръ Михайловичъ Вишъневъский; кн(я)зь Петръ Михайловичъ, городничьи троцкий; кн(я)зь Солтанъ и кн(я)зь Юрей Соколенъский; пан Михаило Симашъкевичъ, хоружьи Волынъский; панъ Михаило Васильевичъ, писар г(о)с(по)д(а)рьский; панъ Федоръ а панъ Дашъко Еловичы; панъ Якимъ Жасковский; панъ Федоръ Таикурский; панъ Михаило а панъ Федоръ Гулевичы и иныи кн(я)зи и панове»³⁹.

Таким образом, в начале XVI в. луцкий староста продолжал исполнять функции главного урядника Волынской земли. Поэтому польские короли и великие кня-

³² Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. С. 211–212.

³³ AS. T. I. № LXXIII. 1474. S. 69.

³⁴ РИБ. Т. XXVII. Книга четвертая записей. № 58. Безъ даты. С. 370–371.

³⁵ РИБ. Т. XXVII. Книга четвертая записей. № 88. 1484, 22 мая. С. 398–399.

³⁶ AS. T. I. № XCI. 1487. S. 87.

³⁷ AS. T. I. № XC. 1487. S. 86.

³⁸ AS. T. I. № XCIX. 1491. S. 94.

³⁹ Knyga Nr. 15. № 115. 1529. 06.09. С.146–148.



зья оповещали именно луцкого старосту о пожаловании ими владений не только в Луцком повете, но и в Кременецком. 11 декабря 1507 г. датируется записанный в Литовскую метрику лист Жигимонта Старого к луцкому старосте, маршалку Волинской земли, наместнику брацлавскому и винницкому князю Константину Ивановичу Острожскому о пожаловании винницким землянам Левону, Берендею, Антону, Овладу, Вакуле и Павлу «пустого» селища Кузьмина, находящегося на речке Случ в Кременецком повете. Характерно, что на пожалование селища король просил князя Острожского дать «увязание»: «и твоя бы м(и)л(о)сть имъ в то увязане дал»⁴⁰. Отметим, что луцкое староство К.И. Острожскому было передано предыдущим старостой Федором Янушевичем в 1507 г.⁴¹ В Великом княжестве Литовском достаточно распространенной была практика поручений верховным правителем воеводам и старостам проводить «увязание» владений. Следовательно, правитель организовывал процесс управления регионами и заручался поддержкой своих представителей на местах.

Таким образом, в исследуемый период старосты выступали в качестве урядовых правителей Волыни. Источники свидетельствуют, что они отвечали за состояние господарских владений, дворов и дворцов, за собирание податей и мыт. Старосты были комендантами замков, следили за их состоянием, заведовали обороной поветов, были начальниками местных вооруженных сил, отвечали за их организацию, а также устройство землевладения, полученного от военной службы, были для населения в большинстве случаев судьями. От своей деятельности старосты получали обычные и экстраординарные доходы. В большинстве случаев они держали староства пожизненно («до живота») или до распоряжения верховного правителя («до осмотра господарського»).

THE PROBLEM OF INSTITUTION AND SUBSTITUTION OF ADMINISTRATION IN VOLYN (SECOND HALF OF XV– BEGINNING OF XVI CENTURY)

BORTNIKOVA A.V.

*Volyn National University
n.a. Lesya Ukrainka (Lutsk)*

e-mail: allabortnikova@rambler.ru

On the basis of sources, primarily a collection of documents of Lithuania metric materials of the Archive Sangushko, the first Lithuanian Statute of study questions the dynamics of replacing the governors and chiefs in Volhyn during its entry into the Grand Principedom of Lithuania. An institute representative of the supreme authority was formed in the cities of Vladimir, Lutsk, Kremenets. Governors and the mayor led the management system in the region.

Key words: Grand Principedom of Lithuania, Volhyni, Vladimir, Lutsk, Kremenets, city, prince, king, governor, mayor, sheet, an act Privilege.

⁴⁰ Knyga Nr. 15. № 277. 1507. 11.12. С. 230.

⁴¹ Knyga Nr. 8. № 292. 1507. 12.23. С. 243–244.

ГЕНЕРАЛ-ПАТРИОТ НЕ ШИЧЭН

А.М. ПАСТУХОВ

*Центр корейских
исследований Института
Дальнего Востока РАН,
г. Москва*

e-mail: chinese warfare@inbox.ru

Проблемы военной истории цинского Китая конца XIX – нач. XX вв. в современной отечественной историографии освещены чрезвычайно слабо и практически не изучены. Это касается всех основных сторон развития военного дела в Китае той эпохи. В данной статье автор анализирует биографию цинского генерала Не Шичэна, активного участника японо-китайской войны 1894-1895 гг. и восстания ихэтуаней. Статья написана с широким использованием китайских источников и литературы, значительная часть которых впервые вводится автором в научный оборот. Использование автором китайских источников, в том числе и впервые переведенных на русский язык, позволило иначе взглянуть на события китайской истории конца XIX века.

Ключевые слова: Китай, династия Цинь, японо-китайская война 1894-1895 гг., восстание ихэтуаней.



Рис. 1. Не Шичэн (±成, 1836-1900)

В течение длительного времени деятельность многочисленных военных и политических деятелей цинского Китая, выдвинувшихся в годы Тайпинского восстания, недооценивалась и преподносилась исключительно в черных тонах. Безусловно, определенную роль здесь сыграли не объективная оценка деятельности того или иного персонажа, а общая идеологическая заданность исследований и сильное влияние работ историков КНР – Фан Вэньляня, Шан Юэ, Хуа Гана и других, видевших в деятелях периода 1853-1912 годов исключительно «угождавших врагу национальных изменников»¹.

В число «национальных изменников» были зачислены не только такие сложные и масштабные фигуры, как Цзэн Гофань, Ли Хунчжан и Цзо Цзунтан, но и все, сражавшиеся против повстанцев под знаменами Цинской династии. Среди них оказался и генерал Не Шичэн (1836-1900), получивший характеристику «генерала старой школы», который не «ратовал за модернизацию армии, оснащение ее современным вооружением и введение заграничных боевых порядков»².

Однако в самом Китае деятельность генерала Не Шичэна оценивается очень высоко, несмотря на его участие в подавлении реформаторского движения Кан Ювэя

¹ См., например: Хуа Ган. История революционной войны Тайпинского государства. М., 1952. С. 21.

² Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае и Кан Ю-вэй. М., 1959. С. 251.



и неприятие идеологии движения Ихэтуань. Его называют «генерал-патриот», на месте его гибели в Тяньцзине поставлен памятник, в 1956 г. в Шанхае были изданы его дневники времен командировки в Маньчжурию в 1893-1894 годах и японо-китайской войны 1894-1895 годов.

Реакционер или патриот? Ответ на этот вопрос можно найти, только обратившись к материалам его биографии и дневникам.

Как и многие другие деятели первой волны китайского милитаризма, Не Шичэн был уроженцем провинции Аньхуй³. О его детстве и юности известно очень мало. По некоторым данным, он происходил из крестьянской семьи. По другим – его предки служили в армии, но в последних поколениях стали обрабатывать землю. В 1850-х годах Не Шичэн примкнул к армии Юань Цзясяня⁴, ведущей боевые действия против *няньцзюней*. За отвагу и умение организовать бойцов он быстро получил чин *бацзун*⁵. Однако Юань Цзясянь был относительно мало влиятельным лидером, и его формирования не имели современного вооружения и иностранных инструкторов. В результате его отряды были вынуждены присоединиться к войскам Лю Минчуаня⁶. Под руководством Лю Минчуаня Не Шичэн принял активное участие в сражениях в провинциях Фуцзянь, Чжэцзян и Аньхуй, воевал с *няньцзюнями* в Шаньдуне. Заслуги молодого инициативного офицера были высоко оценены – после разгрома восточной группировки *няньцзюней* Не Шичэн был представлен к награде, назначен на должность *цзунбина*⁷ и получил почетный маньчжурский титул Лион-батур⁸. Во главе вверенных ему войск Не Шичэн сражался против ушедших в Шэньси отрядов *няньцзюней* Чжан Цзунъюя. Войска Не Шичэна отличались высокой боеспособностью и имели на вооружении современное европейское оружие. Находясь в непосредственном распоряжении Лю Минчуаня, он дислоцировался со своими войсками в центральной части Китая, охраняя спокойствие в недавно умиротворенных провинциях.

В 1884 г. Лю Минчуань был назначен ответственным за оборону Тайваня. Французские войска атаковали стратегически важный порт Цзилун, высадили десант и развернули наступление вглубь острова. Для того, чтобы остановить их продвижение Лю Минчуань затребовал с материка наиболее боеспособные части, находившиеся в его подчинении – 29.01.1885 на английском военном корабле «Уэйвэрли» (Waverley) на Тайвань были переброшены 870 человек под командованием Не Шичэна. Высадившись в Бэйнань, войска Не Шичэна вступили в бой с французами и, вместе с другими войсками Лю Минчуаня, остановили французское наступление⁹.

Заслуги Не Шичэна были высоко оценены главой Аньхуйской милитаристской группировки Ли Хунчжаном. Верный своему принципу собирать под своим началом лучшие кадры, он перевел земляка на север, назначив командующим гарнизоном Люйшунью (Порт-Артур), в котором были развернуты активные строительные работы по созданию современной военно-морской базы для Северного флота. В годы службы в Люйшунью Не Шичэн имел возможность общаться с немецким майором Константином фон Ганекеном¹⁰ и английским военно-морским инструктором Вильямом

³ Уезд Бэйсян (ныне Ганцзи) области Хэфэй провинции Аньхуй.

⁴ Дед Юань Шикая.

⁵ *Бацзун* – младшая офицерская должность в цинских войсках 7-го ранга 1-го класса, соответствует подпоручику в русской царской армии.

⁶ Сторонник главы Аньхуйской клики Ли Хунчжана, впоследствии – генерал-губернатор Тайваня, руководивший обороной острова в 1884-1885 годах, а затем построивший там железную дорогу Цзилун-Тайбэй, арсенал, телеграф, создавший почту, пароходную компанию.

⁷ *Цзунбин* – высший офицерский чин в цинских войсках 2-го ранга 1-го класса, соответствует генерал-поручику русской царской армии

⁸ Сильный и мужественный богатырь.

⁹ Французы описывают события на Тайване как непрерывную череду своих побед, однако не объясняют, почему им так и не удалось существенно продвинуться за пределы Цзилуна.

¹⁰ Военный советник на службе у Ли Хунчжана. Руководил строительством укреплений в Вэйхайвэе, Далайе и Люйшунью. В годы японо-китайской войны 1894-1895 годов находился при адмирале Дин Жучане.



Лэнгом¹¹. Деятельность Не Шичэна по обустройству Люйшунькоу была высоко оценена Ли Хунчжаном – в 1891 г. был проведен первый императорский смотр военно-морских сил империи, на котором было отмечено образцовое состояние укреплений базы и состояния гарнизона. Не Шичэн получил пост командующего охранными войсками, расквартированными в Лутай, которые обеспечивали безопасность первой значительной железной дороги в стране – линии Пекин-Дагу. Назначение на такой важный пост свидетельствовало о возросшем весе Не Шичэна в Аньхуйской группировке. Однако генерал не интересовался политикой, занимаясь обучением своих солдат.

Не получивший современного военного образования, однако любознательный и энергичный, Не Шичэн вынес большую пользу из службы в Люйшунькоу и общения с европейскими специалистами. Опыт успешных сражений не только с китайскими повстанческими группировками, но и одной из самых передовых европейских армий того времени – французской – сделал Не Шичэна одним из самых перспективных генералов империи. Когда в ноябре 1891 г. в Жэхэ началось восстание даосской секты под руководством Ян Юэчуна, Не Шичэн атаковал центр движения в Чаояне и уничтожил повстанцев. Восстание было подавлено в течение короткого времени. За успешное выполнение задания Не Шичэн получил желтую *курму*¹² и титул – Батурунга.

В 1892 г. Не Шичэн был назначен на должность *чжэнь цзунбина*¹³ города Тайюань (провинция Шаньси), но в цинском Китае название должности зачастую не соответствовало реальной сфере деятельности ее носителя – Не Шичэн был оставлен в Лутай.

В октябре 1893 г. Не Шичэн был командирован во главе большого отряда лутайских войск для освидетельствования военно-стратегического состояния трех северных провинций – Фэнтянь, Гирина и Хэйлуцзяна. Особое внимание было уделено укреплению границ с Россией и Кореей. Это было опасное поручение, т.к. в Маньчжурии активно действовали банды хунхузов, порой даже штурмовавшие укрепленные города и наносившие поражения правительственным войскам¹⁴. Проведя съемки местности, Не Шичэн составил отчет о результатах поездки, известный как «Дун саньшэн цзяоцзе даоли бяо», где описал взаимное расположение населенных пунктов и расстояний между ними. Помимо географического описания границы с Россией и Кореей, Не Шичэн оставил и личные записки о ходе выполнения задания – «Дунью цзичэн», к сожалению, оказавшиеся недоступными на момент написания данной статьи. Обнаружение и изучение этих записок может дать новый интереснейший материал для изучения пограничного вопроса на Дальнем Востоке в 1890-х годах.

Опасная командировка затягивалась, и, когда Не Шичэн завершал составление своего отчета, в Корее началось восстание религиозной секты *тонхак*. В мае 1894 г. корейский государь Коджон, неспособный преломить ход военных действий, обратился за помощью к империи Цин¹⁵. В Китае это обстоятельство было воспринято с двойственным чувством – с одной стороны, возможность вооруженного вмешательства во внутренние дела Кореи позволяла существенно укрепить позиции Китая в регионе, а с другой – отправка войск на подавление восстания могло спровоцировать вмешательство Японии и, соответственно, послужить причиной начала войны между двумя империями.

¹¹ Английский военно-морской инструктор на службе у Ли Хунчжана. До 1891 г. фактический дублер Дин Жучана. Уволен в 1891 г. в связи с борьбой китайского чиновничества против присутствия иностранцев в государственном аппарате империи Цин.

¹² До введения в 1907 г. положения о распространении награждения орденами на подданных империи Цин награждение чиновника императорской желтой курткой для верховой езды (*маньчж. курма*) было одной из высших наград империи.

¹³ Условно соответствует бригадному генералу.

¹⁴ Ершов Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М., 2010. С. 27.

¹⁵ Яо Сигуан. Дунфан бинши цзилюэ (Краткое описание военных событий на Востоке) / Чжун-Жи чжаньчжэн. Шанхай, 1956. Т. 1. С. 12.



Непростая политическая ситуация заставила Ли Хунчжана обратиться за помощью к своим доверенным лицам – уроженцам провинции Аньхуй – *тиду*¹⁶ провинции Чжили Е Чжичао и Тайюаньскому *чжэнь цзунбину* Не Шичэну. В своем дневнике о походе в Корею Не Шичэн писал: «Во время инспекции рубежей с Россией и Кореей [я] внезапно был отозван. Получив приказ [выступить, я] отобрал 800 пеших и конных солдат и составил [из них] авангард»¹⁷. 7 июня 1894 г. войска под командованием Не Шичэна выступили из Лугай в Тяньцзинь¹⁸. 9 июня того же года его авангард уже расположился лагерем в городке Асан и приступил к строительству укреплений¹⁹.

Активная деятельность Не Шичэна по налаживанию контактов с местным населением и разведке местности привели к тому, что повстанцы без боя очистили центр провинции Чолла город Чонджу и даже выразили желание сложить оружие²⁰.

Во время пребывания в Корее генерал поддерживал в войсках суровую дисциплину, карая за малейшие проявления мародерства и своеволия, за что корейцы поставили ему памятную стелу на окраине Асана, а также оказал материальную помощь корейским семьям, пострадавшим во время боев в Чонджу²¹.

Однако он прекрасно понимал, что уничтожение плохо вооруженных *тонхаков* – это несложная задача для хорошо оснащенных и подготовленных отрядов его Лугайских войск. Главную опасность составляли японцы, не преминувшие воспользоваться возможностью послать в Корею свои войска. Хорошо понимая, что стратегическое развертывание цинских войск в центральной части Кореи безнадежно запаздывает, а непосредственной угрозы со стороны повстанцев для Сеула нет, 12 июля 1894 г. Не Шичэн потребовал рассмотреть возможность срочной эвакуации китайских войск из центральной части Кореи с последующим вводом их на север страны²².

Целесообразность подобных предложений была несомненна – имея к 24 июля 1894 г. в Асане всего 3500 солдат при 8 орудиях, удержаться против более чем 9-тысячной группировки японских войск, сосредоточенной около Сеула, было крайне сложно. В случае, если бы план Не Шичэна был принят, китайцы могли бы переломить ход стратегического развертывания войск в Корее и, возможно, изменить ход войны, одновременно избежав излишнего распыления сил на суше и море. Но назначенный командующим в Корее Е Чжичао долго колебался, проводил бесконечные консультации и, в результате, время было упущено.

Однако Не Шичэн сделал все, что зависело от него лично – заняв 26 июля 1894 г. станцию Сонхван²³, он настоял на эвакуации главной базы китайских войск в Асане и отступлению на Конджу. Это спасло цинские войска от разгрома – остановив и обескровив японские войска генерала Осима в ожесточенном арьергардном бою у Сонхвана в ночь с 28 на 29 июля того же года, Не Шичэн с минимальными потерями отступил в Конджу для подготовки к обороне этого города²⁴. Но Е Чжичао отказался от продолжения боевых действий и предпочел отступить на Пхеньян. По дороге корейское население с сочувствием относилось к китайцам, принимало раненых на лечение, снабжало продовольствием, сообщало о передвижениях японских войск. За все Не Шичэн платил серебром²⁵.

¹⁶ Высший офицерский чин в цинских войсках 1-го ранга 2-го класса, соответствует полному генералу русской царской армии.

¹⁷ Не Шичэн. Дунчжэн жицзи (Дневник Восточного похода) / Чжан-Жи чжаньчжэн (Японо-китайская война). Шанхай, 1956. Т. 6. С. 1.

¹⁸ Там же. С. 1.

¹⁹ Там же. С. 2.

²⁰ Там же. С. 6.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 8.

²³ Там же. С. 9.

²⁴ Там же. С. 10.

²⁵ Там же. С. 11.



В Пхеньяне Не Шичэн быстро оценил обстановку – введенных в город 2 августа 1894 г. цинских войск было недостаточно для надежной обороны Северной Кореи²⁶. Он обратился по телеграфу к Ли Хунчжану и, получив разрешение, выехал 3 сентября 1894 г. в Тяньцзинь для вербовки новых войск²⁷. Однако 11 сентября 1894 г., уже на самой границе с Китаем, генерал получил новую телеграмму от Ли Хунчжана – после того, как 8 сентября 1894 г. японские войска выбили китайский гарнизон из Сончхона, положение в Пхеньяне требовало присутствия там всех генералов, имевших боевой опыт²⁸. Срочно выехавший обратно, Не Шичэн, однако, не успел к сражению – 15 сентября 1894 г. он встретил отступавшие из Пхеньяна китайские кавалерийские части. Сражение было проиграно, но, по мнению Не Шичэна, сопротивление в Корее можно было продолжать, остановив врага на рубежах по реке Чхончхонган у г. Анджу²⁹. Однако командующий Е Чжичао предпочел отвести войска из Кореи и развернуть их кордоном вдоль реки Ялу.

Не Шичэн получил назначение на участок у горы Хуэршань, имея менее 2000 солдат под своим командованием. 24 октября 1894 г. его позиции подверглись атаке почти 5000 японских солдат. Не Шичэн грамотно сопротивлялся, не давая японцам форсировать реку и занять китайские позиции, однако после более чем 4-часового боя он понял, что удержаться не удастся – к японцам подошло подкрепление, а просьба о помощи, направленная новому командующему группировкой цинских войск на границе с Кореей *тиду* Сун Цину осталась без внимания. Зарыв в землю орудия, чтобы они не достались врагу, Не Шичэн начал отступление на Фэнхуанчэн³⁰.

Поражение на Ялу было очень тяжелым по своим последствиям – японцы заняли стратегически важный центр Фэнхуанчэн, получив возможность действовать как против Пекина, так и против Мукдена. Сун Цин отвел главные силы подчиненных ему войск в район Гайпин-Хайчэн для защиты Пекинского направления. С немногочисленными Лутайскими батальонами Не Шичэн был направлен на рубеж хребта Дагаолин, чтобы прикрыть священную столицу маньчжурской династии³¹.

В японских отчетах скупо говорится об этих событиях – и это неспроста. Особо похвастаться им было нечем. Поэтому в ход была пущена сознательная дезинформация – в японских отчетах говорилось, что никто из китайских генералов не смог оказать им никакого достойного сопротивления, но японцы не могли выдержать сильнейших холодов и были вынуждены отступить, сопровождаемые немногочисленными китайскими конниками, которые ограничивались наблюдением, тут же обращаясь бегством при малейшей попытке сопротивления со стороны японцев³². О событиях у заставы Ляньшаньгуань было сказано следующее: «24-го ноября японцы достигли Мо-тиенг-лингского прохода у Лан-тзу-шанга. Здесь стоял генерал Ни и попробовал задержать наступающего. Но 25-го ноября проход и самый город были взяты японцами, китайские же войска отброшены в долину Тай-тзи-хо (приток Лао). Наблюдая за ними, японцы простояли здесь целую неделю. Только в начале декабря, когда холод на высотах достиг 18° и более, и когда выяснилось, что сопротивление китайцев некоторым образом уже сломлено, японская бригада совершает обратное движение к Фен-хуанг-чену. Слабые отряды китайцев, главным образом конницы, преследуют японцев; дело доходит однако только до небольших аррьергардных схва-

²⁶ Яо Сигуан сообщает, что войска Ма Юйкуня, Вэй Жугуя, Цзо Баогуя и Фэншэнъя насчитывали всего 35 батальонов, что составляло не более 14,5 тысяч солдат. См.: Яо Сигуан. Дунфан бинши цзилюэ (Краткое описание военных событий на Востоке). С. 19.

²⁷ Не Шичэн. Дунчжэн жицзи (Дневник Восточного похода). С. 13.

²⁸ Там же. С. 13.

²⁹ Там же. С. 14.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² См.: Симанский. Японско-китайская война 1894-1895. СПб., 1896. С. 132-133, 135-136. Книга Симанского является переводом официальной японской информации, полученной через немецкого военного наблюдателя.



ток... Но все эти, активные на этот раз, действия китайцев не вызвали особых опасений среди японских вождей»³³.

Ложь японской пропаганды, на которую клюнули европейские военные атташе, стала очевидной после публикации в Шанхае дневников пресловутого «генерала Ни», под именем которого скрывался не кто иной, как Не Шичэн. Действительно, 11 ноября 1894 г. небольшой отряд армии Шэнцзы³⁴ был выбит из Ляньшаньгуань. Не Шичэну, имевшему весьма ограниченные силы и средства, пришлось обороняться в течение 10 дней, остановив продвижение японцев за Ляньшаньгуань. 26 ноября 1894 г. Не Шичэн разгромил противника у Ляньшаньгуань, при этом в бою погиб командир японской 8-й бригады подполковник Томиока Сандзо³⁵. После этого японцы были вынуждены отступить с боями, остановившись только у рубежа вдоль хребта Фэньшуйлин, откуда были выбиты 5 декабря 1894 г.³⁶. Спустя четыре дня, 9 декабря, японцы были разбиты у Цзиньцзяхэ³⁷. 19 декабря 1894 г. Не Шичэн и Икэтанъа предприняли контрнаступление на Фэнхуанчэн, однако недостаток сил не позволил завершить удачно начатую операцию³⁸. Однако к 31 декабря 1894 г. японцы были вынуждены существенно усилить группировку в Фэнхуанчэне. Фронт стабилизировался на линии станций Сюэличжань-Канцзябао³⁹.

Весь январь и начало февраля 1895 г. Не Шичэн вел бои местного значения. 12 февраля 1895 г. его отозвали для защиты позиций у Шаньхайгуань, чтобы обеспечить столицу от наступления японских войск⁴⁰, неизбежного после провала контрнаступления Сун Цина на Хайчэн 17 января – 17 февраля 1895 г. Для защиты Мукдена на замену его войскам были высланы 10 батальонов Сянской армии⁴¹. Таким образом, если исходить из принципа паритета при смене войск, в распоряжении генерала с октября 1894 по февраль 1895 гг. было всего около 5000 человек, с которыми он сумел надежно обеспечить безопасность священной столицы маньчжуров⁴².

Заслуги Не Шичэна в борьбе с японскими войсками были высоко оценены цинским правительством – 23 ноября 1894 г., еще до разгрома японцев у Ляньшаньгуань, его назначили на должность *тиду* провинции Чжили⁴³ со ставкой в Лутай⁴⁴. Генерал пользовался популярностью и в глазах общественности, как честный и храбрый военачальник: «Под предлогом защиты столицы мы вызовем в Пекин старого генерала Хуайской армии Ни Гутина⁴⁵. Этот человек предан императору и смел, с ним можно быть абсолютно спокойным»⁴⁶.

³³ Там же. С. 135.

³⁴ Отдельные группировки Хуайской и прочих армий в позднецинском Китае имели собственные названия – Шэнцзы, Минцзы, Жэньцзы и т.д. Батальоны Шэнцзы формировались в Маньчжурии и состояли под командованием чунцинских *цзунбинов* Сунь Сяньиня и Лю Бэньюаня.

³⁵ См.: Не Шичэн. Дунчжэн жицзи (Дневник Восточного похода). С. 15.

³⁶ Там же. С. 15.

³⁷ Там же.

³⁸ Японцы были выбиты из Фэнхуанчэн, но в ходе ночной контратаки ими был убит командующий цинским отрядом Юн Шань, после чего цинские солдаты отступили. См.: Не Шичэн. Дунчжэн жицзи (Дневник Восточного похода). С. 15.

³⁹ Там же. С. 16.

⁴⁰ Там же. С. 18.

⁴¹ Батальон (*ин*) состоял, как правило, из 500 человек в пехоте и 250 человек в коннице. См.: Симанский. Японско-китайская война 1894-1895. С. 19.

⁴² Большую часть войск Не Шичэна составляла конница, причем его отборные части, возглавлявшие контрнаступления цинских войск, составляли всего около 1000 человек. См.: Не Шичэн. Дунчжэн жицзи (Дневник Восточного похода). С. 15.

⁴³ К тому времени бывший *тиду* Е Чжичао был уже отставлен от должности за промахи во время кампании в Корее. См.: Чжао Эрсюнь. Цин ши гао (Черновая история империи Цин). Пекин, 1927. Бэньцзи 23. Дэцзун шицзи 1.

⁴⁴ См.: Не Шичэн. Дунчжэн жицзи (Дневник Восточного похода). С. 14.

⁴⁵ Второе имя Не Шичэна было Не Гунтин. В своем романе «Цветы в море зла» китайский писатель Цзэн Пу вывел его под искаженным, но все же легко узнаваемым именем Ни Гутин.

⁴⁶ Цзэн Пу. Цветы в море зла. М., 1990. С. 400.



После окончания войны Не Шичэн возглавил авангард спешно формировавшейся Бэйянской армии в количестве 30 батальонов⁴⁷, преимущественно конницы. Для обучения своих войск он следовал германским уставам, но уже в конце 1896 г. счел, что этого недостаточно. По личной инициативе Не Шичэна были начаты переговоры с русским командованием, и в августе 1897 г. в его части был прислан инструктором гусарский полковник Воронов, обучавший китайские войска в течение почти 3 лет⁴⁸.

Китайские войска в Лутае добились значительных результатов в военной подготовке, а генерал Не Шичэн считался одним из самых лояльных к России китайских военачальников высокого ранга⁴⁹. Тем более нелепым оказались обстоятельства трагической гибели этого незаурядного человека.

В 1898 г. генерал оказался втянут в политическое противостояние при дворе – его войска были использованы для подавления движения реформаторов, известного как «100 дней реформ». 22 сентября 1898 г. Не Шичэн предпринял безуспешно попытку арестовать Лян Цичао на борту японского военного корабля «Того», где тот успел укрыться от преследований Цыси⁵⁰. Однако беспрекословное выполнение Лутайскими войсками полученных приказов вызвало одобрение вдовствующей императрицы – Не Шичэн получил 6000 *лян* для раздачи войскам в качестве награды⁵¹. Это событие показало политические симпатии генерала – не признавая никаких попыток модернизации страны на западный лад, он выступал за создание мощной современной армии и добрососедские отношения с Россией, поддерживая обновленный Тайпинским восстанием союз между маньчжурскими и китайскими феодалами. Любое выступление против существующего режима казалось ему серьезнейшим посягательством на единственно возможное положение дел – сильную власть империи Цин. Это и сыграло злую шутку с генералом.

Когда весной 1900 г. до предела обострились отношения между державами и Китаем, Не Шичэн развернул свои войска вдоль железнодорожной линии Пекин-Дагу для охраны железнодорожного полотна и станционного имущества, жестко пресекая попытки порчи железной дороги *ихэтуанями*. Его подчиненный Ян Муши нанес серьезное поражение *ихэтуаням* у Аньдина⁵². Сложные дипломатические маневры Цыси и антииностранный группировки оставались для него непонятными – в то время как Дун Фусян и Сун Цин, улавливая настроения правительства, пытались оправдаться за свое бездействие в подавлении мятежа, Не Шичэн решительно заявлял: «Мятежники вредят народу, непременно дойдет и до вреда династии! Я стал *тиду*, а ситуация такова, что нельзя послать войска для усмирения бунтовщиков – как же тогда нести службу?»⁵³. Считая деятельность *ихэтуаней* вредной для интересов Китая, он выслал отряд своих войск на охрану станции в Тяньцзине. Первые отряды войск Не Шичэна были размещены вокруг города 11 июня 1900 г.⁵⁴, 12 июня 1900 г. русским журналистом Д.Г. Янчевецким были засвидетельствованы сильные антибоксерские настроения и даже прорусские симпатии среди китайских солдат. Всего у Тяньцзиня сосредоточилось около 5000–7000 солдат из войск Не Шичэна⁵⁵.

Однако непримиримая и прямолинейная позиция Не Шичэна по отношению к *ихэтуаням* вызвала серьезное недовольство со стороны Цыси и сановников антииностранный группировки – 13 июня 1900 г. к Тяньцзиню подошли отряды *ихэтуаней*, которых Не Шичэну было запрещено трогать, а 29 июня того же года, подвергав-

⁴⁷ Чжао Эрсюнь. Цин ши гао (Черновая история династия Цин). Цзюань 467. Войска Не Шичэна получили название *Уи цзюнь* – Воинственная и непоколебимая армия.

⁴⁸ Попов И. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М., 2004. С. 187–192.

⁴⁹ Янчевецкий Д.Г. 1900. Русские штурмуют Пекин. М., 2008. С. 75.

⁵⁰ Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае и Кан Ю-вэй. М., 1959. С. 275.

⁵¹ Там же. С. 278.

⁵² Калужная Н.М. Восстание *ихэтуаней* 1898–1901. М., 1978. С. 185.

⁵³ Чжао Эрсюнь. Цин ши гао (Черновая история империи Цин). Цзюань 467.

⁵⁴ Калужная Н.М. Восстание *ихэтуаней* 1898–1901. С. 195.

⁵⁵ Д.Г. Янчевецкий говорит о 7000 солдат. См. Янчевецкий Д.Г. 1900. Русские штурмуют Пекин. С. 185. Чжао Эрсюнь сообщает о 1/3 солдат Лутайского гарнизона, т.е 10 батальонах, что равно примерно 5000 солдат. См. Чжао Эрсюнь Цин ши гао (Черновая история империи Цин). Цзюань 467.

ясь давлению со стороны Ган И и других сторонников *ихэтуаней* при дворе, он был вынужден отдать приказ об отстранении от должности и отдаче под суд бескомпромиссного борца с мятежниками Ян Муши⁵⁶.

15 июня 1900 г. начался штурм Тяньцзиня отрядами *ихэтуаней*. Не Шичэн получил приказ содействовать их продвижению. По иронии судьбы, полковник Воронов с мая 1900 г. находился в Тяньцзине и принял участие в организации обороны города, который теперь вынуждены были штурмовать войска Не Шичэна. Генерал всячески сопротивлялся сотрудничеству с *ихэтуанями*, но активно противодействовал попыткам европейских войск деблокировать Тяньцзинь.

29 июня 1900 г. войска Не Шичэна и другого героя японо-китайской войны, генерала Ма Юйкуня, получили приказ совместно с *ихэтуанями* атаковать Тяньцзинь⁵⁷. Ненависть между солдатами и *ихэтуанями* к тому времени достигла предела – среди *ихэтуаней* пели песни типа «Не Шичэн – собака» и «Дьявола не найдем ... отправим его в могилу послушать пение сверчка»⁵⁸. Не Шичэн нашел выход из положения – он направил в атаку в качестве авангарда *ихэтуаней*, а когда те побежали, приказал своим солдатам стрелять по отступающим. В течение короткого времени было убито более 1000 *ихэтуаней*⁵⁹. Остатки *ихэтуаней* ушли от Тяньцзиня.

С 5 по 12 июля 1900 г. китайские войска поочередно заняли Балитай, Чжэньцзяоу, район Тяньцзиньского ипподрома и начали готовить штурм концессии Цзычжулин⁶⁰.

9 июля 1900 г. генерала несправедливо обвинили в потере фортов Дагу, оборону которых возглавлял другой генерал – Ло Жунгуань, и приказали разжаловать, оставив во главе вверенных ему частей. Войскам Не Шичэна было строжайше предписано разгромить Цзычжулин и вернуть форты Дагу⁶¹. Но было поздно – 13 июля 1900 г. началось контрнаступление союзных войск Восьми держав. В развернувшемся у Балитай ожесточенном бою Не Шичэн поднял в атаку своих дрогнувших солдат. Осколок разорвавшегося снаряда распорол ему живот, и генерал скончался в мучениях. Оставшиеся без руководства войска начали отступление по всему фронту⁶².

Несмотря на конфликты со двором, имевшие место в последние месяцы жизни Не Шичэна, его деятельность была высоко оценена правительством – он был посмертно назначен младшим опекуном наследника престола (*тайцзы шаобао*)⁶³, ему было присвоено посмертное почетное имя Чжунцзе (Верный), на воротных столбах его дома Юань Шикай собственноручно сделал две надписи о его заслугах, а в уезде Ганцзи провинции Аньхуй в его честь был построен поминальный храм⁶⁴. В «Цин ши гао» его нормативное жизнеописание было

помещено в главе 467 как жизнеописание верного и справедливого сановника.



Рис. 2. Памятник Не Шичэну

⁵⁶ Калюжная Н.М. Восстание ихэтуаней 1898-1901. С. 195.

⁵⁷ Там же. С. 228.

⁵⁸ Восстание ихэтуаней, документы и материалы. М., 1968. С. 182-183.

⁵⁹ Калюжная Н.М. Восстание ихэтуаней 1898-1901. С. 228.

⁶⁰ Чжао Эрсюнь. Цин ши гао (Черновая история империи Цин). Цзюань 467.

⁶¹ Калюжная Н.М. Восстание ихэтуаней 1898-1901. С. 229.

⁶² Там же. С. 229.

⁶³ Гражданский титул 2-го ранга 1-го класса.

⁶⁴ Чжао Эрсюнь. Цин ши гао (Черновая история империи Цин). Цзюань 467.



Таким образом, проследив боевой и жизненный путь генерала, мы можем убедиться, что оценка всех участников подавления Тайпинского и Боксерского восстаний как «национальных изменников» в корне неверна – такие люди, как Не Шичэн, будучи, несомненно, приверженцами традиционных монархических взглядов и воспитанные в духе верности правящей династии, тем не менее, были настоящими патриотами своей страны, видевшими будущее Китая во всемерном укреплении центральной власти и повышении его военной мощи. Вполне возможно, что эта позиция может показаться кому-либо излишне консервативной, однако в ней нет ничего такого, что позволило бы зачислить этого военачальника в лагерь предателей национальных интересов китайского народа. Изучение дневников и биографии генерала Не Шичэна позволило вернуть доброе имя этому человеку, отдавшему свою жизнь за независимость Китая.

THE GENERAL PATRIOT NIE SHICHENG

A.M. PASTUKHOV

Researcher of Center of Korean Studies, Far East Institute of Russian Academy of Science, Moscow

e-mail: chinese warfare@inbox.ru

Problems of military history Qing China of the end XIX – beg. XX centuries are shined extremely poorly and practically are not studied in a modern Russian historiography. It concerns all basic parties of development of military science in China that epoch. The author analyzes the biography Qing's general Nie Shicheng, the active participant of the Japanese-Chinese war 1894-1895 and Boxer rebellion in this article. Article is written with wide use of the Chinese sources and the literatures which considerable unit by the author is entered for the first time into a scientific world. Use by the author of the Chinese sources including for the first time translated into Russian, has allowed on new to look at events of the Chinese history of the end of XIX century.

Key words: China, dynasty Qing, the Japanese-Chinese war 1894-1895, Boxer rebellion.



УДК 94(100)"1939/45"

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА БАЛКАНАХ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А.В. СКОВОРОДНИКОВ*Алтайский государственный
университет, г. Барнаул**e-mail: mladic@mail.ru*

Британское правительство в годы Второй мировой войны разработало всеобъемлющую внешнеполитическую программу, которая была нацелена, прежде всего, на сохранение за Империей статуса великой державы, способной влиять на события во всех значимых для нее регионах мира. Базисные принципы стратегической концепции были неизменными и отражали долгосрочные перспективные интересы Великобритании. Балканы являлись тем регионом, на котором Лондон сосредоточил особое внимание.

Ключевые слова: Великобритания, Балканы, геополитика, международные отношения.

Деление мира на сферы влияния было довольно традиционным для великих держав Европы в течение длительного времени. С одной стороны, это обеспечивало определенную стабильность, но, с другой, порождало неизбежные конфликты, нередко приводящие к войнам, если по какой-либо причине интересы стран вновь начинали пересекаться в каждом конкретном регионе. Так или иначе, со всеми своими геостратегическими достоинствами и недостатками, разграничение сфер влияния просуществовало вплоть до Второй мировой войны, хотя, по мнению многих политиков, уже в полной мере не соответствовало существующим реалиям.

Балканы всегда являлись стратегически важным регионом, где пересекались интересы многих великих держав. По мере того, как Османская империя, а затем и Турция теряла здесь свои позиции и влияние, на первый план выходила Великобритания. Особое внимание к региону традиционно проявляла Россия и впоследствии СССР. В данном случае речь шла не столько о религиозных или этнических соображениях, характерных для царской России, сколько о необходимости обезопасить свои южные рубежи. При этом понимание самого термина «Балканы» у Лондона и Москвы различалось. Нужно иметь в виду, что политика Англия не была статичной и менялась в зависимости от сложившейся обстановки. На протяжении всего периода происходило формирование общей позиции Великобритании к событиям, связанным с Балканским полуостровом. Английский политический курс претерпевал серьезные изменения и эволюционировал.

Вторая мировая войны втянула в свою орбиту огромное число участников. Многие из них оказались в эпицентре событий вовсе не по своей воле. Такая участь, уготованная малым государствам и народам по всему миру, постигла и страны Юго-Восточной Европы. Сложный узел противоречий межэтнического, межконфессионального, территориального содержания дополнялся давлением со стороны более могущественных государств, в том числе, Великобритании¹.

Целью исследования является выяснение места Балкан во внешнеполитической стратегии Великобритании в годы мирового конфликта. В современной историографии проблема практически не нашла серьезного комплексного освещения. Авторы, вне зависимости от своих убеждений и пристрастий, часто просто ограничиваются упоминанием о том, что у британского премьера Черчилля, который фактически определял дипломатический курс Англии в годы войны, были планы относительно Балкан. Хотя это было далеко не единственное направление приложения усилий британского руководства. Все это вовсе не означало, что внутри английской по-

¹ Conference on Britain and European Resistance. 1939-1945. Oxford, 1962.



литической элиты не было дискуссий по определению дипломатического и военного курса страны. Помимо премьера значимую роль при формировании внешней политики и непосредственных действий государства на международной арене в условиях войны играли Форин офис и министр иностранных дел А. Иден, начальники штабов, а также парламентские круги².

Для начала необходимо выявить, что именно понимали в Форин офисе под Балканами, и какое практическое воплощение это нашло во внешнеполитической программе Лондона. С географической точки зрения на Балканском полуострове в конце 30-х – начале 40-х годов XX века находилось несколько государств, а именно: Болгария, Албания, большая часть Греции, Югославии, часть Румынии и Турции. Довольно часто географическое понимание той или иной области не совпадает с историко-культурным ареалом. Особенно, если это касается восприятия данной зоны в качестве стратегически важного для обеспечения собственной безопасности района, и Балканы были тому ярким подтверждением.

Исследователи, говоря о маневрах Черчилля относительно этого региона, как правило, не уточняют, какие именно страны премьер включал в сферу интересов Англии. Чаще всего при этом упоминается процентное соглашение между Черчиллем и Сталиным в октябре 1944 года. Только в этом соглашении, по существу завершающем балканскую политику британского лидера периода войны, речь шла о конкретных государствах. Однако можно утверждать, что политика премьера с начала войны имела в основании ряд принципов, основополагающим из которых было стремление сохранить за Британией статус великой мировой державы. Исходя из этого, Черчилль на протяжении всех лет военного противостояния агрессорам искал возможность закрепить влияние Англии в различных регионах мира. Балканы были одним из них³.

Справедливости ради нужно отметить, что Черчилль, до вступления на пост главы кабинета и в первые годы своего премьерства, не выделял балканские страны из более широкого региона Юго-Восточной Европы. Постепенно, по мере изменения состояния дел на фронтах и внутри антигитлеровской коалиции, Черчилль сформулировал более конкретно позицию Великобритании относительно Балкан. В первую очередь, речь шла о Греции и Югославии⁴. Именно эти два государства, в соответствии с английской дипломатической программой, должны были впоследствии стать той базой, основываясь на которой Англия сможет после войны противостоять не только СССР, но и США. В Великобритании, при непосредственной инициативе официальных кругов, были подписаны эмигрантскими правительствами соглашения о греческо-югославской унии. Но никакие договоренности с эмигрантскими правительствами не могли изменить ситуацию на фронте. Находясь далеко от главных событий войны, они не обладали реальными силами, а к антигитлеровской коалиции относились чисто номинально⁵. По этой причине Лондон пытался наладить контакты с силами Сопротивления в этих странах, где помимо борьбы с агрессорами в лице Германии и Италии, шли еще и ожесточенные гражданские войны.

Сложность положения подталкивала английского лидера к поиску оптимального или, скорее, приемлемого для Британии исхода событий. Во многом этим объясняются проекты конфедеративного устройства Юго-Восточной Европы, которые на протяжении всей войны возникали в недрах британского МИДа. Конфедерации по-английски – это, по существу, объединения нескольких государств, связанных между собой сетью различных договорных обязательств, под эгидой и протекцией со сторо-

² Parliamentary Debates. (Hansard). 5 th ser.. Official Report. Vol. 352-413. London, 1939-1945.

³ Sainsbury K. Churchill and Roosevelt at War: the War They Waged and the Peace They Hoped to Make. N.Y., 1994. P. 114.

⁴ Тейхман М. Политика Великобритании на Балканах во время Второй мировой войны (1943-1944 гг.) // България след Освобождението. София, 1988. С. 57.

⁵ Scanlon H.L. European Governments in Exile. Washington, 1943.



ны Лондона. Во всех планах Греция и Югославия включались в одну из конфедераций, как их неотъемлемая и необходимая составляющая⁶.

К подобным идеям структурирования межгосударственных отношений в этом регионе Европы негативно относились не только СССР, но и США. При этом у каждой из этих стран были на то свои основания. По мере уменьшения роли Британии в антигитлеровской коалиции данные проекты все больше уходили в тень, а возвращение к ним было нецелесообразно из тактических соображений. Черчиллю необходимо было искать иной вариант закрепления влияния Англии в интересующих его странах. Еще раз подчеркнем, что Балканы долгое время не были приоритетным направлением во внешнеполитической активности премьера. Общемировая конъюнктура складывалась таким образом, что Англия должна была варьировать модель своей внешней политики. Невозможность решения ключевых международных вопросов в одиночку приводила к необходимости поиска компромиссов со своими союзниками по коалиции. В целом взаимоотношения Великобритании с малыми государствами и народами во многом были обусловлены контактами внутри Большой тройки. В рамках коалиции имели место и конструктивное сотрудничество, и жесткие противоречия. Это касалось как отношений между западными партнерами и СССР, так и между Лондоном и Вашингтоном. Англия, стремясь заложить прочную основу для политического взаимодействия сторон, никогда не забывала о своих национальных интересах. Нередко это приводило к конфронтации и противодействию со стороны союзников. Постепенно Балканы выходили на первое место в дипломатических устремлениях Черчилля. Несомненным успехом английских дипломатов и Черчилля лично являются те соглашения, которые были достигнуты между Британией, США и СССР относительно Греции и Югославии. По мнению Черчилля, «балканские договоренности» являлись наилучшими из возможных: Греция была спасена, а Югославия сохранена⁷. Судьбы мира решались не только на полях сражений, но и за столом переговоров.

Ситуация осложнялась тем, что в этих государствах шли непримиримые междоусобные войны. При этом Англия довольно бесцеремонным образом вмешалась во внутренние дела данных государств. В Греции дивиденды были получены фактически сразу, а в Югославии в 1948 году, когда Тито порвал со Сталиным всяческие отношения. Хотя нежелание разбираться во внутренних перипетиях борьбы внутри этих стран привело к печальным последствиям – межнациональным и межконфессиональным конфликтам между гражданами данных государств – Великобританию и ее руководителей мало заботил этот аспект. Речь шла о большой стратегии, где малым народам отводилась довольно скромная и порой незавидная роль. По мысли Черчилля, два балканских государства – Греция и Югославия должны были явиться той сферой влияния и контроля со стороны Британии, которые бы после войны гарантировали ей ведущее место в регионе и, отчасти, позволили бы ей сохранить статус великой державы, способной влиять на общемировые процессы.

GREAT BRITAIN AND GEOPOLITICAL SITUATION IN THE BALKANS IN THE SECOND WORLD WAR

A.V. SKOVORODNIKOV

*Altai State University,
Barnaul*

e-mail: mladic@mail.ru

In days of the Second World War The British government developed a universal foreign policy program which was intended to save the status of the Empire as of the great power, which could influence on events in all its important regions. Basis principles of the strategic concept were invariable and they reflected long-term perspective interests of Great Britain. The Balkans was a region, which London concentrated special attention to.

Key words: Great Britain, the Balkans, geopolitics, the international relations.

⁶ Velebit V. Yugoslavia in the Second World War. Belgrade, 1987.

⁷ Роуз Н. Черчилль. Бурная жизнь. М., 2003. С. 390.



АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (=479.22)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРЯДА У ГРУЗИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

В.З. Дзидзишвили

*Северо-Осетинский
государственный
университет
им. К.Л. Хетагурова,
г. Владикавказ*

e-mail: tsisnamy@mail.ru

В статье на основе материалов проведенного этносоциологического исследования подробно рассматриваются обряды свадебного цикла и основные этапы традиционной грузинской свадьбы. Данные исследования свидетельствуют о том, что традиционная свадебная обрядность в той или иной мере сохранилась в быту представителей грузинской диаспоры Северной Осетии, хотя и не без некоторых модификаций.

Ключевые слова: диаспора, модификация свадьбы, самобытность, традиция, трансформация, обряд, этносоциологический.

Свадебная обрядность у грузин, так же как и у других народов Кавказа, занимала центральное место в обрядовой жизни. Вступление в брак расценивалось как одно из важнейших событий человеческой жизни, не только ведущее к образованию новой общественной ячейки, но и расширяющее круг социальных связей индивидуума, вовлекающее его в сферу новых родственно-экономических связей. Соответственно, и оформляться это событие должно было совершенно особым образом, и каждый этап свадебного цикла изначально был насыщен своим особым смыслом, отражающим представления народа о семейном благополучии.

Семейные отношения поддерживаются традициями, которые складываются в той или иной культурной среде. Грузинская обрядность, и свадебная в том числе, имеет тысячелетнюю историю. Естественно, что каждое новое поколение осваивает традиции и обряды, исходя из реальных исторических условий, в которых оно растет и проживает. О традиционной свадебной обрядности мы узнаем из этнографических источников, в той или иной мере адекватно передающих опыт предшествующих поколений.

Обряды свадебного цикла пронизаны неповторимой национально-культурной самобытностью. Традиционная грузинская свадебная обрядность включала несколь-

ко обязательных этапов¹, первым из которых являлось сватовство. Посредником при сватанье часто избирался родственник или свойственник невесты, который должен был являться честным и всеми уважаемым человеком. Согласно имеющимся сведениям, посредник обращался за содействием к брату матери невесты, который обычно не сразу выражал согласие принимать участие в уговорах родителей невесты. В случае если по какой-либо причине (болезнь, занятость) дядя не мог сам прийти в дом племянницы, он в знак подтверждения своего согласия на брак посылал через посредника собственное оружие или какую-либо иную вещь. Такого рода знак согласия назывался *дасаджериси* («подтверждение»).

После согласия на брак семья невесты получала от родителей жениха задаток – *белга*. Непосредственно за этим следовала передача знака «малого обручения» (*патаранишани*). Со временем различие между этими двумя действиями постепенно сошло на нет, а задаток и знак «малого обручения» стали восприниматься как единый акт, с той лишь разницей, что в разных местах Грузии он сохранился либо как *белга*, либо как *нишани*².

Следующим этапом являлось «большое обручение», которое равнялось «половине свадьбы». Большое обручение устраивалось с участием родственников и свойственников с обеих сторон. При этом обряде ведущая роль отводилась *эджиби* и *меджваре* – ближайшим родственникам жениха. Эджиби распоряжался продуктами, заготовленными семьей жениха для торжественного стола; как полномочный представитель жениха он отвечал за все обязательства, которые жених брал на себя перед семьей невесты.

Меджваре (шафер) в свадебных обрядах занимал особое место. Он не должен был являться родственником жениха, но в то же время должен был быть лицом, ближайшим к жениху. Выполнение обязанностей *меджваре* становилось одной из форм установления искусственного родства – это лицо становилось «приобретенным» приятелем и самым близким к молодоженам человеком. Несмотря на то, что большое обручение в прошлом являлось решающим этапом в заключение брака, некоторые действия из этого цикла переместились непосредственно в свадебные обряды.

После выполнения соответствующих обрядов и необходимых приготовлений, предписываемых обычаем для периода от *белга* до свадьбы, брачующиеся стороны договаривались о дне свадьбы. Чаще всего свадьбу справляли в конце осени, когда заканчивались основные сельскохозяйственные работы и были заготовлены продуктовые запасы.

Свадебные торжества начинались с прибытия в дом невесты дружков и жениха, которых встречал глава фамилии. Гостей вели к накрытому свадебному столу, где все усаживались по старшинству. Обязанности тамады обычно выполнял глава фамилии, который вел стол до самого утра. К утру подружки невесты наряжали ее в свадебный костюм, после чего мать невесты передавала ее *эджиби*. Невесту и жениха под пение «Джвари» обводили вокруг очага и направляли к выходу.

Когда свадебный поезд приближался к селению жениха, вестник обгонял его, первым появлялся у дома и громко возвещал о прибытии свадебного поезда. За это ему подавали кувшин с вином, с которым он возвращался к свадебному шествию, где разливал вино дружкам. Войдя в селение с пением, громкими возгласами и выстрелами, свадебная процессия направлялась к церкви, где происходил обряд венчания³. В Алагире, например, во время венчания священник трижды обводил молодых вокруг кафедры; сзади них следовали шаферы, державшие над головами молодых ме-

¹ Народы Кавказа (этнографические очерки) / Под ред. С. П. Толстова. М., 1962. Т. 2. С. 308-333.

² Там же. С. 308.

³ Там же. С. 310.



таллические короны. Венчание длилось более часа. После него шаферы платили священнику деньги⁴.

Из церкви все направлялись в дом жениха, у дверей дома выстраивались парно дружки жениха с обнаженными и скрещенными над головами пашками или кинжалами – под этим «сводом» новобрачные, эджиби и дружки невесты должны были пройти в дом. У порога жених должен был раздавить ногой тарелку, что помогало отогнать от дома злого духа и должно было защитить молодых от сглаза; мать жениха преподносила невесте кусок сахара.

Затем мужчины усаживались за свадебный стол, а женщины, уведя невесту, развлекали ее в своей части дома. За столом почетное место занимал тамада – глава фамилии жениха, по правую руку которого сидели старики, а по левую – эджиби, жених и дружки невесты. Перед началом свадебного пира тамада зажигал восковые свечи и, прикрепив их к главному столбу дома (*дедабодзи*), произносил молитву. За ним по очереди присутствующие выпивали вино из рога и пели песню «славословия». Тосты сопровождалось пением и перемежались хороводными танцами.

На второй день все присутствующие на свадьбе отправлялись в гости к шаферу. После обеда они вновь возвращались в дом жениха и здесь за столом ставили *карачхи*⁵ (у грузин в Осетии – *чирохдани*), подобие праздничной елки, ветви которой украшались крестиками, яблоками и сладостями. Значительным моментом второго дня свадьбы являлся сбор пожертвований в пользу новобрачных, при этом составлялись списки жертвователей с указанием предмета жертвования.

У грузин, живших в Алагире, практиковался несколько иной обрядовый цикл⁶. Так, например, из церкви, где происходило венчание, жениха и невесту в сопровождении дружков с песней провожали до дома невесты. Там их сажали на специально отведенное место, и начинался обряд «подношения», когда приглашенные гости приносили молодым подарки или деньги. Когда обряд «подношения» заканчивался, приглашенные гости садились за накрытый стол. Вечером дружки жениха начинали готовиться к уводу невесты. Сперва выносили приданое, причем при выносе постели на нее сажали маленького мальчика, и пока шафер жениха не одаривал ребенка, его оттуда не снимали. Считалось, что исполнение этого обряда приведет к рождению первенца-мальчика. После этого дружки с песнями увозили молодых в дом жениха на фаэтоне.

Пройдя в дом под скрещенными кинжалами дружков, молодые снова усаживались на специально отведенное место, где принимали подношения, при этом невесте давали подержать на руках маленького мальчика с тем, чтобы в семье рождались мальчики.

Грузины Алагира преимущественно выходцы из Рачи. В этой местности Грузии принято было, выдавая девушку замуж, отдавать ей красиво отделанный резьбой сундук для хранения в нем одежды и прочих вещей; иногда давали и кровать, если в доме жениха был очень старый человек. Алагирские рачинцы взамен резного сундука отдавали обитый жестью «русский» сундук⁷.

В традиционной грузинской свадьбе на четвертый, а у грузин Осетии – на второй день готовились хинкали, предназначенные уже для тесного круга ближайших родственников и наиболее близких друзей. В этот день дружки невесты подвешивали жениха к потолку и освобождали его лишь после того, как родственники жениха приносили в дом в качестве выкупа хинкали. На этом свадьба заканчивалась, но иногда она могла растянуться и на более долгий срок.

⁴ Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (далее ОРФ СОИГСИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 220. Л. 41.

⁵ Народы Кавказа... С. 310.

⁶ ОРФ СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 220. Л. 42.

⁷ Там же.



В прежние времена брачные дела молодых устраивались родителями⁸ – зачастую молодые даже не бывали знакомы друг с другом, а несогласие детей с родителями по поводу их выбора считалось недопустимым. Однако и у грузин, как у других народов Кавказа, этот обычай иногда нарушался. Если родители не давали согласия на брак, а молодые любили друг друга, единственным выходом оставалось умыкание. Сопrotивление оказывали родители то одной, то другой стороны; иногда же обе стороны проявляли полную непримиримость.

В настоящее время в улаживании брачных дел редко обращаются к посредникам, в случаях же, когда посредник все же участвует в этом деле, его роль сводится лишь к знакомству молодых и содействию к их сближению. Наличие приданого у невесты становится доброй волей ее родни, а требование приданого женихом считается постыдным. Как правило, в брачных переговорах речь о приданом вообще не заходит. Сезон года также не играет роли в устройстве современной свадьбы, хотя отмечено, что на осень приходится все же наибольшее количество свадеб.

Денежные пожертвования по-прежнему актуальны и в современной свадебной обрядности, причем собранная сумма не обязательно отходит той семье, которая устраивала свадьбу – вся собранная сумма или ее часть может передаваться и молодым. По-прежнему сохранился обычай преподнесения молодым специальных подарков, причем круг лиц, преподносящих подарки, даже расширился. Обычно дарятся ценные вещи и женские украшения, которые как прежде, так и теперь полностью принадлежат женщине.

Прежде обычай приглашения молодых их ближайшими родственниками подразумевал частичное снятие расходов с семей молодых, теперь же соображения материальной выгоды не играют ведущей роли, а приглашение молодых в гости выражает чувство дружбы и уважения к семье, которая устраивает свадьбу.

Уже упоминавшиеся обычаи, обозначающие избрание девушки невестой (*белга* и *патара нишани*), практически исчезли из грузинского быта, и в настоящее время за обручением сразу следует свадьба. Большое количество дружков на свадьбе в прежние времена сулило жениху значительную выгоду, поскольку дружки давали невесте в подарок деньги и различные вещи. На пожертвования дружков родня невесты должна была готовить приданое, однако случалось и так, что приданым также занимались дружки.

В прошлом молодоженов на значительное время отделяли от семьи, а в еще более отдаленные времена их впускали в общий дом только после рождения ребенка. Сейчас же невестка сразу становится полноправным членом новой семьи, а ее приданое поступает в общесемейное распоряжение.

Трансформировался также и сам обычай собирания приданого. Если прежде приданое наряду с подарками со стороны жениха являлось неперенным условием регулирования брака, то теперь само приданое перестало выполнять регулирующие функции и модифицировалось в «подарки», которые семья невесты преподносит семье жениха. Жених, в свою очередь, также преподносит подарки – обручальные кольца и другие вещи, которые соответствуют современным культурным требованиям.

Изучению традиционной обрядности у современных представителей грузинской диаспоры, проживающих в РСО-А, было посвящено проведенное автором в 1996, 1998 и 2001 гг. этносоциологическое исследование. В нем приняло участие в общей сложности около 500 человек старше 18 лет, жителей г. Владикавказа и Пригородного района РСО-А. Социально-демографические характеристики выборочной совокупности были отражены в различных социальных и профессиональных статусах респондентов.

Достаточно подробно в исследовании рассмотрены обряды свадебного цикла, в том числе и основные этапы традиционной грузинской свадьбы. В предлагаемой работе приведены некоторые из полученных данных и сделана попытка их интерпретации.

⁸ См., например: Семейный быт народов СССР. М., 1990. С. 379-381.



В целом отрадно отметить тот факт, что представители грузинской диаспоры не забывают свои традиционные обряды и праздники – подавляющее большинство (82%) опрошенных ответили, что отмечают грузинские праздники наряду с другими. Как правило, именно женщины являются главными хранителями и носителями традиционной культуры, национальных традиций, и, судя по данным исследования, они и сегодня отмечают грузинские праздники чаще, чем мужчины (85% против 79% соответственно).

Семейные отношения тесно взаимосвязаны не только с грузинскими праздниками, но и с практикой отправления традиционной обрядности. Как оказалось, 77% респондентов хорошо знакомы с грузинской свадебной обрядностью, и среди них подавляющее большинство составили опрошенные в возрасте 20-25, 31-35 и 51-55 лет – в этих возрастных группах практически 100% респондентов демонстрируют хорошее знание традиционной грузинской свадебной обрядности. Вероятно, знакомство молодых людей со свадебными обрядами обусловлено тем, что в этом возрасте люди начинают серьезно задумываться о вступлении в брак и, следовательно, стараются узнать как можно больше о свадебных обычаях своего народа. Старшие же, как правило, являются братьями и сестрами или родителями тех, кто сегодня собирается выйти замуж или жениться, и на собственной практике прошли все свадебные церемонии. Что касается возрастной группы 25-30-летних, то среди них знакомы с подобными обрядами лишь 72,7%. Это поколение выросло и воспитывалось в советское время, когда все было интернациональным, поэтому им достаточно сложно было как теоретически, так и практически усвоить образцы традиционного свадебного поведения.

С обрядом засылания сватов в дом невесты знакомы в среднем 86% опрошенных, причем и мужчины, и женщины прошли через этот обряд, поэтому соответственно 88 и 85% хорошо его знают.

Обряд предварительного тожественного стовора и оставления задатка (*белга*) известен уже в меньшей степени (44%), причем мужчины знакомы с ним все же чуть лучше (48,5%), чем женщины (40%). Хорошо о нем осведомлены респонденты младших возрастных групп (18-25 лет – 66,7%) и их родители (50%).

Считают, что жениха и невесту следует сажать за один стол, 94,5% опрошенных, причем данное мнение не коррелирует ни с возрастом, ни с полом. Очевидно, подобная церемония у представителей грузинской диаспоры в Осетии считается вполне естественной.

В том, что молодожены должны принимать поздравления от гостей, уверены 92% респондентов, хотя некоторые сомнения по этому поводу выразили представители средней возрастной группы 46-50 лет (70%). По всей вероятности, это связано с тем, что среди них 20% не состоят в браке и, следовательно, не прошли через этот обряд, а 10% – разведены.

По мнению 90% опрошенных, во время свадебной церемонии для мужчин и женщин должен быть организован совместный стол, и в этом вопросе высказывания мужчин и женщин различаются лишь незначительно (88 и 92% соответственно).

В то же время за устройство традиционных отдельных столов, организованных в соответствии с полом и возрастом приглашенных, выступают 23% респондентов, причем и мужчины, и женщины почти солидарны в этом мнении. В целом позитивно к соблюдению данного обычая относятся те, кому от 30 до 45 и больше 50 лет – среди них от 20 до 45% придерживается мнения о необходимости организации отдельных свадебных столов. Впрочем, молодые представители грузинской диаспоры (до 30 лет) не очень хотят сидеть на свадьбе за отдельными столами, что вполне естественно в этом возрасте – подобное мнение высказали 16-18% опрошенных. В этом с ними солидаризируются 46-50-летние респонденты, являющиеся в основном родителями молодых и, конечно же, прислушивающиеся к мнению своих детей.

Само же застолье выглядит привлекательно для некоторой части как молодежной, так и средней возрастной групп – об этом свидетельствуют ответы 40-45% опрошенных. Тем не менее, отмечено, что молодые люди в возрасте 21-25 лет без

особого энтузиазма относятся к такого рода свадьбам, и к ним примыкают те, кому 36-40 лет (12-16%).

Естественно, что максимально высокий процент среди молодежных групп и их родителей выступает за веселую свадьбу (по 100%). Среди совсем юных (18-20-летних) в силу того, что они пока довольно плохо знакомы со свадебными церемониями, половина высказывается за проведение веселой танцевальной свадьбы, представителям же старшей возрастной группы (свыше 50 лет) больше нравятся свадьбы, где царствует застолье – с этим мнением согласны от 25 до 38% опрошенных.

Представители старших возрастных групп грузинской диаспоры (свыше 50 лет) и часть молодых респондентов в возрасте 21-25 лет единодушно поддерживают данную свадебную церемонию (100%). Представителей средних возрастов (41-50 лет) и тех, кому 26-30 лет, высказывающихся именно за такую свадебную обрядность, несколько меньше – по 90%. В возрастной группе 30-40-летних только определенная часть придерживается подобного мнения (в пределах 75-80%), совсем же юные представители грузинской диаспоры не вполне еще уверены, так ли нужно справлять свадьбу или нет (83%).

В целом представители грузинской диаспоры в РСО-А для своих детей и для себя лично хотели бы сыграть либо традиционную свадьбу с элементами современной (48,6%), либо традиционную национальную свадьбу (45,8%). Мужчины несколько чаще, чем женщины, склоняются к традиционной национальной свадьбе (48,5% против 42,4% соответственно), женщины же, напротив, готовы играть традиционную свадьбу, в которой бы присутствовали элементы современной свадебной обрядности (53,8% против 43,6% соответственно).

Молодая часть грузинской диаспоры – те, кто моложе 30 лет, – естественно, тяготеет к традиционной свадьбе с элементами современной (63-66%), представители средней и старшей возрастных групп высказываются за проведение традиционных национальных свадеб (50-60%). Исключение, пожалуй, составляет группа 46-50-летних – это родители, которые прислушиваются к пожеланиям своих детей.

Таким образом, материалы проведенного исследования свидетельствуют о том, что традиционная свадебная обрядность в той или иной мере сохранилась в быту представителей грузинской диаспоры РСО-А, хотя и не без некоторых модификаций. Как выявилось в ходе исследования, традиционная и современная свадьбы в принципе мало отличаются друг от друга. Изменения, связанные с сокращением числа обязательных элементов свадебного цикла или их редукцией, возникли достаточно давно и накапливались со временем. Некоторые особенности, характеризующие современную свадебную обрядность, коснулись лишь отдельных ее черт. В то же время можно говорить о стремлении представителей грузинской диаспоры в РСО-А к возрождению обрядов традиционной грузинской свадьбы во всей их полноте. Свадебные традиции оказались дороги народу, поэтому неудивительно, что сегодня большинство респондентов высказывается за проведение традиционной свадьбы, допуская включение в свадебную обрядность отдельных элементов современности.

SOME PECULIARITIES OF THE TRADITIONS OF THE GEORGIAN POPULATION OF THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA-ALANIA

V.Z. DZIDZISHVILI

*North-Ossetian State University
after K.L. Khetagurov,
Vladikavkaz*

e-mail: tsisnamy@mail.ru

The article deals with the ethno-sociological investigation. The wedding ceremonies and the main stages of traditional Georgian weddings are examined here in details. These investigations testify that the traditional Georgian wedding ceremonies are alive in our days. They are alive among the representatives of the Georgian Diaspora who live in North Ossetia though having some modifications.

Key words: Diaspora, ceremony, investigation, modification, wedding, tradition, ethno-sociological, testify, holidays, sociological.



УДК 27-86(470.41)18/19*

К ВОПРОСУ ОТНОШЕНИЙ СТАРООБРЯДЦЕВ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ С ГОСУДАРСТВОМ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЯ I

И.Р. ЛАТЫПОВ

*Институт истории
им. Ш. Марджани при Академии
наук Республики Татарстан,
г. Казань*

e-mail: beaulatipov@yandex.ru

В статье описываются взаимоотношения старообрядцев Казанской губернии с властью в период правления Николая I. Вопреки общепринятому мнению, период с 1825 г. по 1855 г. не был столь однозначным. С одной стороны – репрессии, преследования старообрядцев. С другой стороны, мы знаем, что в Казанской губернии часто складывались вполне дружелюбные и покровительственные отношения между старообрядцами и местными властями.

Ключевые слова: старообрядчество, Казанская губерния, Николай I, отношения с властью, история церкви, репрессии.

Период правления Николая I, закрепившийся в памяти староверов как время жестоких гонений, нельзя определять однозначно. С 1832 г. составной частью кодификационной работы II отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии было приведение в соответствие законодательства о старообрядцах. Именно в это время было положено также начало изучению явления старообрядчества властными структурами. Экспедиции, организованные Министерством Внутренних Дел (далее – МВД), занимались изучением самых разных аспектов состояния старообрядческого общества, что позволило официальным органам составить достаточно объективное мнение о состоянии староверия. С этого момента можно говорить об истоках формирования вероисповедной политики и статистики старообрядчества.

Составной частью кодификационной работы первой половины XIX в. явилось приведение в соответствие законодательства о старообрядцах, необходимость в систематизации которого была очевидна: с XVII в. в этой части накопился значительный актовый материал. Основная часть законов данного направления вошла в третий раздел Устава о предупреждении и пресечении преступлений (XIV том Свода законов), который назывался так: "О предупреждении и пресечении распространения расколов и ересей между православными"¹. Первая статья раздела гласила, что старообрядцы не преследуются за мнение их о вере, но им запрещается совращать или склонять кого-либо в старообрядчество. Под «совращение» же попадало фактически любое деяние, связанное с отправлением службы по старому обряду в частном доме, совершением религиозных треб, хранением старопечатных книг и т.д.

О существенной разнице между мнением о вере и совращении в нее хорошо было известно старообрядцам Казанской губернии. Так, в 40-х гг. XIX в. в селах Богородское, Кирельское, Сюкеево Тетюшского уезда, местные староверы на следствии признались, что следуют старообрядческой религии, но при этом особенно активно подчеркивали, что никого на свою сторону они не обращали. Обвинение и донос местного священника Протопова развалились, а стряпчий уголовных дел Казанского губернского правления Деев, руководствуясь 46 статьей 3 главы XIV тома Свода законов, дело закрыл².

Таким образом исполнять гражданские законы о «пресечении распространения раскола» первыми поспешили православные священники. Среди документов Казанской духовной консистории, относящихся к 30-40-м гг. XIX в. находим множество

¹ Ершова О.П. Старообрядчество и власть // Книжница Самарского староверия [Электронный ресурс]: интернет-библиотека / ред. И. Будкина Самара, 2010. Режим доступа: <http://samstar.ucoz.ru>.

² Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 4. Оп. 73. Д. 108. Л. 19.



доносов местного духовенства, отчетов об обысках и конфискациях в моленных и домах староверов, организованных священниками и исполненных полицейскими командами.

Однако не все служители православной церкви проявляли такое рвение. Некоторые сочувствовали староверам или подкупались ими.

Многие дела прямо так и назывались – «О потворстве раскольникам». Подобные дела известны, например, в селах Удельное Тинчурино и Флорова Ясак Тетюшского уезда³, села Шумково Лаишевского уезда⁴. Кроме банального умалчивания о деятельности староверов в своем селе, потворство местных священников заключалось в скрывании истинного числа староверов, записи их в документах православными, проведение служб (крещение, брак, похороны) у староверов, не регистрация их в метрических книгах, подделка документов в пользу староверов. Разумеется, существовали материальные интересы – старообрядцы умели и знали, каким образом можно с помощью денег решить любую проблему в отношениях с властями. Не исключаем и другие причины «потворства», например тайное сочувствие идеям староверия, понимание старообрядческого вероучения или лояльное отношение к их образу жизни со стороны гражданских властей.

Были случаи, когда не только местные священники вставали на сторону староверов, а целые городские общества вступались за их права. 13 апреля 1834 г. Казанское градское общество составило приговор о проживающих в Казани купцах и мещанах, принадлежащих к федосеевскому согласию, на основании которого казанский градской глава Г. Мельников направил казанскому военному губернатору С.С. Стрекалову рапорт, в котором просил "исходатайствовать у высшего Правительства разрешения, дабы находящиеся в числе Казанского купецкого и мещанского сословий старообрядцев перекрещенной секты дозволено было избирать во все гражданские по выборам общества службы кроме городских голов"⁵.

Губернатор не стал брать на себя такую ответственность и 5 мая 1834 г. переслал копию приговора Казанского градского общества на «благоусмотрение» министру внутренних дел статс-секретарю Блудову. Градское общество в приговоре своем указывало на три обстоятельства, которые делали отстранение старообрядцев от занятия общественных должностей бессмысленным: «во-первых, что перекрещенцы занимаются всегдашним торгопроизводством наряду с прочими христианского исповедания купцами и другими сословиями без всякого отдаления себя по случаю раскола, следовательно, общественная служба, равно, как и самая торговая их промышленность, ни мало не могут препятствовать их секте, а напротив. Они, сообщаясь по службе с гражданами христианского исповедания, постепенно могут обращаться к православной церкви; во-вторых, что многие из числа перекрещенцев по значительности своего капитала состоят по 1-й и 2-й гильдиям купечества и по знаниям своим безусловно могут исправлять общественная по выборам службы; и в-3-х, что оставшимся после перекрещенцев детям определяясь опекунами, граждане православного исповедания обременяются чрез то в исправлении сей вовсе для них посторонней обязанности»⁶.

Тем не менее, правительственная власть оказалась глухой к доводам разума и общественной пользы. Министр Блудов, ссылаясь на Правила от 27 мая 1820 г. и на мнение Государственного совета от 20 октября 1830 г., ответил 24 мая 1834 г. казанскому военному губернатору С.С.Стрекалову следующее: «...я не нахожу возможным принять на себя ходатайство о допущении к выборам в общественные должности по

³ НА РТ. Ф. 4. Оп. 96. Д. 11.

⁴ НА РТ. Ф. 4. Оп. 94. Д. 31.

⁵ Тимофеев В.В. Старообрядцы на выборных должностях в российской провинции // Книжница Самарского староверия [Электронный ресурс]: интернет-библиотека / ред. И. Будкина. Самара, 2010. Режим доступа: <http://samstar.ucoz.ru>.

⁶ Там же.



городу Казани раскольников, тем более секты безпоповщины»⁷. Этот ответ и был доведен до сведения исполняющего должность казанского городского головы.

Политика недопущения старообрядцев на должности городского самоуправления продолжалась на протяжении всего царствования Николая I и носила нескрываемый характер конфессионального преследования, дополнявшегося на местах сведением личных счетов со старообрядцами, устранением их как активных и опасных торгово-промышленных конкурентов. Правительство считало полезным подобное преследование, так как видело в старовеерах самоорганизующуюся группу, в которой сложились традиции социальной и гражданской независимости, выработалась способность самостоятельно определять свои жизненные цели и ценности.

Ярчайшим примером преследований старообрядцев при Николае I является дело казанского купца В.А.Савинова. Он 30 лет возглавлял поморскую общину в Казани, занимал общественные должности (служил заседателем палаты уголовного суда). В 1824 году Василий Андреевич лишился права занимать общественные должности и был обвинен в распространении раскола⁸. Историк XIX в. Н.В.Варадинов в своей «Истории Министерства Внутренних Дел» писал: «ходили слухи, что Савинов, зная, что ничто так не сближает людей, как взаимность выгод от торговли, стал привлекать православных в свою секту перекрещенцев с целью, увеличить свое богатство и утвердить влияние между крестьянами по Волге, занимавшимися хлебной торговлей, которую производил и сам. Стремление это увенчалось успехом: селения поволжские наполнились перекрещенцами или поморцами. В других селениях Казанской губернии сам он и его поверенные действовали с той же целью. Когда раскол значительно утвердился в этих местах, Савинов и его поверенные, начали назначать по произволу цену на хлеб, привозимый поселянами на торги и ярмарки, а как для отправки хлеба нужны были для тяги судов, бурлаки, то и эти несчастные подпали тому же влиянию шайки Савинова. От таких проделок Савинов богател, а православные крестьяне разорялись и дойдя до крайности бросались в секту перекрещенцев для поправления своего состояния»⁹. Правда, слухи эти не подтвердились произведенными дознаниями как местных властей, так и чиновника министерства коллежского асессора Микулина. Обвинения, возведенные на Савинова, были отвергнуты.

Однако Савинов не был оставлен в покое. Дело достигло такого резонанса, что в апреле 1835 г. Николай I лично рассматривал сведения, предоставленные казанским губернатором, о купце В.А. Савинове и созданной им богадельне. Министр внутренних дел статс-секретарь Блудов 12 апреля 1835 г. сообщил Казанскому военному губернатору, что Николай I повелел собрать подробные сведения о купце Савинове, а его богадельню «поставить в то же самое положение, в каком находится подобная ей Папулинская моленная в Судиславле»¹⁰. Однако в результате сбора сведений о Савинове и его богадельне оказалось, что дело обстоит намного сложнее, чем с Папулинской богадельней. Прилуцкая богадельня была передана В.А. Савиновым в вечное владение старообрядческого общества, что было закреплено соответствующими юридическими актами, поэтому напрямую распространить на казанскую богадельню правила Папулинской богадельни было невозможно.

Вследствие открывшихся обстоятельств Николай I вновь лично рассматривал материалы о купце Савинове и принял решение уничтожить те законные основания, на которых существовали Прилуцкая моленная и богадельня. Министр внутренних дел граф Блудов 25 января 1836 г. сообщал Казанскому военному губернатору, что «Государь император усматривает из представленных его величеству сведений, изъясненных в отношении ко мне Вашего превосходительства от 1 августа минувшего

⁷ Тимофеев В.В. Старообрядцы на выборных должностях в российской провинции // Книжница Самарского староверия [Электронный ресурс]: интернет-библиотека / ред. И. Будкина. Самара, 2010. Режим доступа: <http://samstar.ucoz.ru>.

⁸ Варадинов Н.В. История Министерства Внутренних Дел. СПб., 1863. Т. 8. С. 205.

⁹ Там же.

¹⁰ НА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 96. Л. 68.

года о казанском купце Савинове и его богадельне, и сведений по сему же предмету, достигших его величества частным образом, что купец Савинов своевольными действиями своими весьма много способствовал к распространению раскола, что ему допущено основать на всегдашнее существование гнездо для казанских раскольников и передать раскольническое заведение по дарственной записи своим братьям, произвольно присвоившим себе наименование старообрядческого общества, которое никогда не было признаваемо, Высочайше повелеть соизволил для ограничения действия казанских раскольников учинить следующее: 1. Дарственную запись купца Савинова, совершённую в Казанской гражданской палате в пользу общества, которое никогда не было признаваемо, как противозаконную, уничтожить. 2. В богадельне оставить только престарелых и дряхлых, и отнюдь не моложе 50 лет. 3. Перекрещивание в моленной запретить. 4. Впредь никого не позволять принимать в ту богадельню, ибо в Казани есть богоугодные заведения приказа общественного призрения, куда и должны быть помещаемы страждущие. 5. Местному начальству иметь строгий надзор и наблюдать, чтобы все постановления, до раскольников относящиеся, были исполнены с точностию»¹¹. Богадельня в Прилуцком просуществовала до 1845 г., когда она была окончательно закрыта властями.

Менее крупными, но тоже довольно показательными являются дела об увольнении чистопольского купца 3-й гильдии Алексея Васильевича Логутова и священника села Теньки Свияжского уезда Ивана Топорникова.

Алексей Васильевич Логутов был главным наставником рябиновцев в Чистополе. Следствие над ним любопытно еще и тем, что фамилия Логутовы являлась знаковой для Чистополя – они были одними из основателей города и зачинателями рябиновской секты в Чистополе¹². Согласие рябиновцев в Чистополе так и называли – «логутовщиной». Не смотря на это, в 1854 г. по показаниям нескольких крестьян, Логутова признали «особо вредным раскольником», обвинили в распространении раскола и собирались даже удалить его «из среды общества и тем прекратить дальнейшее его поползновения к распространению раскола»¹³.

На дело Логутова обратило внимание МВД Российской империи, просившее скорейшего окончания дела. Казанская палата уголовного суда не заставила себя ждать – по 1177 ст. XV тома Свода законов Логутов был признан подозрительным, «если не в совращении, то в убеждении держаться раскола и распространить над ним полицейский надзор». 14 ноября 1854 г. казанский городской магистрат увольняет Логутова от должности ратмана городского магистрата¹⁴.

Второе дело – о потворстве священника села Теньки Свияжского уезда Ивана Топорникова – начинается в 1839 г. с обвинений в том, что священник позволил похоронить крестьянскую жену Ксению Никитину по старообрядческому обычаю¹⁵. И хотя благочинный был признан виновным и уволен со службы, плоды его «преступной деятельности» в селе изучались вплоть до 1854 г. Так, местный причетник Николай Фиалков уличал Топорникова в подделке духовных ведомостей в пользу старообрядцев, проведении служб у старообрядцев по их обычаям¹⁶. Топорников, смирившись с увольнением из Теньков, просил места в другом селе, где нет старообрядцев. Казанская духовная консистория удовлетворила его просьбу – он был направлен в с.Новоспасское Спасского уезда, где действительно никогда не было староверов. Не смотря на все принимаемые меры, репрессии, неэффективность конфессиональной политики Николая I была очевидна. Законы не учитывали сложившейся к тому времени ситуации: на протяжении нескольких десятилетий, пока раскольники пользовались определенными правами, выросло поколение, воспитанное на терпимом к се-

¹¹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 96. Л. 68.

¹² Ивановский Н.И. О рябиновщине // Православный собеседник. М., 1867. Ч. II. С. 43.

¹³ НА РТ. Ф. 4. Оп. 86. Д. 12. Л. 21.

¹⁴ Там же. Л. 35.

¹⁵ НА РТ. Ф. 4. Оп. 71. Д. 73.

¹⁶ НА РТ. Ф. 4. Оп. 73. Д. 84.



бе отношении, за этот период было построено значительное количество старообрядческих скитов, часовен, молитвенных домов, которые невозможно было ликвидировать единовременным актом. Положение усугублялось наличием разветвленной бюрократии, позволяющей себе достаточно вольное обращение с законами¹⁷.

Поняв неэффективность, тактика правительства была изменена. В 1854 г. последовало правительственное распоряжение, имевшее целью склонить к единоверию старообрядческое купечество, то есть нанести удар по наиболее состоятельной части старообрядчества и лишить его своих благодетелей. Было объявлено, что с 1 января 1855 года староверы лишаются права записи в купечество. Согласно высочайшему повелению при объявлении купеческих капиталов предписывалось требовать от предьявителей свидетельства о принадлежности их к православной церкви безусловно или на правах единоверия; не представившим таковых – выдавать торговые свидетельства по гильдиям на временном праве. Это распоряжение произвело громадный переполох среди старообрядцев торгово-промышленного класса, так как лишение прав внесения капитала вел к лишению сословных привилегий и к выполнению рекрутчины с ее 25-летним сроком службы.

Распоряжение о записи в единоверии дошло и до Казани. Здесь, в 1854 г. была запечатана Коровинская часовня, центр поповцев Казанской губернии еще со времен Екатерины II. На месте часовни была организована единоверческая церковь¹⁸.

Однако и эта репрессивная мера не возымела желаемого результата. В Казанской губернии и по всей России в единоверие записывались единицы.

Отрицательный результат репрессивной политики николаевского режима по отношению к старообрядчеству явился уроком будущим российским правителям: система притеснений и гонений не достигла и не могла достичь своей прямой цели.

RELATIONS OF THE KAZAN PROVINCE'S OLD BELIEVERS WITH THE STATE IN THE REIGN OF NICOLAS I

I.R. LATYPOV

*Institute of History,
Academy of Sciences
of Tatarstan,
Kazan'*

e-mail: beaulatipov@yandex.ru

In article mutual relations of Old Believers of the Kazan province with the power in Nikolay I board are described. Contrary to the standard opinion, the period since 1825 on 1855 was not so unequivocal. On the one hand – reprisals, prosecutions of Old Believers. On the other hand, we know that in the Kazan province often there were quite friendly and patronising relations between Old Believers and local authorities.

Key words: Old Believer, the Kazan province, Nikolay I, relations with the authorities, history of church, reprisal.

¹⁷ Ершова О.П. Старообрядчество и власть // Книжница Самарского староверия [Электронный ресурс]: интернет-библиотека / ред И. Будкина. Самара, 2010. Режим доступа: <http://samstar.ucoz.ru>.

¹⁸ НА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 52, 46.



ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА О ПОМЕЩИЧЬЕЙ ДОБРОДЕТЕЛИ В 50 – 90-Е ГГ. XIX ВЕКА*

**В.А. ШАПОВАЛОВ
С.П. ШАПОВАЛОВА**

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

В работе делается попытка выявить, классифицировать и проследить эволюцию представлений крестьян о помещичьих добродетелях, которые на протяжении дореформенного и пореформенного периодов трансформировались. Это позволит выявить социально-психологические взаимосвязи барина и крестьян в контексте представлений последних о социальной природе добра и зла.

Ключевые слова: помещик, крестьяне, представления, добродетель, социальная психология.

Проблема социально-психологической трансформации русского крестьянства в предреформенный и пореформенный периоды, в плане эволюции представлений о желаемых помещичьих добродетелях, до последнего времени не стала объектом специального исследования. Отсюда возникает проблема при социально – психологическом синтезировании крайне полярных крестьянских воззрений на помещичью вотчинную власть, степень и характер распоряжения «крещеной собственностью». Нередко в рамках одного и того же уезда, в одно и то же время происходили крестьянские волнения, вызванные помещичьим произволом, с другой стороны, по отдельным имениям известны факты, когда крестьяне, привыкшие заключать брачные союзы с разрешения своих помещиков, выказывали недовольство, когда помещики разрешали любовные союзы, а в отдельных случаях и поощряли это. Выработалась «привычка» и к телесным наказаниям настолько, что в ряде примеров неупотребления розог при допросах считалось знаком исключительно дурного отношения помещиков или их поверенных к тому или другому обвиняемому в чем-либо крестьянину¹.

Однозначного ответа в данном аспекте на природу крестьянского недовольства реальным помещичьим произволом и помещичьих добродетелях, вызывавших отрицательные эмоции у крестьян дать весьма трудно. Здесь необходимо выяснить, что ассоциировалось в крестьянском сознании под помещичьей добродетелью, а она, естественно, отличалась в зависимости от страты помещика, его личных качеств, форм эксплуатации в имении, социальных ожиданий крестьян и т.д.

В дореформенный период у подавляющей части частновладельческих крестьян осознание их личной зависимости от помещика находилось в рамках традиционалистской ментальности, чему даже приводилась религиозная доказательная база. Примечательно, что эти убеждения у части бывших крепостных крестьян остались и в пореформенный период. Так, крупный помещик, видный деятель казанского земства Н.А. Мельников в своих мемуарах описывает примечательный разговор со старым бывшим крепостным своего деда Фомой Ивановичем, служившим на момент беседы полевым приказчиком: «Вспоминая какие-то эпизоды из далекого прошлого, он старался остановить мое внимание на том, каким умелым, добрым хозяином был мой дед, и как сердечно и справедливо он относился ко всем своим «подданным». Это вызвало с моей стороны некоторые вопросы о бывших отношениях между господами и их крепостными людьми. Я высказал недоумение по поводу того, как это было

* Работа выполнена при поддержке ФЦП " Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы", Государственный контракт № 16.740.11.0545 от 23.05.2011 г.

¹ История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. III. Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в. – 1861 г.). М., 1993. С. 438; Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. М., – Белгород, 2002. С. 129.



возможно, чтобы один человек безраздельно владел другим, и доказывал, что такое владение протivoестественно и безнравственно. «Нет, соколик, не так все это», – ответил Фома Иванович. «Верно ты сказал, что Господь сотворил человека свободным, да только не та эта свобода про которую на бумаге печатают, да на перекрестках кричат. Настоящая свобода Адаму праотцу была дана. Не оправдал он Божьего дара, ослушался Господа. С тех пор только на небе свобода осталась, и мы узнаем ее на том свете. На земле же все рабы либо друг другу, либо самим себе. Я, примерно, дедушке твоего был раб, он – царским рабом, царь трону своему раб, а все мы вместе рабы перед Господом Богом. И позора в рабстве я не вижу никакого. А что господа разные были, и много было таких, что и били своих людей, и женили против воли, и на собак меняли, это точно. Ну, спрошу я, а куда они делись, дурные-то, люди после манифестов-то. Все с нами, и ни колом, так рублем, а доймут и закабалят слабого да бедного. Земными, людскими законами лихому человеку, все равно настоящего понятия не дать, если он Божьего закона не разумеет»². «Философия» Фомы Ивановича признает и оправдывает институт крепостничества, как определенный исторический этап крестьянской жизни, главное для него наличие и характер барских добродетелей. Именно от них, с его точки зрения, зависела судьба помещичьих крестьян.

Подобная точка зрения, имевшая широкое распространение в крестьянской среде, находит подтверждение в народных пословицах и поговорках, что являлось отражением глубоко укоренившейся традиции в системе взаимоотношений помещиков и их крепостных крестьян. В частности, «мужик – этот крепко в землю вращен, земля ему и мать, и отец, а барин земле не сроден. Кому, что определено – поп крестом, цыган кнутом, мужик горбом, а барин языком», «Барская просьба – строгий приказ», «Господин, что плотник, что захочет, то и вырубит», «Панская воля – наша доля», «С грошами пан и без грошей пан: все пан»³.

Традиция всегда имеет коллективную природу. Коллективный характер, в свою очередь, способствует сплочению отдельных звеньев любой социальной общности⁴. В отношении крепостного крестьянства традиции, с одной стороны, способствовали возникновению и устойчивому функционированию определенных норм поведения в границах поместной усадьбы, с другой стороны, они давали каждому отдельному частновладельческому крестьянину ощущение оправданности и целесообразности существующих норм подчинения помещичьей власти. Традиционализм одним из источников функционирования всегда имеет коллективную память. Отсюда, через определенный социально-психологический механизм в крестьянской среде наследовались прошлые нормы поведения, вернее, подчинения, ценности и правила, которые сохранялись, интегрировались и передавались при помощи различных социальных и государственных институтов. В частности, по закону 1845 г. возмущение крепостных и дворовых против их помещика и даже управляющего приравнивалось к восстанию против верховной власти, а жалоба на помещика каралась наказанием розгами до 50 ударов⁵.

В любой сословной общности, каковой являлось и крепостное крестьянство, всегда присутствовали проявления социального девиантного поведения, выходящего за рамки установленные традицией. В основном, это были различные проявления форм протеста против, как казалось крестьянам, нехристианского отношения к ним, нарушения традиционно установившихся форм эксплуатации и личного пространства крепостного. Так, несмотря на запрет жаловаться крепостным крестьянам на помещиков, «до министерства внутренних дел, а нередко до государя, доходило извест-

² Мельников Н.А. 19 лет на земской службе (автобиографический очерк и воспоминания). Йошкар-Ола, 2008. С. 28-29.

³ К воле. Крепостное право в народной поэзии / сост. Н.Л. Бродский. М., 1911. С. 155-157; Львов Г.Е., кн. Воспоминания. М., 2002. С. 74-75.

⁴ Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997. С. 116-119.

⁵ Князьков С.А. Быт крепостных крестьян перед освобождением // Крепостное право в России и реформа 19 февраля. М., 1911. С. 185.



ное количество таких жалоб... В 1836-1839 и 1841 гг. были жалобы помещичьих крестьян и на имя государя, и в министерство внутренних дел: важнейшее из них, в 1836 и 1839 гг., были от жителей владельческих городов и местечек и заключали в себе указания на разные притеснения и обременение излишними сборами⁶. Крайним проявлением социального протеста крестьян было убийство или покушение на убийство помещика. Но такие случаи были крайне редки, например, по России в 1846 г. – 12, в 1847 г. – 11, в 1850 г. – 9 фактов⁷.

Причиной крестьянских волнений в помещичьей вотчине, в подавляющем большинстве случаев, были хозяйственные притеснения, чрезмерное вмешательство в личную жизнь. В секретных отчетах МВД о «Случаях неповиновения крестьян помещикам или установленным властям с октября 1852 г. по 1 января 1854 г.» по частновладельческой деревне указывалось, что из 27 волнений, только 4 были связаны со стремлением к личной свободе⁸. Таким образом, большая часть активных социальных протестов была опосредована тем, что помещик, по убеждениям крестьян, переходил установленные традицией свои права по отношению к ним и не проявил отеческих добродетелей. Естественно, это не касалось конца 1850-х гг., когда в обществе открыто обсуждалась проблема отмены крепостного права и в крестьянской среде личное освобождение стало доминантным социальным ожиданием.

Повседневные реалии крепостных крестьян, интенсивность их эксплуатации, жизненный уровень, отчасти и социально-психологические воззрения, во многом зависели от страты, к которой принадлежал помещик. В крупных имениях, которых у представителей верхних страт поместного дворянства, как правило, было не одно, хозяева были редкими наездами в них в летнее время. И их нечастые встречи с собственными крестьянами, отрежисированные управляющим, напоминали выезд монарха к подданным, с обязательными дарами «народу». Граф М. Д. Бутурлин, в своих мемуарах, описывает один из таких приездов: «Угощение крестьян – и взрослых, и малых – входило также в программу белкинского нашего летнего житья, и скажу без хвастовства, что память о нас, прежних тамошних владельцев, сохранилась, как я еще недавно мог удостовериться, до третьего поколения между белкинскими крестьянами. Да, вельможи былого времени, подобные моим родителям, были люди сердобольные, щедрые и не без оттенка либерализма в сношениях со своими крестьянами. Лошадка ли, коровушка ли пала, мужичек и баба вертятся около господского крыльца: авось улучат случай увидеть барина и барыню; а увидят их и расскажут о своем горе – отказа никогда не было в пособии для покупки нужной скотинки... крестьяне любили даже заочных своих господ – вельмож и сваливали все притеснения на управляющих... Чтобы приобрести привязанность мужика, достаточно владеть отрицательными только качествами: не оказывая ему никаких особых благодеяний и ограничиваясь непритеснением его понапрасну, услышишь о себе отзыв: «Отец он родной, и курицы не обидит»⁹. Бутурлин подчеркивает те помещичьи добродетели, которые ценились в крестьянской среде – щедрость на подарки, угощения, помощь пострадавшим, отсутствие чрезмерной опеки, но все это находилось в рамках жесткой вотчинной регламентации, установленной управляющим.

В крестьянской памяти помещичьи добродетели более закреплялись, если они имели не эпизодический, а постоянный характер. В беседе рязанского помещика В.В. Селиванова о своих предках с 97-летним крепостным крестьянином Федосеевичем, старик, вспоминая прадедушку помещика, особо выделил его следующие добродетели: «К столу господину особо варили окорок ветчины для подачек. Как только господу сядут за стол, так в залу и набегут все дворовые ребяташки, босиком, в ру-

⁶ Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века Т. II Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. СПб., 1888, С. 572.

⁷ Материалы для истории крепостного права в России. Извлечение из секретных отчетов министерства внутренних дел за 1836-1856 гг. М., 2010. С. 129, 182.

⁸ Там же. С. 224-227.

⁹ Записки графа М.Д. Бутурлина. В 2 Т. Т. 1. М., 2006. С. 66.



башках, подчас в грязи, и станут около стенки, всякий с чашечкой. Когда покушают, примером, горячее, прадедушка ваш и закричит дворецкому: «Дай им, братец, подачки!» Вот и дворецкий нарежет ломтиками хлеба, положит на них по ломтику ветчины, да так и наделит всех. А как, бывало, прадедушка начнет собираться ехать в С...во!.. Вот, государь мой, иной раз целую неделю в дороге. Проедет верст 10 или 15, увидит, примером, прадедушка ваш рощицу, лужок там какой, понравится место – стой! Разобьет палатку, экипажи в кружок, повар застряпню – гуляй! Да иной раз и переднем тут день или другой»¹⁰.

Старческая память из всего событийного ряда времен прадеда В.В. Селиванова, с небольшой ремаркой о его строгости, выделяет доброту к детям, сытное и веселое времяпровождение дворовых и крестьян, сопровождавших помещика в его путешествиях между имениями. При этом, поражает детализация воспоминаний, учитывающая возраст рассказчика, что подтверждает особое значение для него таких помещичьих добродетелей. И это не удивительно, в условиях дефицита продуктов питания в крепостной среде, особенно мясных, систематические «подачки» и угощение крестьян сытной и качественной пищей помещиками, надолго наделяли владельцев «крещеной собственностью» в крестьянском сознании качествами щедрого и доброго хозяина.

В ряде случаев, когда барская добродетель распространялась на какого-нибудь из дворовых или, наиболее близко находившихся к господам, и выразившихся в получении вольной, определенной недвижимости, то это не всегда вызывало у благодетельственного лица чувства социального удовлетворения. При этом, как правило, у остальной части крепостных поместья данная барская милость вызывала острую зависть к «вольной особе», перераставшую в открытую неприязнь. А.А. Потехин в романе «Бедные дворяне», вышедшем в 1861 г., показывает душевные смятения вольноотпущенницы Прасковьи Федоровны: «Прасковья Федоровна ... была вольноотпущенная от помещицы деревни Мешкова, ее бывшая фаворитка, горничная, потом доверенная ключница и наперсница. Несколько времени назад, барыня отпустила ее на вольную, за ее продолжительную и верную службу, и отпустила не кое-как, не с пустыми руками: своим барщинным мужикам приказала она срубить для нее, даром, бесплатно, избушку, на, я вам которую пожаловала тридцать бревешек из собственных дач; дочери дала из своего гардероба два поношенных ситцевых и одно почти новенькое шерстяное платье...

Прасковья Федоровна даже сначала огорчилась и несколько обиделась, когда барыня объявила ей, что намерена дать ей вольную.

– Чтой-то матушка, не угодна, что ли, я вам стала? говорила она со слезами на глазах.

– Нет, Параня, ты мне угодна, – я твоей службой довольна, – за то тебя и хочу наградить...

И Прасковья Федоровна приняла вольную только ради дочери»¹¹.

Устоявшиеся, относительно комфортные жизненные реалии приближенных дворовых, реже крестьян, их почти дружеские отношения с господами создавали чувство уверенности в завтрашнем дне, что верная служба будет вознаграждена чередой барских милостей. Выработанная, в таких условиях, ментальность отталкивала саму идею о вольной, самостоятельной жизни без привычного патронажа. К тому же, дворовые, в своей основе, не имели навыков систематического физического труда, а это могло их ожидать при получении свободы и ухода на «вольные хлеба».

Особо ценились крепостными крестьянами в вотчинных распорядках четкие рамки установленных повинностей, право на отдых в праздники, заранее оговоренная регламентация физических наказаний. То есть, определенные правила, имеющие

¹⁰ Селиванов В.В. Год русского земледельца. Зарайский уезд, Рязанской губернии // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 64.

¹¹ Потехин А.А. Сочинения. Т. IV. Бедные дворяне. СПб., 1896. С. 5-7.

постоянный характер, которыми руководствовались крестьяне и дворяне в процессе своей жизнедеятельности в дворянском поместье. Бывший крепостной И.М. Кабештов, вспоминая доброту своих господ Волконских, особо отмечал: «... Волконские, всегда добрыми и даже гуманными со своими крепостными крестьянами. По их распоряжению крестьяне обязаны были на барщине работать не более трех дней в неделю; воскресные и праздничные работы безусловно воспрещались; Пасха праздновалась целую неделю. Кандидатов в бурмистры выбирали сами крестьяне, управляющий только утверждал одного из кандидатов; управляющие могли наказывать крестьян только по доказанной вине, не более 25 ударами розог; одно лицо могло быть наказано два раза по 25 ударов, при третьей вине наказание усиливалось до 50 ударов, всякое наказание записывалось в особый журнал и об нем должно было донесено с описанием вины в главную петербургскую кантору. Оттуда уже ожидали распоряжения, как поступить с виновным. Большею частью таких виновных высылали в другие имения, а иногда, смотря по вине, отдавали в солдаты»¹². Кабештов подчеркивает, предсказуемость характера наказаний увязывалась с «добротой и гуманностью» своих хозяев.

Крестьянская сметливость, тяжелый жизненный опыт помогали относительно быстро распознать характер своего барина и если он был неопытен в хозяйских вопросах, мягок характером, то крепостные использовали эти хозяйские «добродетели» в свою пользу. Граф М.Д. Бутурлин, через многие годы, взявшись за мемуары, с сожалением рассказывал о своем «либерализме» к собственным крестьянам: «Крестьяне меня полюбили (как меня уверяли в том мои приближенные и насколько я сам мог заметить), тогда, как немного позже новый мой сосед Г. Шульц заплатил жизнью зато только, что вводил у себя новые порядки, допускаемые законом. Верю замечанию Н.А. Дивова, что крестьянин наш во время крепостного права много переносил и прощал русскому коренному помещику, чего не стерпел бы от немца-помещика. Надо, впрочем, и то сказать, что я распустил свою вотчину, не только мирволя пьянству, но и прощая оброчные недоимки, слагая зря платежные тягла, отсрочивая иным срочные платежи, – словом завел такую кутерьму в управлении, что сбил с толку И.И. Грекова»¹³.

Удовлетворение помещиком физиологических потребностей крестьян в пище, одежде, крове, если крепостные не чувствовали к себе христианского отношения, не всегда рассматривалось в качестве барской доброты и заботы. Так, барон Н.Е. Врангель повествуя о своем отце Егоре Ермолаевиче, классическом крепостнике, с досадой указывал почему крепостные крестьяне не видели в нем своего благодетеля: «Крестьяне его жили богато, процветали, а дворовые были хорошо одеты, хорошо обуты и сыто накормлены... Но попечение его о счастье рода людского имели объектом только физического человека. Как и большинство его современников, он смотрел на людей исключительно как на существа только телесные. О том, что у человека, помимо его тела, есть и душа, он не догадывался, а если и подозревал, то, вероятно, смотрел на это как на «дурь», на «блажь», на «фанаберию», как что-то запретное и вредное, чему потакать не следует и с чем нужно бороться. Но вернее всего, что он над «такими пустяками» не задумывался»¹⁴.

В редких воспоминаниях крепостных крестьян особо подчеркивалось такое качество помещика, как желание и умение говорить «по душам» с представителями «своего народа». Например, И.М. Кабештов, описывая привычки и распорядок дня саратовского помещика П.А. Чихачева, акцентировал внимание читателя: «По отношению к приходящим к нему крестьян или крестьянок, если он был в хорошем рас-

¹² Кабештов И.М. Моя жизнь и воспоминания, бывшего до шести лет дворянином, потом двадцать лет крепостным // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. М., 2006. С. 453.

¹³ Записки графа М.Д. Бутурлина. Т. 1. С. 332.

¹⁴ Барон Н.Е. Врангель. Воспоминания: от крепостного права до большевиков // Бароны Врангели. Воспоминания. М., 2006. С.31.



положении духа и имел свободное время, то говорил с ними по целым часам: узнавал всю их жизнь, и даже жизнь соседей и других крестьян, так что ему была известна хозяйственная и семейная жизнь почти каждого крестьянского дома. Разные основательные просьбы о вспомоществовании хлебом, деньгами, лесом для постройки домов почти всегда удовлетворялись. Так что, если бы не строгие, переходящие иногда в жестокие наказания, то по отношению крестьянам он мог быть назван строгим, но справедливым отцом. Между его крестьянами не было бедных, и никто не имел права просить милостыню»¹⁵. В данном сюжете, за исключением упоминания практики жестоких наказаний, нарисована картина духовной и материальной заботы помещика над своими крепостными крестьянами.

Представления крестьян о заботе и «милостивом» характере своего помещика преломлялись через призму собственных представлений о добре и зле, христианской любви к ближнему, человечности. Такие представления в корне расходились с аналогичными критериями в помещичьей среде, которая была антимиром в социокультурном аспекте крепостному крестьянству. Отсюда, непринужденная беседа барина со своим крепостным воспринималась в крестьянском сознании как попытка наведения определенных социопсихологических мостов, понять их мир, душу, стать ближе к ним, что не могло не вызывать у крестьян морального удовлетворения.

Необходимо отметить, что в какой-то мере, помещичьи добродетели были опосредованы страхом за собственную жизнь и недвижимость. И.И. Игнатович отмечал: «Некоторые помещики, действительно, старались помогать своим крестьянам. Были такие, говорит Заблоцкий-Десятовский, «которые из последних сил кормили крестьян, хотя, может быть, понуждаясь к тому скорее расчетом, нежели филантропией... Многие делали это из страха, ибо были случаи, что мужики грозно подступали к помещикам, требуя прокормления»¹⁶. Историк крепостного права в Рязанской губернии А.Д. Повалишин, в связи с этим, писал: «Случаи совершения крепостными покушений на жизнь помещиков настолько были нередки, что они должны были поселять в помещиках опасение за свою жизнь», добавляя «опасения, иногда ничем не оправданные»¹⁷.

У крепостных крестьян мелкопоместных дворян понятия о помещичьих добродетелях были отличны от аналогичных представлений в имениях верхних страт поместных владельцев. Главная причина данной социопсихологической специфики состояла в том, что в рамках мизерного поместья, иногда в несколько десятин, у крепостного крестьянина, фактически, не было личного пространства и вся его жизнь протекала на глазах помещика. Тонкий знаток поместной психологии, автор знаменитого цикла «Оскуднение», С.Н. Терпигорев (С. Атава), применительно крепостных мелких помещиков, отмечал: «...отношения мелких к своим крепостным были положительно невозможные. Надо вообще принять за аксиому, что чем мельче был помещик, тем хуже и тяжелее жилось его мужикам... близость мелкого помещика к домашнему обиходу мужика была для этого последнего тем невыносима, что он у него был весь на виду: он от него ничего не мог уберечь и схоронить. Каждая овца, каждая курица была известна барину и дразнила его аппетит. Я уж не говорю, что за ад представляла эта близость в том еще отношении, что давала полную возможность барину мешаться в дразги семейного мужицкого быта»¹⁸.

Межличностные отношения между мелким помещиком и крепостным крестьянином также носили иной характер, чем в крупных поместьях. Чрезмерная узость личного пространства способствовала обыденному привыканию друг к другу, нередко полемика принимала агрессивный тон с обеих сторон. В мелком поместье

¹⁵ Кабештов И.М. Указ. соч. С. 550.

¹⁶ Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М., 1910. С. 7.

¹⁷ Повалишин А. Рязанские помещики и их крепостные. Очерки истории крепостного права в Рязанской губернии. Рязань. 1903. С. 291.

¹⁸ Терпигорев С.Н. (Атава С.) Собрание сочинений. Т.1.Ч.1. СПб., 1899. С. 311.

крепостной пользовался тем, что у барина, в нередких случаях, была одна-две рабочие души и в случае их увечья, болезни помещик оставался без рабочих рук. Здесь необходимо учитывать, что низкий культурный и образовательный уровень мелких помещиков в повседневных реалиях во многом сближал их ментальность с крестьянским сознанием. Этому способствовало и полунищенское существование низших подгрупп (до 10 дес. или владение 1-2 ревизскими душами) мелкопоместного дворянства, где «громадное большинство их объезжало богатых соседей, выпрашивая «сенса и овсеца»¹⁹. Е.Н. Водовозова в своих мемуарах, на примере соседки – мелкой помещицы Макриной Емельяновны Прокофьевой и ее двух крепостных, показывает подобные взаимоотношения: «В хозяйстве Макриной ... более всего чувствовался недостаток в рабочих руках. У нее всего-навсего было двое крепостных – муж и жена, уже не молодые и бездетные: Терентий, которого звали Терешкой, и Евфимия – Фишка...

Будучи совсем необразованною, даже малограмотною, Макрина была преисполнена дворянскою спесью, барством и гонором, столь свойственными мелкопоместным дворянам...

Они (крепостные – В.Ш.) совсем не боялись своей помещицы, ни в грош не ставили ее, за глаза называли ее «чертовой куклой», а при обращении с нею грубили ей на каждом шагу, иначе не разговаривая, как в грубовато-фамильярном тоне. Все это приводило в бешенство Макрину»²⁰.

Естественно, такая картина не была повсеместной в мелкопоместной среде. Аналогичные «вольности» были в тех имениях, где помещик, а, как правило, вдова-помещица в свое время позволили крепостным перейти грань прежде запрещенного в обращении в свой адрес и эмоциональные перебранки становились обычной формой общения между ними. Крепостные крестьяне в мелких поместьях главной помещицей добродетелью должны были считать умение барина сохранять их личное пространство. В верхних подгруппах мелкопоместных дворян (около 100 дес. или около 20 ревизских душ), где образовательный и общекультурный уровни были значительно выше, чем в нижних стратах помещиков, межличностные отношения господ и их крепостных напоминали аналогичные отношения в более крупных поместьях. Здесь, как правило, отсутствовала вульгарность в обращениях крепостных крестьян, выстроена для всех очевидная социальная дистанция в межличностных отношениях, но крестьяне все равно чувствовали отсутствие особого «барского блеска» в своих хозяевах и реальную возможность перемен в их судьбах, не всегда в лучшую сторону. Е.А. Лабзина, будучи дочерью мелкого помещика, вспоминает свою беседу в детстве с нянечкой, социальным показателем принадлежности к верхним подгруппам мелкого дворянства, где нянечка: «Когда она учила меня вышивать, то говорила: «Учись матушка, может быть, труды твои будут в жизни твоей нужны. Ежели угодно будет Богу тебя испытать бедностью, то ты, зная разные рукоделия, не будешь терпеть нужды и будешь доставать хлеб честным образом и еще будешь веселиться»²¹. Трудно представить подобные наставления о «честном образе» добывания хлеба насущного Фишки к Макрине Емельяновне, или в какой-либо аристократической семье.

Реформа отмены крепостного права не могла в одно мгновение изменить самосознание помещика и его отношение к крестьянину. Последний это хорошо чувствовал. «Иногда кажется – отмечал философ Г.П. Федотов, – что барин и мужик снова начинают понимать друг друга. Но это самообман. Если барин может понять своего раба, то раб ничего не понимает в быту и миру господ. Да и барское понимание ограничено: видят быт, видят психологию, но того, что за бытом и психологией – тысячелетние традиции, религиозный мир крестьянства – «христианство», – еще не чув-

¹⁹ Водовозов Е.Н. На заре жизни. В 2-х т. Т. 1. М., 1987. С. 183.

²⁰ Там же. С. 186-187.

²¹ Лабзина Е.А. Воспоминания. Описание жизни одной благородной женщины// История жизни одной благородной женщины. М., 1996. С. 21.



ствуется»²². Два антимира социопсихологического плана в рамках поместий и временнообязанного периода для крестьян, продолжали существовать параллельно. Особенно это отчетливо проявлялось в первые пореформенные десятилетия и в имениях богатых помещиков. Тем не менее, бывшие крепостные крестьяне, осознав свой новый социальный статус – свободной личности, не изменили свое потребительское отношение к помещикам, видя в них не только объект своей земельной обеспеченности, но и источник всевозможных других материальных благ. При этом, из всего спектра сословных категорий землевладельцев, дворяне-помещики для крестьян были наиболее предпочтительными. Известный этнограф О.П. Семенова-Тянь-Шанская подчеркивала: «В глубине души крестьяне, мне кажется, предпочитают землевладельцев из дворян. Вероятно, чувствуют и понимают, что такие землевладельцы к ним человечнее и лучше. «Добрых» помещиков крестьяне, конечно, не прочь поэксплуатировать, не говоря уже о том, что всегда ждут от них подачки.

Иногда придут к какому-нибудь новичку помещику, помнутя у крыльца и, взяв какого-нибудь лекарства, просто-напросто говорят: «А не пожалуете ли чего?» Иногда просто сочинят или присочинят чего-нибудь относительно своей нужды, чтобы получить побольше подачку. Не раз наблюдала я в таких случаях одну помещицу, которая, сознавая отлично наивную подчас ложь, не останавливалась на этом, и жалея какого-нибудь крестьянина, все-таки широко ему помогала. В таком случае ни один «Иван» не может понять, что его ложь видят и только из жалости, не останавливаясь на ней, ему помогают. Всякий «Иван» напротив убежден, что он ловко надул богатого человека. Угрызения совести «Иван» по этому поводу, конечно, не чувствует, так как, по его рассуждению, богатые милосердием своим спасают свою душу...

Помимо всего этого крестьяне, по большей части, насмешливо относятся к помещикам – дворянам, к их хозяйственным способностям; совсем в них не верят.

В купцах же землевладельцах всегда уважают их умение извлечь из земли хорошую выгоду... вместе с тем купцов, конечно, не любят...

Очевидно, существует крестьянское эстетическое представление о барине, как о противоположности роющемуся в навозе купцу или мужику»²³.

Семенова-Тянь-Шанская показала довольно сложный социопсихологический механизм пореформенного восприятия крестьянами помещика. С одной стороны, насмешливое отношение к помещику за его неумение хозяйствовать на земле, с другой, – уважение к барскому социальному статусу, хотя считали помещика простаком в житейских вопросах, особенно хозяйственных. Вот поэтому купцов недолго любили, которые своей рачительностью и хозяйственной хваткой были серьезными конкурентами крестьянам на земле. Помещик же для крестьян был как бы свой, витающий в облаках высоких материй, с которым можно было вести дело, не всегда опираясь на имеющиеся договоренности.

Такое отношение крестьян к себе понимали многие помещики, даже те, кто считал себя социальным партнером первых. Князь Д.И. Шаховской отмечал в своих письмах определенную психологическую пикантность в отношениях с крестьянами: «Разумеется, нет ничего такого, что делало бы невозможными совсем правильные отношения между образованным человеком и крестьянином. И меня крестьяне любят, вероятно, все, хотя, разумеется, и считают большим дураком»²⁴.

Свое равенство с помещиками после отмены крепостного права бывшие крепостные крестьяне понимали весьма своеобразно, например, наделяя себя самовольно судебными функциями по отношениям к бывшим барам, если возникал конфликт между последними и крестьянами. Так, крестьяне помещицы Е.В. Янович Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии во главе с волостным старшиной явились к

²² Барина Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008. С. 210.

²³ Шнейдер В.П. Памяти Ольги Петровны Семеновы. СПб., 1908. С.14-16.

²⁴ Шаховской Д.И. Избранные статьи и письма. 1881-1895. М., 2002. С, 153.

ней, чтобы судить ее по жалобе дворовых людей и чтобы ей сделать наставление, сколько она может требовать рабочих дней от них²⁵. С крестьянской точки зрения, оторванность помещика от реальной народной жизни, уже в условиях свободы бывших крепостных, не может способствовать «правильному» выстраиванию отношений первых со вторыми в период временнообязанного состояния. Тем более, крестьянское сознание не было согласно с системой обязательных отработок и других повинностей после получения личной свободы. Все это вызывало в крестьянской среде по отношению к помещику определенную агрессивность и изворотливость, граничащую с откровенной ложью. В целом эти качества у крестьян в определенной степени приветствовались. Семенова–Тян-Шанская, после долгих лет наблюдения за крестьянскими детьми, пришла к выводу: «Сукой» стал называть мать, когда она ему в чем-либо отказывала... Матери очень наивно иногда хвастаются способностями своих совсем малолетних детей: «И какой атаман – ведь сукой уже меня называет»; «атаманить» значить буянить, затевать какие-нибудь проказы, руководить ими.

...Драться с другими детьми тоже начал, как только стал на ноги. К этому его тоже поощряли, особенно если он одолевал другого младенца... За драку и ложь, за скверные слова его не били... За ложь его не преследовали совсем. Лгал он, разумеется, только из самообороны...»²⁶. Естественно, ложь и агрессивность не являлись самоцелью при воспитании подрастающего поколения. Скорее всего, они рассматривались в качестве житейской хитрости и напористости, при отстаивании своих интересов, без которых, с крестьянской точки зрения, нельзя было выжить при общении с «сильными мира сего». Поэтому, отрабатывая барщину или выполняя еще какие-либо хозяйственные работы, крестьяне, пользуясь частым отсутствием соответствующих навыков и практики у помещиков, при первом удобном случае, выполняли свои обязанности «спустя рукава». При этом у них вызывало раздражение, если помещик пытался вникнуть в суть выполняемых ими работ, считая это не барским делом. С.А. Туник, помещный дворянин Корочанского уезда Курской губернии, вспоминая свою юность, писал: «Я рос в имении и по собственному желанию постепенно обучался всяким работам. Когда мне было семнадцать-восемнадцать лет, я умел делать все, что полагалось делать каждому мужику; и это им было не по нраву. Не раз я подслушивал разговоры обо мне: «Ентот-то растет и во все нос сует, пахать и косить ужо магить. До всего сам доходит. Наукам всяким обучается. Гляди вырастит и через сколько гадов нам на шею сядет. Яво ужо не обманиш». Почти всегда это говорилось очень раздраженным тоном»²⁷. С точки зрения крестьян, хозяйственная дотошность не входила в помещичьи добродетели и противоречила барской статусности. К такому выводу пришел и А.А. Фет, разворачивая свое хозяйство в Степановке Мценского уезда Орловской губернии, где местные крестьяне не раз его «обхитривали», беря авансом деньги за выполнение определенного вида работ и отлынивали от них под разными предложениями²⁸.

У крестьян в пореформенный период также вызывало неприкрытое раздражение попытки мелочной опеки со стороны помещиков, пусть и под благовидными предложениями. В этой связи А.Н. Энгельгардт, с сарказмом, подчеркивал: «Конечно, все эти законы, распоряжения издавались и прежде, потому что забота о мужике всегда составляла и составляет главную печаль для интеллигентных людей. Кто живет для себя? Все для мужика живут!..

Мужик глуп, сам собою устроится не может. Если никто о нем не позаботится, он все леса сожжет, всех птиц перебьет, всю рыбу выловит, землю попортит и сам

²⁵ Фурсов В.Н. Социальная психология как фактор крестьянской повседневности в пореформенной деревне // Российская империя в исторической ретроспективе. Сборник научных трудов V Международной научной конференции г. Белгород, 28-29 января 2010 г. Белгород-Чернигов, 2010. С.151.

²⁶ Семенова-Тян-Шанская О.П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. М., 2010. С. 48-51.

²⁷ Туник С.А. Белогвардеец. Воспоминания о моем прошлом. М., 2010. С. 41.

²⁸ Фет А.А. Жизнь Степановки или лирическое хозяйство. М., 2001. С. 131-135.



весь перемрет»²⁹. Энгельгардт указывает, что помещики пытались занимать по отношению к крестьянству позицию опекуна, граничащую с позицией барина. Социально-экономический антагонизм, различия психологического склада, различные типы сознания, отсутствие общего гражданского права затрудняли взаимопонимание между двумя сословиями, находясь на грани состояния постоянной готовности к конфликту. Эта социопсихологическая особенность крестьянства, в условиях пореформенной личной свободы, опосредовала весьма болезненное восприятие любых проявлений социальной опеки – контроля.

В отдельных случаях, весьма нечастых, помещики непосредственно перенимали хозяйственный опыт у своих крестьян, не стесняясь доходить до всяких мелочей. В большей части это происходило в те моменты, когда вопрос о судьбе имения стоял остро и помещики искали любой выход из сложившейся критической ситуации. При этом опирались на познания не вообще крепкого и хозяйственного крестьянина, а того, кто был доверенным лицом семьи длительное время. А. В. Тыркова – Вильямс, описывает в мемуарах сложный период в их семье – новгородских помещиков, когда безденежье поставило вопрос о возможной продаже имения за долги по кредитам, отец же от отчаянья махнул на дела рукой, а ее мать взяла дела в свои руки, опираясь на знания и опыт своего давнего приказчика. Автор с гордостью подчеркивает: «Мама принялась за новую деятельность так осторожно, терпеливо, точно распутывала запутанный клубок шерсти. Она прежде всего стала учиться у нашего давнего приказчика, Степана Бизеева... Наши поля он знал лучше, чем сам хозяин, любил каждый клынышек, каждый клочок земли... Жена его, Марья Бизеева, была баба умная, степенная, с сознанием своего достоинства... Она научила маму как выпаживать телят, как распознавать их статьи... От Степана шли более сложные соображения, на каком клину пора начинать сев, с какого конца и когда приниматься за покос и жнитво, кого нанять в пастухи, на какие лесные пожни выгонять коров»³⁰. Здесь речь явно идет о социальном партнерстве, построенном на взаимном доверии.

Подводя итог, необходимо отметить, что до отмены крепостного права в крестьянском сознании помещичья добродетель ассоциировалась с разумной требовательностью, понятной и не чрезмерно жестокой системой наказаний, где приоритет отдавался телесным; положительным участием в судьбах крестьян, материальном их обеспечении для достойного, по крестьянским меркам, существования; сохранении их личного пространства, что особенно было важным для крестьян мелких помещиков. В пореформенный период на первое место выходит материальная составляющая, в различных вариациях, начиная от достойной оплаты, заканчивая щедрой подачкой, и отлыниванием от заранее оплаченных работ. Особое раздражение у крестьян вызывала традиционная барская спесь и укоренившаяся привычка мелочной опеки над всеми сферами их жизнедеятельности. Но были отдельные случаи социального партнерства.

TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN PEASANTS` IDEAS ABOUT THE LANDLORDS` VIRTUES IN 1850-1890S

**V.A. SHAPOVALOV
S.P. SHAPOVALOVA**

*Belgorod National Research
University*

e-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

The authors make an attempt to reveal, classify and follow the evolution of peasants` ideas about the gentry virtues that had been in transformation in the course of the post-reform period. This allows to find out socio-psychological interactions between the landlords and peasants in the context of the latter`s ideas about social nature of the good and the evil.

Key words: landlord, the peasants, ideas, virtue, social psychology.

²⁹ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. М., 1937. С. 320.

³⁰ Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет. Париж, 1954. С. 207.



УДК 930.2:631.5(470.1)

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ УРОВНЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В РОССИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

П.П. КОТОВ*Сыктывкарский
государственный
университет**e-mail: kotovpetr55@mail.ru*

Выявляются возможности объективного освещения уровня земледелия по архивным источникам конца XVIII – начала XX вв. Показана технология получения данных о посевах и урожаях хлебов и доказана высокая степень достоверности этих сведений. Обращено внимание на ошибочные и неточные выводы по вопросам анализа уровня земледелия, которые утвердились в исторических исследованиях.

Ключевые слова: архивные источники, уровень земледелия, посевы и урожай хлебов, отчеты губернаторов, пробные умолаты, общественная запашка.

В последние годы в России явно обозначилось стремление обеспечить свою продовольственную безопасность. Поэтому становится актуальным учесть исторический опыт сельскохозяйственного производства и его основы – земледелия. В научных трудах оно анализировалось, главным образом, в ходе изучения истории крестьянства и крестьянского хозяйства¹. Такой подход в полной мере был характерен и для работ по истории Европейского Севера России XVIII – начала XX вв.² При этом, в контексте изучения земледелия основное внимание уделялось обеспеченности крестьян землей и рабочим скотом, эволюции агрокультуры, состоянию орудий труда и ряду других проблем. Однако, названные сюжеты не отражали в должной мере реальное состояние земледелия в регионе, тем более его уровень (результативность). Наиболее полно уровень земледелия характеризуют показатели урожайности, посевов и сборов хлебов в расчете на человека и обеспеченности населения своими хлебами в % от минимальной нормы потребления. Заметим, что до начала XX в. определить производительность труда крестьян в современном понимании невозможно.

Архивные источники позволяют провести системный анализ уровня земледелия с конца XVIII до начала XX вв. Этот период вместил в себя переломные события в истории России. В конце XVIII в. начался кризис феодальных отношений, который обострился во второй четверти XIX в. и завершился отменой крепостного права и серией буржуазных реформ. Затем началось становление и развитие новых, капиталистических отношений. В их рамках Россия пережила несколько войн, включая первую Мировую, три революции и крах монархии. Все эти события были взаимообусловлены и взаимосвязаны с развитием главной тогда сферы экономики – сельским хозяйством и его фундамента, земледелия.

Изучение сведений о посевах и урожаях хлебов было начато в XIX в. и наиболее успешно продолжено в 1950 – 1960-х гг. в трудах И. Д. Ковальченко, А. С. Нифон-

¹ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881 – 1904. М., 1980; Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., 1946. Т. 1; М., 1958. Т. 2; Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967; Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в.: Опыт количественного анализа. М., 1974; Рубинштейн Н.А. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957; Федоров В.А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII – первой половины XIX в. М., 1974 и др.

² История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т. 1; Архангельск, 1986. Т. 2; Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976; Трофимов П.Н. Черки экономического развития Европейского Севера России (Дореволюционный период). М., 1961 и др.



това и некоторых других историков³. Однако это направление, за редким исключением⁴, в исторической науке практически не развивается с середины 1970-х гг., хотя далеко не исчерпало себя.

Начнем с того, что в существующих исследованиях до последнего времени отсутствовал даже анализ законодательной базы, которая регулировала и регламентировала порядок составления отчетов о посевах и урожаях хлебов на местах. Мало того, в историографии не оговорено и точное время появления таких законов. Лишь в отдельных случаях упоминается закон 1866 г.⁵ Наши исследования, опубликованные в последние годы, показали, что сведения о посевах и урожаях хлебов воеводы должны были представлять еще по указам Петра I. Законы Елизаветы I вводили для губернаторов и воевод единообразную форму отчетов о посевах и урожаях хлебов, сроки их составления и учреждения, в которые они отсылались. По указам Екатерины II определялась уже табличная форма отчетов о посевах и урожаях хлебов по всем губерниям, провинциям и уездам страны. Здесь уточнялись время представления отчетов и ведомства, в которые они поступали. В начале XIX в. всех губернаторов России обязали представлять ежегодные «Всепопданнейшие отчеты», в которых аккумулировались данные о населении, хозяйственной деятельности, сборах налогов, путях сообщения и других сторонах жизни губерний. В этот перечень вошли и материалы о посевах и урожаях хлебов. Отныне из самостоятельного документа они превратились в элемент комплексного губернаторского отчета. В 1837, 1842 и 1870 гг. законодатель изменял лишь форму представляемых сведений «хлебной отчетности»⁶. Иными словами, всю «хлебную отчетность» можно объединить общим условным термином – отчеты губернаторов о посевах и урожаях хлебов.

Основной массив данных о посевах и урожаях хлебов на Европейском Севере отложился по XVIII в. – в Российском государственном архиве древних актов в г. Москве (РГАДА)⁷, по XIX – началу XX вв. – в Российском государственном историческом архиве в г. Санкт-Петербурге (РГИА)⁸. В связи с законодательными изменениями форм отчетности о посевах и урожаях хлебов, изменялась и их информационная насыщенность. По Европейскому Северу России в отчетах за XVIII в. приводятся сведения о посевах, валовых и чистых сборах каждой из высеваемых культур по уездам, провинциям и губерниям (иногда – по волостям). С 90-х годов XVIII в. по 30-е годы XIX в. эти сведения (дополненные показателями урожайности в «самах») фиксировались также по уездам и губерниям, но не по каждой из зерновых культур, а в целом по озимым и яровым хлебам. Эти же данные, но только по губерниям присутствуют в отчетах с 1837 г. Затем, с 1842 по 1868 – 1869 гг. в отчетах отмечаются показатели о посевах, валовых сборах и урожайности озимых, яровых и картофеля (иногда льна и конопли) по сословным группам и категориям крестьян опять же в целом по губер-

³ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство.. ; Он же. Динамика уровня земледельческого производства в России в первой половине XIX в. // История СССР. 1959. № 1. С. 53 – 86; Нифонтов А.С. Зерновое производство в России во второй половине XIX в. М., 1978; Он же. Статистика урожаев в России в XIX в. (по материалам губернаторских отчетов) // Исторические записки. 1968. Т. 81. С. 216 – 258; Улащик Н.Н. Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник (1804-1861 гг.) // Проблемы источниковедения. М., 1961. Кн. IX и др.

⁴ История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 1. С. 309 – 316, 411 – 416; Т. 2. С. 69 – 79; История северного крестьянства. Т. 2. С. 68 – 74, 199 – 206.

⁵ См., например: Ковальченко И.Д. Динамика уровня... С. 54 – 58; Камкин А.В. «Недородные книги» в Нижнем Подвинье (комплекс источников 1766-1767 гг.) // Проблемы историографии и источниковедения Европейского Севера. Вологда, 1992. С. 54 – 73.

⁶ См., подробно: Котов П.П. Роль законодательных актов Российской империи в изучении результативности земледелия XVIII – XIX вв. // История государства и права. 2010. № 22. С. 12 – 14.

⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 263 – Пятый департамент Сената; Ф. 1239 – Московский дворцовый архив.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263 – Комитет министров; Ф. 1276 – Совет министров; Ф. 1281 – Канцелярия Министерства внутренних Дел; Ф. 1287 – Хозяйственный Департамент МВД; Ф. 1290 – Центральный статистический комитет; Ф. 1409 – Собственная Его Императорского Величества канцелярия.



ниям. Начиная с 1870 г. источники стали наиболее информативно богаты. Они содержат данные о посевах и сборах каждой из земледельческих культур с разбивкой уже на уездном уровне по сословным группам населения.

Наиболее ранние данные о посевах и урожаях хлебов на Европейском Севере и в Сибири обнаружены нами по 60-м годам XVIII в. Весьма представительны они по 90-м годам этого столетия⁹. Свои сведения «хлебной отчетности» архангельские губернаторы представляли вплоть до Первой мировой войны, вологодские и олонечские губернаторы – до конца XIX в. Последние с 1897 г. перестали самостоятельно собирать сведения и стали использовать материалы хлебной статистики Центрального статистического комитета МВД России (ЦСК МВД).

В центральных архивах за многие годы XVIII – XIX вв. отчеты о посевах и урожаях хлебов по губерниям Европейского Севера не сохранились. Кроме того, из имеющихся материалов очень часто невозможно вычленить сведения по уездам, что предопределялось и законодательством о «хлебной отчетности». В этой ситуации весьма важными являются источники местных архивов: Государственного архива Архангельской области (ГААО), Государственного архива Вологодской области (ГАВО), муниципального учреждения «Великоустюгский центральный архив» (МУ «ВЦА»), Национального архива Республики Карелия (НАР Карелия) и Национального архива Республики Коми (НАР Коми)¹⁰. В них отложились многие документы, представляющие из себя подготовительные материалы к губернаторским отчетам, иногда и копии самих отчетов. Они позволяют не только восполнить сведения отсутствующих за ряд лет отчетов губернаторов, но и существенно разнообразить и обогатить характеристику земледельческого производства. Весьма представительные сведения о посевах и урожаях хлебов по северной удельной деревне выявлены и в фонде 515 (Департамент уделов) РГИА. Привлекая всю совокупность выявленных архивных источников можно восполнить данные о посевах и урожаях хлебов по губерниям Европейского Севера за ряд лет XVIII в. и почти за все годы XIX в., по удельной деревне – с 1797 по 1869 гг. и по северным уездам – за большинство лет XIX в. Благодаря этим материалам во многих случаях можно проанализировать уровень земледелия по селениям помещичьих и горнозаводских крестьян за несколько десятилетий первой половины XIX в., по отдельным волостям и даже по селениям и городам.

С другой стороны, значение указанных архивных материалов выходит за узкие региональные рамки Европейского Севера России. Они позволяют, например, существенно уточнить процедуру составления отчетов о посевах и урожаях хлебов и содержат новые факты о степени объективности этих отчетов. В общем виде схема составления отчетов о посевах и урожаях хлебов заключалась в следующем: вначале эти показатели определялись по селениям, затем суммировались по волостям, уездам, провинциям (до 1780 г.), областям (в 1780 – 1796 гг.) и губерниям. На низовом уровне сведения представлялись: в казенной и дворцовой (удельной) деревне – органами крестьянского самоуправления, в крепостных селениях – помещиками. Далее, ответственность за представление сведений лежала на уездных органах власти, чиновниках удельных контор и предводителях дворянства. Такая схема составления отчетности регламентировалась уже по указам XVIII в. Однако ни в XVIII, ни в XIX вв. законодательство не расписывало методику сбора первичных сведений о посевах и урожаях хлебов на низовом – сельском уровне. Архивные источники позволяют восполнить этот пробел. Их анализ свидетельствует, что посе́вы хлебов опреде-

⁹ Котов П.П. Некоторые сведения о производстве зерновых хлебов в Сибири во второй половине XVIII в. // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории. Тезисы докладов. Иркутск, 1994. Ч. 1. С. 148 – 149; Он же. Уровень земледелия в Архангельской губернии в последней трети XVIII в. // Проблемы истории России XVIII – XX вв. Сыктывкар, 1997. С. 25 – 45.

¹⁰ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1, 2, 4, 6, 51, 53; Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 14, 17, 18, 354, 388; Муниципальное учреждение «Великоустюгский центральный архив» (МУ «ВЦА»). Ф. 10, 272, 36; Национальный архив Республики Карелия (НАР Карелия). Ф. 1. Оп. 1 – 47; Национальный архив Республики Коми (НАР Коми). Ф. 6, 7, 116, 117, 155, 156.



лялись достаточно просто и, на наш взгляд, довольно точно. Ведь к осени, к моменту составления отчетов затраты зерна на семена были известны каждому из хозяев, сельским выборным начальникам и помещикам. Эти затраты, учитывая нормы высева зерна на единицу запашки, можно было проверить и уточнить.

Сложнее было с определением показателей сборов хлебов. Известно, что крестьяне, особенно в северных регионах, хлеб обмолачивали не сразу после жатвы, а постепенно – в течение зимы и, даже, весны. Поэтому сборы хлебов определялись по так называемым пробным умолотам. Вероятно, такая практика сложилась уже к началу XVIII в. Во всяком случае, по выявленным архивным источникам в 30 – 50-х годах XVIII в. определение урожаев хлебов по пробным умолотам было обычной процедурой¹¹. Как рядовое явление пробные умолоты упоминаются и в указе от 29 ноября 1799 г. о создании запасных хлебных магазинов «в казенных и помещичьих селениях»¹². По мнению И. Д. Ковальченко она сводилась к следующим операциям: в селениях выбирали несколько участков фиксированной по площади «худой» и «доброй» по качеству пашни, с которых зерновые убирали и обмолачивали. Затем подсчитывали средний показатель сбора хлебов с единицы запашки, перемножали его на количество засеянных весной десятин и получали искомые размеры валовых сборов¹³.

Вероятно, такая методика проведения пробных умолотов практиковалась в южных и центральных регионах России. Однако на Европейском Севере ее буквальное применение было невозможно в связи с отсутствием достаточно точных данных о размерах пашенных угодий. Здесь при составлении отчетов о посевах и урожаях хлебов в графе о площади запашки писали – «по неизмерению показать немочно» или «размеру земель в десятины никогда не бывало и затем показать немочно»¹⁴. Поэтому на Севере на выбранных участках «плохой» и «доброй» земли учитывали не только обмолоченное зерно, но и количество сжатых на них снопов, скирд и копен хлебов. Далее фиксировали сколько зерна в среднем вымолачивалось из снопа, скирды или копны. Следует учитывать, что число снопов в скирдах и количество скирд в копнах было примерно одинаково. Зная общее количество сжатых скирд и копен не сложно было подсчитать и валовые урожаи хлебов. С другой стороны, на Севере практиковали опыт, когда участки пашни для пробных умолотов определяли еще весной и учитывали количество посеянного на них зерна. Осенью после обмолота хлеба высчитывали среднюю урожайность в «самах» и полученный показатель перемножали на общее количество посеянного хлеба. Окончательно этот способ определения валовых сборов хлебов устанавливается на Европейском Севере России в первой трети XIX века¹⁵. Заметим, что описанные способы определения сборов хлебов часто сочетались для взаимной проверки полученных данных¹⁶.

Как видим, сама процедура проведения пробных умолотов подразумевала возможности проверки выводимых показателей. Выявленные в местных архивах новые источники позволяют сделать вывод, что на Европейском Севере по волостям осуществлялись еще и контрольные пробные умолоты. Они проводились специально командированными уездными чинами в присутствии сельских и волостных начальников и выбранных из крестьян понятых¹⁷. Результаты контрольных умолотов фиксировались в так называемых «Свидетельствах». Так, из текста одного из «Свиде-

¹¹ См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 194; Ф. 1089. Оп. 1. Д. 7, 11, 12, 14, 19.

¹² Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое (ПЗС РИ – 1). СПб., 1830. Т. XXV. № 19203. С. 898.

¹³ Ковальченко И. Д. Динамика уровня... С. 54 – 58.

¹⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 6. Д. 10960, 10961, 10961а, 10963, 11362; Оп. 2. Т. 1. Д. 27, 290, 573, 758; Ф. 4. Оп. 7. Д. 56; Оп. 9. Д. 19, 33, 45, 52; РГАДА. Ф. 263. Оп. 1. Ч. 2. Д. 785; Ф. 609. Оп. 1. Д. 1784; Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 3. Д. 59054, 59129, 59243; НАР Карелия. Ф. за. Д. 412.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Вероятно, И. Д. Ковальченко все-таки ошибался и в отношении других регионов России. В упомянутом указе от 29 ноября 1799 г. отмечено: «...по учиненному обмолачиванию нескольких снопов опыту...» (ПЗС РИ – 1. Т. XXV. № 19203. С. 898).

¹⁷ См., например: ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 681. Л. 57 – 61.

тельств» следует, что в 1836 г. в Арабачской волости Вологодской губернии дворянский заседатель Яренского земского суда Клеопатров произвел контрольные пробные умолоты «при голове того правления, сельских начальниках и заверенных присягою разных селений понятых крестьянах» и убедился в «подлинности» низкой урожайности хлебов, особенно озимой ржи. Здесь же объяснялись причины низких урожаев, возможности пополнения хлебов за счет промыслов и пригодность зерна в пищу. В частности, отмечалось, что «рожь по истечении вид имеет красный, к употреблению жителями в пищу пригодна»¹⁸.

Все крестьяне, которые выступали понятными при контрольных пробных умолотах и заверяли «Свидетельства» подписывали еще и «Клятвенные обещания». Свидетель заверял, что «объявлять буду самую сущую правду, ничего не утаю и не прибавлю ни для дружбы, свойства, подарков или дачи ниже страха ради, зависти и вражды»¹⁹. Каждое «Клятвенное обещание» заверялось проверяющим уездным чиновником и подтверждалось «присягою» местного священника²⁰. В отчетах губернаторов и других документах упоминания о «Свидетельствах» и «Клятвенных обещаниях» встречается неоднократно, но полные их тексты выявлены пока в единичных экземплярах.

О серьезности отношения чиновников к «хлебной отчетности» свидетельствует и то, что даже после проведения контрольных пробных умолотов сведения о посевах и урожаях хлебов нередко еще раз уточнялись. Так, Усть-Сысольский земский исправник писал вологодскому губернатору: «По обширности заведываемого мною уезда, без личного удостоверения не решил донести Вашему Превосходительству об урожае (хлеба. – К.П.), последовавшем в сем 1836 году...»²¹. Приведенные факты не позволяют безоговорочно принять тезис И. Д. Ковальченко, что «никакой проверки точности поступающих сведений (о посевах и урожаях хлебов. – К.П.) ... не существовало»²². Априорно (мы не обнаружили таких фактов) крестьяне стремились уменьшить показатели «хлебной отчетности», но сделать это им было далеко не просто.

Следует еще раз подчеркнуть, что процедуры пробных умолотов осуществлялись в каждом селении и по всем возделываемым родам хлебов. Таким образом, по сути, проводился ежегодный сплошной учет данных о посевах и урожаях хлебов. В архивных источниках, по нашему мнению, отражен конечно не абсолютно точный, но достаточно высокий уровень объективности сведений о посевах и урожаях хлебов.

Дополнительно в этом можно убедиться на примере материалов об общественной запашке в удельной деревне. Под нее в 1828 – 1829 гг. была выделена часть крестьянской пашни. Весь цикл работ на общественной запашке проводился удельными крестьянами в качестве натуральной повинности. Получаемое зерно ссыпалось в так называемые запасные хлебные магазины (на случай неурожайных лет). Первоначально урожайность хлебов на общественной запашке не отличалась от урожайности на крестьянских полях. В 1834 г. удел ввел «минимум урожайности для полей общественной запашки». Все зерно сверх этого «минимума» продавалось, а деньги распределялись между удельными чиновниками. Поэтому после 1834 г. убранный с общественной запашки хлеб стали тщательно измерять (вплоть до гарнцов и фунтов) в течение зимы – начала весны. Эти сведения о реальных сборах хлебов поступали в Департамент уделов, который контролировал «правильность» продажи зерна сверх установленного «минимума» и определял суммы вознаграждений для чиновников. С другой стороны, с 1828 г. в удельное ведомство каждую осень наряду с данными о посевах и урожаях хлебов на крестьянских землях стали высылать сведения по общественной запашке. И все эти показатели определялись по пробным умолотам²³. Иными словами, за 1835-1858 гг. можно вычлениить и сравнить сведения об урожаях

¹⁸ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 681. Л. 45 – 47.

¹⁹ Там же. Л. 49 – 50.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 72.

²² Ковальченко И.Д. Динамика уровня... С. 54 – 58.

²³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 39 – 72; Оп. 12. Д. 676а – 2338.



зерновых на общественной запашке, основанные и на пробных, и на действительных умолотах.

Как и ожидалось, данные пробных умолотов чаще занижались по сравнению с реальными урожаями, реже – превышали их. В 1835-1858 гг. показатели сборов озимых с общественных полей по пробным умолотам относительно действительных умолотов оказались ниже в удельной деревне Архангельской губернии за 18 лет, яровых – за 23 года, в Вологодской губернии – соответственно, за 13 и 12 лет, в Вятской – за 22 и 23 года и в Пермской – за 21 и 19 лет. Кроме того, в Вологодской губернии эти показатели совпадали по озимым – за 4 года и яровым – за 2 года, в Пермской – соответственно, за 1 и 2 года. В рассматриваемые годы отклонения пробных по отношению к действительным умолотам колебались в Архангельской губернии в озимом клине от -7,1% в 1843 г. до +8,2% в 1835 г., в яровом – от -6,3% в 1843 до +0,6% в 1848 г., в Вологодской губернии – соответственно, от -3,4% в 1845 г. до +1,8% в 1854 г. и от -7,5% в 1845 г. до +3,3% в 1853 г. Примерно такая же амплитуда колебаний этих показателей наблюдалась и на общественной запашке удельной деревни Пермской губернии: по озимым от -2,9% в 1839 г. до +2,4% в 1840 г. и по яровым – от -4,0% в 1839 г. до +10,6% в 1845 г. В яровом поле общественной запашки Вятской губернии разница между пробными и действительными умолотами так же особо не выделялась и находилась в пределах от -10,5% в 1835 г. до +1,5% в 1840 г., тогда как в озимом поле ее рамки были шире – от -12,0% в 1835 г. до +13,3% в 1855 г.²⁴

Таблица 1

Среднегодовые сборы зерновых по пробным и действительным умолотам на общественной запашке удельной деревни Европейского Севера и Северного Приуралья в 1835-1858 годах²⁵

Губернии, годы	Сборы озимых, четвертей		Соотношение в %	Сборы яровых, четвертей		Соотношение в %
	пробный умолот	действительный умолот		пробный умолот	действительный умолот	
Архангельская						
1835-1842	3356	3424	98,0	4227	4384	96,4
1843-1850	3234	3327	97,2	5133	5293	97,0
1851-1858	3874	3845	100,8	3715	3812	97,5
Вологодская						
1835-1842	3938	3937	100,0	6440	6449	99,9
1843-1850	3681	3721	98,9	7417	7522	98,6
1851-1858	4339	4345	99,9	6210	6252	99,3
Вятская						
1835-1842	56217	18193	96,5	22475	23997	93,7
1843-1850	22959	23195	99,0	26371	26703	98,8
1851-1858	22202	22561	98,4	29607	30253	97,9
Пермская						
1835-1842	3607	3656	98,7	5639	5764	97,8
1843-1850	4449	4487	99,2	4340	4189	103,6
1851-1858	4935	4960	99,5	7395	7141	99,4

Материалы таблицы 1 свидетельствуют, что разница между данными об урожаях хлебов по пробным и действительным умолотам существенно сглаживается, ес-

²⁴ Там же.

²⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 39 – 72; Оп. 12. Д. 676а – 2338.



ли оперировать не годовыми, а среднегодовыми за 8-10 лет показателями, как это принято в исторических исследованиях. В 1835 – 1858 гг. на общественной запашке Архангельской губернии в среднем по восьмилетним периодам разница между пробными и действительными умолотами в озимом клине составляла от -2,0 до +0,8% и в яровом поле – от -2,5 до +3,6%, в Вологодской губернии – соответственно от -0,1 до +0,03% и от -0,1 до -1,4%, в Вятской – от -1,0 до -3,5% и от -1,2 до -6,3%, в Пермской губернии – от -0,5 до -1,3% и от -2, 2 до +3,6%.

В связи с анализом всех выявленных материалов «хлебной отчетности» остановимся еще на одном общепринятом в исторических трудах выводе, который сводится к следующему: чем больше территория охвата пробными умолотами, тем выше точность выведения средних показателей урожая. Ученые считают, что достаточной объективностью обладают лишь средние по губерниям данные о посевах и сборах хлебов²⁶. На наш взгляд, важнее не «величина территории», а выведение показателей сборов хлебов на основе усредненных данных за 8 – 10 лет. В этом случае объективность пробных умолотов была довольно высока даже на общественной запашке удельной деревни, которая составляла не более 10% от учтенной крестьянской пашни. Кроме того, общая площадь общественной запашки в Вятской губернии в 4-5 раз превосходила аналогичные показатели по Архангельской, Вологодской и Пермской губерниям. Но, как показано в таблице 1, соответствие пробных умолотов действительным на общественной запашке Вятской губернии далеко не всегда было выше, чем в упомянутых трех губерниях.

Для характеристики уровня земледелия самым важным является показатель обеспеченности крестьян своим хлебом. Он, в свою очередь, предполагает выведение минимальной душевой нормы потребления хлебов. Эта норма определяется в исторической литературе неодинаково. Часть исследователей склоняется к обозначению ее в 2 четверти хлебов на человека в год на основании частого упоминания именно такого показателя в источниках²⁷. Следует признать, что в отчетах северных губернаторов за XIX в. норма в 2 и даже в 1,5 четверти фигурирует часто. Однако многие губернаторы, особенно до начала XIX в. определяли более высокие ее размеры. В частности, губернатор пермский и тобольский в отчетах за 90-е годы XVIII в. писал о годовой норме в 3 четверти хлебов на человека²⁸. Новгородский губернатор в 1821 г. определил ее в размере «до 8 четвертей на ревизскую душу»²⁹, т. е. более 3,5 четвертей на человека. Наверное, губернаторы ориентировались на законы о запасных хлебных магазинах. Так, по указу 1799 г. в них следовало иметь «годовой запас до 3 четвертей ржи и 3 четверика ярового» на каждую ревизскую душу³⁰. В 1822 г. эта норма была определена в 2 четверти³¹ и в 1834 г. – в 1,5 четверти³². По мнению чиновников, которые обследовали северную удельную деревню в 1859 г. необходимо «для прокормления» примерно 19 пудов хлеба на человека в год³³. В реальной жизни население употребляло хлеба, вероятно, еще больше. Во всяком случае, наблюдения за двумя крестьянскими семьями, которые в 1849 г. провел титулярный советник Родин в Шивринском сельском обществе Сольвычегодского уезда и в Пестовском сельском обществе Устюгского уезда Вологодской губернии показали, что на питание одного человека уходило от 3,5 до 3,6 четвертей зерна в год³⁴. На наш взгляд, чиновни-

²⁶ Ковальченко И.Д. Динамика уровня... С. 58 – 61.

²⁷ См. подробно: Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI вв. Л., 1971. С. 48 – 50.

²⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 3. Д. 59054, 59219.

²⁹ Государственный архив Новгородской области (ГААО). Ф. 138. Оп. 1. Д. 72. Л. 115 – 163об.

³⁰ ПСЗ РИ – 1. Т. XXV. № 19203. С. 896.

³¹ Там же. Т. XXXVIII. № 29000. С. 148.

³² Там же. Собрание Второе ПСЗ РИ – 2). СПб., 1835. Т. IX. № 7253. С. 692.

³³ ГААО. Ф. 925. Оп. 2. Д. 429. Л. 47; Оп. 3. Д. 1. Л. 48об.

³⁴ Иловайский И.Б. Архивные источники о быте государственных крестьян Вологодской губернии середины XIX в. // Крестьянство Коми края (досоветский период) / Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1986. Вып. 38. С. 142 – 143.



ки, указывая душевую норму потребления хлеба в 1,5 – 2 четверти подразумевали, что крестьяне могут выдержать (пережить) отдельный год. При этом они не имели в виду постоянную и необходимую для полноценного существования норму потребления хлеба. По анализируемому вопросу следует согласиться с авторами «Аграрной истории Северо-Запада России», определившими годовую норму потребления в 20 пудов хлеба на человека, без учета необходимого фуража³⁵. Важно, что они предложили учитывать особо и фуражное зерно, необходимое для содержания рабочего скота, без которого невозможно было земледелие.

Таким образом, данные архивных источников о посевах и урожаях хлебов обладают довольно высокой степенью объективности. Они позволяют проследить эволюцию основных показателей уровня земледелия по всем уездам и губерниям Европейского Севера с конца XVIII до конца XIX вв.. В случае соединения этих данных с материалами хлебной статистики ЦСК МВД этот анализ можно продлить до начала Первой мировой войны. В результате появляется возможность отразить изменение роли земледелия в жизни северной деревни на протяжении нескольких исторических эпох и проанализировать степень влияния на результативность земледелия реформ, войн и других общероссийских явлений и местных природно-климатических, социальных и прочих особенностей.

THE STUDY OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT IN RUSSIA IN LATE XVIII – EARLY XX CENTURIES ON THE EXAMPLE OF EUROPEAN NORTH OF RUSSIA

P.P. KOTOV

Syktuykar State University

e-mail: kotovpetr55@mail.ru

The article shows the opportunities of objective study of agriculture's level with the archival sources of late 18 – early 20 centuries. The author shows a technology of data receiving about crops and harvests of cereals and proves a high level of credibility of these data. The article pays attention to wrong and inaccurate conclusions about the questions of analysis of the agricultural level which has been strengthened in historical researches.

Key words: archival sources, agricultural level, crops and harvests of cereals, governors' reports, trial yields, public ploughing.

³⁵ Аграрная история Северо-Запада России. ... С. 50.



УДК 947.083

ПРОЦЕДУРА И ПРАКТИКА УСТАНОВЛЕНИЯ И СНЯТИЯ ОПЕКИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДВОРЯН, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛАХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Е.П. ВЬЮННИК*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: vjunnik@bsu.edu.ru*

В статье рассмотрены вопросы опеки в дворянском сословии, выявлены типичные этапы в процедуре установления опеки. Изучение широкого круга исторических источников, посвященных опеке над малолетними, позволило автору проанализировать практику установления опеки.

Ключевые слова: опека и попечительство над сиротами дворянского сословия, система опекунских мероприятий, процедура оформления и снятия опеки.

Динамика роста и масштабы распространения сиротства стали характерными чертами социальной реальности современного российского общества, актуализируя необходимость изучения правового механизма социальной помощи детям сиротам в Российской империи. В конце XIX – начале XX в. исполнение опекунских обязанностей – это юридическая и нравственная обязанность: опекун являлся представителем интересов малолетних сирот, на первое место выступали не права, а обязанности опекуна. Опекун обязан был приготовить малолетнего к жизни, сообразной его состоянию, следовательно, дать ему такое воспитание, которые бы соответствовало образу жизни и общественному положению дворянской семьи.

Главная особенность института опеки и попечительства в Российской империи заключалась в том, что он носил сословный характер: для защиты интересов сирот разных сословий законом предусматривались различные опекунские учреждения. Попечением о личности малолетних сирот дворянского сословия, защитой их имущественных прав в дореволюционной России занимались особые опекунские органы – дворянские опеки, учреждаемые на один или несколько уездов. Дворянские опеки, созданные на основании «Учреждения для управления губерний» от 7 ноября 1775 г., находились под надзором окружного суда. Во главе дворянских опекунских органов стоял уездный предводитель дворянства, в них входили 2-4 заседателя по выбору, которые выбирались сроком на три года¹. Дворянские опеки не занимались управлением сиротским имуществом, ответственными за его сохранность являлись назначенные опекуны, опекунские учреждения призваны были контролировать действия опекунов².

В Государственном архиве Курской области в фонде «Рыльской дворянской опеки» основную часть дел составляют журналы заседаний, сохранившихся опекунских дел немного – всего шесть, все они относятся к концу XIX – началу XX в.³ Заседания Рыльской опеки, направленные на решение важных проблем детей-сирот и сохранение их имущества, устраивались регулярно: два или, при необходимости, более

* Статья подготовлена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., Государственный контракт № 14.740.11.0654 от 12 октября 2010 года.

¹ Нечаева А.М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). М., 2000. С. 32.

² Змирлов К.П. О недостатках наших гражданских законов // Журнал гражданского и уголовного права. 1883. С. 176-178.

³ Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 294. Оп.1. Рыльская дворянская опека.



раз в месяц, например, в январе, когда происходила проверка отчетов опекунов, количество заседаний могло доходить до шести. Каждое заседание записывалось на отдельном бланке унифицированной формы, вверху документа содержалась информация о дате заседания опеки и присутствующих лицах. Вопросы, поднимавшиеся на заседании, и решения, принимавшиеся по ним, заносились в расположенную ниже таблицу, указывалось число подписания протокола и число, когда было сделано исполнение⁴. Следует отметить, что временная разница между постановлением и исполнением решений в Рыльской опеке была небольшая и составляла всего две недели.

По закону опекунство не признавалось обязательной общественной повинностью и потому принятие лицом на себя звания опекуна было необязательно, а лица, отказывавшиеся от исполнения опекунских обязанностей, не подлежали каким-либо взысканиям⁵.

В конце XIX – начале XX в. существовали три способа призвания к исполнению опекунских обязанностей: по завещанию, по закону и по назначению. Родители имели право назначить в духовном завещании опекунов к остающимся после них малолетним детям и их имуществу⁶. Усыновители, как и родители, также имели право назначать опекунов в духовном завещании. Назначение опекуна в завещании было возможно и со стороны постороннего лица, если им было завещано несовершеннолетнему имуществу. По закону опека над несовершеннолетними возлагалась и принадлежала родителям, в первую очередь отцу, если оба были живы⁷, либо матери, если отца не было в живых⁸. Ближайшим родственникам законная опека принадлежала только в отношении сумасшедших⁹. Суть законной опеки заключалась в том, что никто другой не мог быть утвержден в звании опекуна над несовершеннолетним сиротой. В случае, когда вместо законных опекунов опекунским установлением были назначены посторонние лица, первые были вправе обжаловать действия установления как незаконные. Однако при исследовании данной проблемы Г.Ф. Шершеневич указывает на возможность столкновения законной и завещательной опеки: например, отец, умирая, завещал детям имущество с назначением постороннего опекуна, помимо матери, или к имуществу, завещанному малолетнему от постороннего, из опеки будут исключены родители¹⁰. Следует признать, что личная опека, т.е. попечение о личности опекаемого, не могла быть отнята у родителей, даже одним родителем у другого, потому что личное попечение вытекало из родительской власти, которую опека только заменяла. Так как родительская власть не распространялась на имущество детей, то к имуществу малолетних, помимо родителей, могли быть назначены по завещанию посторонние опекуны. Опекунское установление не могло лишить родителей присвоенной им по закону опеки, не могло также назначить им в помощь других опекунов, если это не определено завещанием. В тех случаях, когда опекун не был назначен в завещании, а оставшиеся в живых отец или мать отказывались от принятия этой обязанности, опекун избирался правительством¹¹. В случае отсутствия у опекаемого имущества дворянские опеки обязаны были определить его в соответствующее училище или сиротский дом, устроить на государственную службу.

⁴ ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 979. Л. 5.

⁵ Общ. Собр. 1 и Касс. Деп. 1890 г., N 20/ Тютрюмов И.М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга первая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.brstu.ru/website/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1782.html

⁶ Свод законов Российской империи. (Далее СЗРИ) Т. IX. Ст. 227. М., 1994. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/code/>

⁷ СЗРИ. Т. IX. Ст. 226. М., 1994. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/code/>

⁸ Там же. Ст. 229.

⁹ Там же. Ст. 376.

¹⁰ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kursach.com/biblio/0020001/000.htm>

¹¹ СЗРИ Т. IX. Ст. 231. М., 1994. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/code/>

Выбор в опекуны должен был быть направлен на людей, обладающих нравственными качествами, могли позаботиться о малолетнем, воспитать его соответственно его состоянию и дать хорошее образование. В ст. 256 Свода законов Российской империи запрещалось определять опекунами расточителей, подвергшихся по суду ограничению прав состояния, имеющих явные и гласные пороки, известных суровыми своими поступками, имеющих ссору с родителями малолетнего, несостоятельных¹². Многие юристы – современники проблемы справедливо указывали, что практика смотрела на это перечисление только как на примерное и допускала возможность устранения таких лиц, которые хотя и не перечислены законом, но не подходят под общие требования. Не удовлетворяли указанным в этой статье качествам лица, страдающие тяжкими физическими болезнями, недугами или недостатками, например, слепотой, невозможностью двигаться, а потому они едва ли могли быть назначаемы опекунами¹³.

В законе не запрещалось назначать опекунами женщин, в исследовании Анненкова приводится мнение, что ими могли становиться как незамужние, так и замужние женщины, однако последние могли быть назначаемы только с согласия их мужей¹⁴. Типичной в Курской губернии являлась дворянская семья, состоявшая из двух родителей и их детей, которая не имела какого-либо коммерческого дела, основной ее доход состоял из жалованья, получаемого главой семейства за государственную службу и небольшого дохода с поместья. Большинство рыльских дворян жили в городе, поэтому имели возможность сдавать наследственное имение и землю в аренду. Все вышеуказанные условия способствовали тому, что в повседневной практике в среде рыльских дворян после смерти отца, опекуншей над детьми становилась вдова – их родная мать, которая исполняла обязанности опекунши до тех пор, пока не выходила вторично замуж¹⁵.

Анализ опекунской традиции, наблюдавшейся в Курской губернии, дает основание утверждать о существовании так называемой «естественной опеки отца», такого вида опеки, при котором после смерти матери ее супруг, как единственный оставшийся в живых родитель, безоговорочно признавался опекуном своим детям, права которого не нуждались в официальном утверждении. Подтверждением этому служит отсутствие опекунских дел дворянского сословия об избрании опекуном отца. Исключением являются несколько дел, когда отец официально назначался опекунскими органами опекуном к имуществу собственных детей, однако это имущество было приданным матери или досталось ей по наследству от родителей, но не вошло в общее семейное пользование¹⁶.

В законодательстве Российской империи не было прямых указаний на необходимость назначения опекуна того же сословия, что и сирота, однако факт назначения опекуна другого сословия противоречил бы общей идее сословности, положенной в основание постановлений об опеке¹⁷.

В ведение и управление сиротскими делами дворянская опека вступала по уведомлению дворянского предводителя об осиротевших малолетних детях их ведомства, оставшихся после смерти родителей без призрения; по уведомлению ближних родственников, либо свойственников малолетнего, или по свидетельству двух посторонних лиц и приходского священника; по уведомлению высшего или равного им присутственного места. В случае, если имущества не оставалось, малолетний должен был быть помещен соответственно его состоянию и возрасту в общественное училище, в сиротский дом, или устроен на государственную службу¹⁸.

¹² Там же. Ст. 256.

¹³ Анненков К. Система русского гражданского права. Т. V. Спб, 1894. С. 279.

¹⁴ Там же. С. 282.

¹⁵ ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Дд. 987, 989, 991.

¹⁶ Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву обычному и брачному. СПб, 1879. С. 58.

¹⁷ Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса, 1909. С. 530-531.

¹⁸ Тютрюмов И.М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга первая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.brstu.ru/website/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1782.html



Установления опеки над имуществом и личностью сирот дворянского сословия происходило на заседании дворянской опеки и складывалось из нескольких этапов – непосредственно назначения опекуна и описи сиротского имущества. Назначение проходило без присутствия потенциальных кандидатов в опекуны, кандидатура принималась постановлением с помощью общего голосования членов опеки. В данном случае назначенный опекун, не желавший или неспособный по каким-либо причинам исполнять обязанности, не мог сразу отказаться от опекуна: он обязан был принять по описи сиротское имущество и только после этого предоставить прошение в опекунский орган об отстранении его от исполнения обязанностей, указав вескую причину. Рассмотрение прошения и вынесение решения происходило на заседании дворянской опеки. Вышеописанный процесс занимал период от нескольких месяцев до полугода, поэтому после вынесения решения об увольнении от должности опекун должен был предоставить отчет за период исполнения обязанностей и лишь только после этого передать имущество по описи председателю дворянской опеки.

Опекуны, независимо от их принадлежности к той или иной категории, приступали к исполнению своих обязанностей только после утверждения их опекуном установлением и после выдачи им опекунского указа. Это положение относилось не только к назначаемым опекунам, но и указанным в завещании и вступающим в управление опекунских обязанностей в силу закона.

В повседневной практике назначения опекунов в Центральном Черноземье был встречен факт назначения сразу нескольких опекунов, распределение их обязанностей состояло в том, что один из них должен был управлять имуществом малолетнего, а другой должен был заботиться о личности сироты¹⁹. Опекун, охранявший имущественные интересы опекаемого, вправе был защищать на суде его интересы без участия опекуна, назначенного исключительно для попечения об особе малолетнего. Несогласия между несколькими опекунами разрешались не судом, а опекунским учреждением. Если в опекунском управлении находилось несколько имений, расположенных в разных уездах, опекун одного из этих имений не мог быть лишен права ходатайствовать на суде по делам, относящимся к другому имению²⁰. Решение о назначении опекуна к имуществу, находящемуся в разных уездах одной или нескольких губерний, полностью зависело от опекунских установлений, расположенных в этих уездах или губерниях, право назначения для нескольких дворянских опеков было одинаковым, постановление должно было считаться состоявшимся, если хотя бы одно из них прежде других сделало бы распоряжение о таком назначении²¹.

Вторым этапом назначения опеки в дворянском сословии была опись имущества, которая производилась одним из заседателей опеки. При составлении описи над имуществом покойного Африкана Сергеевича Ващенина присутствовали губернский секретарь П.М. Самойлов, отставной унтер-офицер Емельян Федорович Соев и крестьянин Дмитрий Макурин. Бланк описи представлял собой рукописный документ, содержащий наименования имущества, оценку этого имущества в денежном эквиваленте и роспись опекунши о принятии имущества. Вдова поручика Африкана Ващенина Александра Александровна стала опекуншей их совместным четверем малолетним детям: Нине 9 лет, Елене 6 лет, Наталье 4 лет и Сергею 2 лет. Сироты вместе с матерью проживали на съемной квартире в г. Рыльске. Имущество поступило в ведение Рыльской дворянской опеки после смерти отца сирот 6 января 1892 г., оно располагалось в д.Гниловке и состояло из 24,5 десятин удобной земли, 1 билета государственного внутреннего займа и 1 билета Московского городского кредитного общества. По заявлению опекунши два билета были переданы на хранение в Рыльский

¹⁹ ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 987. Л. 139.

²⁰ Тютрюмов И.М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга первая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.brsu.ru/website/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1782.html

²¹ Анненков К. Система русского гражданского права. Т. V. СПб., 1894. С. 290.



городской банк. После составления описи имущества оценщики во главе с заседателем дворянской опеки обязаны были указать сумму чистого дохода, который может ежегодно приносить имущество сирот. Общая сумма, в которое было оценено имущество, составила 2900 рублей²². Должников к имуществу сирот Ващининых не было, судебные разбирательства, касающиеся имущества также отсутствовали. Ежегодный доход с имущества Ващининых составлял 120 рублей, это закреплялось отдельным документом, который также подшивался в опекуновское дело²³. Расходы за выезд к месту и за составление описи имущества заседателем опеки возлагались на назначенного опекуна, поэтому Александра Александровна уплатила губернскому секретарю П.М. Самойлову 3 руб. 80 коп. Опекуновское дело содержит рапорт опекуновши об оплате и расписка Самойлова в получении денег²⁴.

Общая денежная сумма, в которую было оценено имущество дворянских сирот Ксении и Варвары Поповкиных, равнялась 2165 руб., т.е. при разделе имущества обе сироты должны получить по 721 руб. Большую часть из этой суммы составляла стоимость земельного участка, площадь которого равнялась 2 тыс. сажень – 2 тыс. руб. Остальная сумма, в которую было оценено имущество, складывалась из стоимости дома – 100 руб., мебели – 15 руб., коровы – 15 руб. Качество дома и его сохранность были не очень хорошими, в описи дана краткая характеристика постройки – «дом старый деревянный, крытый соломой». Годовой доход с имения сирот, который был установлен поверенными присутствовавшими при описи, равнялся 66 руб. Таким образом, основная стоимость имущества складывалась из стоимости земли, основной годовой доход сирот зависел также от сдачи земли в аренду²⁵.

Примером, когда в опекуновское управление передавалось крайне малое количество сиротского имущества, является дворянская семья Бырдиных, опекуновшей к сиротам и их имуществу была назначена родная мать сирот – Татьяна Федоровна. Имущество, передаваемое в опекуновское управление, заключалось в усадебном месте и хозяйственных постройках на улице Дублянской в первой части г. Рыльска Курской губернии. Общая стоимость, в которую было оценено имущество сирот Бырдиных составляла 100 руб., а сумма годового дохода равнялась 12 руб. Стоимость дома была крайне низкой – 30 руб., хотя дом был пригоден для проживания, о чем свидетельствует информация: «дом был с полами и потолками, окнами и дверьми». Крайне низкая цена дома, которая была в несколько раз меньше, чем стоимость крестьянских усадеб, передаваемых в опеку, сложилась в результате того, что сам дом был крайне неприглядный: построенный из дерева и крытый деревом, он состоял из трех комнат и сениц. Следует отметить, что к этому имуществу выступало семь наследников: вдова, один совершеннолетний сын умершего Бырдина и пять малолетних сирот, денежная доля каждого составляла 14 руб. От умершего отца наследники получили 4 долговых обязательства: первый займ был сделан в 1893 г., два следующих – в 1898 г. и последний в 1900. Сумма долговых обязательств оставила 295 р., из которых 125 р. были уже уплачены, т.е. превышала стоимость, в которую было оценено сиротское имущество более чем в 1,5 раза²⁶.

Ежегодно в январе опекунов дворянского сословия должен был предоставлять отчет об исполнении своих обязанностей, который представлял собой рукописный бланк, состоящий из двух листов. Основная информация о действиях, произведенных в отчетном году, вносилась в таблицу «Ведомость о состоянии имения», располагавшуюся на развороте бланка. В таблице необходимо было указать чин или звание, а также имя, отчество и фамилию опекуна и сирот, местожительство наследников, дату и причину поступления имущества в ведение опеки, месторасположение имущества и

²² ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 987. Л. 5.

²³ ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 987. Л. 6.

²⁴ ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 987. Л. 7.

²⁵ ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 991. Л. 6.

²⁶ ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 989. Л. 3.



в чем оно заключалось, размер годового дохода с имущества. Необходимо было также указать лежат ли на имуществе какие-либо долги и сколько таковых числится, имеются ли должники к имуществу, сумма долга, вовлечено ли имущество в судебное разбирательство. На обратной стороне бланка располагалась «Ведомость о состоянии денег». Ведомость состояла из двух частей: необходимо было внести информацию о размере полученных за год доходах и сумме произведенных расходов. Доход семьи вдовы Александры Ващиной с малолетними детьми складывался из нескольких статей. Основную часть дохода в 1893 году – 461 руб. 42 коп. – составляла пенсия за службу поручика Африкана Ващина, получаемая его вдовой. Пенсия была хорошим материальным подспорьем к существованию вдовы и четырех сирот. Доход от сдачи в аренду земли составлял 120 рублей в год. Общая сумма дохода составляла 581 руб. 42 коп. Сумма расхода не должна была превышать доход семьи. После смерти главы семейства несовершеннолетние сироты и их мать-опекушка продолжали вести жизнь, соответствующую дворянскому сословию. Семья Ващиных жила на съемной квартире в г. Рыльске на съемной квартире, внося плату квартиросъемщице Ольге Васильевне Чернышовой в размере 29 рублей. В арендную плату не входила стоимость за отопление и освещение, которые оплачивались дополнительно – 25 и 10 рублей соответственно. Сумма налогов, облагавших землю в д. Гниловке, составляла 15 рублей. Дворянская семья нуждалась в удовлетворении своих ежедневных хозяйственных потребностей посторонними лицами, для этого на содержание прислуги из семейного бюджета ежегодно выделялось 54 рубля, содержание гувернантки обходилось еще в 85 руб. В расходную часть также вносилась сумма, потраченная на покупку одежды и обуви – 120 рублей. Основная часть расходов, звучавшая достаточно размыто как «содержание сирот», составляла 234 руб. 42 коп. Вероятно, эта расходная статья предполагала расходы на еду. На покупку книг было выделено 10 рублей. После внесения опекуном отчета в дворянскую опеку на следующем заседании отчет обязательно рассматривался и утверждался. К отчету прикладывались квитанции, подтверждающие некоторые расходные статьи. В данном случае, это были квитанции за обучение в Рыльской прогимназии, о внесении в казначейство налогов, а также расписка квартиросъемщицы в получении денег за квартиру. Квитанция об оплате налогов присваивалась серия и номер, она должна была быть напечатана на гербовом бланке, а лицо, вносившее денежную сумму, обязательно расписывалось в подтверждении этого на квитанции. Квитанцию об уплате за учебу подписывала начальница прогимназии, из квитанции видно, что сирота обучалась только обязательным предметам, такие дополнительные предметы как французский и немецкий языки, танцы и музыка должны были оплачиваться сверх основной платы за обучение²⁷. В 1894 году в семье Ващиных увеличились расходы на обучение: одна из сирот Нина поступила в Павловский Санкт-Петербургский институт – достаточно престижное учебное заведение. Целью образования воспитанниц Павловского института являлась подготовка к жизни в семейном кругу, а также овладение профессией гувернантки. На собирание документов и подачу прошения в институт и депутатское собрание была потрачена достаточно большая для семьи без кормильца сумма в 32 рубля. Сумма за обучение, составлявшая 116 рублей, даже не записывалась опекушкой в расходную часть, а автоматически вычитывалась из пенсии умершего супруга. Оплата съемной квартиры в 1894 году также выросла с 29 рублей до 90 рублей, дополнительно продолжали оплачиваться отопление и освещение – 50 руб., вместо прежних 35 руб. в 1893 г. Из-за возросших расходов на оплату обучения и жилья семье пришлось сократить расходы на еду, разница составила 49 рублей. В семейном бюджете 1894 г. добавилась еще одна расходная статья – 19 руб. на лекарство. В следующие 1895 – 1897 гг. доходные и расходные статьи, их суммы практически не изменяются²⁸.

²⁷ ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 987. Л. 17, 18.

²⁸ ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 987. Л. 24.



Опека над сиротами дворянского сословия прекращалась в следующих случаях. Первым обстоятельством была смерть самого опекуна, если имущество последнего переходило по наследству также к лицу недееспособному, то учреждалась новая опека. Опека над малолетними сиротами с достижением ими 17-летнего возраста превращалась в попечительство, которое с достижением 21 года прекращалось окончательно. Опека и попечительство в этих случаях не нуждались в особых определениях или указах дворянских опеков, а обуславливались только сроком. Несмотря на то, что в российском дореволюционном законодательстве общего постановления о прекращении опеки не было выражено, такое заключение следует из 220 и 225 статей X т. 1 ч.: опека над малолетним подлежала прекращению по достижении сиротами совершеннолетия, так как в 225 статье указано, что опека учреждалась над лицом и имуществом малолетних, а в 220 статье, что по достижении малолетним семнадцатилетнего возраста он сам вступает в управление его имуществом, что возможно только вследствие прекращения над ним опеки²⁹.

Таким образом, процедура установления опеки для дворянского сословия не отличалась от общей процедуры установления опеки и состояла из нескольких этапов: назначение опекуна и опись имущества. В законодательстве Российской империи предусматривалось три способа призвания к опекунским обязанностям: по завещанию, по закону и по назначению. При выборе кандидата в опекуны к личности и имуществу сирот женщины пользовались равными правами с мужчинами. В повседневной практике курского дворянского сословия практически во всех из рассмотренных случаев опекуншей становилась женщина – мать сирот. Назначение опекунов и контроль за исполнением их обязанностей возлагалось на сословный орган – дворянские опеки.

PROCEDURE AND PRACTICE OF THE GUARDIANSHIPS` ESTABLISHMENT AND REMOVAL DURING POST-REFORM PERIOD FOR MINOR NOBLEMEN WITHOUT PARENTAL SUPPORT (ON MATERIALS OF KURSK PROVINCE)

E.P. VYUNNIK

Belgorod National Research University

e-mail: vjunnik@bsu.edu.ru

The author considers the guardianships questions for nobility, the typical stages in procedure of the guardianships establishment. Study of a wide variety of historical sources devoted to the guardianship of juvenile, helped the author to analyse practice of the guardianships establishment.

Key words: guardianship over orphans for nobility, the system of guardianship measures, the practice of the guardianship`s establishment and removal.

²⁹ Анненков К. Система русского гражданского права. Т. V. СПб, 1894. С. 363.



УДК 625.1/6+9(с)139

П.Г. ДЕРВИЗ И «ПРОВИНЦИАЛЫ» В ДЕЛЕ СТРОИТЕЛЬСТВА РЯЗАНО-КОЗЛОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ*

Р.Б. КОНЧАКОВ*Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина**e-mail:rosveso@gmail.com*

Строительство железных дорог лоббировалось различными придворными группировками, за которыми стояли отдельные представители русской аристократии, занимавшие важные должности в органах местного самоуправления. В работе анализируются возможности группы «провинциалов» и влияние, которое оказывали региональные инициативы на ход железнодорожного строительства в Центральной России.

Ключевые слова: строительство железных дорог, история предпринимательства, социальная модернизация, региональные элиты.

Различные аспекты железнодорожного строительства всегда составляли значительную часть историографии, посвященной развитию этого вида транспорта в России. Именно оно составляло один из центральных сюжетов дореволюционной историографии проблемы (А.А. Головачев, С.М. Верховский, И.Блиох и др.)¹. В работах советских историков акцент был сделан на изучение экономических результатов железнодорожного строительства и эксплуатации железных дорог (А.П. Погребинский, В.М.Ляховский, А.М. Соловьева и др.)². Основным ракурсом изучения развития железнодорожной сети в этот период был экономический и лишь немногие работы касались социальных сторон этого процесса. Из крупных исследований это направление нашло отражение в работе 1975г. И.М.Пушкаревой, связанной с эксплуатацией железных дорог³. Между тем, возникшие социальные проблемы в этот период закладывались в период строительства железных дорог, которое врзалось в территории губерний, игнорируя интересы населения. Интересы железнодорожных дельцов были сконцентрированы на другом – на личных интересах.

В последнее время интерес историков к развитию железнодорожной сети России устойчиво возрастает. Показателем является рост числа диссертационных исследований, связанных с железнодорожной тематикой (Н.Е. Мухина, О.Н. Елютин, Е.Н.Лашина, Ю.А.Горюнов и др.). Однако, несмотря на это, значительная часть современных работ тяготеет к чисто экономическим аспектам строительства. Социальные аспекты существуют с большим количеством фактов в публицистике 1870-1890-х гг., активно критиковавшей русскую железнодорожную сеть как крайне «затратное предприятие», руководимое группой алчных предпринимателей. Строительство же-

* Статья подготовлена по результатам НИР по Государственному контракту №14.740.11.0206 от 15 сентября 2010 в рамках ФЦП «Научные и научно педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

¹ Головачев А.А. История железнодорожного дела в России. СПб. 1881; Блиох И.С. Влияние железных дорог на экономическое состояние России. Т. 1-5, СПб., 1878; Исторический очерк разных отраслей железнодорожного дела. Под ред. В. М. Верховского. Т. 1-2, СПб., 1901; Кислинский Н. А. Наша железнодорожная политика по документам Архива Комитета Министров. Т.1-4, СПб.,1902.

² Погребинский А. П. Строительство железных дорог в пореформенной России и финансовая политика царизма (60-е — 90-е годы XIX века)//Исторические записки. М.,1954.Т.47.С.149-180; Ляховский В. М. К вопросу о фиктивных акционерных компаниях в России 1860-х — 1870-х годов (Капиталы Рязанско-Козловской железной дороги)//Исторические записки. М.,1965.С.291 ; Соловьева А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М.,1975.

³ Пушкарева И.М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М.: Наука, 1975



лезных дорог затрагивало разные слои российского общества. в том числе население, которое вынуждено было принять жизненные реалии.

Появление группы железнодорожных предпринимателей и вовлечение представителей региональных элит в «железнодорожное дело» внесло существенные коррективы в первоначальные планы осуществления постройки сети железных дорог в России. Необходимость соединения железной дорогой в первую очередь крупных хлебных рынков и основных хлебопроизводящих районов обсуждалась практически с возникновения самой идеи строительства железных дорог. В Черноземье, о котором будет сказано в статье, такого рода инициатива исходила от губернских чиновников высшего ранга. Еще в 1835 г. тамбовский губернатор Н.М. Гамалея предложил проект проведения конно-железной дороги от Моршанска до устья р. Цны (протяженностью около 100 км.)⁴. Тамбовская губерния с этого времени постоянно фигурировала в придворных кругах в связи с планами строительства железных дорог в южном и юго-восточных направлениях. В годы начала строительства паровой железнодорожной тяги по территории этой губернии должен был пройти отрезок железнодорожной линии, соединяющий Москву и Саратов. В 1856 г. вопрос по поводу направления железнодорожных линий от Москвы вглубь России через черноземный центр к Волге, изучался представителями банкирского дома Ротшильдов, но его осуществление иностранным инвестором было найдено нерентабельным⁵.

Опираясь на русские банковские капиталы и могущество придворных учредителей, через семь лет к идее постройки Московско-Саратовской железной дороги вернулось «Русское общество постройки железных дорог». В первоначальные планы этого общества входило построить в течение шести лет линию с одним рядом рельс от Москвы через Рязань и Моршанск в Тамбовской губернии до Саратова. Основным капиталом общества составлял 45 млн. рублей, а протяженность линии планировалась в 725 верст⁶. Но «гора родила мышь»: в 1863 г. был построен лишь небольшой участок Москва – Коломна длиной в 117 верст. После череды банкротств и скандалов в связи с исчезнувшими деньгами в том же году на «обломках» вышеупомянутого общества (Московско-Саратовской железной дороги) возникло другое – «Общество Московско-Рязанской дороги». Оно обязалось завершить начатые работы в пределах той же линии. Тогда-то в Тамбове заговорили о П.Г. фон Дервизе, русском железнодорожном дельце 1860-1870 гг.

Павел Григорьевич фон Дервиз (1826-1881) родился в семье губернского секретаря⁷ в уездном городе Тамбовской губернии Лебедянь. В Крымскую войну 1853-1856 гг. он служил в интендантском ведомстве Военного министерства, служил в Сенате, имел большие связи в придворных кругах и главное – с чиновниками государственного аппарата. С начала частного железнодорожного строительства (конец 1850-х гг.) стал играть активную роль в железнодорожном строительстве. Именно поэтому ему удалось сформировать, как бы теперь сказали, «имидж» железной дороги, которая должна была поднять экономическое значение Тамбовской губернии.

Воспоминания современников, знавших фон Дервиза, указывают на то, что здесь не обошлось без покровительства лично министра финансов М.Х. Рейтерна, – товарища по лицу фон Дервиза⁸. Последний сменил М.Х. Рейтерна на должности обер-секретаря департамента герольдии, в котором в это время состоял и К.В. Чевкин⁹ – главноуправляющий путями сообщений. Их доверие вкуче с целеустремленностью и деловой хваткой фон Дервиза дали ему исключительное преимущество.

⁴ Виргинский В.С. Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX в. М., 1949. С. 127-129.

⁵ Соловьева А.М. Указ соч. С. 79.

⁶ Головачев А.А. История железнодорожного дела в России. СПб., 1891. С. 33.

⁷ Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. 114. Оп. 2. Д. 53. Кн. 2. Л 10б.-2. См. также: Кривошеин Н.В., Первицкий Ю.П. История Лебедянского края (1605-2007). Липецк, 2008. С. 36.

⁸ Скальковский К. Воспоминания молодости (по морю житейскому): 1843-1869. СПб., 1906. С. 258.

⁹ Дельви́г А.И. Указ соч. С. 50.



Существовало даже мнение, что все предприятие фон Дервиза на самом деле было спланировано министром Рейтерном, стремившемся создать пример «истории успеха» в железнодорожном предпринимательстве¹⁰, однако достоверных свидетельств тому в источниках не сохранилось.

Вообще в это время ход железнодорожного дела в России демонстрировал неустойчивую динамику взаимодействия множества социальных и экономических факторов. С одной стороны, давал о себе знать внутренний кризис второй половины 1850-х гг. в России. Он усугубил падением курса рубля¹¹ – результат неудачного проведения денежной реформы и влияние осложнившегося финансовое положение в стране польского восстания 1863 г. С другой, скандальный уход из Главного общества железных дорог иностранных банкиров нанес существенный удар общей репутации строительства железных дорог в России, как выгодного коммерческого предприятия. А.И. Дельвиг, хорошо знавший ситуацию со становлением железнодорожного дела в России, писал: «Мы были свидетелями трудностей при добывании этих денег, в особенности при допущении постройки непосредственным распоряжением правительства, так как заграничные банкиры при таком способе постройки не были убеждены, что добываемые через них деньги будут употреблены именно на устройство железных дорог, а не на другие государственные надобности»¹².

Переход же к частному железнодорожному строительству, с которым были связаны планы фон Дервиза, многими оценивался неоднозначно. Например, ставший главноуправляющим путями сообщений П.П. Мельников последовательно отстаивал идею только казенного строительства. Но вокруг представителей политической и коммерческой элиты тогда стали образовываться группы, которые готовы были отстаивать свои взгляды на железнодорожную политику в России и свои не бескорыстные интересы.

Американский исследователь реформ 1860-1870 гг. в России Альфред Рибер, выделил пять таких групп лидеров в деловом мире, которые аккумулировали вокруг себя сторонников частного, казенного и смешанного (частно-казенного) железнодорожного строительства. Рибер называет их так: «экономисты» (Н.Х.Рейтерн), «инженеры» (П.П.Мельников), «военные» (Д.А. Милютин), московская предпринимательская группа (купечество, «усиленное» журналистами) и шуваловская фракция представителей аристократических семейств¹³. Еще одно крупное объединение интересов составляли представители региональной элиты, которых условно можно было назвать группой «провинциалы». Интересы этой группы были связаны с землями, где они имели родственные связи, поместья или занимали ведущие должности в дворянских учреждениях, а позднее в органах земского самоуправления. Их отличительной чертой в новую пореформенную эпоху становились даже не столько выше перечисленные интересы и даже связи с аристократическими родами, высокий авторитет в губерниях, сколько личные деловые качества. Связи и интересы «провинциалов» становились предметом борьбы между «экономистами» и «инженерами». И именно «провинциалы» заявили о себе в полный голос в период нараставшей «железнодорожной горячки». Одним из первых, кто обратил внимание на возможности «провинциалов» был железнодорожный делец П.Г. фон Дервиз.

Личность фон Дервиза, деятельность его на железнодорожном поприще вызвали у современников противоречивые мнения. С ним связывали скандалы вокруг строительства Саратовской железной дороги, невероятное обогащение ряда лиц,

¹⁰ История предпринимательства в России / Книга II. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2000. С 127-169

¹¹ Верховский В.М. Краткий исторический очерк начала и распространения железных дорог в России по 1897 г включительно. СПб., 1898. С. 111.

¹² Дельвиг А.И. Воспоминания. Т. 2. С. 223.

¹³ Рибер А. Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. С. 44-72. См. также А. Рибер. Железные дороги и экономическое развитие: истоки системы Рейтерна // Страницы российской истории: Сборник в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С 151.

ловкие комбинации с ценными бумагами. Это вызвало яростную критику на страницах многих местных и центральных печатных изданий. В то же время росло число людей, которые в деятельности фон Дервиза не находили ничего предосудительного. Например, С.Ю. Витте, который на первое место в России ставил возведение любыми путями железных дорог, не осудил фон Дервиза, зная о его личных интересах в получении прибыли. Обращаясь к истории строительства железных дорог, Витте писал как о само собой разумеющемся: «тогда не было особых охотников получать концессии... Дервиз, несомненно, был человек умный и на постройке дорог (на реализации капитала для постройки железных дорог) нажил очень большие деньги»¹⁴. Известный общественный деятель историк Б.Н. Чичерин, сам бывший в 70-е гг. XIX в. одним из директоров земской Тамбово-Саратовской ж.д.¹⁵ характеризует фон Дервиза как успешного предпринимателя: «Это, – вспоминал Чичерин, – было вполне заслуженное богатство: он был пионером и проложил путь к деловому успеху»¹⁶.

В деле строительства Рязано-Козловской железной дороги, к которой был причастен фон Дервиз, можно увидеть разные подходы, которые проливают свет на облик дельца капиталистической эпохи. Во-первых, манипулирование ценными бумагами, при котором дорогу оказалось возможным построить лишь на облигационный капитал, оставив значительный пакет акций за собой¹⁷. Во-вторых, постройкой Рязано-Козловской железнодорожной линии была опробована схема «постройкой дороги как бы вчерне»¹⁸, с наличием недоделок разной степени серьезности. Рождаемая тогда «технология» существенно сокращала время постройки, экономила средства подрячика и концессионера и сохранилась, как показывает время, в отечественном строительстве «на века». Этот подход диктовался «страстью к наживе», опасением высокого риска получения убытков, на что указывали банкротства железнодорожных строительных компаний. Общественное мнение реагировало на такие подходы с совершенно другой и вполне определенной стороны. «Отечественные записки» писали после постройки дороги в 1876 г: "Частые крушения на наших железных дорогах происходят главным образом от дурной их постройки. Со времени передачи постройки железных дорог в частные руки и со времени первого образца, данного для таких построек г. фон Дервизом в Рязанско-Козловской железной дороге, наши железные дороги строятся, так сказать, на живую нитку, лишь бы только сдать их и чем далее, тем постройки производятся небрежнее"¹⁹. Но вовлеченные в водоворот строительства железнодорожные дельцы об этом не задумывались.

Инженер И.Е. Ададулов, стоявший у истоков Рязано-Козловской железной дороги, отметил через двадцать лет в воспоминаниях, что никто «не мог ожидать, какой громадный спрос будет предъявлен на ее услуги»²⁰, что вскоре можно было найти новых заинтересованных лиц в дороге и получить финансовую поддержку. В-третьих, (и это связано со вторым) для получения концессии на Рязано-Козловскую дорогу фон Дервиз использовал не только связи своих покровителей, но и местных помещиков для осуществления своих целей.

Первоначально предполагалось, что путь на Саратов должен проходить через крупный центр речной хлебной торговли Моршанск. Однако, строительство железнодорожного пути проследовало от Москвы до Рязани, а затем, повернуло вместо Моршанска к крупному торговому центру в Тамбовской губернии – уездному г. Козлову, способствуя изменению значения и оживлению жизни и в г. Тамбове. На-

¹⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. Берлин, 1923. С. 107-108.

¹⁵ Чичерин Б.Н. в 1871-1873 гг. был директором Тамбово-Саратовской железной дороги от Кирсановского земства, а в 1879-80-е гг. участвовал в Комиссии для исследования железнодорожного дела в России под председательством гр.Баранова.

¹⁶ Чичерин Б.Н. Воспоминания Тамбов, 2006. С. 35.

¹⁷ Лишь единственное известное нам издание: Рязано-Уральская железная дорога и ее район СПб., 1913, говорит о том, что Дервиз по причине неудачи реализации акций на английском рынке разместил их среди русских капиталистов (С. 29).

¹⁸ Ададулов И.Е. Из истории Рязано-Козловской железной дороги 1865-1884. М., 1887. С. 11.

¹⁹ Отечественные записки. 1876. № 2. С. 292.

²⁰ Ададулов И.Е. Указ соч. С. 11.



правление на Козлов шло практически параллельно старинному гужевому пути из Черноземья к Москве. Это был беспроигрышный вариант для значения дороги. Первоначально запланированное направление к г. Моршанску испытало бы большую конкуренцию со стороны водных путей сообщения. Инициатива «провинциалов» показывала, что в развитии транспортной сети в стране интересы предпринимателей могут расходиться с государственными. Но их позиции и новации укреплялись тем, что группа «экономистов» во главе с Рейтерном стала их союзником, активно поддерживая частное предпринимательство в железнодорожном строительстве.

Связи с «экономистами» существенно укрепляли позиции фон Дервиза и последующих «железнодорожных королей», создавая их действиям благоприятный фон поддержки в «верхах», позволяя использовать многочисленные родственные связи, ведущие из гостиных предводителей дворянства провинциальных губерний в коридоры петербургских дворцов.

В середине 1860-х годов, когда наиболее активным представителям региональной элиты не доставало опыта в железнодорожных делах, первые железнодорожные предприниматели оказывались заинтересованными друг в друге. В течение 1863–64 гг. фон Дервиз глубоко вникал в «раскручиваемое» им дело. Он состоял в переписке с тамбовским губернским предводителем дворянства, а также будущим крупным железнодорожным предпринимателем – С.Д. Башмаковым²¹. Губернские предводители дворянства занимали достаточно весомую нишу в иерархии местной власти. Но пореформенное «оскудение» привело к тому, что нередко помещиков «не избирали, а упрашивали занять пост предводителя»²². На все это обращали внимание новые предприимчивые люди из того же сословия, которые не против были заработать на строительстве железной дороги. Б.Н. Чичерин упоминает в мемуарах орловского предводителя дворянства Шереметьева²³, который, по его словам, «первый пример подал», выхлопотав для орловского земства концессию. Шереметьев передал ее П.И. Губонину «с уплатою миллиона земству и еще такого же магарыча себе»²⁴. Шереметьев оказался примером активного провинциального деятеля, совмещающего петербургские связи и значительную власть в регионе для совершенно конкретных целей – личного обогащения. Характерно, что в еженедельной записке о состоянии губернии от 15 июля 1868 г., орловский губернатор писал министру внутренних дел о том, что в губернии в результате совмещения уездными предводителями нескольких должностей и обязанностей они имеют «исключительное влияние на все дела уезда»²⁵.

Включение в «дело» предводителей дворянства способствовало ускорению железнодорожного строительства. Уроженец Тамбовской губернии литератор С.Н. Терпигорев, имея в виду историю возведения Тамбово-Козловской ж.д., (и, возможно, Шереметьева) подчеркнул, что «дело о дороге» решал молодой помещик, недавно купивший в уезде имение и легко ставший уездным предводителем. Подобные примеры «плодились» по всей России: вологодский губернский предводитель дворянства Д.В. Волоцкой принял непосредственное участие в проведении железной дороги через Вологду, а в Саратове железнодорожный комитет Саратовской губернской земской управы возглавил губернский предводитель дворянства Н.Д. Давыдов. А.П. Корелин собрал многие факты отмечая, что позиции «деловых» предводителей дворянства усиливались в результате личных и семейных связей с влиятельными лицами в государственной системе. Действительно, хлопотавший об устройстве железнодорожного пути от Рязани к Козлову, тамбовский губернский предводитель дворянства

²¹ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 7267.

²² Карелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С 227.

²³ Б.Н. Чичерин имеет в виду орловского предводителя дворянства в 1866–1873 гг. Александра Васильевича Шереметьева.

²⁴ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Тамбов, 2007. С. 37.

²⁵ Цит. по: Карелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С 223.



в 1864-1867 гг. С.Д. Башмаков был правнуком генералиссимуса А.В. Суворова (Мать А.В.Суворова – графиня В.А.Суворова-Рымникская, принадлежала к одной из влиятельных ветвей русского знати). Башмаков пользовался этими связями. Известно, что он состоял в Петербургском губернском правлении канцелярским чиновником, затем – чиновником особых поручений при Санкт-Петербургском гражданском губернаторе²⁶. С.Д. Башмаков, как в свое время губернатор Н.В. Гамалея, также вынашивал идею соединения Моршанска и Рязань конно-железнодорожным путем²⁷. Оказавшись связанным со строительством Рязано-Козловской дороги, он горячо поддержал это дело, употребив для этого и свои знакомства с «нужными людьми».

По обнаруженной нами переписке П.Г. Державина с С.Д. Башмаковым можно судить о том, какое внимание уделял фон Державин поддержкам своей идеи на местном уровне. Прежде всего, он договаривается с Башмаковым о подготовке писем и прошений «наверх» о необходимости ускорить проведение железной дороги от Рязани к Козлову. , 17 мая 1864 г. Державин обращается к Башмакову с просьбой: «Вам уже известно, что мое предложение о Козловской дороге отложено на неопределенное время вследствие отзыва министра финансов, что в настоящее время нельзя сделать прямого займа. *Будут ли какие-нибудь другие комбинации, которые дали бы возможность дело поправить – не знаю (курсив наш Р.К.)*, а между тем заявление тамбовского дворянства о необходимости железной дороги было бы весьма теперь больше, чем когда бы то ни было кстати²⁸». В этом письме фон Державин приводит пример тульского дворянства, представившего адрес за 200 подписями и «которому придается серьезное внимание в верхах». «Если решитесь на адрес или депутацию – уведомьте об этом Мельникова по телеграфу», – заканчивает Державин письмо Башмакову.

30 мая 1864 г. С.Д. Башмаков начинает рассылать по уездным дворянским собраниям и лично предводителям дворянства Воронежской и Рязанской губернии письма с просьбой подготовить «заявления местных жителей» о необходимости железной дороги Рязань – Козлов. В начале июня он пишет письмо главному управлению путей сообщения П.П. Мельникову о том, что местные предводители дворянства, а так же предводители дворянства двух соседних губерний, уполномочили его «повергнуть к стопам Государя императора всеподданнейшую просьбу о проведении железной дороги из Рязани на Козлов»²⁹.

Отсутствие надежных путей сообщения считалось причиной затяжного экономического кризиса в губерниях Черноземья. Казалось, что достаточно было провести железную дорогу и ситуация в корне переменится: «чугунка» воспринималась как некая панацея. В этой связи характерно мнение воронежского дворянства, включившегося в погоню за рублем – в рыночную экономику, а также купцов – предпринимателей. Они поддерживали проведение дороги на Козлов, а оттуда – на Воронеж так как считали, что «только этими средствами» губернии Черноземья «могут выйти из настоящего застоя, как в сельскохозяйственном, так и в торгово-промышленном отношении»³⁰. Все крупные тамбовские землевладельцы тем более были заинтересованы в проведении железнодорожных линий, особенно, когда был поставлен вопрос о возможном продолжении дороги к портам Азовского моря через Тулу к Одессе, через Калугу и Киев. Эти помещики готовы предоставить собственные земли для проведения изысканий железа и угля, необходимых для железной дороги. Однако мелкое уездное дворянство опасалось новых издержек. Например, в резолюции липецкого уездного земского собрания говорилось, что «при лучших обстоятельствах местные жители не отказались бы со своей стороны способствовать по возможности устройству такой дороги, но что при настоящих местных средствах нельзя и думать о содействии этому со стороны местных жителей в материальном отношении». И все же все чаще все больше владельцев помещичьих имений выражали желание «участво-

²⁶ ГАТО. Ф. 161. Оп 1. Д.7287. Л. 1, 19, Д.6898. Л. 37,37 об., Д.6668, 90, 123, 127, 129-131 об., 152, 163.

²⁷ ГАТО. Ф. 161. Оп 1. Д. 7267. Л 66.

²⁸ ГАТО. Ф. 161. Оп 1. Д. 7267. Л. 5.

²⁹ ГАТО. Ф. 161. Оп 1. Д 7267. Л.19 и 19 об.

³⁰ ГАТО. Ф. 161. Оп 1. Д 7267. Л 130-131.



вать покупкою акций...»³¹. Так, например, дворянство Усманского уезда, выразило, как говорится в одном из документов, понимание пользы железной дороги. Оно отметило при этом, что «за отдаленностью судоходных рек, при неимении в уезде дорог шоссейных и неудовлетворительном состоянии грунтовых, сбыт хлеба и вообще сельскохозяйственных произведений крайне затруднен и дорог, что в последнее время замечается застой хлеба и упадок торговли». Вместе с тем эти новые источники показывают, что и в среде усманского дворянства не было абсолютного единодушия. Некоторые помещики правильно усматривали в «деле» прежде всего личную выгоду устроителей дороги. Поэтому в резолюции одного из дворянских собраний прилагалось «особое мнение» помещика «подполковника К.В. Яковлева». «На предложенный вопрос о пользе железных дорог, конечно, никто спорить не будет, – говорил он Яковлев. – О желании же местных жителей доставить сбыт произведениям, которые гниют от невозможных дорог так же никто сомневаться не будет.Но, если это ведет к каким либо пожертвованиям с нашей стороны, то денег у нас нет; а если землею, то у нас за отведение ее крестьянам осталось и без того немного при залоге ее в казне и прочих долгах лежащих на этих землях. Желательно было бы знать, в чем состоит этот вопрос, чтобы он был изложен нам яснее и не поведет ли он за собою каких-либо с нашей стороны жертвований»³². Яковлев был не одинок среди многих средних и уже тем более бедных мелких тамбовских помещиков.

В итоге желаемая фон Дервизом «помещичья петиция» не состоялась. Ведь, инициатива со стороны предводителя дворянства должна была быть одобрена губернатором, а последний должен был «советоваться» с министром внутренних дел П.А. Валуевым о своевременности «депутации», а он сразу счел подачу такого «общего» ходатайства «актом неудобным».

Но «провинциалы» продолжали «нажимать» на связи в Петербурге «для более расторопного течения дел». Предводители дворянства и прежде всего вышеупомянутый С.Д. Башмаков стали напрямую действовать в Петербурге. Башмаков верил в П.Г. Дервиза и впоследствии не пожалел об этом: несколькими годами позднее он составил общество Рязско-Моршанской ж.д. совместно с камергером Э.Д. Нарышкиным и М.И. Воронцовым-Дашковым. Пока в июне 1864 г. П.Г. Дервиз и С.Д. Башмаков были окрыленный слухами о возможном продвижении дел. «...На успех Козловского дела есть много надежды, – пишет френ Дервиз Башмакову, – но до времени прошу Вас не распространяться о сем известии»³³.

И вот 12 марта 1865 г. фон Дервиз получает-таки концессию, причем его просьбы о ней сопровождалась не только прилагаемыми материалами изысканий, но и покровительством министра финансов Рейтерна³⁴. В мае 1865 г. сторонник проведения железной дороги к Воронежу губернский предводитель воронежского дворянства П.А. Сомов, пишет С.Д. Башмакову из Петербурга: «В числе лиц, с которыми указывала надобность вести переговоры по этому делу, я был у главных акционеров компании Московско-Рязанской железной дороги гг. фон Дервиза и фон Мекка. От них я узнал, что разрешенная компанией Правительством постройка железных дорог от Рязани до Козлова будет окончена не в три года, а в ноябре месяце будущего 1866 года»³⁵. Эта была большой победой для фон Дервиза. Выгоды от коммерческой доходности дороги к крупному торговому центру, коим был Козлов, была очевидна. П.Г. Дервиз правильно оценивал экономический потенциал новых торговых путей для рыночных отношений. Статистика Московско-Рязанской дороги, позволила сделать обнадеживавшие выводы о доходах от постройки нового пути лишь только 4 сентября 1866 г. из Москвы в Козлов прибыл первый железнодорожный состав.

³¹ ГАТО. Ф 161. Оп 1. Д 7267. Л 62.

³² Там же. Л.64.

³³ ГАТО. Ф 161. Оп 1. Д. 7267. Л. 134.

³⁴ Дельвиг А.И. Указ соч. С. 275.

³⁵ ГАТО. Ф 161. Оп 1. Д 7267. Л. 140.



Итак, фон Дервиз ликовал. Но, как проницательный делец, он не собирался останавливаться на достигнутом. В кругу доверенных лиц, прибывших на банкет по поводу открытия дороги, сказал: «...На чем же основывалась моя финансовая удача? ... Она основывалась на русском государственном кредите. Не на том кредите, которому определение стараются найти в курсовых листках биржи, а на кредите, созданном исторически известною прямою и честностью воззрений русского правительства. Она основывалась на убеждении моих иностранных доверителей, что дело русских железных дорог пользуется у нас теплым сочувствием как самого государя, так и лиц, поставленных им во главе нашей финансовой администрации»³⁶. Ставка министра финансов Рейтерна на фигуру типа фон Дервиза, который вынужден был быть не только инженером, сколько менеджером, себя оправдала и Рязано-Козловская ж.д. положила начало эпохи «концессионной горячки». Но за это пришлось заплатить железнодорожным обществам рядом преференций, обременительных для казны, и смириться с тем, что частная инициатива железнодорожных предпринимателей брала верх над утвержденными государственными планами строительства железнодорожной сети. Один из первых историков железнодорожного транспорта А. Головачев отмечал: «Неудачи, колебания и споры, происходившие по поводу главной магистральной линии к югу от Москвы (в государственной сфере *Р.К.*), замедлили настолько эту постройку, что дали возможность другому направлению пройти почти параллельно главной линии и сделаться не только линией конкурирующей с нею, но и получить первенствующее значение в системе железных дорог»³⁷.

История строительства Рязано-Козловской железной дороги показала ту и роль, которую играли в железнодорожном деле представители группы «провинциалов». В начале 1860-х годов их деятельность ограничивалось, деятельностью наиболее влиятельных представителей регионального дворянства по лоббированию проектов известных концессионеров. Но вскоре именно «провинциалы» – частные предприниматели – выступили самостоятельной силой, иницируя строительство многих «земских» железных дорог. На этом фоне видны также разбухшие капиталистической эпохой желания и усилия определенного круга людей в России в приобретении личного богатства, вырисовывается рождение облика дореволюционного дельца-предпринимателя П.Г фон Дервиза. Его имя вошло в историю и называется неизменно в связи с началом в стране в середине XIX в. железнодорожного строительства. Дело П.Г. фон Дервиза продолжил его сын – П.П.фон Дервиз, представитель дельцов учредителей железных дорог в 1890е гг., опиравшихся не на правительственную поддержку, а на использование средств подконтрольных им банков.

P.G. DERVIZ AND "PROVINCIALS" IN BUILDING THE RYAZANO-KOZLOVSKAYA RAILWAY

R.B. KONCHAKOV

*Tambov State University
n. a. G.R. Derzhavin*

e-mail: rosveso@gmail.ru

Railway building was lobbied by various court groups behind which there were certain representatives of Russian aristocracy occupying important posts in the local governments. In this work are analyzed the possibilities of "provincials" groups and also the influence which regional initiatives rendered on the process of railway building in the Central Russia.

Key words: railway building, history of business, social development, regional elite.

³⁶ Тамбовские губернские ведомости. № 38. 1866.

³⁷ Головачев А.А. История железнодорожного дела в России. С. 49.



НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЩЕСТВА ДЛЯ СОДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ (ОДСРПИТ) ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А.Н. МОШКИН
Е.П. БЕЛОНОЖКО

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: moshkin@bsu.edu.ru

e-mail: belonozhko@bsu.edu.ru

Статья А.Н. Мошкина и Е.П. Белоножко посвящена изучению истории возникновения одной из первых российских предпринимательно-научных организаций – Общества для содействия русской промышленности и торговле в пореформенной России, ее устава, состава и некоторым направлениям практической деятельности.

Ключевые слова: пореформенная Россия, предприниматели, правительство, корпорации, Общество для содействия русской промышленности и торговле.

Профессиональные предпринимательские объединения возникли в России еще в незапамятные времена. В более современном понимании предпринимательские объединения стали появляться во второй половине XIX века. Одним из них было Общество для содействия русской промышленности и торговли. Это было одно из самых влиятельных объединений предпринимателей того времени. Не случайно нынешний Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) возводит свою генеалогию именно от Общества для содействия русской промышленности и торговли. Хотя родство это чисто условное, поскольку эти организации не сопоставимы ни по целям, ни по размаху деятельности, ни по составу. До 1870-х годов правительство, испытывая необходимость знать хорошо обсужденное и согласованное мнение массы фабрикантов и торговцев, неохотно шло на создание предпринимательских организаций. Причины этого, на наш взгляд, носили политический характер – нежелание противопоставлять правительственным учреждениям объединенное мнение предпринимателей, опасение столкнуться с оппозицией.

Возникновению Общества для содействия русской промышленности и торговле (далее ОДСРПит) способствовали дебаты в торгово-промышленной среде по поводу пересмотра таможенного тарифа. Обеспокоенность фабрикантов и торговцев вызывалась активной пропагандой в официальных кругах России идей свободной торговли, распространенных в то время в Европе, известным экономистом профессором Молилари и английским консулом Митчеллом. Так как эта пропаганда шла довольно успешно и начала приобретать приверженцев среди тех, кто имел отношение к пересмотру таможенного тарифа, то у представителей российского торгово-промышленного сословия появилось желание скорейшего сближения для защиты интересов отечественной торговли и промышленности. В связи с этими событиями многие из предпринимателей, прибывших в Петербург для участия в работах по пересмотру таможенного тарифа, начали собираться у известного торгового деятеля В.Ф. Громова и обсуждать проект устава и программу общества. Особенно активное участие принимали представитель кяхтинского купечества И.А. Носков и А.П. Шипов. Первый составил проект устава, а второй активно пропагандировал необходимость общества для защиты интересов российских предпринимателей.

7 декабря 1867 года в доме В.Ф. Громова состоялось первое собрание учредителей. Были выбраны временные председатель, секретарь и казначей. Окончательное оформление Общества произошло в зале городской Думы 10 февраля 1868 года. Председателем Общества был выбран Н.И. Погребов, вице-председателями – А.П. Шипов, А.Г. Золотарев (первый русский председатель Петербургского биржевого комитета), В.А. Полетика, Н.А. Беляев – крупный лесопромышленник. Членами



комитета Общества были избраны: И.А. и К.А. Варгунины, И.И. Глазунов, М.Н. Журавлев, А.А. Красильников, Д.В. Коншин, С.С. Лошкарев, В.А. Милютин, Ф.П. Погребов, И.О. Пализен, А.П. Сазонов, А.Я. Сафронов, В.И. Сушкин, Д.П. Скуратов, К.А. Скальковский, М.К. Сидоров, М.С. Степанов, Н.К. Умнов и Д.П. Шипов¹. Секретарем Общества в 1867 году был избран Константин Аполлонович Скальковский. Он был горным инженером. Как известно, горный инженер того времени был цветом российской интеллигенции.

Он преподавал статистику и политэкономии в Горном институте, состоял секретарем Горного ученого комитета, составлял с 1870 по 1881 «Сборники статистических сведений по горной и соляной части», совершил несколько поездок по России и за границу. Цель этих поездок – изучение различных торгово-промышленных вопросов. Результатом изучения стали исследования: «Суэцкий канал и его значение для русской торговли», «Срочное почтовое пароходство России и за границей», «Горное законодательство в Соединенных Штатах», «Русская торговля в Тихом океане», «Русский торговый флот и срочное пароходство на Черном и Азовском морях».

Позднее К.А. Скальковский занимал должность вице-директора Горного департамента, а с 1891 по 1896 год состоял его директором. Такая карьера не была ординарным делом. Занятие столь высокой должности в то время происходило по утверждению Императора и предусматривало личную аудиенцию. Результатом государственной деятельности Скальковского стал целый ряд законодательных актов по горной части: о праве собственности на

недра, о надзоре государства за правильностью ведения горных разработок на частных землях и за безопасностью горных работ, о распространении на горные промыслы фабричной инспекции и др. Нетрудно заметить, что идея этих документов предусматривала гармоничное сочетание интересов государственных и предпринимательских. При Скальковском было открыто Иркутское горное училище, стали проводиться съезды горнопромышленников.

Н.И. Погребов состоял председателем Общества до своей смерти, а в 1880 году председателем был избран князь Сан-Дonato П.П. Демидов, пробывший в этой должности до 1883 года. В 1883 году в связи с отказом Демидова председателем был избран почетный член Общества граф Н.П. Игнатьев.

На это поприще он пришел, будучи уже знаменитым дипломатом. Граф Игнатьев имел дипломатические успехи, которые принесли России колоссальные выгоды. Среди дипломатических побед графа – Лондонская миссия по изучению новейших достижений артиллерийского и инженерного дела в Англии, а также «военно-политических замыслов врагов России в Европе и Азии».

Граф Игнатьев за годы службы по иностранным делам стал крупнейшим специалистом по Средней Азии. По его плану снаряжались научные экспедиции, изучавшие возможности развития торговли и собиравшие разведывательные сведения. В 1858 году Н.П. Игнатьев лично возглавил одну из экспедиций, целью которой было установление дипломатических отношений с Хивинским и Бухарским ханствами.

В Бухаре Игнатьев заключил договор, по которому русским судам разрешалось свободное плавание по Амударье, сокращались в два раза таможенные пошлины на ввозимые товары, учреждалось торговое агентство. Бухарский эмир также освободил русских пленных и высылал по просьбе Игнатьева английских агентов из Бухары. В более позднее время граф подписал Пекинский договор (1860) и Сан-Стефанский мирный договор с Турцией (1878), завершивший войну двух государств.

Значение Пекинского договора, например, было столь значимо для русского предпринимательства, что при проезде графа через сибирский город Кяхту ему был вручен адрес, который подписали 100 сибирских промышленников.

¹ Отчет о деятельности Высочайше утвержденного Общества для содействия русской промышленности и торговле с 1867 по 1892 гг. СПб., 1892. С. 6.



С помощью «Торгового сборника» 15 инициаторам удалось собрать еще 35 подписей под прошением о разрешении общества.

Из устава и объяснительной записки к нему (автором которых был кинешемский купец I гильдии А.П. Шипов, в 50–60-е годы занимавшийся разносторонней предпринимательской деятельностью в Московском промышленном районе) узнаем, что первые попытки создания аналогичного общества имели место в Москве при поддержке Морозовых. Известно, что комитет Общества в 1869 г. обращался к Т.С. Морозову с предложением создать в Москве вспомогательный комитет или постоянный съезд на правах отделения. Однако отделение в Москве будет образовано позднее (в 1885 г.) и станет выразителем корпоративных интересов московских промышленников. Его общее организационное собрание прошло в Политехническом музее, на котором председателем был избран Т.С. Морозов, членами совета – П.П. Малютин, М.А. Горбов, В.Д. Аксенов, Н.Н. Коншин, Л.Л. Лосев, А.И. Абрикосов. Следует отметить, что (еще до образования Московского отделения) московские предприниматели с первых шагов деятельности ОДСРПиТ принимали участие в его работе.

Устав Общества для содействия русской промышленности и торговле был представлен министру финансов М.Х. Рейтерну Петербургским городским головой Н.И. Погребовым и И.А. Носковым. Благодаря поддержке министра устав был вскоре рассмотрен и 17 ноября 1867 года утвержден Александром II. В утвержденном уставе ОДСРПиТ регламентировалась его деятельность – «способствовать развитию отраслей отечественной промышленности и распространению внутренней и внешней торговли России». Обществу было предоставлено право создавать местные отделения, оформление которых наиболее интенсивно происходило в 70–80-е годы, когда было открыто более 20 отделений в крупнейших торгово-промышленных центрах страны.

В процессе деятельности ОДСРПиТ объединило в своих рядах фабрикантов, заводчиков, крупных торговцев, чиновников разных рангов, представителей инженерно-технической интеллигенции и сановной аристократии, пополнявших свои доходы за счет предпринимательской деятельности, дворян-предпринимателей, известных российских ученых. Уже в начале его деятельности ведущие российские предприниматели, составлявшие большинство его членов, занимали главенствующие позиции. На всех этапах деятельности ОДСРПиТ значительной была роль чиновной интеллигенции, представлявшей преимущественно интересы крупных предпринимателей и являвшейся проводником их взглядов и требований в обществе и правительственных сферах. ОДСРПиТ соединило в себе черты представительной организации и научного общества. Закрепленное уставом положение ОДСРПиТ как ходатайствующей организации давало ему право вырабатывать «представления» правительству по различным социально-экономическим вопросам². В конечном итоге именно здесь лежал центр тяжести деятельности Общества, направленной к представительству и защите интересов крупнейшей торгово-промышленной буржуазии.

Комитет Общества для содействия русской промышленности и торговле был первоначально разделен на 4 отделения: I. Общие вопросы; II. Фабричная и заводская промышленность; III. Торговля и торговое судопроизводство; IV. Пути сообщения и торговое мореплавание. В 1887 году было образовано V отделение – кустарная и ремесленная промышленность.

Через год в Обществе насчитывалось уже 517 членов, среди которых преобладали предприниматели. По Уставу Обществу предоставлялось право обсуждать вопросы, относящиеся к торговле и промышленности, содействовать учреждению общепользовательных предприятий, ходатайствовать перед правительством по всем вопросам отечественной промышленности и торговли. Кроме того, Общество имело право уч-

² Объяснительная записка и проект устава по учреждению Общества для содействия русской промышленности и торговле. СПб., 1867.

реждать местные отделения в городах, где имелось не менее 10 его членов, но каждый год с разрешения министра финансов³.

В утвержденном уставе ОДСРПиТ регламентировалась его деятельность – «способствовать развитию отраслей отечественной промышленности и распространению внутренней и внешней торговли России». Обществу было предоставлено право создавать местные отделения, оформление которых наиболее интенсивно происходило в 70–80-е годы, когда было открыто более 20 отделений в крупнейших торгово-промышленных центрах страны.

В процессе деятельности ОДСРПиТ объединило в своих рядах фабрикантов, заводчиков, крупных торговцев, чиновников разных рангов, представителей инженерно-технической интеллигенции и сановной аристократии, пополнявших свои доходы за счет предпринимательской деятельности, дворян-предпринимателей, известных российских ученых. Уже в начале его деятельности ведущие российские предприниматели, составлявшие большинство его членов, занимали главенствующие позиции. На всех этапах деятельности ОДСРПиТ значительной была роль чиновной интеллигенции, представлявшей преимущественно интересы крупных предпринимателей и являвшейся проводником их взглядов и требований в обществе и правительственных сферах. ОДСРПиТ соединило в себе черты представительной организации и научного общества. Закрепленное уставом положение ОДСРПиТ как ходатайствующей организации давало ему право вырабатывать «представления» правительству по различным социально-экономическим вопросам⁴. В конечном итоге именно здесь лежал центр тяжести деятельности Общества, направленной к представительству и защите интересов крупнейшей торгово-промышленной буржуазии.

Купечество, вошедшее в эту организацию, было в основном из Петербурга и Москвы. Московские предприниматели первоначально настороженно отнеслись к идее создания организации с центром в Петербурге и считали, что она должна создаваться в Москве. Это можно объяснить тем обстоятельством, что первоначально идея создания такого общества появилась в Москве. Так, в начале 1867 года за его создание высказался председатель московского отделения Коммерческого совета. В августе того же года в газете «Москва» был опубликован проект устава общества. Но инициатива в деле создания организации перешла в руки петербургских предпринимателей. В начале 1880-х годов московские предприниматели меняют свое отношение к Обществу для содействия русской промышленности и торговле. 9 сентября 1884 года московские предприниматели ходатайствуют и получают разрешение на учреждение специального отделения Общества. Председателем отделения на общем собрании в Политехническом музее был избран Т.С. Морозов. В совет отделения вошли Н.Н. Коншин, П.П. Малютин, М.А. Горбов, А.Л. Лосев, В.Д. Аксенов, А.И. Абрикосов. В течение ряда лет отделение защищало интересы московских торгово-промышленных кругов и иногда ставило вопросы, имевшие общероссийское значение. Так, например, на совете отделения обсуждались вопросы таможенной политики в связи с необходимостью развития хлопчатобумажного производства.

В целом по мере своей деятельности Общество для содействия русской промышленности и торговле приобретало все больше сторонников и на местах открывались все новые отделения: Варшаве, Киеве, Одессе, Нижнем Новгороде, Астрахани, Казани, Тюмени, Харькове, Муроме, Костроме, Риге, Лодзи, Ростове-на-Дону, Баку и т.д. В 1884 году великий князь Алексей Александрович взял Общество под свое покровительство.

Дмитрий Иванович Менделеев очень высоко отзывался о деятельности Общества. Его цели были близки великому ученому. В конце жизни, перечисляя основные

³ Торгово-промышленная Россия. Справочная книга для купцов и фабрикантов / Под ред. А.А. Блау. СПб., 1899. С.336.

⁴ Объяснительная записка и проект устава по учреждению Общества для содействия русской промышленности и торговле. СПб., 1867.



направления своей деятельности, он назвал в качестве «третьей службы» Родине свой труд, направленный на содействие развитию промышленности в России.

Сам Д.И. Менделеев на рубеже двух веков выступил как крупный идеолог промышленного развития России. Этой теме посвящены пять его работ: «Об условиях промышленного развития в России» (1882), «О возбуждении промышленного развития в России» (1884), три статьи под общим названием «Письма о заводах» (1885–1886). Также, по просьбе Общества, им была написана работа «Об условиях промышленного развития в России» для 2-го съезда предпринимателей, состоявшегося в 1886 году.

Общество, как уже отмечалось выше, интересовало чрезвычайно широкий круг вопросов: состояние и перспективы развития фабрично-заводской и кустарной промышленности; валютно-финансовая и кредитно-денежная системы; торгово-промышленная политика, объем и отраслевая структура экспорта и импорта, таможенная политика; отмена Закавказского транзита, аграрная политика и состояние сельскохозяйственных производств; развитие водных сообщений Империи, положение торгового флота, строительство портов; огнестойкое строительство на селе; уровень промышленного, профессионального и коммерческого образования; организация научных экспедиций и различных обследований.

Общество доходило до самых, казалось бы, малозначимых проблем, направляя, например, представление Главноуправляющему землеустройством и земледелием «О воспрещении ловли пушного зверя хищническими способами».

Некоторые вопросы наоборот были чрезвычайными. Так, в 1911 году Общество остро реагировало на проблему угольного голода, направив по этому поводу представление министрам финансов, промышленности и торговли, путей сообщения.

Не чужды Обществу были и политические вопросы. Обсуждались 8-часовой рабочий день, детский труд, фабрично-заводское законодательство, крестьянское малоземелье. В феврале 1899 года даже обсуждался доклад «Нельзя ли примирить народничество с марксизмом?».

Географически интересы Общества простирались от Шпицбергена до Бухары, от Балкан до Дальнего Востока. Причем интересы эти не были абстрактными, а всегда связаны с конкретными вопросами и деловыми потребностями российских предпринимателей. В январе 1880 года, например, на одном из заседаний комитета Общества было решено послать во Владивосток секретаря Общества, которому поручалось установить возможность более оживлённых торговых сношений между Приморьем и портами Японии и Китая, наладить постоянные торговые плавания между Америкой и Амурской областью с целью доставки американских машин для русских золотопромышленников, организовать перевозку Сахалинского каменного угля и др.

Общество патронировало развитие торговых отношений с Ираном, Румынией, Сербией, Болгарией. Для более глубокого изучения потребностей и состояния этих рынков инициировались экспедиции. Так, в 1881-1882 годах по инициативе М.Д. Скобелева состоялось совещание, на котором была проведена подписка в размере 20 тыс. рублей на экспедицию «для установления прочных и постоянных торговых отношений с Болгарией и Румынией». В результате были устроены выставка и склад русских товаров в Бухаресте. В 1881 году была снаряжена экспедиция в Сибирь.

Не менее масштабной задачей, которую преследовало Общество в своей деятельности, был вопрос эффективности деятельности Государственного банка, созданного в 1860 году, в частности, в вопросе финансирования экономики государства. Результатом этого внимания стала большая аналитическая работа, вылившаяся в представление правительству «О значении Государственного банка для экономического развития России». В представлении отмечалось, что операции Государственного банка отвлекают средства из провинции в Петербург. Балансы банка с 1880 по 1892 год показывали, что потребность в кредите развивалась. Между тем, Государственный банк, по мнению Общества, не шел навстречу этой потребности и экономическим интересам страны. Мнение Общества состояло в том, что необходимо обновление банка и реформа его деятельности. Авторы представления не останавливались



перед критикой Государственного банка, требуя «отстранить те бюрократические начала, которые парализовали ранее деятельность отделений банка». Требования экономики заключалось в предоставлении банку широких полномочий по кредитованию. Кредит необходим как крупным, так и мелким родам производства и торговли, отмечали авторы представления. Петербург представлялся им не как средоточие всех ресурсов, а средство государственного управления, «чтобы распределять благо по всей стране».

Общество для содействия русской промышленности и торговли прекратило свое существование после 1917 года, оставив недооцененный до сего времени след в истории российского предпринимательства.

Многогранная, почти полувековая история ОДСРПиТ до сих пор остается малоизученной. Между тем с 1872 по 1913 гг. Общество издало 30 выпусков «Трудов», а также отчеты за все время его существования⁵. Особый интерес представляет опубликованный в 1892 г. юбилейный отчет в связи с 25-летием его деятельности⁶. Тесно примыкают к этим изданиям публикации материалов торгово-промышленных съездов, созывавшихся по инициативе Общества или при его непосредственном участии: I Всероссийского съезда фабрикантов и заводчиков в Петербурге (1870 г.), в Москве (1882 г.), Нижнем Новгороде (1896 г.). Труды и материалы ОДСРПиТ показывают, что круг обсуждавшихся в нем вопросов был чрезвычайно широк и охватывал такие стороны социально-экономической жизни страны, как состояние и перспективы развития отраслей фабрично-заводской и кустарной промышленности; валютно-финансовая и кредитно-денежная системы; торгово-промышленная политика, объем и отраслевая структура экспорта и импорта, таможенная политика; аграрная политика и состояние сельскохозяйственных производств; железнодорожная политика и строительство железных дорог; развитие судоходства и мореходства, положение торгового флота, строительство портов; рабочий вопрос и фабрично-заводское законодательство; уровень промышленного, профессионального и коммерческого образования; организация научных экспедиций и различных обследований, вопросы охраны природы и др.

Общество для содействия русской промышленности и торговли прекратило свое существование после 1917 года.

SOME QUESTIONS OF ORIGIN OF THE SOCIETY FOR THE PROMOTION OF RUSSIAN INDUSTRY AND TRADE (ODSRPiT / SFPRI&T) IN THE SECOND HALF OF XIX CENTURY

A.N. MOSHKIN
E.P. BELONOZHKO

Belgorod National Research University

e-mail: moshkin@bsu.edu.ru

e-mail: belonozhko@bsu.edu.ru

The article by A.N. Moshkin and E.P. Belonozhko is devoted to studying the history of one of the first Russian business-scientific organizations – the Society for the promotion of Russian industry and trade in the post-reform Russia, its Constitution, composition, and some areas of practice.

Key words: post-reform Russia, entrepreneurs, government, corporations, Society for the promotion of Russian industry and trade.

⁵ Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле. Ч. 1–30. СПб., 1872–1913.

⁶ Отчет о деятельности высочайше утвержденного Общества для содействия русской промышленности и торговле с 1867 по 1892 гг. СПб., 1892.



УДК 94 (47)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РОССИЙСКИХ УЧАСТНИКОВ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877 – 1878 ГГ. О МАТЕРИАЛЬНОМ СОСТОЯНИИ БОЛГАР

Е.А. СУЧАЛКИН

*Белгородский
государственный нацио-
нальный
исследовательский
университет*

e-mail: john.suchalkin@mail.ru

В статье рассматривается проблема восприятия российскими очевидцами материального состояния болгарского населения в последнюю русско-турецкую войну. Вопрос интересен тем, что многие современники, судя по имеющимся сведениям, ожидали увидеть более бедное население, и сравнительная зажиточность болгар оказала влияние на отношение к ним части российских современников.

Ключевые слова: материальное состояние, богатство, болгарин, современник, участник, воспоминания.

На наш взгляд восприятие русскими участниками войны 1877 – 1878 гг. болгар нужно рассматривать как достаточно непростое явление, так как в те времена оба народа по существу только начинали узнавать друг о друге. К началу конфликта лишь немногие российские современники знали болгар настолько, чтобы судить и относиться к ним более или менее объективно. В историографии прошлых лет отношения между русскими и болгарскими почти во все времена представлялись, как очень добрые и братские. В качестве примера можно привести цитату одного историографического труда прошлых лет: «Народы России и балканских стран издавна были связаны узами тесной дружбы»¹. Другое упоминание оставил замечательный болгарский историк Цонко Генов: «Вряд ли нужно говорить, что болгарский народ был стратегическим союзником России в этой войне»². Он же считал, что два братских народа связывали между собой уже тогда «глубокие племенные и культурные связи, исторические судьбы»³.

В целом, соглашаясь с мнениями исследователей, хотелось бы отметить, что современники этой войны по-разному рассматривали взаимоотношения русских и болгар в этом конфликте. В их воспоминаниях, наряду с бесспорным преобладанием позитивных моментов, можно найти случаи корыстного, зачастую недоверчивого отношения болгар к русским и наоборот. В связи с этим было бы интересно выявить изменения в представлениях российских участников конфликта о встречавшемся болгарском населении. Тем более, что данная проблема ещё не получила своего освещения в историографии. Так как тема довольно велика, в нашей статье мы хотели бы рассмотреть один её ключевой аспект – трансформацию представлений российских современников о благосостоянии встречавшегося болгарского населения. Мы располагаем немногочисленными сведениями об изначальных представлениях русских воинов о болгарском населении, прямых упоминаний весьма мало: болгары являлись «естественным» союзником России и, скорее всего, всё её население по умолчанию воспринималось как дружественное. На войне российские участники событий узнали много нового о болгарях. То удивление, с которым они воспринимали это новое, косвенно выявляет и их начальные представления о болгарском населении.

Есть основания полагать, что бедственное положение болгар в начале войны было несколько преувеличено в изначальном восприятии российских воинов. Вот, на-

¹ Золотарев В.А., Межевич М.Н. История нелёгкой победы. М., 1979. С. 4.

² Генов Цонко. Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. и подвиг освободителей. София, 1979. С. 9.

³ Там же. С. 7.

пример, лаконичное упоминание из одного более позднего историографического труда о последствиях Апрельского восстания 1876 г.: «Вести об этих постигших болгар бедствиях, размер и распространение коих были отчасти преувеличены молвой и печатью, взволновали общественное мнение в Европе вообще, а в России в особенности»⁴.

Военный корреспондент, участник сербско-турецкой войны 1876 г. Николай Васильевич Максимов ещё подробнее выразил общие ожидания накануне войны: «Постоянные рассказы о болгарских бедствиях, появляясь в печати ещё задолго до объявления войны, возбуждали наши нервы. Искренно доверяя всему, что писалось в газетах о болгарях, за неимением возможности проверить передаваемые факты на деле, помню, как все мы явились в Болгарию, рассчитывая встретить в ней голодающий, разорённый, не имеющий собственного крова народ, влачащий самую жалкую жизнь, исполненную всевозможных лишений и бедствий. «Так было до войны, – думали мы, – что же будет тогда, когда мы перейдём Дунай и погоним турок из Европы?» Мы, конечно, имели основание предполагать, что с этого момента турки вырежут всю Болгарию и не оставят там камня на камне. «Мы будем свидетелями самого ужасного насилия, самых грубых и диких грабежей и разбоев, – говорили в армии. – Посягательство на имущество, честь и жизнь – вот что, собственно, ожидает наших братьев-болгар!»⁵

Известный писатель и критик Александр Валентинович Амфитеатров оставил фактически прямое упоминание об эволюции представлений о болгарях у части современников: «Когда пылкий вопль Гладстона зажёт Европу сочувствием к болгарам, и наши отцы, дяди, старшие братья понесли свои буйные головы за болгарскую свободу под турецкий обух на окопы Плевны, на гору Св. Николая, мы знаем, какое удивление, близкое к разочарованию, постигало участников этого крестового похода, по прибытии их в угнетённую Болгарию. Ждали видеть людей нагих и босых, без крова, без пищи, разорённые сёла, вытоптанное поле, цепи, трупы, эшафоты. Вместо того, видели тучные пажити, виноградники, долины роз и богатого мужика-скопида, который волком смотрел на освободителей и драл с них втридорога за каждую курицу, за каждый стакан вина, за каждый кусок хлеба»⁶. Последнее предложение литератора не лишено преувеличения – по крайней мере, по вопросу болгарской «жадности» (и её причин) мнения участников тех событий существенно разнятся.

Следствием подобных представлений было изначально дружественное отношение российских воинов к «братушкам». Например, прапорщик болгарского ополчения, этнический болгарин Стефан Кисов (в будущем военный писатель и полковник болгарской армии) упоминал в своих воспоминаниях как ещё в Бухаресте «к подъярёмным *братушкам* (ополченцам) русские солдаты относились сердечно и покровительственно...». «Мы накажем ваших извергов! коли Царь Батюшка послал нас на бусурман, так мы уж отомстим за Ваши муки» – говорили тогда солдаты⁷. По свидетельству Кисова подобных «вышеописанным сценам было много; во всех таких сценах бросалось в глаза сердечное и искреннее отношение русских солдат к ополченцам»⁸.

Примечательно, что многих прибывших на фронт современников войны смутил, одним из первых, именно факт общей зажиточности болгар, о котором первые явно не догадывались ранее. Так, знаменитый русский медик С.П. Боткин отмечал своё впечатление от болгар ещё в июле 1877 г.: «За чаем был разговор о том, как турки разоряют болгар; я не могу сомневаться в справедливости этих рассказов, но дол-

⁴ Описание русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. на Балканском полуострове. Т. I. Обстановка перед войной. Спб., 1901. С. IX.

⁵ Максимов Н.В. Кн. «Две войны». Война в Болгарии // Россия и Болгария. По страницам русской литературы XIX – начала XX вв. М., 2003. С. 317.

⁶ Амфитеатров А.В. Страна раздора. Балканские впечатления. Спб., 1907. С. 372.

⁷ Кисов С.И. Из боевой и походной жизни 1877 – 1878 гг. Воспоминания полковника запаса болгарской армии. Перевёл со 2-го испр. и доп. болг. изд. М. Горюнин. София, 1903. С. 71.

⁸ Там же. С. 72.



жен признаться, что до сих пор сам не мог в этом убедиться; здесь в Белой народ смотрит очень богато обставленным: какая масса скота, хлеба, да какого! – ведь в одном колосе можно насчитать до 50 зёрен крупного размера. В нашей могилёвской губернии крестьяне сравнительно с здешними – нищие; какие у здешних крестьян лошади, волы!»⁹. Известный художник-баталист Василий Васильевич Верещагин упоминал в подобном ключе: «Велико было, однако удивление наших войск, когда они нашли всюду сравнительное довольство, благосостояние, и чем дальше, тем больше чистоту, порядок в домах, особенно городских, полные житницы, закромы, набитые всяким добром! Невольно явилась и стала высказываться мысль, что мы напрасно “кроем чужую крышу, когда своя хата течёт”...»¹⁰.

Ещё в июле 1877 г. русский военный деятель и писатель, полковник Михаил Александрович Газенкампф писал в своём дневнике: «...у нас уже теперь заметно общее разочарование в болгарях, от самых высших сфер до простых солдат. Во-первых, – не оказалось пресловутого разорения, а напротив, такое благосостояние, до которого, повторяю, русским крестьянам как до звезды небесной далеко»¹¹. В другой части дневника он упоминал о гостеприимной «совсем нетронутой» деревне Иванче, жители которой хоть и «одеты неряшливо и грязно, но очевидно – зажиточны. Хлеба, фуража, скота, разной птицы – вволю»¹². Позже полковник сделал вывод, что «в материальном отношении – болгарам могли бы позавидовать не только наши, но крестьяне и горожане всей Европы: такое у них изобилие и богатство»¹³.

Известный русский этнограф, учёный-славист Александр Николаевич Пыпин также отмечал, что «не одних наших, но и других корреспондентов, попавших в первый раз в Болгарию, удивило замечательное благосостояние сельского населения. Простодушные корреспонденты, очевидно никогда не читавшие ни одной книги о Болгарии, ожидали встретить болгар забытыми нищими и увидеть, что “угнетённый” болгарин жил так, что ему очень мог бы позавидовать не только бедный русский крестьянин, но и западный. В сёлах видели вообще значительное довольство, опрятные дома, прекрасные поля, огороды, виноградники, фруктовые сады, стада и т.д. Мелькала мысль, нуждаются ли болгары в освобождении?...но усомниться в необходимости освобождения ещё раз было примером нашего незнания...Благосостояние болгар...свидетельствовало только о трудолюбии народа, которое умело достичь благосостояния несмотря на все неблагоприятные условия, и о благодатной природе страны, богато вознаграждающей труд. Но остаётся факт, что если болгарин владеет своим достоянием, то это не больше, как счастливый случай, так как его ничто не обеспечивает от грабежа и всякого насилия»¹⁴.

Сестра милосердия, жена полковника М.Л. Духонина Екатерина Духонина отнеслась к увиденному материальному состоянию болгар с таким же пониманием, как и А.Н. Пыпин, осмотрев в июле 1877 г. окрестности Тырнова: «Изо всего видно, что Болгары живут гораздо лучше самых богатых наших крестьян: у каждого болгарского крестьянина дом в два этажа, внизу жилые комнаты, по пяти и по шести, из коих в двух живут, а остальные обращены в кладовые, наполненные, также как и дворы, хлебом, ячменем, овсом, кукурузой, который и идёт им в пищу; а избыток, которого громадное множество, они продают в окрестности Тырнова...При виде всего этого богатства, невольно рождается вопрос: кого мы пришли спасать? где же угнетённые Болгары? не по ошибке ли мы попали в Болгарию? Но таким представляется дело под влиянием лишь первого впечатления; если же проверить кажущееся, то придёшь

⁹ Боткин С.П. Письма С.П. Боткина из Болгарии 1877 г. Спб., 1893. С. 90.

¹⁰ Верещагин В.В. Турецкий поход 1877 – 1878 гг./На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г. М., 1902. С. 126.

¹¹ Газенкампф М.А. Мой дневник 1877 – 78 гг. Спб., 1908. С. 61.

¹² Там же. С. 50.

¹³ Там же. С. 359.

¹⁴ Пыпин А.Н. Из статьи «Наша печать и болгарские дела» // Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы: От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 197.



к другим выводам. Были ли притеснены Болгары Турками? Конечно, тысячу раз да! Турки не отняли у Болгар только того, что не в силах были отнять, а именно климата, плодородной земли и трудолюбия, но за то все нравственные святыни их были попорчены Турками, и как не содрогнуться, когда вспомнишь, что богато наделенные от природы Болгары были обречены так долго на невежество под гнетом турецкого ига. При такой обстановке каждый Болгарин вечно дрожал за существование себя и семьи и знал, что спасти жизнь, избежать ссылки и заточения можно было, только откупившись деньгами у алчных агентов Турецкого правительства. И вот нажива, приобретение и накопление богатства составляли цель существования Болгар в течение пятивекового рабства, а благодатные условия природы, то-есть климат и почва, вместе с трудолюбием Болгар, помогли им дойти до того благосостояния, которое теперь нас поражает»¹⁵.

Офицер 5-й гвардейской конной батареи М.Ч. (оставивший свое полное имя неизвестным) занес в свой дневник мнение о болгарях некоего ординарца, «сметливого» драгунского унтер-офицера, который обратился к автору со своими впечатлениями: «Эти болгары, ваше благородие, добрый народ. Как они теперича стараются из-за хлебопашества, и скотины сколько держат, и порядок какой у них на полях! Если их от турки ослобонить, богатая из них губерния может выдти»¹⁶.

Известный своей храбростью ординарец М.Д. Скобелева, казачий офицер Пётр Архипович Дукмасов во время торжественной встречи болгарями в деревне Горные Раховицы определил благосостояние «этого глухого уголка Болгарии» весьма оригинальным образом – по шелковым женским одеждам¹⁷. Офицер лейб-гвардии казачьего полка Степан Павлович Полушкин упоминал, что «жирные поля, великолепные фруктовые сады, огромные стада овец и всякого рогатого скота», свидетельствовали «о полном благосостоянии братушек»¹⁸. Ober-офицер лейб-гвардии 1-го стрелкового батальона Александр Николаевич Рагозин заметил, что «...не смотря на позднее, осеннее время, кругом замечалось полное благосостояние и даже война не много нарушила его. Земли в этой благодатной стране много...»¹⁹. Отличившийся на войне известный военный писатель, полковник Георгий Иванович Бобриков оставил свое мнение: «Болгарская провинция в действительности не бедна. Она могла бы даже процветать, если бы всякого рода административные поборы ограничивались бы тем размером налогов и податей, какой определен законом»²⁰.

Генерал-майор Фёдор Михайлович Депрерадович по-разному отзывался о материальном положении болгар. Вот, например, как он описывал дорогу от Систово до Иваничи: «...тучные хлебородные нивы, чистенькие, хорошо устроенные деревеньки, укутанные роскошной зеленью садов – всё свидетельствует о благосостоянии и достаточности жителей»²¹. Совсем не такое описание он давал усадьбе священника в Хайнкое: «Дом содержится чисто, но во всём проглядывает крайняя бедность; во дворе нет даже сарайчика для скота, да и скота-то не имеется, всего пара свиней, да десятка два кур»²². Несмотря на приведённый случай, подтверждал зажиточность населения в других местах: «Богатые села влево от дороги к подошве Малых Балкан...целые са-

¹⁵ Духонина Е.В. Мирная деятельность на войне. Записки сестры милосердия, находившейся при дивизионном лазарете 14-й пехотной дивизии в войну 1877 – 1878 гг. М., 1894. С. 52-53.

¹⁶ Дневник офицера // Сборник военных рассказов. 1877 – 1878 гг. в 6 т. Т. 1. Спб., 1878. С. 28.

¹⁷ Дукмасов П.А. Со Скобелевым в огне. Воспоминания о рус.-тур. войне 1877 – 78 гг. и о М.Д. Скобелеве ординарца его. Спб., 1895. С. 41.

¹⁸ Полушкин С.П. Дневник донского казака. 1877 – 1878 г. Спб., 1880. С. 41.

¹⁹ Рагозин А.Н. Воспоминания стрелка. Рассказ о походе л.-гв. 1-го его величества стрелкового батальона в войну с турками 1877 – 1878 гг. Спб., 1886. С. 41.

²⁰ Бобриков Г.И. Записки. Ч.1. Эпоха войны 1877 – 78 гг. Спб., 1913. С. 15.

²¹ Депрерадович Ф.М. Из воспоминаний о русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг. бывшего командира 1-й бригады болгарского ополчения полковника де-Прерадовича. Спб., 1881. С. 17.

²² Там же. С. 35.



ды роз свидетельствуют о неистоцимых богатствах и благосостоянии этого цветущего уголка Болгарии»²³.

Известный военный корреспондент и писатель Василий Иванович Немирович-Данченко, в своём дневнике призывал современников не преувеличивать богатство болгар. Вот как он описывал свой путь от Порадима к Боготе в октябре 1877 г.: «В окрестных деревнях началась оспа, гнилая горячка держится вторую неделю... Дрожа от холоду, хозяйка печёт им кукурузу и полусырую сует в руки, наделяя шлепками и подзатыльниками гораздо щедрее, чем хлебом, едят скудно, живут грязно. В иную землянку и не сунешься. Так и ошибает запахом тифозного больного чадом горящего кизяка. Где это хваленое богатство несчастных, о котором столько кричат у нас? Посмотрите, что ест болгарин. Разумеется, торжественно разъезжая здесь в качестве начальства, да останавливаясь у чорбаджиев, немудрено, судя по ним, заключать о чрезвычайном богатстве болгарского населения. После войны, когда улягутся ее жгучие впечатления и холодная, неподкрашенная правда выступит на передний план, мы услышим свидетельство людей более беспристрастных. Тогда, может быть, и «замечательное богатство» болгар будет никому не завидно»²⁴. В серых тонах корреспондент охарактеризовал состояние домов в Боготе: «Все дома... – не дома, а просто землянки. Над землей только кровля, в ней что-то вроде окна наравне с почвой; вход в землянку идет ступеньками вниз, вход тоже покрыт кровлей... Ступеньки ведут в горницу совершенно темную, на полу – костер. Пол – та же земля, кое-как убитая... Лучших домов в деревне нет. Все одинаковы»²⁵.

Несмотря на такое пессимистическое начало, описание болгарских селений меняется по мере продвижения Василия Ивановича в сторону Софии. Согласно его упоминанию в деревне Чаир-Киой «уже нет землянок. Богота последняя деревня, где народ роется в земле и строится в ней. Ралиево, Ени Баркач, Чаир-Киой, Горный и Дольный Дубняки и некоторые села к Софии состоят из домиков даже с некоторой претензией на удобства. Везде самое лучшее здание – училище. Часто церкви нет, а училище прекрасное. Куда нашим не только сельским, но и уездным школам до такого простора и такой роскоши»²⁶. В дальнейшем корреспондент продолжал характеристику западно-болгарских сел в том же превосходном духе: «От Горного Дубняка до Дольного с небольшим шесть верст. Какие это славные деревни! Наши стоянки в роде Горного Студня, Янджи Порадима и Богота не дают понятия о западных болгарских деревнях. Прекрасные хаты, окруженные широкими дворами, садики, обезлиствившие теперь, большие амбары и сараи, и ни малейшего намека на землянки...»²⁷. Описывая находящееся в центре Дольного Дубняка сельское училище – «большой двух-этажный кирпичный дом, который сделал бы честь любому из наших уездных городов», – В.И. Немирович-Данченко заключает, что «у нас и в городах училища хуже этого»²⁸. Несмотря на подобные заявления, Василий Иванович критиковал доходящие до фронта «неблагоприятные отзывы петербургской печати о болгарях, которые будто бы нам не сочувствуют, грабят войско на высоких ценах за все, отказываются продавать многое и т.д. и т.д.». Во всем этом корреспондент видел «слишком много раздражения и слишком мало правды». «Мы преувеличиваем богатство болгар...» – заключал автор²⁹.

Из всех участников войны, упоминавших о материальном состоянии болгар, лишь немногие прямо или косвенно подтверждали бедность болгарского населения.

²³ Делерадович Ф.М. Из воспоминаний о русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг. бывшего командира 1-й бригады болгарского ополчения полковника де-Прерадовича. Спб., 1881. С. 39.

²⁴ Немирович-Данченко В.И. Год войны: Дневник русского корреспондента 1877 – 1878 г. В 3 т. Т. I. Спб., 1878. С. 205-206.

²⁵ Там же. С. 207.

²⁶ Там же. С. 220.

²⁷ Там же. С. 222.

²⁸ Там же. С. 224-225.

²⁹ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. Т. II. Спб., 1878. С. 322.



Например, офицер Санкт-Петербургского гренадерского полка, в будущем генерал от инфантерии Платон Александрович Гейсман полагал, что, являясь «самою деятельною и трудолюбивою частью земледельческого населения» в районе балканского ТВД, болгары «могли бы быть весьма зажиточными и даже богатыми, если бы их не грабило соседнее мусульманское население с тур. властями во главе»³⁰. Возможно о том же думал рядовой лейб-гвардии гусарского полка П.П. (чьё полное имя история, к сожалению, не сохранила), рассуждая о состоянии Орхание: «Не знаю, долго ли стояли мы в этом городке, но помню, что Орхание скорее походил не на город, а на наше село. Видна была бедность во всём!»³¹.

Таким образом, представления российских участников войны 1877 – 1878 гг. о материальном положении болгарского населения в основной своей массе претерпели существенные изменения по прибытии первых в Болгарию. Большинство современников явно не ожидало увидеть на Балканах сравнительно зажиточное, не разоренное турками население. Об этом свидетельствуют и упомянутые факты предвоенных ожиданий, и акцентирование участниками войны своего внимания на увиденном болгарском «благополучии». Подобная трансформация представлений, судя по всему, вызвала определенный резонанс в армии, а затем и в обществе. Не случайно Е.В. Духонина, А.Н. Пыпин и В.И. Немирович-Данченко пытались как бы переубедить часть общества, оправдать материальную самодостаточность болгар недостатками других сторон их жизни. Разнились и взгляды на увиденный уровень болгарской состоятельности. Например, если М.А. Газенкамф полагал, что зажиточности болгар могут позавидовать жители всей Европы, то В.И. Немирович-Данченко, считал, что богатство болгарского крестьянина выгодно выглядит лишь на фоне нищей российской деревни (которая сама является исключением из правил), а в сравнении с Западной Европой должно существенно проигрывать. В любом случае, исходя из вышеприведенных и многих других вышедших за рамки статьи сведений, ясно одно – незнание освобождаемой страны её освободителями было действительно значительным. Русско-болгарские отношения в широком смысле этого слова только зарождались.

TRANSFORMATION OF IDEAS OF RUSSIAN PARTICIPANTS OF THE RUSSIAN-TURKISH WAR (1877 – 1878) ABOUT MATERIAL CONDITIONS OF THE BULGARIANS

E.A. SUCHALKIN

*Belgorod National
Research University*

e-mail: john.suchalkin@mail.ru

The article examines the problem of perception of material condition of Bulgarian population by Russian eye-witnesses at last war Russian and Turkey. Question is interesting by many contemporaries had expected to see more poor population according to having information and comparative prosperity of the Bulgarians influenced on relation of part of Russian contemporaries to them.

Key words: material condition, wealth, Bulgarian, contemporary, participant, memoirs.

³⁰ Гейсман П.А. Славяно-турецкая война 1876 – 77 – 78 гг. и ее значение в истории развития восточного вопроса. Мысли, воспоминания и впечатления П. Гейсмана, бывшего участника войн 1876 и 1877 – 1878 годов. В 2 ч. Ч. II. Кн. 1. СПб., 1889. С. 81.

³¹ Русско-турецкая война. К 25-летию. Из воспоминаний участника в войне. Казань, 1903. С. 8.



УДК 947.083 (471.324)

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ РУССКИМИ РЕВОЛЮЦИЯМИ (1908-1916 ГГ.)

Ю.В. КУДИНОВА*Воронежский государственный
педагогический университет**e-mail: kudjulia@mail.ru*

В статье рассматриваются причины ухудшения положения крестьянства Воронежской губернии в период между двумя русскими революциями (1908-1916 гг.). Социально-экономическое положение значительной части населения деревни Воронежской губернии усугубилось в связи с кабальными условиями аренды земли, проведением аграрной реформы П.А. Столыпина, переселенческой политикой, началом Первой мировой войны.

Ключевые слова: крестьянство, помещичье хозяйство, формы аренды земли, земельный надел, аграрная реформа П.А. Столыпина, переселенческое движение.

Революция 1905-1907 гг. не смогла решить всех проблем аграрного развития страны. Воронежская губерния в период между двумя русскими революциями продолжала оставаться одной из самых отсталых губерний Центральной России. Крестьянство составляло абсолютное большинство населения губернии. При этом, несмотря на черноземные почвы и благоприятные климатические условия, положение населения продолжало ухудшаться.

Накануне революции 1917 г. в Воронежской губернии 1115 помещиков владели земельным фондом, превышающим 800 тыс. десятин, что составляло в среднем 750 десятин на каждое помещичье хозяйство. Наиболее крупные земельные владения находились в руках небольшой кучки дворянства: у 318 помещиков в среднем на одно владение приходилось 2184 десятины, а земельные массивы такой титулованной знати, как Орловы-Демидовы, Раевские, Панины, Щербатовы – доходили до 70 тыс. десятин. В то же время на долю 485 тыс. крестьянских хозяйств губернии приходилось в среднем по 7,1 десятины наделной земли на двор. Среди них было 250 тыс. таких крестьянских хозяйств, которые имели всего по 3 десятины на двор, т.е. эти 250 тыс. крестьянских дворов имели в общей сложности земли меньше, чем тысяча помещиков. Следовательно, у тысячи семей помещиков, составлявших примерно около 0,2 % населения губернии, было больше земли, чем у 250 тыс. беднейших крестьянских семей, составлявших половину населения губернии¹.

Дворянское землевладение по уездам губернии распределялось неравномерно. Процент помещичьей земли по отношению к наделной земле крестьян колебался от 4,4 до 47,6 при среднем по губернии в 22,5 %. Наибольший удельный вес помещичьего землевладения был в Бобровском, Новохоперском, Острогожском, Бирюченком и Задонском уездах. Помещичье землевладение являлось экономической основой наиболее кабальных форм эксплуатации крестьянства (отработки, испольщина), которые были широко распространены в Воронежской губернии. И хотя большинство помещиков стремились переходить от отработочной системы к вольнонаемной, приобретать тягло и инвентарь, вплоть до революции 1917 г. большая часть помещичьих земель обрабатывалась крестьянским тяглом и примитивным крестьянским инвентарем.

Некоторые помещики всю свою землю сдавали исполу крестьянам. Помещик Боровиков Павловского уезда, например, сдавал исполу 417 десятин крестьянам Гни-

¹ Егоров М. Крестьянское движение в ЦЧО в 1907-1914 // Вопросы истории. 1948. №5. С. 8.



лушинской волости. Помещик Сидомон-Эристов в своем имении почти не имел никакого сельскохозяйственного инвентаря и землю до 500 десятин сдавал испольно крестьянам, которые отдавали ему половину урожая и еще доплачивали за каждую десятину по 2 руб. деньгами².

Помимо отработок и испольщины большое распространение в губернии получила аренда земли за деньги. Но эта форма аренды для подавляющего большинства крестьян носила кабальный характер, ибо нередко арендная плата превышала доход крестьянина от арендуемого из-за нужды участка. Таким образом, все формы крестьянской аренды (отрабочная, натуральная, денежная) являлись кабалой, «голодной арендой», служившей помещикам способом обеспечения своего хозяйства дешевым крестьянским трудом.

Следует отметить, что значительное количество земли, сдаваемое помещиками в аренду, попадало в руки субарендаторов, которые, арендуя ее у помещиков «оптом», предавали мелкими участками соседям, увеличивая при этом стоимость аренды. Так, например, кулак Симонов из Бобровского уезда арендовал у помещика Лисаневича 1500 десятин земли по 8 рублей за десятину, а сдавал ее мелкими участками крестьянам по 14 рублей за десятину³.

Значительно усилилось обнищание и разорение трудящихся масс крестьянства в результате столыпинской аграрной реформы, главной целью которой было сохранение помещичьего землевладения и создание опоры царизма в деревне в лице кулачества. Первым актом столыпинского аграрного законодательства был указ от 9 ноября 1906 г., который с некоторыми изменениями был утвержден III Государственной Думой как закон 14 июня 1910 г.

Столыпинской реформой воспользовались, прежде всего, кулаки для укрепления в собственность излишков общинных земель сверх душевых наделов, которые находились в их пользовании. Они же, имея тягло, сельскохозяйственный инвентарь, деньги, скупали по дешевой цене у разорившихся крестьян укрепленные земельные наделы и выделялись на отруба и хутора. Следовательно, столыпинская аграрная реформа содействовала сосредоточению надельной и купчей земель в руках кулачества, т.е. ускорила расслоение крестьянства на различные социальные группы. Основная масса крестьян Воронежской губернии, как и всей России, враждебно относилась к столыпинскому аграрному закону. Губернатор в своем отчете за 1907 г. вынужден был признать, что «закон встречен был населением губернии в одних местах с недоверием и безразлично, а в других враждебно». Таким образом, в период столыпинской аграрной реформы в руках кулаков оказалось большое количество земли разорившихся крестьян. Значительное большинство крестьянских хозяйств, укрепивших землю в частную собственность, продолжало оставаться в общине и лишь небольшое количество хозяйств (3,8 % к общему числу крестьянских дворов) к 1 мая 1915 г. перешло на хутора и отруба⁴.

По данным сельскохозяйственной переписи 1916-1917 гг. можно установить, что в Воронежской губернии насчитывалось около 300 тыс. бедняцких хозяйств, или 58 % всех крестьянских хозяйств губернии, которые имели всего 35 % надельной и 13 % купчей земли. Все эти хозяйства являлись однолошадными или безлошадными, с минимальным отрезком земли. В уездах, где был наибольший удельный вес помещичьего землевладения, процент бедняцких хозяйств был выше среднего по губернии. Так, в Задонском уезде он составлял – 78, Землянском – 76, Бирюченском – 70, Бобровском – 68. Таким образом, количество бедняцких хозяйств за период с 1900 по 1916 гг. увеличилось более чем в два раза. В то же время число середняцких

² Егоров М. Крестьянское движение в ЦЧО в 1907-1914 // Вопросы истории. 1948. №5. С. 14.

³ Алексеев В. Очерки истории революционного движения в Воронежской и Курской области. Воронеж, 1935. С. 146.

⁴ Очерки истории Воронежского края. В 2 т. / под ред. Е. Г. Шуляковского. Воронеж, 1961. С. 381.



хозяйств уменьшилось почти в два раза. Подавляющее большинство их пополнило ряды деревенской бедноты⁵.

Острая нужда крестьян бедняков в продуктах питания и в деньгах для уплаты многочисленных податей заставляла искать их работу по найму у помещиков, кулаков и предпринимателей. Но далеко не все имели возможность найти работу поближе к своему дому. Многие из крестьян уходили на отхожие промыслы за пределы своей губернии. По данным губернского статистического комитета, на заработки в другие губернии ежегодно уходило около 160 тыс. человек. В «Памятной книжке» за 1909 г. отмечалось, что «переселенческое движение приняло большие размеры, в особенности самовольное, которое в 6 раз превысило законное», причем, число переселенцев по Воронежской губернии определялось в 36 тыс. человек.

Кроме того, царское правительство ставило задачу выселить из центральных губерний России «беспокойных», т.е. подверженных революционному настрою и опасных для царской власти крестьян. В первые годы после столыпинской реформы переселение приняло большие размеры. Воронежская губерния занимала одно из первых мест по количеству выселившихся крестьян. За период с 1906 по 1915 гг. из губернии выселилось 166 тыс. человек. Среди переселенцев было 80 % безземельных и мало земельных крестьян. В основном переселение осуществлялось в богатые плодородными ископаемыми районы Сибири. При этом, большое количество переселенцев возвращалось в родные места совсем разорившимися. Об этом свидетельствуют многочисленные ответы крестьян Воронежской губернии на вопросы Вольного экономического общества. Так, из Валуйского уезда сообщали, что «из 100 ушедших дворов возвратились 42, из них 15 дворов арендных, которые в аренду сдали землю при уходе в Сибирь, а остальные всю землю продали. Судьба их очень плохая, и находятся они в самом отчаянном положении».⁶ С 1910 г. число переселенцев из губернии резко сокращается. Если в 1909 г. в Сибирь переселилось около 8200 семей, то в 1910 г. – 3367. Крестьяне Воронежской губернии в ответ на предложение царских властей переселяться на восток отвечали: «Пушай господ переселяют в Сибирь на простор, на прохладный воздух. Там им превосходно, земли много, скота много, живи, утешайся. Ему господину-то, ведь легче переселиться, чем нам. Они при капитале. Мы, что – беднота. Лучше мы тут останемся на «господской земле», а они пусть туда уйдут. Вот это будет по правде»⁸. Таким образом, проведение переселенческой политики не привело к положительным результатам и потерпело крах.

Тяжелое экономическое положение крестьянства усугублялось его политическим бесправием и крайне низким культурным уровнем. Крестьяне царской России были бесправными, над ними стояла целая армия исправников, жандармов, урядников, полицейских стражников, которые охраняли интересы царя, помещиков и капиталистов. Так, в 1916 г. в штатах острогожской уездной полиции числилось 105 конных и 60 пеших полицейских стражников. А в целом по губернии было около 1500 полицейских, которые использовались губернатором и уездными исправниками как вооруженная сила для подавления революционного движения.

Царское правительство стремилось держать народ в повиновении не только силой оружия. Широко распространялись религиозные суеверия. Огромная армия священнослужителей, в несколько раз превышающая количество учителей, проповедовала беспрекословное подчинение царской власти. Согласно земской статистике в 1912 г. в Воронежской губернии грамотных жителей было всего лишь 17 %, а в сельской местности процент грамотных был еще ниже. Расходы на просвещение и здра-

⁵ Морев П.Г. Крестьянское движение в Воронежской губернии накануне Октябрьской революции (март-октябрь 1917). Воронеж, 1961. С.81.

⁶ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1267. Л. 7.

⁷ Очерки истории Воронежского края. В 2 т. / под ред. Е. Г. Шуляковского. Воронеж, 1961. С. 382.

⁸ Беляев Н. Как жили крестьяне Воронежской губернии до Великой Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1949. С. 78.



воохранение на душу населения в год составляли всего лишь 1 руб. 12 коп. В деревнях и селах губернии не было ни одного клуба, ни одной библиотеки⁹.

Начавшаяся в 1914 г. мировая война еще больше ухудшила положение населения. Жители губернии вели пропаганду против войны, говоря, что «пусть бы правительство сначала обеспечило их, а потом посылало на войну»¹⁰. Во время войны из Воронежской губернии было призвано в армию 380 тыс. человек, что составляло более половины трудоспособных мужчин губернии. Война подорвала все средства производства в сельском хозяйстве. Количество лошадей в 1916 г. по сравнению с 1913 г. уменьшилось на 22 %. Ощущался острый недостаток сельскохозяйственного инвентаря. В результате к 1916 г. посевные площади по зерновым культурам сократились на 13 %, по сахарной свекле – на 42 %, по подсолнечнику – на 86, 2 %. Понижилась урожайность. Многие крестьянские хозяйства пришли в полный упадок. В 1916 г. в губернии насчитывалось 22 % хозяйств без всякого скота и 21 % – без посева¹¹.

Таким образом, в период между двумя русскими революциями социально-экономическое и культурное положение значительной части крестьян Воронежской губернии не только не улучшилось, но и усугубилось проведением столыпинской аграрной реформы, переселенческой политикой и началом первой мировой войны.

PEASANTRY POSITION IN THE VORONEZH PROVINCE DURING THE PERIOD BETWEEN TWO RUSSIAN REVOLUTIONS (1908-1916)

J.V. KUDINOVA

*Voronezh State Pedagogical
University*

e-mail: kudjulia@mail.ru

In article the reasons of deterioration of position of peasantry Voronezh provinces during the period between two Russian revolutions (1908-1916) are considered. Economic and social situation of a significant part of peasantry in Voronezh declined because of the enslaving conditions of lease of land, carrying out of the Stolypin's agrarian reform, the resettlement policy and the beginning of the First World War.

Key words: peasantry, a landowner economy, forms of land rent, an allotment, P.A. Stolypin's agrarian reform, resettlement movement.

⁹ Беляев Н. Как жили крестьяне Воронежской губернии до Великой Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1949. С. 98.

¹⁰ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1384. Л. 2.

¹¹ Беляев Н. Как жили крестьяне Воронежской губернии до Великой Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1949. С. 102.



УДК 398.332.33

НОВОГОДНИЕ ОБРЯДЫ И ПРАЗДНИКИ В БАШКОРТОСТАНЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ТРАДИЦИЙ

С.М. ГАРЕЕВА*Башкирский республиканский
техникум культуры,
г. Стерлитамак**e-mail:
SvetlanaMiassarovna@yandex.ru*

В статье речь идёт о сохранении и переосмыслении традиций новогодних обрядов русского населения Башкортостана. Рассматриваются составные элементы обряда и их трансформация на протяжении XX столетия до наших дней.

Ключевые слова: обряд, Новый год, Дед Мороз, Снегурочка, ёлка, новогодние костюмы, обрядовая еда, обрядовые катания, хоровод, обрядовый фольклор, новогодние гадания, новогодние приметы, смс-поздравления.

Русский народный календарь в Башкортостане и России является результатом длительного исторического развития и взаимодействия архаической (дохристианской) и христианской календарных систем, переживших социально-политические катаклизмы общества, годы борьбы с религиозными и «антисоветскими» традициями. Многие обряды навсегда отошли в прошлое, другие сохранились фрагментарно. Произошло упрощение и схематизация календарных обрядов и праздников, включая новогодние.

Согласно В.Я. Проппу¹, слагаемыми любого обряда являются: обрядовая еда, ритуальный смех как средство поднятия производительных сил природы, обряды с растениями (подобиями) для использования их скрытой силы, обрядовые игрища и увеселения, обрядовый фольклор, вождения в хороводы, катание с горок, на катках и на повозках лошадей, активное гостевание. В содержание обрядов входит заклинание в целях предохранения от враждебной «нечистой» силы (магия профилактическая) и в целях обеспечения человеку жизненных ценностей: плодородия, приплода скота, богатства, любви (магия продуцирующая)². Рассмотрим эволюцию этих элементов в Башкортостане на примере новогодних обрядов и праздников русского населения.

В XX веке произошла трансформация обрядового действия, связанного с Морозом, от обычая его кормления ложкой киселя или кутьи со словами: «Мороз! Мороз! Приходи кисель есть. Мороз! Мороз! Не бей наш овес!» до превращения в волшебный атрибут праздника Дед Мороз с внучкой Снегурочкой – исполнителя желаний детворы. Впервые Дед Мороз и Снегурочка пришли вместе на праздник ёлки в 1937 г. в Московский Дом Союзов. Традиция их приглашать в дома в Башкортостане распространилась в 1970-е гг., и сразу стала доходным бизнесом для профессиональных и самодеятельных артистов. Сегодня без них не обходятся не только в детсаде и школе, но и приглашают на корпоративную вечеринку. Взрослым тоже хочется верить в мечту и участвовать в сказке хотя бы раз в году.

Новогоднее время, как раньше, так и сейчас, в сознании людей воспринимается как особенное. Люди становятся более эмоциональными, впечатлительными. Даже убежденные атеисты верят, что желание, загаданное под бой курантов, обязательно сбудется. В последние десятилетия в новогоднюю ночь многие стараются выполнить предписания символа наступающего года – соответствующим образом одеться и накрыть стол. Сувениры с изображением этих символов стали основными подарками для родственников, коллег и друзей.

¹ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. М., 2004; Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976; Пропп В.Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976.

² Кагаров Е.Г. К вопросу о классификации народных обрядов // Доклады Академии наук СССР. Серия В. М., 1928. № 11. С. 247–254.

Главным атрибутом Нового года в России и Башкортостане была и остается елка. По нашим исследованиям, на территории Башкортостана традиция ставить елки в домах, на площадях и украшать их появилась в конце XIX – начале XX вв., вначале в крупных городах, а затем сельских селениях. Информаторы затрудняются ответить на вопрос, почему ставится именно елка. Некоторые, ссылаясь на опубликованные источники, отвечают, что елка – дерево жизни, лесная красавица (пусть даже искусственная) служит символом добра, красоты и процветания.

По материалам прессы, новый 1937 год в Стерлитамаке был отмечен первой ёлкой. Она была установлена в начальной школе № 12. Ёлку нарядили в одном из классов, дети водили хороводы, танцевали в танец снежинок и пели «Песню о Родине» И.О. Дунаевского и В.И. Лебедева-Кумача «*Широка страна моя родная, // Много в ней лесов, полей и рек*» и т.д. В качестве подарков были кулёчки с конфетами, печеньем и пряниками. В 1938 г. ёлки проводили во всех школах г. Стерлитамака. В школе № 10 инсценировали встречу Нового года с Урожаем, подготовили специальные костюмы. Карнавал состоялся в школе № 3. В этот же год впервые прошли ёлки для детей колхозников в школах Золотоношки, Талалаевки, Боголюбовки, Пестровки, Услов и других деревень Стерлитамакского района. На организацию новогодних вечеров для детей горсовет и профсоюзные организации выделили более 10 тысяч рублей. «Дело это было для всех новое. Поэтому райкомом комсомола были выданы рекомендации по подготовке праздника»³.

В местной прессе регулярно печатались предупреждающие статьи о мерах противопожарной безопасности при организации и проведении новогодних мероприятий. «В гор. Стерлитамаке, во время новогодней ёлки в 1938 году загорелся костюм из ваты на девочке, наряженной Снегурочкой. Девочка получила сильные ожоги, от которых скончалась. Аналогичный случай произошёл в Уфе»⁴. Основными требованиями того времени были: «устраивать ёлку на устойчивой подстановке, чтобы она не колебалась и не могла упасть. Не вешать на ёлку целлулоидные и другие легковоспламеняющиеся игрушки и украшения. Не допускать освещение ёлки свечами. Не допускать участия на ёлках детей и взрослых, одетых в костюмы из ваты, бумаги и других легко загорающихся материалов. Не допускать игр вокруг ёлки с зажжёнными свечами»⁵.

По словам информаторов, ёлку в 1950-е – 1960-е гг. ставили на селе в школах, и только в 1970-х гг. они появилась в сельских домах. Наряжали ее сначала фабричными бумажными прессованными⁶ или самодельными игрушками, сделанными из цветной бумаги (цепочки, фонарики, звёздочки, снежинки), конфетами, причём, чаще всего сами конфеты вынимались, а украшались только фантиками. Сейчас эта традиция сохранилась лишь в селах и деревнях, вытесняясь обычаем украшения покупными изделиями.

Еще недавно родители шили детям новогодние наряды, актуальные для своего времени. Информатор Л.Г. Ефимова в 50-е – 60-е гг. вспоминает костюмы не только зайчиков, мишек, снежинок, но и «спутника», «ракеты», которые интересно мигали огоньками. В прессе за 1941 г. читаем: «Многие пришли ряжеными. Вот два кота с уморительными рожицами, а вот ястреб с длинным клювом и чёрными крыльями; комичным сочетанием цветов ярко выделяются клоуны; вызывая общий смех, ряженный поп удивительно тонко изображает подгулявшего служителя культа»⁷. В зависимости от наличия костюма цена билета на городской «Бал-маскарад», проходивший в Гортеатре варьировалась: «Цена билета в костюме – 3 рубля, без костюма – 5 рублей»⁸,

³ Морозова Т. Снежинки, подарки и портрет вождя. // Стерлитамакский рабочий. 2011. 1 янв.

⁴ Никитин В. Соблюдайте противопожарные правила при организации ёлок. // За пятилетку. № 159 (1897). 1940 г. 25 дек.

⁵ Сведения те же.

⁶ Полевые материалы автора (далее – ПМА) 2010 г. Информатор Л.Г. Ефимова (1946 г.р.).

⁷ Жариков А. Новогодняя ёлка. // За пятилетку. 1941. № 2 (1900). 05 янв.

⁸ Афиша // За пятилетку. 1941. № 3 (1901). 08 янв.



а также за лучшие костюмы учреждались ценные призы. В последние годы детские новогодние костюмы легко купить в магазине или взять на прокат.

Традиционная обрядовая еда раньше имела особое значение. В канун Нового года у русских, украинцев, белорусов Башкортостана проходил «щедрый вечер»: по народным обычаям, щедрая (обильная) трапеза способствовала хозяйственному благополучию в наступающем году. Обязательными на столе были кушанья из мяса (свинина, говядина). Остатки костей отдавали скоту, надеясь, что магическое действие способствует плодородию⁹.

Информатор Л.П. Касьянова (Стерлитамакский район, д. Рязановка) сообщила, что в 1950-е гг. ее мама пекла на Новый год пекла курник и «сдобнушки»¹⁰. По словам информатора Г.С. Тарасовой (уроженки г. Стерлитамак), на Новый год в 1960-е гг. готовили «красную икру»: пропускали через мясорубку морковь и селёдку, намазывали эту смесь на хлеб, получалась «красная икра». Информатор Л. Г. Ефимова (уроженка п. Заливное Стерлитамакского района), рассказала, что «в 1960-е гг. к новому столу родители заготавливали пельмени мешками, курник делали, заливное, винегрет, пироги пекли и схватушки – песочное печенье с повидлом. Позже, в 1990-е годы, к столу стали готовить жареного гуся с яблоками»¹¹. Из крепких напитков на селе в Новый год обычно пили медовуху или кислушку, реже – водку. В городах в 1960-е гг. пили вино «Портвейн 777» (по цене 2 р.17 коп.), в народе его называли «бормотухой», и водку «Особая Московская» (по цене 2 руб.87 коп.). Основным алкогольным напитком праздничного новогоднего стола с 70-х годов XX в. считается шампанское¹².

Традиционными в новогодние дни с давних пор являются молодежные гуляния. Как пишет Ф.Г. Галиева, в русских селениях Зауралья с компактным расселением православных русских и башкир молодежь на Новый год раньше «кутоморила». У односельчан в шутку крали лошадь, сани или санки, катались всю ночь с шутками, смехом, веселыми песнями и прибаутками¹³. Информатор Л.П. Касьянова рассказала, что «днём молодые девушки в бане клали на каменку чистый лист бумаги и карандаш, а в 12 часов надо было пойти посмотреть, что там написано. А парни спрячутся в баньке и «до смерти» пугают девок. Было и смешно и грешно»¹⁴.

Девушки в эту ночь ворожили – кидали валенки: «*В какую сторону упадет – там живет жених*». Это гадание было самым популярным в разное время во многих районах Башкортостана. Об этом свидетельствуют разные источники. «*В какую сторону укажет нос валенка – в такой стороне быть замужем*»¹⁵. Со слов К.А.Дмитриевой, это гадание проделывали молодые девушки в селе Уваровка Гафуринского района¹⁶. На Новый год девушки гадали о будущей семейной жизни. «*Ловили курицу. Если она сильно кудахчет, то свекровь будет ворчливой, если наоборот, то спокойной*»¹⁷. «*Ловили овцу. По цвету шерсти определяли, какой будет суженый: светлый, темный или рыжий*»¹⁸. Атрибутом множества гаданий было зеркало и свеча, которую зажигали в тёмной комнате, при этом приговаривали: «*Суже-*

⁹ Бабенко В.Я. Украинцы Башкирской ССР: Поведение малой этнической группы в полиэтнической среде. Уфа, 1992.

¹⁰ ПМА 2010 г. Информатор Л.П.Касьянова (1942 г.р.).

¹¹ ПМА 2010 г. Информатор Л.Г. Ефимова (1946 г.р.).

¹² ПМА 2010 г. Информатор Н.Г.Гареева (1939 г.р.).

¹³ Галиева Ф.Г Адаптация восточнославянского фольклора в творчестве народов Башкортостана. Уфа, 2010.. С. 23.

¹⁴ ПМА 2010 г. Информатор Л.П.Касьянова (1942 г.р.).

¹⁵ Записано Юлбарисовой Л.Ш., студенткой 1 курса в 2005 г. в г. Кумертау от Скворцовой Галины Алексеевны, 1932 г.р. // Фольклорный архив Стерлитамак. гос. пед. академии им. З. Бишовой. Папка № 85. Тетрадь № 8. С. 2.

¹⁶ ПМА 2010 г. Информатор К.А.Дмитриева (1924 г.р.).

¹⁷ Фольклорный архив Стерлитамак. гос. пед. академии им. З. Бишовой. Папка № 85. Тетрадь № 8. С. 3.

¹⁸ ПМА 2011 г. Информатор А.Д. Гагарина (1926 г.р.).

ный, ряженный, покажись, появишься»¹⁹. В зеркале молодые девушки ожидали появления образа будущего мужа.

До настоящего времени сохранились в активной форме многие виды гаданий. По поведению курицы / петуха и по предмету (вода, зерно, деньги), к которому подойдёт птица, судили о характере мужа. По внешнему виду отмеченного кола на заборе или полена (какой кол / полено) узнавали, какой будет и муж: кривой, стройный, богатый. По поверхности замёрзшей воды судили о будущей жизни: если поверхность ровная, то и жизнь в новом году будет спокойной, если неровная – будут перемены. Распространены обычаи «выстраивания» колодца из спичек или укладки вания под подушку замка, чтобы во сне пришёл суженый²⁰.

Новогодние дни считались показательными для народных примет. Их было большое разнообразие. Приведем некоторые.

Если первый день в году весёлый, то и весь год будет такой²¹.

Если на Новый год в дом первым придет мужчина, а не женщина, то это добра примета²².

Если выйдешь на перекрёсток и будет идти мужчина – будешь счастливой, если женщина – то будет много проблем²³.

Год будет удачным, если порог дома 1 января переступит мужчина.

Год будет удачным, если порог дома 1 января переступит символ нового года.

Если не отдашь долги, весь год будешь кому-то должен.

Как пройдет первый день в Новом году, так и весь год пройдет, поэтому нельзя в Новом году делать тяжелую и грязную работу, ругаться.

В новогодне-рождественский период в Башкортостане проводились действия, которые несли магическую функцию. Так, крестьяне Давлекановского района заставляли ребят лазить под стол и «цыкать» как цыплята, чтобы хорошо водились куры. По поверьям, первый блин в сочельник отдавали курам²⁴. Подобные обряды совершались с целью благополучия, плодovitости домашнего скота и птицы.

Неотъемлемой частью Нового года был обрядовый фольклор. Русские, украинцы и белорусы в этот период пели колядки и щедровки, желая всем благополучия, здоровья и приплода скота. По воспоминаниям И.Е.Карпухина, в 40-е гг. XX в., он самостоятельно участвовал в обряде обхода домов деревни ранним утром Нового года. В деревне Васильевка Альшеевского района Башкортостана обряд назывался «славить-засевать». Зёрна злаков находились в мешочке, который подвешивался на шею славильщика. Дети младшего возраста, войдя в дом, разбрасывали (рассеивали) зёрна пшеницы, овса, проса и т.п. по полу, сопровождая эти действия выкрикиванием слов:

Сею, вею, посеваю,

С Новым годом поздравляю.

Сею рожь и пшеничку,

И горох, и чечевичку...

Здравствуйте, хозяин с хозяйшкой!

С Новым годом!

С Новым счастьем!

С Новым здоровьем!

¹⁹ Сведения те же.

²⁰ ПМА 2010 г. Информаторы: И.П. Лынный (1984 г.р.), с. Благовар Благоварского района, К.К. Емельянова (1986 г.р.), с. Кайраклы Альшеевского района, И.А. Канаева (1984 г.р.), д. Ахметка Гафурийского района; И.С.Кузина (1985 г.р.), с. Архангельское Гафурийского района; М.В. Чернышенко (1988 г.р.), с. Орловка Янаульского района.

²¹ Галиева Ф.Г. Указ. соч. С. 43.

²² ПМА 2010 г. Информатор Л.П.Касьянова (1942 г.р.).

²³ Сведения те же.

²⁴ Записано Осиповой О.Ю., студенткой в 2005 г. в д. Филлиповка Давлекановского района от Сидоренко Аллы Фёдоровны, 1940 г.р. // Фольклорный архив Стерлитамак. гос. пед. академии им. З. Бишиевой. Папка № 86. Тетрадь 18. С. 3.



*Лезьте на полочку,
Доставайте рублёвочку!
Лезьте в сундучок,
Доставайте пяточок!*

Разбрасывание зёрен имитировало реальные действия крестьян, засевавших поля. Хозяйева дома встречали славильщиков в праздничной одежде, стоя. Первого славильщика ожидало самое щедрое, по понятиям тех лет, вознаграждение²⁵.

В своей работе мы придерживаемся классификации жанров обрядового фольклора Ю.Г. Круглова²⁶ на ритуальные, заклинательные, величальные, корильные, игровые и лирические песни. В новогодний период в русских селениях Башкортостана бытовали все из указанных жанров. Колядки и щедровки относятся к ритуальным песням: они органично вплетаются в обряд (календарный, свадебный), в хоровод или игру, предвеляя совершение действий, формируя их. Ритуальные песни представляют циклы песен, при помощи которых ритуал формируется от начала до конца.

Ф.Г. Галиева показала общность функций поэзии ритуальных песен русских, украинцев, белорусов и других народов. Они характеризуются основными мотивами: это констатация факта праздника, заклинание-благопожелание, заклинание в виде описания желаемого, осознание обязательного пения как выражения праздника. Ритуальные песни характеризуются общими формулами (благопожеланиями), мотивами (упоминание обрядовой пищи), формой изложения (обращения-монологи и диалоги), художественными средствами (краткость изложения, автологический стиль, повествование от первого лица множественного числа). Поясним, что вслед за Г.И. Мальцевым²⁷, термин «формула» мы трактуем в узком и широком смысле. В узком смысле – это определенный морфологический тип (от одного слова до стереотипной ситуации, выраженной группой стихов). В широком – «категория, обобщающая разнородные и многообразные типы констант фольклорной традиции». Под термином «мотив» классик этнографии и фольклористики Б.Н. Путилов понимал 1) схему, формулу, единицу сюжета в виде элементарного обобщения; 2) саму эту единицу в виде конкретного текстового воплощения. Сюжет – конкретное содержание произведения во всем разнообразии релевантных подробностей, мотивов, характеристик и структурных сложностей²⁸.

Указанные особенности характерны для новогодних песен и религиозных гимнов, которые распевала молодежь в немецких селениях Башкортостана при обходе домов, прославляя приход Нового года²⁹. В процессе подворного обхода новогодние песни-заклинания и поздравления пела чувашская молодежь республики под сопровождение волюнки³⁰.

В русских сёлах Башкортостана при обходах дворов в Новый год хозяевам исполнялись величальные песни, в которых использовались наиболее яркие и красочные художественные средства, разнообразные эпитеты. Самый бедный крестьянин, становился «князем», «красным солнышком», дом его превращался в «терем», «дворец», так же идеализировалась и его семья³¹. Во второй части величальных песен звучало пожелание хозяевам, призывали в дом богатый урожай, семейное счастье, здоровье и благополучие. Примером является таусень:

У Михайлы-то кудри русы по плечам лежат,

²⁵ Карпунин И.Е. Русское устное народное творчество: Учебно-методическое пособие. М., 2005. С. 142.; ПМА 2010 г.

²⁶ Круглов Ю.Г. Русский обрядовый фольклор М., 2000.

²⁷ Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики: Исследования по эстетике устно-поэтического канона. Л., 1989. С. 16–33.

²⁸ Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура: In memorial. СПб., 2003. С. 184, 196.

²⁹ Филатова И., Сухова-Айснер И. Немцы // Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. Уфа. С. 470.

³⁰ Петров И.Г. Чуваша Башкортостана. Уфа, 1994.

³¹ Обрядовая поэзия / Сост. В.И. Жекулина, А.Н.Розов. М., 1989. С. 18.

*Таусень, таусень!
По плечам лежат, словно жар горят,
Таусень, таусень!
Словно жар горят, рассыпаются,
Тусень, таусень!³²*

Обычай колядования русских переселенцев с исполнением таусени (усени) зафиксировала в Башкортостане Э.В. Померанцева. Она указала его широкое распространение в 1920-х годах в с. Старая Михайловка Салаватского района. Собиралась группа девушек и направлялась к дому, где есть молодые. Они подходили к окошку и спрашивали:

*Тетка молода,
Посконна борода,
Не спеть ли таусень?*

Хозяйка отвечала: «Пойте». В это время молодуха пекла шаньги, ватрушки, жарила свиные ножки. Девушки пели величальную песню. После исполнения таусени хозяйка выносила угощение, а девушки кричали:

*Свиные ножки
Глядят в окошко!³³*

«Свиные ножки» (окурока) – обрядовая еда; чаще была их подмена в виде фигурного печенья, изображающего домашних животных, в Башкортостане их называли козульками³⁴.

По исследованиям Ф.Г. Галиевой, колядование было характерно для русских, украинских и белорусских переселенцев с пением схожих колядок:

*Щедрівочку щедрувала,
Да віконця припадала.
Чи ти, тьотю, наварила,
Чи ти, тьотю, неpekла?
Винось мені до вікна³⁵.*

Таусень мог завершиться мотивом сватовства, который выполнял функцию заклинания активности плодоносных сил: жених так хорош!

*У Кроткого двора
Две свечки горят,
Два фонарика висят,
Про Колю говорят³⁶.*

Овсень и таусень (тавусень) русских Башкортостана с припевом «Таусень, таусень!» представляли собой новогодние величальные песни. Хозяевам желали богатства и требовали за это награды. Традиционного требования жертвенных даров с праздничного стола в них не содержится³⁷.

К настоящему времени традиция обхода домов на Новый год отчасти сохранилась, например, в русских селениях Дуванского и Кугарчинского районов³⁸, хотя и в фольклоризированном варианте. Традиция восстанавливается в городах республики. Многие песни-заклинания, поздравления, благопожелания забыты. На вопрос о новогодних песнях информаторы называют «В лесу родилась елочка», «Маленькой елочке холодно зимой», считая их не авторскими, а народными. Указанные песни

³² Русское народное творчество в Башкирии / Под общей ред. Э.В. Померанцевой; Сост. С.И. Минц, Н.С. Полищук, Э.В. Померанцева. Уфа, 1957. С. 140.

³³ Там же. С. 298.

³⁴ Щербакова Н.В. Современное состояние зимних календарных обрядов и сопровождающего их фольклора (по материалам Кугарчинского района РБ): Дипломная работа. Стерлитамак, 2008. С.17

³⁵ Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии / Вступ. ст., сост., примеч. В.Я. Бабенко и Ф.Г. Ахатовой. Київ: Уфа, 1995. С. 25.

³⁶ Русский фольклор Башкирии // Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 329. Л. 2.

³⁷ Галиева Ф.Г. Указ. соч.

³⁸ Щербакова Н.В. Указ. соч. С.16.



поются детьми на хороводах вокруг елки, не зная о том, что традиция хороводов также давняя и выполняет функцию оберега (круг) и идею плодородия³⁹.

Важным традиционным элементом новогодне-рождественских обрядов является катание с горок. Старожилы в русских селениях республики рассказывают о том, что для этого использовали особенности местности (горы, холмы). Катались на корытах, досках, лыжах, полозьях от саней⁴⁰, на замороженных в тазу с водой с добавлением соломы «ледянках»⁴¹, на замороженных коровьих лепёшках⁴² и «на чем придется»⁴³, молодые девушки, парни и дети. Сейчас в городах, селах и в некоторых деревнях сооружаются горки, с которых катаются на пластмассовых фабричных «ледянках». Строятся снежно-ледяные сказочные городки с ледовыми фигурами – символами наступающего года и персонажами детских сказок, качели и карусели. В обустройство таких городков в последние годы зима внесла свои коррективы, так как снега было мало, поэтому взамен ледяных горок в городах Башкортостана появились горки лубяные (деревянные). «Пусть смотрятся они скромнее, зато безопаснее. Да и радости малышне доставляют никак не меньше!»⁴⁴. В городских парках культуры и селах на праздник сохранилась традиция катания на лошадях. В деревнях катаются с песнями под гармошку вокруг деревни, в городах – по определенному маршруту на лошадях и пони под громкие звуки музыкальной техники.

В преддверии Нового года заливают катки, не только в городах, но и деревнях с компактным расселением русских, башкир и других народов. Для некоторых русских деревень это давняя традиция, когда вместо фабричных коньков к ногам крепили их аналоги, которые в народе называли «снегурками»⁴⁵. Бабушки рассказывали: «На валенки снегурки завязывали, на палочку шнурки накрутим, сбоку закрепим и идём кататься на каток»⁴⁶.

Традиция лепить снеговиков и снежных баб на Руси известна с языческих времён и дошла до наших дней. Сегодня это общественно организованный праздник. В 2011 г. администрация г. Стерлитамак объявила конкурс «Новогодний Стерлитамак», в котором могли принять участие как владельцы частных домов, так и жители многоквартирных. Участники акции должны были представить на суд жюри украшенные снеговиками и другими снежными скульптурами, горками свой дом. Традиция лепить снежные бабы, строить новогодние городки, снежные крепости, кататься с горок была воссоздана в современных условиях городского пространства и пришлась по душе жителям нескольких многоэтажек. Победителями стали жители дома № 15 по улице Артёма во главе с Валентиной Кожевниковой и семьей Тажиевых, проживающих в частном доме, которые получили в награду весёлое новогоднее настроение и денежные призы в размере 60 и 25 тысяч рублей⁴⁷.

В праздник Нового года традиционно принято дарить подарки близким, родственникам и детям. Для этого приобретают новогодние сувениры, безделушки, фрукты, сладости, игрушки. В XX в. были популярными поздравительные открытки. В последние годы их заменяют открытки, передаваемые по электронной почте и смс-поздравления по телефону, которые содержат выразительный современный фольклор, например:

Мягкой поступью кошачьей к нам приходит Новый год.

³⁹ Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа, 1998; Нуриева И.М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск, 1999. С. 105–106.

⁴⁰ ПМА 2010 г. Информатор Л.П. Касьянова (1942 г.р.).

⁴¹ ПМА 2010 г. Информатор Л.Г.Ефимова (1946 г.р.).

⁴² ПМА 2010 г. Информатор А.Д. Гагарина (1925 г.р.).

⁴³ Сведения те же.

⁴⁴ Ариткулова Г. Были ледяные, стали «лубяные». // Истоки. 2009. № 51 (663). 23 дек.

⁴⁵ ПМА 2010 г. Информатор Г.С. Тарасова (1939 г.р.).

⁴⁶ Сведения те же.

⁴⁷ Калюжная Е. Горожане получили 85 тысяч рублей за красоту своих домов // Стерлитамакский рабочий. 2011. № 10 (17304). 20 янв.



*Счастья, радости, удачи, сытой жизни без хлопот!
Чтобы денежка в кармане и в делах сплошной ажур,
Хвост в тепле, усы в сметане, а на сердце мур-мур-мур!*

Новый год в Республике Башкортостан и России сегодня отмечается как общенародный праздник. В его преддверии развешивают баннеры, растяжки, флажки. На улицах городов, сел и деревень устраивают иллюминацию со светодиодными лампами. Живые новогодние ёлки украшают центральные площадки поселений. В городах республики, например, в Стерлитамаке, настроение горожанам поднимают водители и кондукторы местных троллейбусов, которые в течение праздничной недели преобразуются в Дедов Морозов и Снегурочек. Длительные выходные дни у взрослых и каникулы и детей в новогодне-рождественский период используется для выполнения накопившихся работ по дому и хождения по гостям с обильными трапезами.

Таким образом, к настоящему времени многие элементы традиционного новогоднего обряда эволюционировали, сохранились в переосмысленном варианте. Исчезла магическая, усилилась развлекательная функция. Появились новые традиции (пускание петард и многоцветных фейерверков, просмотр кинофильма «Ирония судьбы, или с лёгким паром!» по ТВ), приметы и атрибуты (символ приходящего нового года). Новогодний обряд стал общенациональным, этнически нивелированным государственным праздником, способствующим единению народа и гармонизации межэтнических отношений. Процесс изменения традиций будет продолжаться и впредь, поскольку мы живем в урбанизированном обществе, пользуемся календарем, где переплелись традиции земледельческого календаря, советская и постсоветская обрядность.

NEW YEAR`S CEREMONIES AND HOLIDAYS IN BASHKORTOSTAN: EVOLUTION OF TRADITIONS

S.M. GAREEVA

*Bashkort Republican College
of Culture, Sterlitamak*

e-mail: SvetlanaMiassarovna@yandex.ru

In article it is a question of preservation and reconsideration of traditions of New Year's ceremonies of Russian population of Bashkortostan. Components of a ceremony and their transformation throughout XX century up to now are considered.

Key words: a ceremony, New year, Father Frost, the Snow Maiden, a fir-tree, New Year's suits, ceremonial meal, ceremonial drivings, a round dance, ceremonial folklore, New Year's guessings, New Year's signs, a sms-congratulation.



ДУХОВНЫЙ ПЕРЕВОРОТ Л. Н. ТОЛСТОГО: ХРОНОЛОГИЯ И ОСОБЕННОСТИ

Ю.Л. ОРЕХАНОВ (свящ. Г. Ореханов)

*Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
г. Москва*

e-mail: ogeorgo@pstbi.ru

В статье священника Г. Ореханова рассматривается проблема так называемого духовного переворота Л. Н. Толстого, который относится к концу 70-х – началу 80-х годов XIX века. Автор показывает, что переворот был вызван рядом причин объективного и субъективного характера. В статье уточняются некоторые хронологические детали данного события, а также делаются выводы о его роли в дальнейшем противостоянии писателя с Русской Православной Церковью.

Ключевые слова: христианство, Л. Н. Толстой, духовный переворот, особенности.

Вопрос о так называемом духовном перевороте Л. Н. Толстого имеет принципиальное значение в исследовании духовной биографии писателя. С одной стороны, это событие привело к кардинальным изменениям в жизни Л. Н. Толстого, которые им самим квалифицировались как новое рождение и начало христианской жизни. С другой стороны, результатом переворота стало резкое изменение отношения Л. Н. Толстого к Церкви, которое можно квалифицировать как подчеркнуто-критическое. Задача данной статьи – дать объяснение этому парадоксальному событию, имевшему глобальные последствия для всей русской культуры, а также внести уточнения в его хронологические детали.

В апреле 1878 г. писатель после долгого перерыва участвует в говении, исповедуется и причащается. Именно этот эпизод впоследствии был им описан в «Исповеди».

В своих воспоминаниях все близкие Л. Н. Толстому лица подчеркивают неожиданный характер переворота, свершившегося в писателе. В частности, гр. А. А. Толстая указывает, что вдруг в 1878 г. он является проповедником чего-то совершенно нового, с чем графиня уже никак согласиться не может: отрицание Божественности Христа и искушительного характера Его подвига.

Тем не менее, хотя его отношение к Евхаристии становится проблемным, в целом интерес к православию не иссякает, причем, как указывает Н. Н. Гусев, имея в виду хронологически первую половину 1879 г., Л. Н. Толстой «переживал тогда такой подъем религиозного чувства, до которого он, быть может, уже не доходил во всю свою дальнейшую жизнь», продолжая верить, что учение Церкви есть истина¹.

Многие близкие Толстому люди подчеркивают именно эту неожиданность в переходе писателя к новым взглядам. По-видимому, она не давала покоя В. В. Розанову, который неоднократно писал о разрыве с Церковью Л. Н. Толстого как о личной тайне писателя: «...что-то случилось, чего мы не знаем»². В статье «Из воспоминаний и мыслей о К. П. Победоносцеве», опубликованной 26 марта 1907 г. в «Новом времени», В. В. Розанов указывает, что настоящая причина «нервного и озлобленного» расхождения Л. Н. Толстого с Церковью кроется в каком-либо интимном и частном обстоятельстве жизни писателя, в незаметной, но очень существенной черте биографии, о которой «он никогда и никому не рассказывал»³. Это тем более примечательно, что сам В. Розанов,

¹ Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963. С. 559–560.

² Розанов В. В. Гр. Л. Н. Толстой // Розанов В. В. О писателях и писательстве. М., 1995. С. 33; см. также: Розанов В. В. По поводу одной тревоги гр. Л. Н. Толстого // Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М., 1996. С. 409.

³ Цит. по: Дмитренко С. Ф. Толстой Лев Николаевич // Розановская энциклопедия. М., 2008. Стб. 1008., Стб. 1009.

гораздо позже, уже после опубликования синодального определения от 20–22 февраля 1901 г., посетив писателя в Ясной Поляне, вынес из этого визита твердое убеждение, что Л. Н. Толстой прекрасно отдает себе отчет в том, что все самое ценное лично для него в душе русского человека создано Православной Церковью⁴. Именно поэтому В. Розанов назвал выступление писателя против Церкви «мелкой правдой».

В письме гр. А. А. Толстой, датированном февралем 1880 г., Л. Н. Толстой уже вполне определенно говорит о своей неспособности разделить веру Церкви⁵. Во время встречи в 1882 г., т. е. приблизительно за год до знакомства с В. Г. Чертковым, гр. А. А. Толстая вынуждена выслушивать от своего племянника в приступе «бешеного пароксизма» поток кощунственных издевательств «над всем, что нам дорого и свято», причем сам писатель производил на нее впечатление одержимого человека⁶.

Благодаря недавно обнаруженным архивным документам имеется возможность более-менее точно установить, когда Л. Н. Толстой причастился последний раз в жизни. В 1941 г. сотрудником усадьбы «Ясная Поляна» А. Н. Володичевой были сделаны выписки из исповедной книги села Кочаки – семейного храма многих поколений Толстых⁷. Выписка А. Н. Володичевой подтверждает информацию Н. Н. Гусева о том, что это событие имело место между 1877 и 1881 гг.

Аналогичными материалами мы располагаем и в связи с другой приходской церковью, уже московской, – Знамения близ Девичьего поля, недалеко от хамовнического дома семьи Толстых⁸.

Осенью 1879 г. (конец сентября, 1 и 2 октября) Л. Н. Толстой встречается в Москве с авторитетными в богословской среде иерархами – митр. Макарием (Булгаковым) и еп. Алексеем (Лавровым-Платоновым), а в начале октября 1879 г. в Троице-Сергиевой лавре с архим. Леонидом (Кавелиным), а также совершает поездку в Киево-Печерскую лавру.

Хорошо известно, что эти встречи не повлияли на общее настроение Л. Н. Толстого – на почве переворота рождаются первые религиозно-философские трактаты писателя.

В ноябре 1879 г. Л. Н. Толстой работал над большим сочинением философского содержания, которое не имеет названия и до сих пор полностью не опубликовано. Эта рукопись объемом 106 листов, разбитая на пять глав, хранится в ОР ГМТ, из этого сочинения родились все последующие философские трактаты писателя.

Первым из таких трактатов (если не учитывать «Исповедь») было сочинение, посвященное критике православного догматического богословия в том варианте, который был изложен в книге известного русского историка Церкви и богослова владыки Макария (Булгакова), в будущем московского митрополита (1879–1882).

Книга владыки Макария была обработкой лекций СПбДА, которые затем издавались в журнале «Христианское чтение». В 1847 г. вышло отдельной книгой его «Введение» в систему богословия, а в 1848 г. стала издаваться сама «система», это издание продолжалось на протяжении пяти лет. «Догматика» владыки Макария была первым сочинением на русском языке такого масштаба: в ней был собран огромный, богатый и строго систематизированный материал. Безусловно, в этой работе автор активно пользовался источниками западного происхождения, но это было совершенно неизбежно, так как только на Западе, в частности в протестантских и католических компендиумах, можно

⁴ Цит. по: Дмитренко С. Ф. Толстой Лев Николаевич // Розановская энциклопедия. М., 2008. Стб. 1008., Стб. 1009.

⁵ См.: Переписка Л.Н. Толстого с гр. А. А.Толстой. 1857 – 1903. СПб., Т.1. 1911. С. 326 и далее. С. 28.

⁶ Там же.

⁷ Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого (ОР ГМТ). Ф. 1. № 39748. Выписки из исповедальной книги церкви села Кочаки. Записи об исповеди Л. Н. Толстого и его семьи с 1869 по 1905 г. Нумерация листов отсутствует. Машинописная копия.

⁸ ОР ГМТ. Ф. 1. № 39627. Выписки из исповедальной книги церкви Знамения близ Девичьего поля Пречистенского сорока в Москве. Записи об исповеди Л. Н. Толстого и его семьи с 1882 по 1894 г. Рукописная копия. Л. 1–2.



было получить для такой грандиозной работы всю необходимую информацию, в первую очередь симфонию библейских текстов и собрание святоотеческих цитат.

Как отмечает прот. Г. Флоровский, книга владыки Макария изначально не была произведением самостоятельным, оригинальным и творческим, в определенном смысле она задумана именно как энциклопедия богословских знаний, которая будет облегчать работу богословов и позволит им быстро найти и сопоставить нужные тексты: «Он словно и не подозревает, что эти тексты и свидетельства нужно возвести к живому догматическому созерцанию, к опыту духовной жизни»⁹. По мнению прот. Г. Флоровского, в работе владыки Макария полностью отсутствует богословская смелость и пытливость, живое чувство связи догматического опыта Церкви с духовным опытом, к которому владыка Макарий, похоже, проявлял равнодушие. Неслучайно в жизни он имел репутацию церковного либерала и большого трудолюбца (за что, между прочим, получил очень похвальный отзыв в «Мелочах архиерейской жизни» Н. С. Лескова). Этот либерализм своеобразным образом совмещается с «бюрократизмом» «в манере писать и излагать»: «В его догматике недостает именно «церковности». Он имеет дело с текстами, даже не со свидетельствами, не с истинами. Потому так безжизненно и неубедительно его изложение, внутренне неубедительно. Это одни ответы без вопросов, потому они и не отвечают, что ни о чем не спрашивается»¹⁰. Такой подход только создает видимость объективности, отстраненности, которая реально в таком сложном и ответственном вопросе, как изложение православного вероучения, переходит в «объективность от равнодушия». Такой род объективности вполне приемлем, когда речь идет об идеологически нейтральных исследованиях, но в ситуации с первым на русском языке столь подробным и обширным курсом систематического богословия он таил большую опасность. Неслучайно книга владыки Макария вызвала ряд негативных оценок со стороны владыки Филарета (Гумилевского), А. С. Хомякова, Н. П. Гилярова-Платонова, который назвал сочинение Макария не богословием, а только книгой, «ремесленным изделием»¹¹. Самый резкий отзыв об этом сочинении принадлежит прот. Иоанну Соколову, преемнику владыки Макария на посту ректора СПбДА: он говорит о том, что тысячные цитаты автора догматики только способствуют притуплению голов, в его книге отсутствует всякая светлая мысль, свежий взгляд, доказательность, всякая внутренняя сила. В этом смысле наиболее точно определил недостаток книги митр. Макария В. В. Розанов: это «богословствование из книги в книгу», т. е. переписывание из одной богословской системы (инославного происхождения) в другую¹².

В чем существеннейший недостаток такого рода богословствования, указывает проф. КазДА П. В. Знаменский. Он подчеркивает, что русская богословская наука оказалась не готова к ответственным вызовам 1860-х гг. Всецело соблюдая целостность Православия, академическое богословие не допускало не только отступления от имеющихся определений и формул догматического характера (которые, заметим, часто были некритично восприняты с Запада и несли на себе глубокую печать схоластики и юридизма), но даже не допускало каких-либо подвижек в терминологии. Академическая наука «боязливо останавливалась перед всяким проявлением самостоятельной мысли и каким-нибудь новым выводом из тех же освященных давним церковным употреблением формул»; при этом «прикладное», практическое богословие пребывало «в одних высших сферах совершенно отвлеченной, ни к кому и ни к чему в частности не относящейся морали»¹³.

Л. Н. Толстой, человек с очень тонким, можно сказать, обостренным художественным чутьем, к тому же никогда не отличавшийся особенной любовью к абстрактной

⁹ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991 [репринт: Париж, 1937]. С. 222.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² См.: Розанов В. В. Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М., 2001. С. 337. Примеч. 2.

¹³ Знаменский П. В. Богословская полемика 1860-х годов об отношении православия к современной жизни. Казань, 1902. С. 4–5.

«учености», даже в особо выдающихся масштабах не мог не почувствовать именно этой слабой стороны в книге митр. Макария.

Очень характерно замечание В. В. Розанова 1913 г., он говорит о том, что богословие Макария в конце 70-х – начале 80-х гг. никто, кроме самого Толстого, «не считал сколько-нибудь серьезной книгой», причем критика писателя была бы смешна в глазах славянофилов, с которыми (названы Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков) и следовало бы бороться писателю¹⁴. Фактически это же подтверждал в 1901 г. и бывший единомышленник писателя М. А. Новоселов, который в своем открытом письме Л. Н. Толстому посетовал на то, что последнему пришлось знакомиться с христианским богословием по руководству митр. Макария, а не приобщиться «на первых порах к более жизненной и животворящей мысли богословов-подвижников»¹⁵.

На почве нового мировоззрения и критики догматической системы митр. Макария рождается ряд известных философских трактатов писателя, в которых Л. Н. Толстой излагает суть своего представления о религии. Эти произведения составляют как бы некоторую систему и связаны с отдельными аспектами этой системы: «Исповедь» – история духовного переворота, «Критика догматического богословия» – изложение «системы» взглядов Л. Н. Толстого, а точнее, достаточно агрессивная критика православного вероучения, наконец, – это толстовский новый «перевод» Евангелия. Следует подчеркнуть, что с точки зрения отношения писателя к Церкви и ее учению все последующие работы Л. Н. Толстого фактически только уточняют те или иные мысли, изложенные в перечисленных сочинениях. Конечно, это вовсе не означает, что его религиозные взгляды не менялись: как уже указывалось выше, они претерпевали постоянные изменения, но вовсе не в вопросе своей антицерковной направленности.

История издания религиозно-философских трактатов Л. Н. Толстого крайне интересна. В первую очередь это касается «Исповеди». Работа над этим сочинением началась в 1875 г., первая попытка его издания в России в 1882 г. была неудачной. Рукопись Л. Н. Толстого была представлена в редакцию журнала «Русская мысль» в апреле 1882 г., но затем была передана в духовную цензуру. Московский митрополит Макарий (Булгаков), с которым, как было сказано, писатель незадолго до этого встречался, по видимому, не хотел запрещать это сочинение, но и не решался его пропустить. В конечном счете рукопись была передана прот. Н. А. Сергиевскому, который в беседе с Н. Н. Бахметьевым, в то время сотрудником редакции «Русской мысли», назвал это сочинение захватывающим, но указал на имеющиеся затруднения по ее печатанию. Интересно, что в своих воспоминаниях Н. Бахметьев называет прот. Н. Сергеевского «священником-оппортунистом»¹⁶. Только в 1884 г. «Исповедь» Л. Н. Толстого была напечатана в Женеве, а в 1885 г. появился ее перевод на английский язык, сделанный В. Г. Чертковым.

Трактат Л. Н. Толстого «Критика догматического богословия» готовился в последние месяцы 1879 г. и в первоначальном виде был закончен в марте 1880 г., однако затем, не в последнюю очередь под влиянием встречи с В. Г. Чертковым, последовала еще одна переработка. Но выпущен в свет этот трактат был только в 1896 г. в первом бесцензурном зарубежном издании.

Очень характерно, что главный мотив толстовской критики догматического богословия – соотношение церковной веры и современного научного знания – повторяется во многих произведениях вполне церковных авторов. Можно указать в этой связи, например, на выступление в 1906 г. будущего священника, а тогда еще студента МДА П. Флоренского, который подчеркивал, что живая жизнь русского общества идет вне церковного вероучения, а вероучение идет вне жизни, ибо православные писатели от-

¹⁴ Розанов В. В. Указ. Соч. С. 80. Примечание.

¹⁵ Новоселов М. А. Открытое письмо графу Л. Н. Толстому от бывшего его единомышленника по поводу ответа на постановление Святейшего Синода (1901) // Духовная трагедия Льва Толстого. М., 1995. С. 216.

¹⁶ Бахметьев Н. Н. Л. Н. Толстой и цензура в 80-х годах // Новое время. 1908. № 11694 (1 октября).



стают от духовных потребностей своих читателей: «...интимнейшие волнения в необъятной шири духа – оказались вне этого вероучения»¹⁷. Здесь, правда, пути Л. Н. Толстого и П. Флоренского кардинально расходятся: с точки зрения последнего, современное ему общество снедает «жажда по догматике», стремление найти эти «интимнейшие волнения» облеченными в строгую интеллектуальную форму, потребность «в закреплении переживаний посредством их схематизации»¹⁸, рефлексии. С точки зрения Л. Н. Толстого, всякая попытка построения догматической системы есть бессмыслица, игра в «басни», которым современный образованный человек верить не может.

Несколько слов нужно сказать о сочинениях Л. Н. Толстого, связанных с критикой синодального перевода евангельского текста. Эти опыты, безусловно, имели особое значение для Л. Н. Толстого – ведь от того, насколько убедительной была его критика церковного понимания Евангелия, зависело восприятие его критики церковной догматики.

В работе над евангельским текстом Л. Н. Толстого проявилась характерная тенденция – освободить Евангелие от «вековых наслоений», от всего того, что, по мнению писателя, в течение долгого промежутка времени содействовало искажению первоначального намерения Христа и евангелистов – дать людям простое и понятное учение. Этот мотив подробно и детально освящен в очень интересном письме Н. Н. Страхова И. С. Аксакову, где автор письма говорит о стремлении Л. Н. Толстого восстановить «человеческой тон» евангельского повествования, который оно первоначально имело: «Если Царство Небесное может водвориться *внутри нас*, то смысл его должен выражаться нашей обыкновенной речью»¹⁹.

Однако проблема заключается в том, что, даже если принять тезис Н. Н. Страхова, понятно, что простая и понятная речь Евангелия – это не русская речь, а древнегреческий язык определенной исторической эпохи. Домашний учитель детей Л. Н. Толстого И. М. Ивакин, по образованию филолог-классик, оставивший о писателе очень ценные воспоминания, довольно однозначно свидетельствует, что Л. Н. Толстой греческий язык знал очень плохо, и дополняет это свидетельство описанием многочисленных случаев, когда писатель обращался к нему, тогда еще студенту, с самыми элементарными вопросами²⁰. И. М. Ивакин делает очень интересное примечание: часто, желая «подогнать» текст под свою концепцию, Л. Н. Толстой искал в словаре некоторые специальные значения того или иного слова, но, совершенно не будучи знаком с так называемыми критическими методами исследования текста, он никогда не задавался вопросом о допустимости в конкретном случае найденного перевода, лишь бы он служил подтверждением его собственного понимания евангельского текста. Ивакин подчеркивает, что в первую очередь Л. Н. Толстой имел в виду только нравственную сторону своего собственного учения, причем Евангелие обязано было только подтвердить взгляды писателя, иначе Л. Н. Толстой «не церемонился и с текстом». «При всем моем благоговении к нему, я с первого же шага почувствовал натяжку. Иногда он прибегал из кабинета с греческим Евангелием ко мне, просил перевести то или другое место. Я переводил, и в большинстве случаев выходило согласно с общепринятым церковным переводом. «А вот такой-то и такой-то смысл придать этому нельзя?» – спрашивал он и говорил, как хотелось бы ему, чтоб было... И я рылся по лексиконам, справлялся, чтобы только угодить ему, неподражаемому Л[ьву] Н[иколаевичу]»²¹.

О плохом знании древних языков Л. Н. Толстым свидетельствует и известный русский богослов, специалист по библеистике проф. Н. Троицкий, который встретился случайно с Л. Толстым в вагоне поезда зимой 1885 г. Из описания этой встречи выясня-

¹⁷ Цит. по: Антонов К. М. *Философия религии в русской метафизике XIX – начала XX века*. М., 2008. С. 274–275. С. 276.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Аксаков И. С. – Страхов Н. Н. *Переписка*. Оттава; М., 2007. С. 135.

²⁰ См.: Ивакин И. М. [Воспоминания о Толстом] // *Литературное наследство*. Т. 69: Лев Толстой / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М., 1961. Кн. 2. С. 34 и многие другие места.

²¹ Там же.

ется, что Л. Н. Толстой при подготовке своего перевода Евангелия совершенно не был знаком ни с критическими трудами по предмету, ни со специальными сочинениями филологического характера. Проще говоря, писатель, будучи человеком образованным и прекрасным автодидактом, к тому же проявляя в изучении предмета большое личное усердие, просто не учел того обстоятельства, что работа по переводу Евангелия требует специальной и очень сложной богословской, филологической и исторической подготовки, которая продолжается фактически десятки лет и может быть в современных условиях осуществлена только академическим путем, т. е. в университетских стенах или в стенах духовной академии.

В ходе беседы с Н. И. Троицким выяснилось, что еврейским языком Л. Толстой занимался с М. В. Никольским и продвинулся до глав книги Бытия, где говорится об Аврааме. Далее говорится о том, что в 1884 г. Л. Толстой в Париже слушал лекции Э. Ренана и был прельщен их талантом и художественностью, но не смог критически отнестись к содержанию лекций. Так как Ренан требовал от своих слушателей знания еврейского текста Библии, Толстой взялся за изучение греческого и еврейского языка, но серьезно в этом вопросе не продвинулся. Писатель не был знаком с так называемыми критическими изданиями Нового Завета, без которых предпринимаемая им работа становилась абсолютно бессмысленной – ни один из названных Н. И. Троицким авторов (Рейнекций, Лахман, Штир, Тейле и даже Константин Тишендорф) не были известны Л. Н. Толстому. Кроме того, писатель, пользуясь самыми современными греческими словарями («лексиконами»), совершенно не учитывал особенностей так называемого языка «койне», имеющего существенные различия с языком классических писателей, а ведь Евангелие написано именно в традиции «койне», поэтому Л. Н. Толстому был неизвестен столь опасный именно в древних языках известный эффект слов – «ложных друзей переводчика», которые, имея стандартное значение в классической традиции, имеют совершенно иное семантическое поле и коннотации в тексте Евангелия, на что и обратил внимание писателя Н. И. Троицкий в связи с богословски столь значимым термином «благодать»²².

Толстовский подход к «переводу» Евангелия был настолько искусственным, что иногда даже ставил в тупик ближайших последователей писателя: когда в 1895 г. обсуждался вопрос о переводе «Краткого изложения Евангелия» на английский язык, В. Г. Чертков в письме обратился к Толстому с вопросом, как быть с интерпретацией писателем главы 10 Евангелия от Иоанна, в которой, чтобы полностью избежать какого-либо намека на чудо, совершаемое Христом, писатель заменил телесное прозрение слепорожденного, освобождение от слепоты, на духовное просвещение: в интерпретации Л. Н. Толстого Господь не сделал слепого зрячим, не дал ему зрение, а духовно его просветил, открыл темному свое учение. На это В. Чертков спрашивает, как же тогда быть с началом главы 10, где говорится, что слепец был темен от рождения, он же не мог быть просвещен от рождения. В ответ на это письмо Л. Н. Толстой указывает, что в английском переводе придется употребить слово *blind*, т. е. именно «слепой». Этот ответ привел В. Г. Черткова в еще большее недоумение: он написал Л. Н. Толстому, что его ответ очень смущает его, ведь в таком случае «выходит *чудо*», которое противоречит настойчивому желанию писателя избежать всего чудесного: «Чувствую, что это послужило бы большим соблазном, ибо если в одном месте оставить чудо, то это было бы оправданием для восстановления их везде, где захочется» (ПСС. Т. 87. С. 351–352, 356). На это писатель ответил, что не может вдуматься в обсуждаемое место Евангелия и поэтому оставляет за В. Г. Чертковым право делать, как он знает, но при этом, «разумеется, надо, чтобы не было возможности объяснить чудом» (ПСС. Т. 87. С. 356)²³.

²² Троицкий Н. Кто он?.. Моя встреча с графом Л. Н. Толстым // Вера и Церковь. 1903. Т. 1. Кн. 1. С. 125. С. 133–134.

²³ Очень жесткой критике манера Л. Н. Толстого в изложении евангельских истин подверглась в письме Н. Н. Страхова к И. С. Аксакову. Н. Н. Страхов здесь называет труд писателя «крайне безобразным», не «переводом», а «перефразом», но подчеркивает, что «по сущности дела, и по отношению к евангельскому тексту тут есть и ценное, и даже бесценное» (Аксаков И. С. – Страхов Н. Н. Переписка. Оттава; М., 2007. С. 134).



Интересно, что впоследствии писатель, по всей видимости, прекрасно понял, в чем заключается неубедительность его построений, так как в письме В. Г. Черткову от 26–28 марта 1902 г. он просит последнего предпослать предполагающемуся английскому изданию «Соединения и перевода четырех Евангелий» небольшое предисловие, в котором будет сказано, что в этой книге имеется много лишнего, «в особенности все филологические необычные толкования греческих слов в таком смысле, чтобы они отвечали общему смыслу» (ПСС. Т. 88. С. 258). Далее Л. Н. Толстой указывает, что писал эту книгу под впечатлением того восторга, который его охватил, когда, казалось, ему открылся истинный смысл евангельского учения – не того сложного учения, которое преподается Церковью, а того простого, которое может быть понятно всем людям. С этой точки зрения все Евангелие делится на две части: мысли «понятные» и мысли «темные». Так вот, в 1902 г. Л. Н. Толстой признает, что в этот период жизни предпринял попытку «придать и темным местам подтверждающее общий смысл значение. Эти попытки вовлекли меня в искусственные и, вероятно, неправильные филологические разъяснения, которые не только не усиливают убедительность общего смысла, но ослабляют ее» (ПСС. Т. 88. С. 259).

В то же самое время Л. Н. Толстой был убежден в том, что его понимание Евангелия является правильным и гораздо точнее «церковного» – в 1890 г. в беседе с К. Н. Леонтьевым в Оптиной пустыни Толстой указывал, что сам пьет «чистую Евангельскую воду», а К. Леонтьев, пребывающий в монастыре, пользуется монашеской «воронкой»²⁴.

В дальнейшем в ряде своих сочинений Л. Н. Толстой уточняет те или иные аспекты своей доктрины. В 1884 появляется трактат «В чем моя вера?», в 1886 – «Так что же нам делать?», в 1887 – «О жизни», в 1891–1893 – «Царство Божие внутри вас», в 1897 – «Что такое искусство?», наконец, в 1899 – роман «Воскресение», выход которого послужил формальным поводом к обсуждению в очередной раз вопроса об отлучении писателя от Церкви.

Следует подвести итог.

Духовный переворот Л. Н. Толстого, приведший впоследствии к его конфликту с Церковью, был связан с рядом важных субъективных и объективных факторов. В окружении Л. Н. Толстого всегда были лица, стремившиеся оказать влияние на писателя и помочь ему в его напряженных религиозных поисках. Эти попытки завершились неудачей: к началу 1880-х гг. писатель фактически окончательно порывает с Православием, а в его трактатах, задуманных или частично уже написанных, содержатся все те идеи, которым он не изменял до конца своей жизни. Конфликт писателя с Церковью приобретает характер агрессивного противостояния.

L.N.TOLSTOY'S SPIRITUAL REVOLUTION: CHRONOLOGY AND PECULIARITIES

Yu.L. OREKHANOV
(Priest G. OREKHANOV)

*Orthodox St. Tikhon Humanitarian
Academy, Moscow*

e-mail: ogeorgo@pstbi.ru

In the article of Priest G.Orekhanov considers the problem of so-called L.N.Tolstoy's spiritual revolution which dated back to the end of 70-s – the beginning of 80-s years of the XIX-th century. The author shows that the revolution was caused by a number of the reasons of objective as well as subjective character. In the article some chronological details of the given event are specified, and also conclusions concerning its role in the further opposition of the writer with the Russian Orthodox Church are made.

Key words: Christianity, L.N.Tolstoy, spiritual revolution, peculiarities.

²⁴ К. Н. Леонтьев. Из эпистолярного наследия. Письмо к Т. И. Филиппову / Публ. и примеч. Г. М. Кремнева // Трибуна русской мысли. 2002. № 3. С. 123.

РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В КОНЦЕПЦИИ Н.Н. ГЛУБОКОВСКОГО

Н.И. СОЛНЦЕВ

*Нижегородский
государственный
университет*

e-mail: ist@unn.ru

Среди теорий развития русского церковно-исторического знания лидирует историографическая концепция Н.Н. Глубоковского. Несмотря на то, что многие положения, высказанные автором, весьма спорны, его работа надолго определила структуру рассмотрения историографии церковно-исторической науки в России. В представленной статье раскрыт ряд противоречий, присущих историографическому анализу Н.Н. Глубоковского.

Ключевые слова: историография, церковная история, периодизация церковной истории.

Систематические историографические обзоры, иллюстрирующие развитие церковно-исторической науки, немногочисленны. Первенство среди них принадлежит работам Ф.И. Титова «Критико-библиографический обзор по истории Русской Церкви»¹ и «Критико-библиографический обзор новейших трудов по истории церкви»². Несмотря на заявленное название, обе работы скорее являются библиографическими указателями работ по истории русской церкви, чем критико-аналитическими произведениями. Краткость характеристик, данных автором и их работам, не позволяет соотнести их с историографической характеристикой перечисленных произведений. К этому же периоду времени относится «Краткий историко-критический очерк систематической обработки церковной истории»³, принадлежащий перу А.В. Карташева и напечатанный в журнале «Христианское чтение» за 1903 год. Данная работа, как и следует из названия, носит весьма краткий, конспективный характер. Тем не менее, следует заметить, что уже в этой работе просматриваются черты того анализа систематических построений русской церковной историографии, который Карташев развернет во введении к своим «Очеркам по истории русской церкви».

К произведениям обобщающего характера можно отнести и работу А.П. Лебедева «Церковная историография в главных ее представителях с IV века до XX в.»⁴ Задумывая столь масштабное историческое исследование, Лебедев ставил своей целью дать общий обзор развития мировой церковной историографии как таковой, что и было блестяще им выполнено.

Как видно из приведенного обзора, доля систематических построений, касающихся русской церковной истории, сделанных до революции в России, не велика. Что же касается работы А.П. Лебедева, то она обращается к проблемам русской церковно-исторической школы лишь частично. Этому можно дать объяснение. В отличие от «общей» церковной истории, знание которой входило в программы духовных учебных заведений еще с XVIII века, предмет русской церковной истории был вызван к жизни только реформой 1814 года. В конце XIX века церковно-историческая школа русской истории только завершает свое формирование. Наступает пора первых оценок, которые выражаются в кратких обзорах. Время больших обобщающих работ,

¹ Титов Ф.И. Критико-библиографический обзор по истории Русской Церкви. Вып. I. Киев, 1901.

² Титов Ф.И. Критико-библиографический обзор новейших трудов по истории церкви. Вып. III. Киев, 1904.

³ Карташев А. Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории // Христианское чтение. СПб., 1903. Т.СХХVI. Ч.1. №7 (Июль). С. 91-92.

⁴ Лебедев А.П. Церковная историография в главных ее представителях с IV века до XX в. СПб., 1903.



подобных работе А.П. Лебедева, было на пороге, но мировая война и последовавшая за ней революция не позволили появиться таким работам в России.

Время подведения итогов настало после революции. Иммигрировавшая из страны творческая интеллигенция пыталась осмыслить причины произошедшей с Россией катастрофы. Ответ на этот вопрос искали во многих областях гуманитарного знания, в том числе и в богословии. Казалось, что взгляд со стороны на эволюцию русской духовности поможет разрешить многочисленные вопросы, предъявляемые современниками к новой действительности. Серьезным вкладом в разрешение этой проблемы стала работа Н.Н. Глубоковского «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии»⁵. Работа была впервые опубликована в 1928 году в Варшаве и представляет собой общий обзор становления и развития русской богословской мысли. Этот труд стал продолжением обзора состояния русской духовной науки, который ученый выпустил еще в 1919 году⁶.

Профессор Петербургской духовной академии Н.Н. Глубоковский, проявив себя вначале как историк церкви блестящим сочинением о блаженном Феодорите, епископе Кирилловском, все силы последующих лет своей жизни посвятил изучению Священного Писания, успешно сочетая эту деятельность с немногочисленными высказываниями о современной ему церковно-общественной ситуации.

Авторитет этого ученого не позволяет утверждать, что работа была написана поверхностно, однако «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии» скорее напоминает краткие очерки, посвященные отдельным богословским дисциплинам. Зачастую автор даже не удосуживается подвести под сказанное какие-либо выводы, дать те или иные оценки. Во взглядах развития русского богословия он явно стоит на стороне традиционалистов.

Раскрывая эту тему, автор не мог обойтись без анализа развития церковно-исторической науки. Он последовательно рассматривает становление таких дисциплин, как общая церковная история, патристика, русская церковная история, история раскола и единоверия. Следует отдать должное Глубоковскому, его точка зрения на проблему развития церковной истории надолго определяет структуру и характер подобных сочинений. Например, он первым сопоставляет исторические работы митрополита Макария (Булгакова) и С.М. Соловьева⁷, что становится традицией для всей последующей литературы, посвященной церковной историографии.

В изложении основное внимание Глубоковский уделяет ведущим представителям русской церковно-исторической школы XIX века. Практически ученый выстраивает ту линию развития русской церковной истории, по которой в последующее время будут равняться все подобные произведения. Он начинает изложение с личности митрополита Московского Платона (Левшина) и его «Краткой Церковной российской истории». Впервые Платон рассматривается не как политик, архиерей, насаждитель академической науки, а как ученый-историк. Для Глубоковского он стал «счастливым предтечей научно-исторического мессианства»⁸. Обращение к этой личности как к основателю русской церковно-исторической школы не случайно. Именно с Платона начинается развитие богословской концепции истории русской церкви, которую сам Глубоковский характеризует словами А.В. Горского как догматическую⁹.

⁵ Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава, 1928. Эта книга переиздана в недавнее время дважды: Б.м.: Изд. Свято-Владимирского братства, 1992 и М., 2002. В работе цит. по: Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Б.м.: Изд. Свято-Владимирского братства, 1992.

⁶ Глубоковский Н.Н. Богословие. Обзор науки. Пг., 1919.

⁷ Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии... С.73.

⁸ Глубоковский Н.Н. Там же. С.68.

⁹ «По теории, и по опыту должно согласиться, что изложение истории церкви наиболее определяется взглядом догматическим. Характер православного богословия – утверждать свои истины на слове Божиим и подкреплять свое разумение слова Божия свидетельством церкви или предания в обширнейшем значении». См.: там же. С. 51.

Задачей церковно-исторической науки становится «обращать особое внимание в истории на черты нравственные, на следы Провидения Божия в происшествиях общественных и приключениях частных, на связь и последовательность в судьбах народов нравственного улучшения и благоденствия, или, напротив нравственного повреждения и упадка благосостояния»¹⁰. Именно в рамках этих концептуальных положений должна была развиваться и развивалась русская церковная история. По мнению Глубоковского, этот процесс шел через обогащение науки фактическим материалом в трудах епископа Иннокентия (Смирнова) и митрополита Евгения (Болховитинова) и привел к первой научной систематизации в «Истории русской церкви» архиепископа Филарета (Гумилевского).

Характеризуя это произведение, Глубоковский явно симпатизирует Филарету как историку. Конкретность и выверенность самой работы, четкость исторической периодизации и аргументации внушали уважение. Как следствие, работу до сих пор можно считать классическим воплощением богословской исторической концепции. Эта сторона произведения так увлекает Глубоковского, что он не замечает как, характеризуя работу, начинает противоречить сам себе. С одной стороны, он превозносит «христианский объективизм, выгодно отличающий рассматриваемый труд, где мы находим и трезвую критику источников со всякими сведениями и редкую смелость суждений по всем пунктам»¹¹. С другой стороны, перед этим он отмечает, что «частные схемы, принятые у архиепископа Филарета для каждого исторического периода, достаточны для этих целей, но они однообразны... Отсюда картина получается настолько безжизненная, как бы застывшая в своих тонах при хронологическом чередовании исторических фигур»¹². И окончательно запутавшись в своей оценке, начинает отрицать и сам «христианский объективизм» исследования, обвинив Филарета в «субъективизме и тенденциозности»¹³. Причины субъективизма, по мнению Глубоковского, – это недостаточное количество исторических источников, не позволяющих выстроить повествование без внутренних конфликтов и тенденциозности. Только расширив источниковую базу, сведя воедино все накопленные данные по церковной истории, можно добиться научного прорыва на этом поприще.

Этот прорыв выпадает на долю митрополита Макария (Булгакова), который создает работу беспрецедентную по своей источниковой полноте, ставшей, по мнению Глубоковского, великим научным памятником своему создателю. Масштабность работы действительно поражала современников. Будучи неоконченной, «История русской церкви» митрополита Макария, по широте охвата проблемы и по объему информации могла быть сопоставима только с современной ей «Историей России с древнейших времен» С.М. Соловьева. На это внешнее сходство и указывает Глубоковский. Однако тут же дает весьма точное определение конструктивной особенности этого произведения, назвав его «историографической мозаикой»¹⁴. Подобная резкость исследователя легко объяснима той критикой, которая обрушилась на работу еще во времена ее публикации. Игнорировать этот поток высказанных замечаний Глубоковский не мог, да и не хотел в силу их полной обоснованности. Единственное, что не могли отрицать многочисленные критики произведения – это его фактической полноты. Развивая это положение, Глубоковский и выстраивает свою схему развития русской церковно-исторической науки. По его мнению, следующим этапом развития должен стать этап «критический». Эту миссию выполнил профессор Московской духовной академии Е.Е. Голубинский.

Несмотря на закономерность «критического» этапа, Глубоковский, рассматривая историческое наследие Голубинского, пребывает в явной растерянности. Оста-

¹⁰ Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии.... С. 69.

¹¹ Там же. С. 72.

¹² Там же. С. 71.

¹³ Там же. С. 72.

¹⁴ Там же. С. 76.



ваясь в оценке русского богословия на стороне традиционалистов, он явно ставил перед критикой иные задачи. Критика, по мнению Глубоковского, не должна была разрушить самой богословско-догматической исторической концепции. Во многом эта позиция и определила глубокий пафос той характеристики, которую Глубоковский дает научной деятельности Е.Е. Голубинского.

Критические взгляды московского профессора на русскую церковную историю явно раздражают автора. Голубинский предстает как некий разрушитель устоев, бесцеремонно сломавший основы русской церковно-исторической науки, не предложив ничего взамен. Старательно подчеркнуты ошибки, которые он совершил в процессе написания работы. В частности, приведены разыскания профессора А.С. Павлова, доказавшего подлинность Устава митрополита Георгия, которому Голубинский отказал в доверии. Вспоминает Глубоковский и мнение профессора Н.И. Субботина, высказанное им в качестве оппонента еще на докторском диспуте в стенах Московской духовной академии¹⁵. Глубоковский не отказывает Голубинскому ни в даре источниковеда, ни в таланте историка, тем не менее, лейтмотивом его характеристики становится описание «безбрежного скептицизма» исследователя, выразившегося в «убийственном» для церковно-исторической науки применении¹⁶. По его мнению, критическая сторона исследования Голубинского была гораздо выше, чем конструктивная. Подобный вывод окончательно закрепил за автором «Истории русской церкви» репутацию критика-крушителя, ниспровергателя авторитетов в русской церковной истории. Остается только сожалеть, что Н.Н. Глубоковский, будучи ошеломлен смелостью критического подхода Голубинского, был не в состоянии оценить работу целиком в ее нестандартности и новизне. Представленная автором критика на столько приковывала внимание, что все остальное просто не нашло себе места в представленном очерке.

Не нашлось места в очерке и оценке исторического наследия, оставленного другими церковными историками, и это несмотря на то, что их работы в то время уже являлись неотъемлемой частью русской церковной историографии. Можно объяснить отказ Глубоковского характеризовать работы А.Н. Муравьева¹⁷ и М.В. Толстого¹⁸. Эти работы были далеки от академических стандартов и не укладывались в богословско-догматическую церковно-историческую концепцию. Можно было не заметить провинциального историка П.И. Малицкого¹⁹, но игнорировать работы П.В. Знаменского²⁰ и А.П. Доброклонского²¹ было просто невозможно. Эти работы принадлежали признанным церковным историкам, были одобрены Синодом и широко известны. В объяснении этого факта напрашивается только один вывод: они не укладываются в авторское видение линии развития русской церковной истории. Творчество этих авторов показало бы, что внутри самой богословской исторической концепции начинается движение в сторону глубокого обновления, выразившегося в сближении со светской исторической школой и западноевропейской философией, что сами принципы

¹⁵ См.: А.Б. Докторский диспут в Московской Духовной Академии 16 декабря 1880 года // Православное обозрение. 1881. №1. С. 149-178. Корсунский И. Отчет о докторском диспуте, происходившем в Московской духовной академии 16 декабря 1880 года // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1880. Ч.III. №12. (декабрь). Отделение II. С. 473-489.

¹⁶ См.: Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии... С.83.

¹⁷ Муравьев А.Н. Истории российской церкви. СПб., 1838. Работа А.Н. Муравьева была переиздана в 2002 году. См.: Муравьев А.Н. История российской церкви. М., 2002.

¹⁸ Толстой М.В. Рассказы по истории русской церкви. М., 1870. Переизданы в 1991 году: История русской церкви. (Толстой М.В. Рассказы по истории русской церкви). Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1991.

¹⁹ Малицкий П.И. Руководство по истории русской церкви. Т.1. СПб., 1897, Т.II. СПб., 1902. Переиздано в 2000 году: Малицкий П.И. Руководство по истории русской церкви. М., 2000.

²⁰ Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. Казань, 1870. Знаменский П.В. Учебное руководство по истории русской церкви. СПб., 1896. Переиздано в 2002 году: Знаменский В.П. История русской церкви. М., 2002.

²¹ Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. Рязань, 1884; М., 1893. Переиздано в 2001 году: Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001.



богословско-догматической исторической модели требуют глубокого пересмотра. Признание этого факта сделало бы бесполезной демонизацию «критического скептицизма» Е.Е. Голубинского. Пришлось бы признать, что творчество Голубинского – это не продолжение богословского понимания истории, а совершенно новый, принципиально отличный от предыдущего этап развития русской церковно-исторической науки, к которому она последовательно подходила. Другими словами, это нарушило бы стройную закономерность выведенных Глубоковским этапов формирования историографического комплекса по истории русской церкви.

Несмотря на указанные недостатки, нельзя отказать работе Н.Н. Глубоковского и в целом ряде достоинств. Прежде всего, это была первая попытка оценить тот путь, который прошла русская церковно-историческая школа. Выстроить линию развития понимания истории, показать тенденции, отметить этапы. Несмотря на краткость некоторых характеристик, изложение темы весьма органично. Представленные в обзоре исторические фигуры получили яркие, запоминающиеся характеристики, большинство из которых точны и, как следствие, станут кочевать из одного историографического обзора в другой. В конечном итоге следует признать, что работа Н.Н. Глубоковского стала первой серьезной обобщающей работой по истории развития русского богословия.

DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN CHURCH-HISTORICAL SCIENCE IN THE CONCEPTION OF N.N. GLUBOKOVSKIY

N.I. SOLNTSEV

*Nizhny Novgorod
State University*

e-mail: ist@unn.ru

The historiographical conception of N.N. Glubokovskiy has a strong lead among the deferent theories of development of Russian church-historical science. In spite of the fact that many points expressed by the author sometimes are questionable, his work has determined the structure and approach to the study of historiography of church-historical science in Russia for a long time. This article reveals some contradictions inherent to the historiographical analysis of N.N. Glubokovskiy.

Key words: historiography, church history, division of church history into periods.



АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 323.2

ЧЕЛОВЕК В СТРУКТУРЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (ПОЛИТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

С.К. НАГАЕВА

*Хакасский государственный
университет
им. Н.Ф. Катанова,
г. Абакан*

*e-mail:
nagaeva-svetlana@rambler.ru*

В статье рассматривается гражданское общество в политико-антропологическом измерении. Осмысливается теория «политического человека» как актора гражданского общества. Рассматриваются его черты и даётся характеристика его качеств. Обосновываются перспективы человека политического в формировании пространства гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, человек политический, актор, субъект.

Современная политическая наука в осмыслении теории гражданского общества предложила оригинальные подходы, которые рассматривают его не только как институциональный, но и как поведенческий (антропологический) феномен. В структуру гражданского общества как политического явления включаются не только институты, которые действуют непосредственно в политическом пространстве (например, политические партии), но и те процессы и отношения гражданского общества, которые оказывают влияние на принятие политических решений.

Анализ современных российских политических интерпретаций гражданского общества позволил нам сформулировать его понятие в аспекте политико-антропологической парадигмы, как «политико-публичной формы человеческого бытия, как сообщества граждан, в рамках которого каждый индивид – актор, заинтересованный в обеспечении достойной жизни для себя и других, осуществляет политическую активность, реализуя свои интересы и удовлетворяя естественную потребность в общении, достигает общее благо»¹.

Таким образом, гражданское общество предстаёт как пространство проявления политической природы человека, его самовыражения, реализации себя в общении с другими людьми для достижения гуманных и благих целей. Гражданское общество немислимо без человека. Именно человеческая активность конструирует пространство гражданского общества.

¹ Коноплин Ю.С., Нагаева С.К. Гражданское общество в политическом измерении (антропологический подход). Монография. М., 2008. С. 51.



В политико-антропологическом измерении индивид как носитель гражданско-политических отношений будет обозначаться «актором». Важно отличать специфику содержания категорий «актор» гражданского общества и «субъект» гражданского общества.

В отечественной политической науке эти понятия часто отождествляются. Однако, на наш взгляд, главная функция субъекта состоит в достижении целей. Цель как общий интерес, выработанный и сформулированный в программных документах ассоциации, предполагает наличие устойчивых механизмов для реализации. Поэтому, в качестве «политического субъекта» или «субъекта гражданского общества» обычно выступает организация. Актер же стремится удовлетворить интересы, то есть это индивид или группа индивидов, которые, осуществляя политическую активность, добиваются реализации своих потребностей и тем самым самореализуются. Актер обладает большей манёвренностью, лучше учитывает особенности меняющихся жизненных ситуаций, главное его средство – это собственная активность, благодаря которой он формирует пространство публичного.

Каковы же основные свойства актера (носителя) гражданского общества? Теория «политического человека» отвечает на этот вопрос в русле политико-антропологической парадигмы.

В разработке концепции человека политического существуют разнообразные интерпретации и подходы. Так, отечественный политолог А.С. Панарин считает, что «политический человек – это особый общественно-исторический субъект, перемещающий решение социальных проблем из сферы гражданских отношений в сферу государственно-политических»².

Исходя из этого определения, образ политического человека отождествляется у А.С. Панарина с гражданином эпохи СССР. Человек политический противопоставлен человеку экономическому, у которого «перевёрнута система приоритетов: телесные нужды он ставит выше духовных»³. «У основания самодеятельного гражданского общества стоят суверенные индивиды, полагающиеся только на себя и интересующиеся другими только как носителями благ, обмениваемых на началах делового партнерства»⁴.

Таким образом, в качестве актера гражданского общества эпохи представительной демократии у А.С.Панарина выступает человек экономический.

Современная российская политическая система, по мнению ученого, представлена «человеком промышленным» (*homo faber*), действующим на основе научно-обоснованных предписаний и инструкций, но нельзя отрицать и забывать того, «...что человек, в большей степени, всё-таки животное политическое, то есть относящееся к полису, к гражданскому состоянию, чем "экономическое»⁵.

Поддерживая позицию Аристотеля в понимании человеческой природы, А.С.Панарин тем самым расширяет возможности политического человека в грядущей системе постмодерна. Человек политический из традиционного субъекта политики преобразуется им в жителя современного демократического государства.

По мнению отечественного политолога О.Ю. Рыбакова: «В самом человеке... заложены предпосылки возникновения, формирования, развития политических качеств, которые способствуют преобразованию человека в существо политическое»⁶.

В настоящем исследовании мы будем опираться на довод, что политический человек – это носитель качеств политико-гражданских отношений в современных развитых странах представительной демократии. Хотя данный тип имеет глубокие исторические корни.

² Панарин А.С. Философия политики. М., 1994. С. 174.

³ Там же. С. 161.

⁴ Там же. С. 162.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ Рыбаков О.Ю. Человек в политике: пути самореализации. Саратов, 1995. С. 11.



Тенденция надвигающейся эволюции субъекта гражданского общества отражена во многих научно-исследовательских проектах. Остановимся подробнее на некоторых из них.

Немецкий политолог А. Инкельс выделил черты современного человека, вот некоторые из них:

- открытость новому жизненному опыту во всех сферах его существования;
- руководство в своём поведении идеей личного достоинства всех людей;
- существенное изменение мнения об обществе. Это предполагает следующие качества:

а) индивид склонен формировать и поддерживать мнения по большому числу проблем общественной жизни;

б) он осведомлён о том, что к рассмотрению любой проблемы возможны разные подходы, и об этих проблемах могут быть разные мнения;

в) он позитивно оценивает это многообразие.

И наряду с характеристикой современного человека немецкий исследователь намечает в обществе тенденцию к появлению «синдрома гражданского участия», которому соответствуют следующие установки:

1) свобода от традиционных авторитетов. Широкий набор разного рода традиционных – религиозных, семейных, этнических и местных авторитетов замещается единственным общенациональным политическим авторитетом;

2) интерес к общественным проблемам, выраженный в активном политическом участии и подкреплённый желанием быть информированным о текущей социально-политической ситуации в обществе;

3) ориентация на политические и правительственные процессы, которые признают необходимость и желательность формирования рациональных процедур и соответствующих организаций государственного управления.

Вышеперечисленные черты были отнесены отечественными политологами Д.В. Гончаровым и И.Б. Гоптаревой к понятию «политический человек»⁷.

Следует отметить, что категория «человек политический» достаточно часто используется в отечественной литературе применительно к профессиональным политикам. Мы же предлагаем использовать в изучении политического человека антропологическую парадигму и рассматривать его как индивида обладающего набором черт социально-политического характера, сформированных как типом данного общества, так и чертами, наделёнными человеческой природой. Изучить человека политического одна из важнейших задач, как политологии, так и ряда направлений общественных наук. «Понять человека – значит понять человека политического» – отмечает В.Ю. Сморгунова в своей работе «Феномен политического знания»⁸.

Человек имеет политический модус во всех своих сущностных проявлениях: в познавательной активности, эмоционально-оценочном подходе к миру, в своих волевых проявлениях. Однако не в каждом индивиде этот модус раскрывается во всей своей полноте. Что делает человека политическим? Отвечая на эти вопросы, учёные разделились во мнениях. Одни ищут «политическое» в биологической основе человека, другие указывают на политичность как исключительно социальный феномен. Мы, выделив ведущие черты человека политического, попытаемся дать свой ответ на вопрос о сущности политической природы человека.

Главным фактором существования человека вообще и политического человека в частности является активность. Американский политолог Х. Арендт выделила три вида активности человека, каждый из которых обозначает необходимое условие, наличие которого предполагает бытие человека политического. Так, первый вид активности – труд определяется наличием фактора жизни. Отсюда и назначение

⁷ Гончаров Д.В., Гоптарева И.Б. Введение в политическую науку. М., 1996. С. 56-57.

⁸ Сморгунова В.Ю. Феномен политического знания. СПб., 1996. С. 14.

трудовой деятельности: обеспечить сохранение жизни индивида и продолжение жизни рода.

Второй вид активности – создание (изготовление) определяется наличием мира. Назначение создания или работы состоит в том, чтобы изготовить искусственный мир, который в известной мере не зависит от смертности его обитателей, а поэтому представляется устойчивым и постоянным.

Третий вид активности – действие или поступок является исключительной привилегией человека: «Все виды человеческой деятельности обусловлены тем обстоятельством, что люди живут совместно, однако лишь действие непредставимо вне человеческого общества»⁹. Назначение поступка состоит в том, чтобы обеспечивать и поддерживать политическое общежитие людей.

Действие всегда публично. Оно способствует сохранению человеческого рода, так как готовит условия для преемственности поколений, для памяти и истории. Действие или поступок и составляет политическую активность – главную черту человека политического. Только при наличии свободной публичной деятельности или самодеятельности возможно существование автономного гражданского общества.

О проблеме действующего субъекта пишет французский исследователь А. Турен. Свои надежды на предотвращение надвигающегося кризиса демократии он напрямую связывает с появлением социально активного субъекта. В настоящее время, индивид находится в зависимости от общества, от рыночных отношений, что привело к личностному разрыву субъекта. Восстановить жизненный опыт возможно лишь при условии двойного движения за освобождение субъекта. Главными атрибутами этого движения должны стать две добродетели:

- 1) индивидуальная смелость;
- 2) сила коллективного действия.

«Сущность субъекта заключена в стремлении индивидуума быть действующим лицом». «Субъект – это не рефлексия индивидуума по собственному поводу, не идеальный образ, рисуемый им в гордом одиночестве, а непосредственное действие»¹⁰.

Таким образом, политическая активность является ведущей чертой носителя демократического образа жизни – человека политического или действующего субъекта.

В качестве следующей характеристики политического человека следует выделить свободу.

По мнению французского исследователя Жана Бешлера: «Человека определяют, прежде всего, свобода, разум и способность ставить перед собой цель»¹¹.

Свобода сочетает в себе выбор, автономию и стремление действовать ответственно. Свобода противостоит несвободе, которая состоит из вынужденности, гетерономии и хаоса. Человек как бы помещен между двумя этими полюсами. Политический человек максимально приближен к полюсу свободы.

Свобода, как уже отмечалось, составляет суть бытия политики. Об этом пишет Х. Арентс: «Бытие политики заключено в свободе действовать»¹². Поэтому свобода у американского политолога выступает как процесс со-общения, со-участия людей в публичных делах, в решении любых политических вопросов. Человек обретает свободу в процессе действия. Лишь действие подлинно свободно, поскольку протекает между людьми без связи с вещами. Тесная взаимосвязь свободы – действия – политики определяет сущность человека политического, именно

⁹ Арентс Х. *Vita active, или о деятельной жизни* / Пер. с немец. и англ. В. Бибихина, под ред. Д.М. Носова. СПб., 2000. С. 32.

¹⁰ Турен А. *Способны ли мы жить вместе? Равные и различные*// Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 472, 488.

¹¹ Бешлер Ж. *Демократия. Аналитический очерк* / Пер. с фран. М., 1994. С. 10.

¹² Arendt H. *The Human condition*. Chicago, 1958. P. 203.



приобретая свободу: право выбора, автономию и стремление действовать ответственно, человек получает возможность быть личностью, реализовывая своё политическое бытие.

И мы вновь соглашаемся с мнением Х. Арендт, которая рассматривает свободу не как право данное человеку от рождения, а как достижение цивилизации. Человек становится свободным «...при определённой организации власти и политических институтах, гарантирующих политическую свободу».¹³ Таким образом, только в политической сфере индивид не зависит от общества, естественных потребностей, он выступает субъектом активного коллективного творчества собственного жизнеустройства.

Итак, выделив свободу как суть и главное условие политической активности человека необходимо разобраться в мотивах политической активности действующего субъекта.

В основе любой активности людей лежит интерес. Следует отличать частные (приватные) интересы от общих (публичных). Общий интерес образуется сведением множества частных интересов к единой политической платформе. Отечественный учёный В.Л. Романов отмечает, что сам частный интерес не является движущей силой общества. Непосредственно формирует человеческие отношения способ реализации частного интереса, Исследователь выделяет, четыре таких способа:

1. За счёт интересов других людей и в ущерб им (агрессивный социальный паразитизм);
2. За счёт интересов других людей (сапрофитный социальный паразитизм);
3. Через взаимовыгодную интеграцию действий (созидательный синергетизм);
4. Добровольное служение интересам людей (социальный альтруизм)¹⁴.

Третий и четвертый способы реализации частного интереса существуют в зрелом гражданском обществе и соответствуют поведению действующего субъекта, способного преодолеть биологическую потребность «самости», связанной с удовлетворением только собственных интересов, и достичь духовно-нравственного уровня потребностей, где «самость» перестаёт играть главную роль, а человеческий интерес, оставаясь частным, направляется на защиту интересов других людей, то есть перемещается в публичную сферу, приобретая статус политического.

Таким образом, не все частные интересы получают политический статус, а только те, которые приобретают всеобщую значимость. Здесь важным становится ещё одна способность действующего субъекта – открытость внешнему, явленному миру. Французский исследователь Эрмэ Ги, рассуждая о появлении демократического гражданина, пишет, что «гражданин должен приобрести способность смотреть на внешний мир, открыть своё окно, не жить более замкнувшись в себе, общаясь лишь только с соседями»¹⁵.

Открытость – необходимая черта современного человека, так как благодаря именно этому свойству индивид способен выработать в себе желание общаться и взаимно представляться другим людям, то есть почувствовать себя личностью. Только открыв себя для непохожих на нас других, мы сможем ощутить свою полноценность. Открытость – неотъемлемая часть политического бытия людей. Открытый человек знаком с внешним миром, не боится перемен, внутренне готов к принятию новых идей. Он способен адекватно мыслить, соизмерять свои потребности и возможности. Бесспорно – это увлечённый, знающий, образованный индивид, который обладает информацией о жизненном окружении каждого человека.

¹³ Arendt H. The Human condition. Chicago, 1958. P.202.

¹⁴ Романов В.Л. Гражданское общество – способ реализации частного интереса // Гражданское общество / РАУ. М., 1993. С. 38-45.

¹⁵ Ги Э. Культура и демократия/ Пер. с франц. М., 1994. С.153.



Человек политический, открывая себя для других людей, меняет характер своих потребностей и интересов. Он осознает, что политика, прежде всего, ориентирована на многообразный спектр человеческих потребностей и интересов, способствует их упорядочиванию, структурированию и согласованию. Поэтому действующий субъект активизируется в пространстве публичного, где наиболее важные его цели получают политический, общезначимый статус.

Важно отличить характер формирования самого интереса. У традиционного субъекта в основе процесса осознания интереса лежит принцип примитивного эгоизма. Такой индивид не соизмеряет свои потребности с потребностями окружающих (он скрыт от них) и поэтому свои интересы реализует внеполитическими методами.

Политический человек рассуждает следующим образом: «Поддерживая сообщество, в рамках которого я живу, я увеличиваю шансы этого сообщества достичь его естественных целей, а заодно и мои собственные шансы на успех в осуществлении моего частного интереса».

Таким образом, главная потребность человека политического состоит в стремлении и желании жить в сообществе, совместно достигая общественного блага и решая проблемы своего общежития. В каждом частном интересе политического субъекта присутствует задача, направленная на реализацию общих целей граждан.

Итак, мы выделили следующие важные характеристики политического человека: свобода, открытость, политическая активность, стремление к общественному благу, реализация частных интересов посредством достижения всеобщего. Очевидно, что эти свойства не исчерпывают содержание понятия «человек политический», но их взаимосвязь даёт нам возможность нарисовать более конкретный портрет актора гражданского общества.

Ни одно из вышеперечисленных свойств нельзя определить только как биологическое или как социальное. Политическим человека делает не только то, что он живёт общественной жизнью, но и то, что, воспринимая себя мыслящим и разумным существом, он решает, взаимодействуя с другими, вопросы жизнеустройства по своему разумению в обществе ему подобных людей.

Иными словами, предпосылки возникновения и развития политических качеств заложены в самом человеке, в его жизнедеятельности. Конечно, велика роль в этом развитие общества в целом, но только индивид, осознавший себя деятельной личностью, способен на общественные преобразования и может называться политическим человеком.

INDIVIDUALS IN STRUCTURE OF THE CIVIL SOCIETY (POLITICAL-ANTHROPOLOGICAL APPROACH)

S.K. NAGAeva

*Katanov State University
of Khakassia,
Abakan*

*e-mail:
nagaeva-svetlana@rambler.ru*

Civil society is considered in article in political-anthropological measurement. Theory "political person" is comprehended as actors of civil society. They are considered its line, and is given feature its quality. The prospects of the person political space are motivated in shaping of civil society.

Key words: civil society, person political, actors, subject.



УДК 321.02:324

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ: ТЕРМИН, ПОНЯТИЕ, ФОРМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.Н. ШИЛОВ
А.П. РЫЛКИНА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: Shilov@bsu.edu.ru

e-mail: rylkinaalla@rambler.ru

В статье анализируются различные интерпретации терминов и понятий «конкуренция», «политическая конкуренция». Рассматривая конкуренцию и конфликт как особые формы социального взаимодействия, авторы видят в политической конкуренции соперничество в сфере политики за обладание властью, когда соперники не находятся в состоянии контакта друг с другом, а результаты соперничества определяет некто третий.

Ключевые слова: политическая конкуренция, политический конфликт, конкуренция, соперничество, социальное взаимодействие.

Термин «политическая конкуренция» достаточно часто используется при описании политической действительности. Причем термин уже вышел из стадии применения его в метафорическом качестве. Он «претендует» на то, чтобы утвердиться в политологическом лексиконе наряду с другими устоявшимися терминами. Имеются не только статьи, несущие его уже в своем названии¹, но и диссертационные работы, где он обозначает объект диссертационного исследования². Однако в полной мере этот термин пока еще не закрепился в научной терминологии. Так его нет, ни в общих, ни в специальных политических энциклопедиях и словарях. Там речь идет о конкуренции вообще или конкуренции в сферах экономики и биосферы³.

В значительной мере это связано с ситуацией в отношении «политической конкуренции» на понятийном уровне. Пока еще политическая наука не определилась с содержанием понятия «политическая конкуренция», то есть с тем, что представляет собой «политическая конкуренция» как феномен, как онтологическая данность. Чаще всего понятие «политическая конкуренция» (конкуренция в политике) вводится в научный дискурс тем или иным автором без предварительного разъяснения его смыслового значения. Там, где этого сделать нельзя, а именно в диссертационных исследованиях, посвященных политической конкуренции, определения понятия «политическая конкуренция» отличаются расплывчатостью, предельной общностью. Так Д.И. Кошель пишет о том, что политическая конкуренция – это сложная система социальных институтов, формальных и неформальных установлений, этносоциальных и культурных традиций; часть социального порядка, продукт человеческой деятельности, она не сводится к борьбе на выборах, а пронизывает всю политическую жизнь⁴. И.Л. Кинзерская утверждает, что «политическая конкуренция есть система публичных сдержек и противовесов, определяющая устойчивый характер развития политической системы и устанавливающая легитимные формы взаимодействия по-

¹ См.: Вишневецкий Б. Л. Политическая конкуренция в России: хроника снижения // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. №2; Шилов В.Н. Политическая конкуренция и модернизация в современной России // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 4(25) и др.

² См.: Кошель Д.И. Политическая конкуренция в современной России: аспекты политико-правовой регуляции. Дисс. ... канд. пол. наук. Ростов-на-Дону, 2005; Кинзерская И.Л. Влияние электро-ральных институтов и практик на развитие политической конкуренции в России. Автореф. ... канд. пол. наук. Санкт-Петербург, 2009.

³ См.: Иорданский Н.Н. Конкуренция // Большая российская энциклопедия. Т. 15. М., 2010. С. 51; Васильев А.Н. Конкуренция в экономике // Большая российская энциклопедия. Т.15. М., 2010. С. 51-52; Макаров В.Л. Конкуренция экономическая // Политическая энциклопедия. В 2 т. Т.1. М., 1999. С. 547.

⁴ Кошель Д.И. Указ. соч. С. 14.

литических акторов в борьбе за власть. Она осуществляется в конкретно-исторических условиях, в рамках определенных институтов. Участники политической конкуренции всегда обладают неравными экономическими, политическими, организационными и информационными ресурсами»⁵.

Подобные определения носят характер дополнений, когда предполагается, что в научном обороте уже существует определенное устоявшееся, пусть интуитивное видение того, что является собой конкуренция. В этих определениях, на наш взгляд нет «смыслового ядра», выражающего суть политической конкуренции. Это обязывает к рассмотрению термина и понятия «конкуренция», которые являются родовыми по отношению к термину и понятию «политическая конкуренция» как видовым.

Термин «конкуренция», долгое время существовал в обыденной речи, и только с эпохи Просвещения» начинает использоваться в науке. Историческими предпосылками введения понятия «конкуренция» в научный оборот явилась ситуация ликвидации наследственных, сословных привилегий и утверждение в ряде стран принципов демократии и рыночной экономики⁶.

В настоящее время термин «конкуренция» широко используется при научном анализе многих сфер социальной и природной реальности. Кроме с трудом обозримого массива работ посвященных экономической конкуренции⁷, имеются работы посвященные конкуренции в правовой сфере⁸, в области образования⁹, в системе здравоохранения¹⁰, пишется о конкуренции социальных институтов¹¹, конкуренции идей¹². Имеют место исследования, где выявляется специфика конкуренции в животном мире¹³, проводятся исследования конкуренции в неживой природе¹⁴.

Этимологический анализ термина «конкуренция» показывает, что он произошел от бытовавшего в средневековом латинском языке слова «concurrentia», что буквально означало совместный бег, соревнование, столкновение¹⁵. В этот плане можно проследить этимологическую близость термину «конкуренция» термина «конкурс», происшедшего от латинского «concursum», означавшего также совместный бег, соревнование, столкновение¹⁶.

Близкими по смысловому содержанию являются термины «конфликт», «соперничество», «соствязание»¹⁷. Часто они используются через запятую, что подразумевает, что они обозначают одни и те же или близкие понятия, соответственно, области реальности. Если говорить об этимологической основе термина «конфликт», то

⁵ Кинзерская И.Л. Указ. соч. С. 9.

⁶ См.: Кашпур В.В. Понятие «конкуренция» в исследованиях системы образования: методологические основания применения // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 298. С. 242.

⁷ Краткий обзор состояния анализа феномена экономической конкуренции см.: Данилов И. А., Волкова Е. В. Теоретические аспекты конкуренции: ретроспективный анализ и современное отечественное и зарубежное трактование // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 2 (183).

⁸ См.: Дергачева И.В. К понятию конкуренции правовых норм // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2009. № 1.

⁹ См.: Кашпур В.В. Указ. соч.

¹⁰ См.: Лунёва Т. В., Белик Е. А. Анализ видов конкуренции в системе здравоохранения // Вестник Алтайского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2010. № 1.

¹¹ См.: Либман А.М. Институциональная конкуренция и постсоветская трансформация // Общественные науки и современность. 2006. № 6.

¹² Евдокимов В. А. Конкуренция идей в политической коммуникации // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2009. № 4.

¹³ См.: Мильн А. Определение понятия «конкуренция» у животных // Русский орнитологический журнал. 2005. Том 14. Экспресс-выпуск 276.

¹⁴ См.: Глявин М.Ю., Запелов В.Е., Куфтин А.Н. Конкуренция мод в нестационарных режимах мощных гиротронов // Известия высших учебных заведений. Радиофизика. 1998. № 6 и др.

¹⁵ См.: Иорданский Н.Н. Указ. соч. С. 51.

¹⁶ См.: Чуковская Е.Э. Конкурс // Большая российская энциклопедия. Т.15. М., 2010. С. 52.

¹⁷ См.: Данилов Р.С. Состязательность как форма социального бытия. Автореф. дисс... канд. философ. наук. Саратов, 2007. С. 8.



она схожа с подобной основой термина «конкуренция»: от латинского «*conflictus*» – столкновение.

Подобная смысловая и этимологическая близость вышеприведенных терминов затрудняет определение специфики именно конкуренции как определенного вида соперничества, состязательности, агональной деятельности¹⁸. Принципиальное значение имеет определение соотношения между конкуренцией и конфликтом как формами соперничества, видами агональной деятельности.

Ряд авторов под конкуренцией понимают нечто более широкое, нежели конфликт. Так говоря о политическом конфликте, В.П. Пугачев и А.И. Соловьев определяют его как «разновидность (и результат) конкурентного взаимодействия»¹⁹. Подобная точка зрения по отношению к политическому конфликту представлена и в Википедии²⁰.

Более распространена противоположная позиция. Так Б.С. Волков и Н.В. Волкова рассматривают конкуренцию как «один из видов социального конфликта (особый вид борьбы), целью которого является получение прибыли, доступа к дефицитным благам и другой выгоды»²¹. А.В. Дмитриев пишет о конкуренции как виде конфликта «в котором противоборствующие стороны применяют только санкционированные морально-правовыми нормами и господствующими институтами власти формы борьбы»²².

Нам же более импонирует позиция тех авторов, которые рассматривают конкуренцию и конфликт как самостоятельные формы социального взаимодействия, которые могут лишь частично пересекаться. Эта позиция обоснована в первой половине прошлого века известным американским социологом Робертом Парком. Он писал, что «из четырех основных типов взаимодействия – конкуренции, конфликта, аккомодации и ассимиляции – конкуренция является элементарной, универсальной и фундаментальной формой. Социальный контакт, как мы видели, ведет к взаимодействию. А конкуренция, строго говоря, есть взаимодействие без социального контакта... Социальный контакт, который неизбежно ведет к конфликту, аккомодации или ассимиляции непременно создает также и симпатии, предрассудки, личные и моральные отношения, которые видоизменяют, усложняют и контролируют конкуренцию...»²³ конфликт – состязание, в котором контакт является необходимым условием. Конкуренция, явная и неконтролируемая, как у растений, и как великая жизнь-борьба человека со всем человеческим родом и живой природой в целом, бессознательна. Конфликт же всегда осознан... И конкуренция, и конфликт являются формами борьбы. Конкуренция при этом непрерывна и безлична, а конфликт – носит временный и личностный характер... Итак, в общем, можно сказать, что конкуренция становится осознанной и личностной в конфликте. По ходу дела конкуренты превращаются в соперников и врагов»²⁴.

Разделяют вышеприведенную точку зрения на конкуренцию как самостоятельную форму социального взаимодействия и другие, уже современные авторы. В словаре терминов хрестоматии по конфликтологии, составленной Н.И. Легионовым отмечается: «Конкуренция – это борьба между субъектами или группами, которые не

¹⁸ См.: Летунова О.В. Конкуренция как тип агональной деятельности (социально-философский анализ). Автореф. ... канд. философ. наук. Красноярск, 2006.

¹⁹ Пугачев В.П., Соловьев А. И. Введение в политологию. М., 1997. С. 367.

²⁰ См.: Конфликт / Википедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

²¹ Волков Б.С., Волкова Н.В. Конфликтология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2005. С. 361.

²² См.: Дмитриев А.В. Конфликтология: Учебное пособие. М., 2003. С. 307.

²³ Парк Р. Конкуренция // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. /Пер. ... Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. Ч.1. М., 2002. С.392-394. См. также: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://polbu.ru/bankovskaya_sociology

²⁴ Парк Р. Конфликт // Теоретическая социология... С.400 – 402.

обязательно находятся в коммуникации или контакте, но которые заинтересованы в достижении одной и той же цели»²⁵.

В.В. Радаев, пишет о конкуренции следующее: «конкуренция может быть определена не столько как столкновение, чреватое конфликтами, сколько как постоянное *соотнесение деловых стратегий*. В ходе такого соотнесения конкурентная ситуация относительно редко приводит к лобовым ударам, последствия которых разрушительны для обеих сторон»²⁶.

«Соперничество может принимать вид конкуренции и конфликта, – отмечает Г.В. Пушкарева. – При наличии конкуренции соперники пытаются просто опередить друг друга (предложить более качественный или более дешевый товар, убедить избирателей, что предлагаемая им политическая программа соответствует их интересам и т.д.). При наличии конфликта предпринимаются более жесткие агрессивные попытки заставить соперника отказаться от притязаний на неделимый объект, навязать свою волю, изменить поведение соперника, отстранить его от неделимого объекта, а может быть, и вообще социально-статусно или даже физически устранить его... *Конкуренция* – это соперничество двух социальных субъектов или более за что-то находящееся вне этих субъектов (чаще всего соперничество за признание кем-то третьим): конкуренция претендентов на определенную должность, политических партий на власть в государстве и т.д. Конкуренция не обязательно предполагает знание конкретного соперника (например, конкурс при приеме в вуз, участие в творческом соревновании пианистов и т.д.). Даже если соперник известен, то главное, на что направлены действия в условиях конкуренции – добиться признания *третьим* своих усилий, возможностей, т.е. добиться предпочтения. Иными словами конкуренция предполагает не прямое воздействие на соперника (может быть, кроме конкуренции в таких видах спорта, как борьба, спортивная игра и др.), а демонстрацию *перед третьими* своих возможностей»²⁷.

На наш взгляд более перспективна именно узкая трактовка конкуренции как особой формы состязательного социального взаимодействия. В этом случае конкуренция понимается как борьба за один и тот же объект (ресурс), когда соперники не находятся в состоянии контакта друг с другом, когда некто третий определяет результаты их соперничества. Но это идеальная теоретическая модель конкуренции, которая далеко не всегда имеет место в реальной социальной практике. Во взаимодействии одних и тех же субъектов мы можем обнаружить как конкуренцию, так и сотрудничество и конфликт. Здесь нужно согласиться с Р.Парком, что «только в растительном сообществе мы можем наблюдать процесс конкуренции изолированным, не осложненным другими социальными процессами»²⁸.

Политическая конкуренция как особый вид конкуренции также может трактоваться (и трактуется) в широком и узком смысле слова. В широком – под конкуренцией понимается любое соперничество в сфере политики, в том числе и конфликтное, когда политический конфликт видится как форма конкурентного взаимодействия. Узкий смысл трактовки термина «политическая конкуренция» подразумевает, что она есть или вид политического конфликта, или социальное взаимодействие отличное от политического конфликта. Именно последняя трактовка политической конкуренции нам импонирует более всего.

Опираясь на определения понятия конкуренции как особой формы социального взаимодействия, можно определить понятие **«политическая конкуренция»** как **соперничество в сфере политики за обладание властью, когда сопер-**

²⁵ Конфликтология: Хрестоматия / Составитель Н.И. Легионов. М.- Воронеж, 2003. С. 295.

²⁶ Радаев В.В. Что такое конкуренция? //Экономическая социология. Электронный журнал. Том 4. № 2. Март 2003. С. 20. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ecsoc.msses.ru

²⁷ Общая социология: Учеб. Пособие / Под общ. ред. проф. А.Г. Эфендиева. М., 2005. С. 197-198.

²⁸ Парк Р. Конкуренция // Теоретическая социология... С. 393.



ники не находятся в состоянии контакта друг с другом, а результаты соперничества определяет некто третий.

При исследовании феномена политической конкуренции необходимо опираться на разработки в исследованиях экономической конкуренции, ибо появление термина и понятия «политическая конкуренция» в отечественной науке и было обусловлено изменениями в нашей стране за последние два десятилетия в сфере экономики, в экономической науке, а также сближением по ряду характеристик политики и экономики.

В советский период речь о политической конкуренции не шла. Сама конкуренция понималась как некое отрицательное явление присущее капиталистическому обществу, где господствует слепая игра рыночных сил. Капиталистической конкуренции противопоставлялось социалистическое соревнование. Реабилитация принципов рыночного хозяйства, предпочтение его плановому, централизованному управлению экономикой привели и к реабилитации конкуренции в сфере экономики. В настоящее время конкуренция в экономике видится как неотъемлемое условие экономического развития и общественного прогресса в целом.

Кроме общей реабилитации конкуренции как формы социального взаимодействия на основе идеологической и теоретической реабилитации экономической конкуренции использованию термина «конкуренция» в политическом лексиконе послужили и существенные сдвиги в политической практике и политической теории.

Исследователи отмечают устойчивую связь демократии и рынка²⁹. Говорится и о маркетизации политической жизни в современной России³⁰. В эпоху постмодерна теряют роль «большие повествования», претендующие на единственно верную истину, на то, чтобы указывать единственно правильный путь общественного развития. Уходит в прошлое и миф о некой единой общенародной воле. В целом монизм во всех сферах общества сменяется плюрализмом. В условиях идеологического и политического плюрализма общество видится не как единый народ, идущий по единственно верному, безальтернативному пути, и, отсюда, не имеющий возможности выбора, а как совокупность индивидов, выбирающих на политическом рынке специфические товары – политические проекты, кандидатов, стили руководства, политические партии. Отсюда и возникает соперничество производителей политических товаров и услуг, которое описывается и анализируется посредством понятия (концепта, теоретической модели) конкуренции.

Как отмечалось выше, рыночная, основанная на экономической конкуренции, форма хозяйствования находит свой коррелят в сфере политики в виде демократии. В условиях демократии потребителем «политической продукции» является народ (население страны). Народ делегирует, дает власть тем или иным индивидам или группам лиц. Поэтому борьба за власть здесь проявляется как соперничество различных субъектов за внимание, «благосклонность» населения. Электорат за свои голоса «покупает» «политико-управленческие услуги».

В условиях авторитарных (тоталитарных) режимов носителем власти является не народ, а отдельный индивид или узкая группа лиц и те, кто стремится к власти, ищут именно их внимание и расположение. Стремящиеся к власти продают свои услуги, самих себя за долю властных ресурсов, делегируемых им верховными носителями власти. Таким образом, можно говорить о демократической и авторитарной политической конкуренциях. В реальных политических режимах (часто гибридных) мы можем найти различное сочетание и первой и второй.

На современном электоральном рынке субъекты (акторы) могут быть задействованы как в политической, так и экономической конкуренции. Например, поли-

²⁹ См.: Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 2000.

³⁰ См.: Недяк И.Л. Маркетинговый подход к исследованию политических процессов. Автореф... докт. пол. наук. М., 2011. С. 22.

тические партии в отношениях с электоратом выступают как субъекты политической конкуренции, в отношениях же со спонсорами они, борясь за финансовые потоки, выступают субъектами экономической конкуренции.

Существенная маркетизация политики и позволяет использовать при анализе политики не только понятие конкуренции, но еще ряд и имеющихся теоретических и методологических положений, разработанных в экономической теории применительно к экономической конкуренции. Разумеется, при этом надо помнить о специфике политической конкуренции, связанной с особенностями политической сферы, ее отличиями от сферы экономической.

Прежде всего, нужно отметить, что механизм экономической конкуренции основан на презумпции правоты потребителя, который выбирает на его взгляд лучшее, наиболее подходящее ему. Как отмечают исследователи, «проявляется суверенитет потребителя: решающее слово за ним, даже если он объективно не прав. В истории бизнеса немало примеров, когда товары, получавшие наивысшие оценки экспертов, не нравились потребителям. Например, фильмы-победители престижных фестивалей почти никогда не бывают кассовыми»³¹. Потребитель может предпочесть низкопробный детектив классической литературе, здоровую натуральную пищу избыточно калорийным и канцерогенным продуктам. Спросом пользуются и товары, обладающие разрушительным действием по отношению к организму человека, например, наркотики. В силу этого ряду товаров закрыт легальный доступ на потребительский рынок.

То же самое касается и политической конкуренции. Имеет место миф о компетентности населения как покупателя «политического продукта»³². Без этого мифа невозможен глобальный демократический миф о народе как верховном носителе власти. Однако история дает массу примеров некомпетентного выбора населением того или иного «политического товара». Это дает основания для ограничения свободы политического рынка: закрывается доступ на него ряду «политических товаров». Так в России запрещена деятельность партий, созданных по национальному или религиозному принципу, хотя они бы имели существенную поддержку у определенных групп населения, говоря рыночным языком, были бы «куплены»³³.

В настоящее время наряду с ростом объемов рекламы на экономическом рынке растет значение рекламы и на политическом рынке. И часто население становится жертвой этой рекламы, покупая на политическом рынке далеко не лучший «политический товар».

Актуальной для экономической теории была и остается проблема соотношения позитивных и негативных (созидательных и деструктивных) последствий конкуренции. Наличие тех и других признаются всеми. Но оценка их соотношения различна. Так для науки советского периода было характерна абсолютизация отрицательных последствий: считалось, что в ходе конкуренции происходит массовое разорение мелких и средних товаропроизводителей, банкротства предприятий, рост безработицы. Левые политические силы (коммунисты, социалисты) обвиняли и обвиняют конкуренцию также и в том, что она ведет к моральной деградации общества, к разобщенности людей, борьбе всех против всех, представляя собой модификацию прежних войн и грабежей³⁴. И.В. Сталин о конкуренции писал так: «принцип конкуренции: поражение и смерть одних, победа и господство других... конкуренция говорит: добивай отставших, чтобы утвердить свое господство»³⁵.

³¹ Соседов Г.А. Конкуренция и конкурентоспособность: содержание категорий в условиях смешанной экономики // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 82. №2. С. 21.

³² См. Пшизова С.Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе // Полис. 2009. № 1. С. 102.

³³ О деятельности партий как производителей политического товара см.: Недяк И.Л. Указ. соч. С. 33-35

³⁴ См. Соседов Г.А. Указ. соч. С. 16.

³⁵ Цит. по: Рубин Ю. Теория конкуренции и задачи повышения конкурентоспособности россий-



Негативные последствия конкуренции несомненны. Это не только банкротство предприятий, что, в конце концов, не всегда плохо (рынок очищается от неэффективных агентов), но и в ряде случаев повышение издержек производства, замедление обновления производства и др. Исходя из главного критерия – общественного блага – в ряде случаев необходимо со стороны общества (государства) сдерживать экономическую конкуренцию³⁶. Сами агенты рынка исходят из стремления к максимизации собственной выгоды и редко соотносят реализацию своих интересов с интересами социального целого.

Вышесказанное справедливо и по отношению к политической конкуренции. В современном «маркетинговом подходе ...политические субъекты трактуются как целе- и/или ценностнорациональные индивиды/коалиции индивидов, склонные к оппортунизму и гедонизму, стремящиеся к максимизации своей индивидуально понимаемой выгоды и не ставящие во главу угла заботу об общественном благе»³⁷. Исходя уже из этого, можно предположить, что политическая конкуренция имеет не только позитивную направленность. В ряде случаев ее деструктивные последствия явно превышают последствия созидательные: об этом свидетельствует опыт России конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века. Иногда ситуация в обществе делает необходимым сдерживание политической конкуренции или даже перехода к ее антиподу – политической монополии.

В экономической теории создано несколько типологий конкуренции, которые расположены в диапазоне «совершенная конкуренция – монополия (отсутствие конкуренции)». Совершенная (чистая) конкуренция существует главным образом лишь в виде теоретической модели. Она предполагает, что производителей много, они производят однородный стандартизированный продукт и имеют неограниченный доступ на никем не контролируемый рынок³⁸. Разумеется, все эти условия лишь частично находят свое проявление в реальной экономической жизни. Нет в реальности и чистой политической конкуренции. Как отмечает В.В. Радаев, «постулаты модели совершенной конкуренции в реальной хозяйственной (и политической – В.Ш.) жизни не существуют. Условия совершенной (чистой) конкуренции являются крайней точкой оси, на другом полюсе которой находится абсолютная монополия, предполагающая наличие одного продавца»³⁹.

Различного рода отклонения от чистой (совершенной) конкуренции и чистой монополии дают возможность выделять иные типы конкуренции, уже находящие свою реализацию в реальной действительности. Обратимся к типологии, воспроизводимой в настоящее время в отечественных учебниках по экономической теории, когда типы конкуренции определяют основные модели рынка⁴⁰. Эту типологию мы модифицируем под «политический рынок».

Особым видом организации рынка является монополия, когда существует один покупатель ресурсов, товаров. Применительно к политике можно говорить о монополии в авторитарных режимах, когда одна личность, как носитель верховной власти, отбирает из многих претендентов на участие во властных полномочиях, «покупает» их политико-управленческие услуги. Эту политическую монополию можно рассматривать и как авторитарную политическую конкуренцию, о которой было сказано выше.

Политическая конкуренция, как и всякая другая, может быть различной по масштабу, выступать на разных уровнях – общегосударственном, региональном, местном, внутриорганизационном (внутрипартийном) и т.п.

ского образования // Высшее образование в России. 2007. № 1. С. 37.

³⁶ См. Данилов И. А., Волкова Е. В. Указ. соч. С. 126.

³⁷ Недяк И.Л. Указ. соч. С.4

³⁸ О совершенной конкуренции см.: Кашпур В.В. Указ. соч. С. 43.

³⁹ Радаев В.В. Указ. соч. С. 17.

⁴⁰ Например, см.: Носова С.С. Экономическая теория: Учеб. для вузов. М., 2000. С. 98; Борисов Е.Ф. Экономическая теория: учебник, М., 2008. С. 137.



Таблица 1

Типы политической конкуренции

Характерные черты	Совершенная (чистая) конкуренция	Монополистическая конкуренция	Олигополия	Чистая монополия
Число политических акторов	Очень большое число	Много	Несколько	Один
Типы продукта	Стандартизированный	Дифференцированный (особая политическая программа, предложение особого стиля руководства и др.)	Дифференцированный	Уникальный (нет заменителей)
Контроль за направлением деятельности в политической сфере	Нет	Ограниченный	Ограниченный взаимной зависимостью	Значительный
Условия вступления в политическую сферу	Беспрепятственное	Сравнительно легкое	Наличие существенных препятствий	Блокировано
Примеры	Нет. Политические акторы всегда предлагают нестандартную продукцию. Обязателен контроль в различной степени над характером их деятельности	Деятельность кандидатов в депутаты, партий на выборах в условиях незначительного контроля за их деятельностью, основанного на либеральном законодательстве. При этом отсутствуют ограничения (по численности партий, по обязательному предоставлению большого количества подписей в их поддержку, внесения избирательного залога и др.) Ситуация в современной Украине, в России в 90-е гг. прошлого века	Деятельность кандидатов в депутаты, партий на выборах при наличии существенных ограничений по численности партий (нужно большое количество членов партий), требования значительного числа подписей в поддержку партии и др. Ситуация в современной России	Однопартийная система. Ситуация в СССР

Конкуренция в сфере экономики в целом воспринимается как нечто положительное и поэтому имеет место институционализация конкуренции, она введена в рамки закона, регулируется также устоявшимися традициями и обычаями. Законодательство многих стран содержит правовые нормы, охраняющие конкуренцию в сфере экономики⁴¹. Подобная институционализация имеет место и по отношению к политической конкуренции. При отсутствии специального закона о защите политической конкуренции законодательство в части партийного строительства, electoralного процесса, функционирования СМИ и др., так или иначе, защищает политическую конкуренцию.

Участники рынка, исходя из своих интересов, выдвигают определенные варианты организации конкуренции, контроля над нею⁴². Нечто подобное имеет место и

⁴¹ В России также имеется Федеральный закон № 135-ФЗ "О защите конкуренции" (в редакции от 29.11.2010). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fas.gov.ru/legislative-acts/legislative-acts_9498.html7

⁴² См.: Радаев В.В. Указ. соч. С. 20-23.



в сфере политики. Политические акторы также исходят из своих интересов, но стремятся определить условия входа на «политический рынок» и взаимодействия на нем, апеллируя обычно к общественному благу. Идет определенная идеологическая борьба как борьба за легитимацию того или иного варианта политической конкуренции или даже политической монополии. Участники политической конкуренции внимательно следят за действиями друг друга, осуществляют своеобразный мониторинг, корректируют свою политическую стратегию и тактику в зависимости от действий конкурентов. При нарастании тесноты взаимодействия имеет место согласование действий политических акторов и выработка конкурентами общих «правил игры» в отношениях с контрагентами и во взаимоотношениях между собой. Эти правила позволяют ими не выйти за рамки мирного взаимодействия и не сползти в насильственный конфликт. Согласованный порядок становится условием сохранения конкурентной среды в политической сфере. Вырабатываются также санкции за нарушение правил честной конкуренции.

Имеет место соперничество концепций контроля в сфере политической конкуренции, как «совокупности значений и смыслов, определенного мировоззрения, позволяющего агентам объяснять происходящее и интерпретировать действия других»⁴³. Исходя из определенного мировоззрения, определенной политической культуры можно также и обосновать необходимость ликвидации политической конкуренции, что неоднократно имело место в истории.

Политическая конкуренция проявляет себя чаще всего как символическая борьба. Она происходит не только как демонстрация политических акторами (политическим партиями, организациями, властными группировками т.п.) перед неким третьим (населением, электоратом, народом) реальных достижений в осуществлении властных полномочий, но и как борьба их интерпретаций; также идет борьба политических проектов, обещаний, лозунгов и т.п. В ходе этой политической конкуренции политические акторы находят на политическом рынке свою нишу, своего покупателя, потребителя производимой ими продукции.

Наращение и упорядочивание политической конкуренции – это перспективная тенденция политической жизни России, что, несомненно, будет повышать статус и термина, и понятия «политическая конкуренция».

POLITICAL COMPETITION: THE TERM, THE CONCEPT, THE ACTIVITY FORM

V.N. SHILOV
A.N. RYLKINA

*Belgorod National Research
University*

e-mail: Shilov@bsu.edu.ru

e-mail: rylkinaalla@rambler.ru

In article various interpretations of terms and concepts «competition», «political competition» are analyzed. Considering the competition and the conflict as special forms of social interaction, authors see in a political competition rivalry in sphere of a policy for possession the power when contenders are not in contact condition with each other, and results of rivalry somebody defines the third.

Key words: political competition, political conflict, competition, rivalry, social interaction.

⁴³ Радаев В.В. Указ. соч. С. 21.



УДК 32.019.51

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СМИ

С.Ю. ЛISOVA*Ивановский государственный
энергетический университет**e-mail: aist@hotmail.ru*

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при изучении деятельности СМИ в политической сфере. Обосновываются критерии оценки медиаэффективности в политике.

Ключевые слова: политическая эффективность масс-медиа, политическое поведение, политический актор, целевая аудитория, политическая информация.

В рамках анализа СМИ, различных по своей природе, функциям, масштабу и способам реализации (знаки – через интеграцию, образы – через синтезирование признаков, словесные выражения – через дифференциацию, жесты – через конкретизацию, термины – через специализацию), возникает множество дискуссионных вопросов о критериях их эффективности. Особенно важным решением обозначенной проблемы представляется в рамках политического пространства, поскольку от качества информационного элемента социально-политических процессов зависит функционирование политической системы в целом и развитие отдельных ее элементов. Разнообразие подходов, обусловленных многогранностью феномена масс-медиа, свидетельствует о сложности поиска оснований корреляции деятельности СМИ и политического поведения субъектов.

Многочисленное количество гипотез, моделей, формул, идей, дающих оценку эффективности СМИ в политике, обусловлено многообразием внешних и внутренних факторов, фундирующих процесс медийного общения. К внешним условиям следует отнести *экономические, технологические, социально-политические и культурно-ценностные* доминанты. Экономические факторы, основанные на показателях уровня развития рыночных отношений, жизни населения, определяют степень экономической независимости СМИ, разнообразие и равноправие форм собственности на масс-медиа. Отношения свободной конкуренции на медиарынке обеспечивают свободу массовой информации и, следовательно, повышают эффективность СМИ в политическом процессе. Зависимость эффективности СМИ от технологических факторов, маркируемых уровнем развития научно-технической составляющей и степенью внедрения инноваций в политические процессы и жизнедеятельность социума, коррелирована объемом технологического арсенала СМИ и медийной обеспеченностью населения. К социально-политическим доминантам следует отнести политическую ситуацию, особенности политического режима, демографические характеристики целевых аудиторий, процедуру и систему регистрации СМИ, независимость масс-медиа от правящей элиты. Культурно-ценностные факторы, базирующиеся на политическом опыте, памяти социальных общностей и отдельных личностей в сфере политики, их ориентации, навыки, влияющие на политическое поведение, также определяют параметры эффективности медиа.

Внутренние факторы, собственно коммуникативные доминанты, следуют из особенностей базовых компонентов массовой коммуникации: коммуникатора (медиа-политического актора), коммуниканта (аудитории, потребляющей информационно-политический продукт) и медиасообщения. К факторам, обеспечивающим эффективность коммуникатора, относятся *особенности информационного канала (мультимедийность), коммуникативная рациональность, научность* действий субъекта, *оправданность производимых затрат*. Мультимедийность обеспечивает возможности выбора информации, расширение каналов приема сообщений, ускорение идеологического обмена. Вместе с тем, конвергенция сфер технологий, медиа и компьютерной коммуникации не только увеличивает объем, скорость и масштаб пе-



редачи информации, но и значительно усложняет структуру текста, сочетающего в себе различные семиотические системы. В этом контексте конструкт эффективности СМИ приобретает более широкие рамки. Возрастает значимость понимания мультимедийных текстов аудиторией и профессиональной компетентности, мультиграмотности¹ самих СМИ, на этом же базируется и эффективность массовой коммуникационной системы в целом. Рациональность и научность предполагает адекватную оценку коммуникатором политической ситуации и объективное представление о состоянии массовой аудитории, наличие навыков составления прогнозов относительно воздействия сообщения и реакций воспринимающих субъектов, построенных на научных методах, осуществление обратной связи, интерактивного общения.

К факторам эффективности контента, производимого и распространяемого СМИ, относятся специфика *медиадискурса, артикуляция независимого политического мнения, «демассовизация» контента, качество информационно-политического продукта, своевременность выполняемых задач*. Специфика медиадискурса как характеристика эффективности СМИ в политике заключается в возможности использования медиа различными стратами в процессах выработки институциональной политики, законотворчества, регулирования общественных отношений. В ситуации, когда доступ аудитории к СМИ блокирован, и освещение общественно-политических событий дозировано, коммуникативный потенциал масс-медиа незначителен, поскольку они используются для продвижения и закрепления доминирующей (элитной) идеологии. Для более эффективного использования СМИ необходимо обеспечение непрерывного переговорного процесса между политическими конкурентами, в качестве которых выступают не только элиты, но и широкие слои общественности. Кроме этого, СМИ должны представлять независимые оценки и комментарии в целях объективного отражения политической реальности. Презентация многообразных позиций, идей способствует демассовизации СМИ², которая связана с диверсификацией политического контента, персонификацией медийного контакта, сегментацией целевой аудитории и альтернативностью коммуникативных каналов. Полифоничность, плюралистичность СМИ совершенствуют систему создания и распространения информационно-политического продукта с учетом спроса и конъюнктуры политического рынка.

Поскольку СМИ влияют на интенсивность процессов социально-политического взаимодействия, необходимо обратить внимание на показатели качества медиа-политического товара, своевременности и оправданности его внедрения в информационное пространство. Доминирующая ныне система оценки эффективного функционирования масс-медиа, основанная на материально-экономических критериях и балансирующая в рамках «выгодно – невыгодно», однобока, что препятствует осуществлению полновесного диалога между обществом и государством. Оптимизация эффективности СМИ имеет комплексный характер и заключается в корректировке как экономической, так и морально-этической составляющей медиадеятельности. Например, в ракурсе политической коммуникации важно не столько популяризировать некое государственное решение, сколько получить его одобрение со стороны общественности и выявить возможные негативные последствия его реализации.

Эффективность деятельности СМИ в политике раскрывается также через аудиторию, являющуюся потребителем информационно-политического товара. Обратная связь, обеспечивающая политических акторов сведениями об изменениях общественного мнения, политических установок массового сознания, электорального поведения, позволяет адекватно оценить проводимые мероприятия, более целенаправ-

¹ Мультимедийная грамотность связана со знанием в области компьютеров, сетей, техник и технологий, методов анализа сообщений, приемов получения и передачи информации и др.

² С точки зрения некоторых исследователей наблюдаемая фрагментация современной медиааудитории представляет собой не демассовизацию, а «неомассовость» (см., например: Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика на рубеже веков // От книги до Интернета: Журналистика и литература на рубеже тысячелетия. М., 2000).

ленно осуществлять информационную политику, ориентироваться на интересы и потребности населения.

В рамках аудиторного фактора эффективность определяется следующими показателями: *адекватность восприятия* или *понимание* информации целевой аудиторией, степень *вовлеченности* населения в информационно-политические процессы, особенности *мотивации* политического поведения. Несмотря на то, что замеры указанных показателей довольно затратны и сложны, тем не менее, они необходимы для построения матрицы политической эффективности СМИ. Понимание, вовлеченность и мотивация представляют собой базовые размерности политической коммуникации. Анализ особенностей восприятия медиаинформации позволяет выявить отношение населения к социально-политическим проблемам, степень социального одобрения проводимых мероприятий. Вовлеченность, зависящая от процессов обработки информации и механизма принятия решения, свидетельствует об информационных потребностях целевой аудитории и способах их удовлетворения. Нами выявлено, в частности, что тематика международной деятельности, гражданского общества, партийного строительства, выборов характеризуется низкой степенью вовлеченности (превалирует модель обычного информирования без трансформации установок массового сознания и активизации политической деятельности). Материалы о коррупции, социальных льготах, криминальные сообщения, политические скандалы, анекдоты наоборот привлекают большее внимание общественности, стимулируют интеллектуальную активность, рождают дискуссии, критику, способствуют самоидентификации, проявлению лояльности/противостояния (так называемая информационно-коммуникативная модель). Мотивационная составляющая позволяет определить побудительные причины потребления информационно-политического продукта и последующих реакций аудитории. Среди основных мотивов респондентами выделяются важность и необходимость сообщений для собственной деятельности, опасения, любопытство, надежда, скука, удовольствие. Этим объясняется повышенный интерес населения к политическим новостям (в большей степени телевизионным) и формату развлечения (политические анекдоты, политические шоу). Прагматизм и консюмеризм, преобладающие в мотивировке информационно-политической деятельности аудитории, указывает на политическую незрелость российского социума и на необходимость применения коммуникатором дополнительных мотиваций к сотрудничеству общества с государством.

Выше изложенное позволяет сделать вывод о том, что эффективность СМИ в политике должна рассматриваться в плоскости отношений субъекта и объекта политики с учетом влияния конкретной политической ситуации. В существующей литературе нами не обнаружено теорий, непротиворечиво увязывающих все три компонента, поскольку оптимальное соотношение интересов всех участников политических процессов под воздействием внешних условий довольно проблематично. В этом случае затруднена задача концептуального осмысления вопроса эффективности СМИ и может произойти смысловой распад полученных в ходе исследования данных. На наш взгляд, решение проблемы эффективности масс-медиа в сфере политики следует проводить в рамках сочетания логико-семантического анализа и математического анализа. В этом случае мы имеем объединение и взаимодействие различных компонентов медиакоммуникативного пространства: объекта (населения) с его потребностями, интересами, мнениями; субъекта (политического актора), принимающего политически значимые решения; и внешних социальных условий, детерминирующих существование участников.

Вопрос о политической эффективности медиа может быть разрешен традиционно путем отбора соответствующих критериев эффективности, совершения необходимых действий и подведения итогов. При решении вопроса о критериях эффективности СМИ в политике следует учитывать несколько аспектов, каждый из которых требует отдельного изучения. Нами предлагается выделение *эконометрической*, *социометрической* и *коммуникативной* эффективности медиа в политическом про-



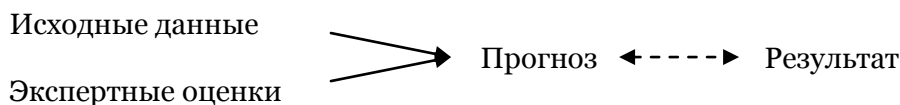
цессе. Перечисленные направления предполагают собственный инструментарий исследования: для замера эконометрической эффективности используются методы математического анализа; социометрической – социологические опросы, фокус-группы, экспертные оценки; коммуникативной – глубинные интервью, открытые дискуссии, расширенные креативные группы.

Эконометрический параметр медиаэффективности в политике обуславливает первенство материальных показателей, основанных на цели максимальной выгоды при сокращении усилий и рисков (например, материальные затраты, насыщенность медиaprостранства, тираж, количество сообщений по определенной тематике и др.). Эти показатели носят исключительно субъективный характер, поскольку отражают интересы одной стороны коммуникативного процесса. Выбор данного критерия является прерогативой актора (как правило, конкретного политика или его специалиста в области политического консалтинга), отношения носят конфиденциальный характер.

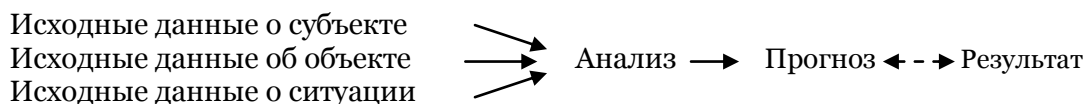
Оценка эффективности СМИ на основе количественных результатов не может быть полностью объективной, поскольку субъект получает «политический бонус» не за счет оптимизации коммуникативного ресурса медиа, а путем использования, как правило, манипулятивных технологий. Однако исключение эконометрического показателя эффективности может способствовать искажению других параметров и в целом исследовательских результатов. Обладание материальными ресурсами увеличивает возможности влияния на политические процессы. Применение к медиасфере экономических категорий себестоимости, рентабельности, прибыли позволяет рассчитывать экстенсивность и интенсивность информационных потоков, регулируя тем самым «электоральную» ёмкость политического рынка. Следовательно, эконометрическая составляющая должна в обязательном порядке учитываться при расчете медиаэффективности.

Социометрический критерий эффективности предполагает исследование вопросов, связанных с электоральной поддержкой, лидерством, степенью защиты от политических конкурентов, квалификацией команды и т.д. Его оценка базируется как на количественных (количество голосов на выборах, степень оптимизации обратной связи), так и качественных (занимаемая должность, имиджевые характеристики, узнаваемость и запоминаемость политика) показателях. Обобщенный алгоритм методики оценки социометрической эффективности медиа может быть представлен следующим образом:

Первый вариант:



Второй вариант:



Социометрический критерий обладает большей степенью объективности по сравнению с предыдущим. Он учитывает специфику политического субъекта, его целевой аудитории, самих СМИ и внешней обстановки. Но это не исключает трудностей при разрешении проблемы социометрической эффективности медиа в политике, обусловленных наличием сложной цепи причинно-следственных связей между медиавоздействием и вызванными им политическими последствиями. Кроме этого, используемые для изучения социометрических характеристик методики выступают,



своего рода, вспомогательными абстракциями, поскольку их истинность довольно сложно проверить в виду субъективизма исследователя или исследуемого объекта.

Эффективность коммуникативная отражает роль масс-медиа в политическом процессе и их влияние на взаимодействие участников. Данный критерий эффективности консолидирован, главным образом, на сообщении. Проведенный контент-анализ медиа показал, что политическая проблематика востребована при формировании «повестки дня». Это отвечает как требованиям политических субъектов, имеющих цель популяризировать свою деятельность (отметим, что при подаче информации в СМИ сообщения взаимно дополняют друг друга: экономические успехи связываются с эффективной работой государственного аппарата; при освещении культурных мероприятий делается акцент на патронат чиновников высшего ранга и т.п.), так и информационным потребностям населения, сохраняющего интерес к происходящему в политической сфере. С этой позиции СМИ представляются главным инструментом конструирования политической реальности, поскольку такое конструирование наиболее эффективно именно в тех сферах, где индивид, группа, социум не принимают непосредственного участия и не могут адекватно оценить ситуацию. В этом проявляется когнитивный потенциал, связанный с приращением знания аудитории о политической сфере. При исследовании медиаконтента, помимо когнитивности, нами уделялось внимание анализу характеристик мотивационности и функциональности. Оценивались, в частности, событийность, насыщенность, разнообразие политических позиций, возможность формирования с помощью СМИ информационно-коммуникационных потребностей, установок, служащих основанием для принятия решений, проявления политической активности. Рассматривались информационно-психологические средства передачи аудитории смысловых и оценочных сообщений.

От количества транслируемых в СМИ интерпретаций какого-либо политического феномена зависит социальный интерес к нему. В общей сложности было проанализировано около восьмисот сообщений, различных по содержанию, формату и источнику передачи. Критериями нашей оценки эффективности выступали: интенсивность (периодичность распространения); экстенсивность (тираж, территория распространения); популярность (частота обращения аудитории к источнику); разнообразие используемых средств (фото, цвет, свет, шрифт); уровень доверия к источнику (журналисту, СМИ). В результате были выявлены следующие тенденции. Во-первых, наблюдается «элитоцентричность» контента медиа, что свидетельствует об оторванности СМИ от массовой аудитории, которой придается статус малоинформированного наблюдателя в политическом процессе. Исследования влияния властных структур в рамках Европейского Союза посредством элитных новостных медиа доказывают выдвинутый нами тезис. Анализ взаимоотношений редакции газеты *Financial Times* с элитарными источниками в общеевропейских организациях привел к выводу, что данные медиа представляют собой важную часть элитарной сферы Западной Европы, функционирующей независимо от других общественных сфер³.

Во-вторых, независимо от жанра подачи материала, контент должен включать признаки новизны, драматичности, соответствия интересам политической элиты и основной массы населения. Новизна, т.е. подача «свежей» информации, а так же описание уже известного события с использованием новых фактов и комментариев, поддерживает интерес аудитории к сообщению. Драматичность используется с целью отвлечь внимание реципиента от насущных проблем и перевести его на новый (иной) тип поведения. «В ходе драматизации социальных проблем часто используются такие стратегии, как отрицание существующей проблемы, изменение причин возникшей ситуации, изменение характера ситуации, ее решений и последствий»⁴. Соци-

³ Corcoran F., Fahy D. Exploring the European Elite Sphere. The Role of the Financial Times // *Journalism Studies*. 2009. № 10 (1). P. 100-113.

⁴ Hilgartner S., Bock C.L. The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model // *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94 (1). P. 76.



ально-культурные предпочтения общества – одно из важнейших требований, учитываемых при создании медиасообщения, служащее для обеспечения идентичности понимания текста. Наполнение контента должно соответствовать принципу конструирования нового в рамках знакомого. Исследователь Д. Лазик утверждает, что «совершенно новые конструкты могут быть безуспешными, если аудитории не владеет категориями, способствующими их пониманию»⁵. Принятие информации адресатом зависит от того, насколько она соответствует его социальным запросам. В то же время необходимо «классовое соответствие» репортажа спонсорам и редакторам⁶.

Нами выявлена определенная зависимость между территорией распространения информации и уровнем доверия к ней. Воздействие новостей и аналитики обратно пропорционально масштабу распространения СМИ. Политическая реклама имеет противоположные результаты. Это объясняется тем, что локальные программы более приближены к насущным потребностям аудитории, менее ангажированы федеральной властью, общая интонация сообщений локальных СМИ сдержанная, без нагнетания истерии и форсирования событий. Разнообразна и форма подачи материалов: сообщения диктора, репортаж с места события, двусторонние интервью с властью, вопросы в прямом эфире, комментарии простых горожан и т.д. Что касается рекламной коммуникации, то успешное продвижение политических субъектов федерального уровня, обусловлено высоким профессионализмом команды политика/партии, разнообразием методов воздействия на электорат и ограниченностью обратной связи. Проводя свою предвыборную кампанию политикам более высокого ранга легче ввести избирателей в заблуждение, поскольку последние не осведомлены о политической и социально-экономической ситуации в целом по стране. Оперируя данными метауровня, федеральный актер находится одновременно в ситуации коммуникации и метакоммуникации. По этой причине все материалы политической рекламы проходят предварительную апробацию в фокус-группах. Субъект достаточно четко прогнозирует эффекты рекламных кампаний, повышая уровень достижения необходимого результата.

Критерии отбора политической информации, транслируемой в СМИ, носят значительный элемент оценки, основанной на культурных, политических предпочтениях и психологических особенностях восприятия информации. Получатель «ожидает» от СМИ оценочной информации, поскольку они выступают в качестве официального источника, обладающего высоким уровнем доверия. Истинность смысловой информации довольно сложно проверить (технические средства развиты на столько, что черпают информацию из разных сфер, территорий), поэтому аудитория прислушивается именно к оценкам, выясняя тем самым доминирующие настроения в обществе. Это в свою очередь служит основой для формирования общественного мнения. Одной из проблем повышения эффективности СМИ в политике является одновременное совмещение и разграничение массовой и личностной социальной ориентации, т.е. интересной должна быть информация для всех, но в то же время ориентированной на конкретные группы. Успех СМИ определяется уровнем знания социальной мотивированности аудитории и способов передачи оценочной информации.

В-третьих, расследовательская, аналитическая журналистика, активизирующая когнитивные процессы массового сознания, уступает место политическим развлечениям, шоу, направленным на эмоциональное возбуждение аудитории. Исследования российских и зарубежных авторов показывают, что идет сокращение аудитории, потребляющей аналитическую продукцию⁷. Философия современного этапа

⁵ Loseke D.R. Thinking about Social Problems: an Introduction to Constructionist Perspectives. New York, 1999. P. 90.

⁶ Schoenfeld A.C., Meier R.F., Griffin R.J. Constructing a Social Problem: The Press and the Environment // Social Problems. 1979. Vol. 27. P. 38-61.

⁷ См., например: Гаман-Голутвина О.В. Смысл изменений и изменение смыслов в политике // Тезисы докладов. Доклады V Всероссийского конгресса политологов «Изменения в политике и полити-



укладывается в формат развлечения, что отражается и на сфере политического информирования⁸. К современным политическим трендам медиа нами отнесены новости и политическая реклама. Они являются наиболее эффективными, поскольку работают в орнаменте, одном из успешных способов воздействия. Орнамент представляет собой элементарное сочетание различных методов воздействия, однако его бесконечность придает динамизм всей коммуникативной среде и многократно усиливает влияние продвигаемого субъекта. Применение обширного спектра методов управления политической информацией, использование развитых коммуникационных техник в сочетании с разнообразием каналов передачи обеспечивает максимальное воздействие на такую инерционную систему как массовое сознание.

В этой связи релевантна проблема характеристики содержания медиа. По мнению исследователя А. Дэвиса, новостные сообщения СМИ становятся менее информативными и более аполитичными⁹. В виду высокого уровня конкуренции на медиарынке СМИ для сохранения своей аудитории модифицируют контент политической информации. Политические новости приобретают все более характер инфотеймента. Они отходят от конкретики требований описываемого события и делают акцент на моделях происходящего, устанавливая должное, а не реальное. Следовательно, сначала вырабатывается контекст, а лишь затем содержание политических материалов для передачи аудитории. В этом проявляется схожесть новостей с пропагандой, цель которой «включение нас в ее структуру значений, побуждение нас к участию в декодировке ее лингвистических и визуальных знаков и получение удовольствия от этой деятельности декодирования»¹⁰. Новости не информируют аудиторию о происходящем, а создают собственный вариант события, усиливая отдельные характеристики происходящего. При этом значимость презентуемого продукта (идеи, политического субъекта, ситуации) утрированно возрастает, насаждается доминирующая парадигма. Акцентуация определенного события в СМИ, т.е. формирование повестки дня, делает контент активным, а воспринимающую аудиторию пассивной. Встает проблема «новостной грамотности»¹¹. Выстраивая информационные приоритеты, масс-медиа становятся ответственными за социально-политическую обстановку. Один из выводов, к которому мы пришли в ходе исследования, состоит в том, что в процессе трансляции различных видов сообщений масс-медиа пытаются усыпить внимание аудитории. Такая тенденция проявляется уже на этапе отбора соответствующей информации. В ситуации жесткой конкуренции социальных проблем и в виду ограниченной пропускной способности СМИ многие важные аспекты общественной жизни остаются за пределами медийного пространства. По мнению исследователей С. Хилгартена и Ч. Боска, исчезновение конкретной проблемы из информационного пространства не всегда означает ее решения и свидетельствует об «упадке» общественного интереса к ней, вследствие появления более «успешной» проблемы¹².

Однако необходимо учитывать тот факт, что развитие средств массовой коммуникации делает адресата относительно независимым от отправителя. Существуют иные каналы информационного обеспечения, например, межличностная коммуникация, Интернет-коммуникация. Аудитория, получая политическую информацию из СМИ, не соответствующую ожиданиям, может ее игнорировать, отвергая навязываемые

ка изменений: стратегии, институты, акторы» Москва, 20 – 22 ноября 2009 г. [Электронный ресурс]. CD. М., 2009; Negrin R. *The Communication of Politics*. London, 1996.

⁸ Показательным примером выступает встреча Президента Д.А. Медведева с артистами развлекательной телепрограммы «Comedy Club», состоявшаяся 01 апреля 2011 г.

⁹ Davis A. *Whither Mass Media and Power: Evidence for a Critical Elite Theory Alternative* // *Media, Culture and Society*. 2003. № 25. P. 669-690.

¹⁰ Bignet J. *Media semiotics. An introduction*. Manchester, 1997. P. 135.

¹¹ См., например: Kawamoto K. *News and Information at the Crossroads: Making Sense of the New On-line Environment in the Context of the Traditional Mass Communication Study* // *The Electronic Grapevine: Rumor, Reputation and Reporting in the New On-line Environment*. Mahwah, 1998. P. 173-188.

¹² См., например: Хилгартен С., Боск Ч.Л. *Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен* // *Средства массовой коммуникации и социальные проблемы*. Казань, 2000. С. 18-53.



мое мнение. С одной стороны, это способствует политической плюрализации, развитию протестного потенциала. С другой стороны, можно констатировать незначительное задействие коммуникативного потенциала СМИ политическими акторами. Имеющееся расхождение между фактами социально-политической действительности и их констатацией в СМИ ведет к обесцениванию медийного продукта, падению доверия к информационным источникам, коммуникационно-политическому коллапсу. В результате снижается уровень политической активности, самоорганизации граждан, наблюдается легисламия и политическая фрустрация. Проведение политической модернизации в подобных условиях крайне затруднительно, поскольку эти процессы требуют совместных усилий государства и общества.

Повышенный интерес аудитории к новостям также не способствует развитию когнитивных процессов мышления, которые необходимы для оценки происходящих политических событий. Симультанность, сиюминутность новостей и их бесконечный поток заставляет население проникаться только проблемами настоящего момента без выстраивания причинно-следственных связей с прошлым и будущим. Политика же большей своей частью ориентирована на будущую, т.е. в действительности не столь четко определенную реальность. Поэтому для того чтобы создать объективный сценарий будущих событий, необходимо понять сложные социальные взаимоотношения, складывающиеся в процессе политической коммуникации настоящего момента. Эффективность новостной коммуникации должна измеряться не числом передаваемых сообщений, а качеством реакций аудитории на них. Последнее относится к перлокуции, т.е. оценке того, что происходит в результате трансляции сообщений от политического субъекта: объект действует или воздерживается от активности. Данный вывод обосновывает необходимость аналитического подхода не только к исследованию медиаконтента, но и аудитории, той структуры, где собственно происходит коммуникация. От интерпретаций аудиторией содержания и формы сообщений, формирования массовым сознанием со-значений политических текстов будет зависеть «сила» коммуникации, позволяющая реализоваться государству, обществу и самим СМИ.

Таким образом, для анализа медиа в политическом процессе требуется комплексный подход к учету множества показателей, маркирующих различные эффекты (эффекты коммуникативного воздействия, эффекты экспозиции или контакта с целевой аудиторией, поведенческие эффекты). Оценка политической эффективности СМИ обусловлена поставленными исследовательскими задачами и может проводиться в ракурсе как участников коммуникативно-политического акта (элита и население), так и внешней социально-политической обстановки. При этом количественная оценка эффективности предполагает анализ таких факторов как размер аудитории, тираж, территория распространения, популярность и т.п. Качественный уровень включает параметры, определяющие достижение поставленной цели, в частности: 1) формирование взглядов, установок, ценностей; 2) активизация/реактивизация политического поведения; 3) оптимизация политических процессов. Каждый из представленных параметров реализуется сложными механизмами и зависит от внешних условий, особенностей социальной перцепции, коммуникативных приемов воздействия. Следовательно, в качестве математической модели политически эффективной медиасистемы может выступать только модель на основе теории расплывчатых (размытых) множеств, т.е. развивающаяся система при нечетко заданных, постоянно изменяющихся условиях. Расчет политической эффективности медиа предполагает сравнение различных сопоставляемых между собой эконометрического, социометрического и коммуникативного критериев. Сложность определения медиаэффективности обуславливает четкую структурированность научного исследования и необходимость составления на стадии планирования программы, направленной на упорядочение действий, внутренних элементов и внешних связей. Для достижения цели анализа эффективности медиа в политике исследователем должен быть реализован ряд подцелей, связанных с выявлением количественных и качественных параметров функционирования масс-медиа в политическом пространстве.



MEDIA EFFICIENCY IN POLITICS

S.Yu. LISOVA

*Ivanovo State Power
University*

e-mail: aist@hotmail.ru

In this article is considered the problems appearing by studying mass media in the political sphere. Also are used criteria of communicative efficiency.

Key words: mass media, political efficiency of mass media, political actor, audience, effects of mass media in the political sphere.



ДЕМОКРАТИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ВЗГЛЯД ИЗ ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКОЙ КРЕАТОЛОГИИ

Г.Ю. КАНАРШ

*Институт философии РАН,
г. Москва*

e-mail: grigkanarsh@yandex.ru

В статье с позиций характерологической креатологии (нового междисциплинарного подхода к исследованию творчества — в самом широком смысле, включая политическое, экономическое творчество) рассматриваются современные причины трудностей укоренения демократии на российской «почве». Дается обобщенная характеристика этой «почвы» (национально-характерологических особенностей), в сравнении с аналогичными западными (Западная Европа, США) особенностями. Автор стремится подчеркнуть, что «проникнутость» современной либеральной демократии прагматизмом, свойственным в большей мере Западу, чем России, не является фатальным для развития определенных форм демократии в нашей стране.

Ключевые слова: демократия, национальный характер, прагматизм, Россия, Запад.

Введение.

Демократию возможно отнести к универсальным ценностям наряду с экономикой свободного рынка и частной собственностью. Безусловно, демократия, имея западное происхождение, получила сегодня широкое распространение и признание во всем мире, и, как считается, приверженность ей выступает признаком современности. Между тем целый ряд государств, имевших в прошлом опыт тоталитарного и авторитарного развития (в их числе и Россия), но с некоторых пор стремящихся развивать у себя современные формы политической жизни, столкнулись со значительными трудностями в процессе перехода к демократии. Эти трудности, как часто полагают, связаны с не всегда достаточным уровнем демократической политической культуры, неразвитостью политических отношений и институтов (того, что называют «публичной политикой»), грузом патриархальных традиций и т. п. В результате переход к демократии оказывается для новых государств чрезвычайно трудным и болезненным делом, чреватым рецидивами прошлого и откатом к авторитаризму.

Отметим, что в России обсуждение перспектив демократии происходит в принципиально ином, чем на Западе, политическом и историческом контексте. В отличие от западных государств, в которых демократия как таковая состоялась, стала фактом общественной и политической жизни, и сегодня лишь сталкивается с новыми вызовами (вызовами, прежде всего, со стороны глобализации), российский «демократический проект» расценивается подавляющим большинством исследователей как неуспешный, принципиально незавершенный. При этом причины неуспеха и незавершенности этого проекта, по общему мнению, носят не внешний, а *внутренний* характер, будучи связанными с особенностями политических и экономических преобразований конца прошлого — начала нынешнего столетия.

Приведем несколько авторитетных суждений, высказанных в отечественной политологической литературе второй половины 2000-х гг., фиксирующих *результаты* российского демократического транзита. Так, известный историк и политолог Ю. С. Пивоваров констатирует, что демократический транзит в России в очередной раз (как это случалось и ранее, например, в начале XX в.) завершился неудачей. И эта неудача стала особенно заметной в период реформ путинской администрации. «Видимо, к началу второго срока президентства В. В. Путина в основном завершилась эпоха «транзита». Выйдя из пункта «А» Россия пришла к пункту... «А». ...Ведь тран-

зит предполагает попадание в пункт «Б». Однако русский транзит обладает особыми свойствами. Его траектория всегда замысловата, так сказать, в процессуальном отношении, но «провиденциальна» в содержательном. Я бы сформулировал это так: отречемся от старого мира, разрушим его до основания, построим новый и вдруг обнаружим, что все это на самом деле было спасением мира старого — не по форме, по существу»¹.

Сходных оценок результатов российского демократического транзита придерживается историк, политолог Т. Е. Ворожейкина. В статье с характерным названием «Несбывающаяся политика» Ворожейкина рисует выразительную траекторию движения политического процесса в посткоммунистической России, констатируя, что «в результате процессов деинституционализации (происходящих сегодня в России. — Г. К.) не только власть, но и политическая сфера в целом утрачивает публичное измерение. Лишившись реального смысла — конкурентной борьбы за власть, — политика в современной России превратилась в «церемониальную» и тем самым вновь стала пустой и бессодержательной»².

Интересно, что указания на «возвращающийся» характер русской истории, но с иным «знаком», можно встретить и в работах ученых, не всегда стоящих на либерально-демократических (западнических) позициях. Например, авторитетный ученый, политолог В. Н. Шевченко в своих статьях говорит о неких «инвариантах» российской политической жизни, о «традиционном типе государственности» в России, который противостоит реконструируемому им «либеральному типу государственности» и имеет тенденцию воспроизводиться на разных этапах исторического развития. «С моей точки зрения, — пишет Шевченко, — Русское централизованное государство, Российская империя, Советский Союз — все это исторические этапы развития одного традиционного типа российской государственности»³.

Таким образом, исследователи разных политических убеждений (порой прямо противоположных) говорят сегодня о *фактическом возвращении России в «наезженную колею» исторического развития, о возврате ее к своим традиционалистским основам* спустя почти два десятилетия с начала демократических преобразований (рубеж 1980–1990-х годов). Разделяя в целом выводы исследователей о том, что результаты осуществления «демократического проекта» можно признать неуспешными, мне бы хотелось порассуждать о причинах этого успеха с несколько *иной точки зрения*, чем та, что принята в теоретической политологии или политической философии. *Эта точка зрения* определяется представлением о существовании особых стойких *национально-характерологических особенностей*, которые, будучи сами результатом многовековых процессов социоприродного развития, существенно влияют на общий политический, культурный, хозяйственный строй жизни народов⁴.

К методологии исследования.

В самом общем смысле характер, согласно глубоко изучившему этот вопрос врачу и философу М. Е. Бурно⁵, — это некое природное единство *телесного* и *душевного* в человеке, его *душевно-телесная индивидуальность, обусловленная особенностями биологической конституции* (как, впрочем, и характеры животных, у которых, правда, в зачаточном виде, но все же содержатся ростки *человеческих* характеров). Не углубляясь в сложный вопрос о происхождении характеров, можно сказать, что определенный душевный склад, рисунок, как он сложился на протяжении веков

¹ Пивоваров Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М., 2006. С. 11.

² Ворожейкина Т. Е. Несбывающаяся политика // Отечественные записки. 2007. № 6. (Эл. ресурс).

³ Шевченко В. Н. Глобализация и судьба российской государственности // Судьба государства в эпоху глобализации. М., 2005. С. 169.

⁴ См., напр., материалы сайта «Естественно-научные исследования творческого процесса». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://characterology.ru>

⁵ См.: Бурно М. Е. О характерах людей. М., 2008. С. 129–140.



(и даже тысячелетий), представляет собой *особую природную самозащиту*, оберегающую человека (данного склада) от разного рода вредоносных воздействий (прежде всего воздействий природной среды, но также и социума). В этом смысле говорится об особой природной «выкованности» характера. Сегодня в клинической (реалистической, не психологической) характерологии, развитой и уточненной в рамках школы Бурно, выделяют 12 *основных характерологических типов* («гирлянда характеров») (привожу по классификации М. Е. Бурно):

- 1) сангвинический (синтонный) характер (циклоид);
- 2) напряженно-авторитарный характер (эпилептоид);
- 3) тревожно-сомневающийся характер (психастеник);
- 4) застенчиво-раздражительный характер (астеник);
- 5) педантичный характер (ананкаст);
- 6) замкнуто-углубленный, аутистический характер (шизоид);
- 7) демонстративный характер (истерик);
- 8) неустойчивый характер (неустойчивый психопат);
- 9) смешанные (мозаичные) характеры:
 - а) «грубоватый» характер (органический психопат);
 - б) «эндокринный» характер (эндокринный психопат);
 - в) «полифонический» характер (также в здоровой и болезненной своей выраженности)⁶.

Важным наблюдением, сделанным в характерологии и имеющим самое непосредственное отношение к общественным наукам, является то, что в разных странах исторически проживают люди с теми или иными характерологическими особенностями и это существенно влияет на духовный и материальный облик как отдельных социальных общностей, так и целых регионов мира. Например, для стран Северной Европы характерными являются замкнуто-углубленный (аутистический) и педантичный (ананкастический) тип, в англосаксонских странах доминирует аутистический тип, во многих странах Южной Европы, а также в Грузии, Израиле преобладают люди с бурно-сангвиническим темпераментом, и т. д. Россия в этом ряду находится как бы между двумя макрорегионами с различной аутистической (замкнуто-углубленной) структурой характера: западной европейской и дальневосточной (Китай, Япония), отличаясь от них своей природной реалистичностью, изначальной тревожностью, со сложными нравственными исканиями, переживанием неполноценности (дефензивностью)⁷.

Национально-психологические особенности, в отличие от «индивидуального» характера, — это то особенное, что есть не у всех людей данной исторической общности (и даже не у большинства в ней), но является *типичным* для нее, накладывает свой отпечаток на все проявления культуры (как материальной, так и духовной) данного народа. «Это — природная особенность души, которая в выразительном, типичном виде присутствует у многих в этом народе, оставляя хотя бы свою тень у большинства людей, составляющих этот народ, и достаточно ярко, проникновенно обнаруживает себя в истории и культуре народа»⁸. Исходя из этого, представляется возможным говорить (уже в духе характерологической креатологии) и о том, как *особенному* проявляются национально-психологические особенности (т. е. типичное душевное у данной общности) в различных областях национальной жизни, в том числе в *общественной сфере*, в экономике и политике. Или, переформулируя этот вопрос применительно к нашему предмету: *какие душевные особенности западных народов нашли отражение в демократической форме политического устройства и, напротив, почему российский душевный склад оказался невосприимчив (как, ду-*

⁶ Бурно М. Е. О характерах людей. С. 10.

⁷ Там же. С. 49, 352–358.

⁸ Там же. С. 353.

мается, со всей очевидностью показали 1990-е годы) к демократии как производению иной (не славянской, не русской) души?

Очевидно, для того чтобы ответить на первую часть вопроса, необходимо сказать о том, что представляет собой сам этот душевный склад, в чем его специфика по сравнению, например, с душевной особенностью русских или восточных народов? Западное душевное устройство (понятно, что речь идет о самой обобщенной характеристике) есть устройство, несущее в себе мощный аутистический радикал (характерологический стержень), при том эта аутистичность с преобладающей *рационалистической, интеллектуальной составляющей*. Под аутистическим, замкнуто-углубленным душевным устройством понимается характер людей *идеалистического склада души* (в противоположность людям с материалистическим мироощущением-мировоззрением), идеалистичность которого сказывается в переживании *изначальности духовного* по отношению к телесному, материальному. Примерами такого переживания, известными из культуры, могут быть и возвышенно-стройные музыкальные композиции И. С. Баха, и столь же стройное, углубленно-символическое (психосимволическое) литературное творчество Г. Гессе, и утонченно-бестелесные образы обнаженных женщин на картинах Модильяни, и отстраненно-теоретическое, лишенное земного полнокровия, но прекрасное в своей сложности-концептуальности научное творчество И. Канта, Г.-Ф.-В. Гегеля, З. Фрейда, А. Эйнштейна, многих других ученых-теоретиков, представителей разных наук (особенно в математике, теоретической физике, идеалистической философии, психологии).

Между тем аутистический радикал в реальности может иметь множество вариантов, создающих большое многообразие его проявлений в науке, культуре, искусстве, как и в общественной жизни, в политике. Одним из таких вариантов можно считать западную, *интеллектуально-рациональную*, аутистичность. Данный тип можно было бы назвать еще *аутистически-прагматическим*, из-за свойственной ему *особого рода практичности* – основанной не на земной расчетливости-расторопности (как, например, у русских купцов), а на (пускай и миниатюрной) *концепции*. «Аутистичность-идеалистичность, в широком (блейлеровском) смысле, нередко весьма практична, но именно теоретически-концептуальной, прагматической практичностью, с ее неослабевающим чувством порядка-гармонии. Американская аутистичность при этом, видимо, более реалистоподобна, нежели европейская. В любом случае аутистичность наводит более или менее основательный, серьезный распорядок в делах, занятиях с трезвым анализом, режимом, осторожностью, совершенствованием, со строгими экзаменами и перспективой»⁹ (курсив мой. – Г. К.).

Но прагматизм – свойство не только американского характера, он присущ и европейцам (составляет *типичное душевное* у них), вообще составляет известную душевную особенность не только современной, но и *Старой Европы* (Европы прошлых веков). В этом отношении весьма ценными представляются рассуждения философа, известного специалиста по истории западноевропейской философии (в частности философии европейского Просвещения) Т. Б. Длугач о понятии *здорового смысла*. Профессор Длугач показывает *принципиальное значение здорового смысла* (понимаемого ей как «особая способность рассудка, а именно умение самостоятельно рассуждать о предметах и событиях повседневной жизни, умение, которое соотносится с более широкой способностью разума судить обо всех явлениях и объектах бесконечной действительности») для становления новоевропейской культуры, и в частности для вышедшей из нее *политической демократии*¹⁰. «Человек, обладающий здоровым смыслом, спокойно налаживает свой быт, оптимально организует работу, находит наилучший выход из возникающих на жизненном пути тупиков.

⁹ Бурно М. Е. Профессионализм и клиническая психотерапия // Психотерапия. 2008. № 2. С. 17.

¹⁰ Длугач Т. Б. Подвиг здорового смысла, или Рождение идеи суверенной личности (Гольбах, Гельвеций, Руссо). М., 2008. С. 4.



...Отсутствие здравого смысла оборачивается полной неприспособленностью к житейским ситуациям, ведет к непрерывным коллизиям и даже катастрофам»¹¹ (курсив мой. — Г. К.). В другом месте Т. Б. Длугач также отмечает такую специфическую черту здравого смысла, как его *особая внутренняя связь с индивидуальной ответственностью*, ответственностью человека за свою повседневную жизнь, «за этот поступок, за этот день, за это содержание своего поведения»¹².

Демократия на Западе и в России.

Безусловно, рассуждения исследовательницы о здравом смысле носят *теоретический* характер и не связаны с характерологией, но за ее описаниями здравомыслящего субъекта Нового времени без труда угадываются черты *определенного характерологического склада*, душевной структуры *аутистического европейца-прагматика* («автономного индивида» классических философов Нового времени). Однако в каком смысле прагматически-аутистическое душевное устройство обнаруживает здесь связь с *определенной политической формой*, с демократией? Думаю, дело в том, что сама демократия по своей сути — вполне прагматическое устройство и представляет собой не что иное, как *искусно разработанный механизм, машину согласования интересов*. И этот механизм, машина (точнее, ее модель) не случайно возникла в период раннего европейского модерна (ранней Современности) с его нарождающимся капитализмом, бурно утверждавшим себя индивидуализмом собственников и неизбежно возникавшими в этой конкурентной среде экономическими и политико-правовыми *конфликтами* (вплоть до состояния «войны всех против всех», описанного Томасом Гоббсом). И вот именно демократия (и в более широком смысле *общественный договор, социальный контракт*, теоретически описанный новоевропейскими мыслителями XVII–XVIII вв.) как особого рода искусственное изобретение становится для новоевропейского человека спасительным выходом из создавшегося положения. «...В собственном смысле демократия и есть система компромиссов; это не власть большинства (или даже всего народа), а реальность компромиссов между различными группами, слоями, партиями, индивидами. В подобных компромиссах (или, как сказали бы сейчас, консенсусах) *утверждается не что иное, как партнерство, способствующее укреплению социального равенства*. Иными словами, компромисс, по сути дела, есть выражение *обоюдного (всестороннего) уважения и признания прав других автономных личностей*»¹³ (курсив мой. — Г. К.).

Совсем не то мы имеем возможность наблюдать в России. Будучи вынужденной обратиться к опыту западной демократии на рубеже 1980–1990-х годов (в попытке выйти из глубокого кризиса социально-экономической системы), Россия в результате так и не смогла *в полной мере* освоить правила демократической жизни. Приведу в этой связи глубокое и очень точное наблюдение известного социального философа, одного из ведущих в России специалистов по теории модернизации В. Г. Федотовой. Как показывает исследователь, анализируя социальную и политическую ситуацию 1990-х годов, несмотря на официально провозглашенный переход к демократии, десятилетие демократических преобразований было настолько далеко от исходной (и как утверждалось, реализуемой в России) западной модели, что речь скорее должна идти не о демократии, а о *совсем ином* (противоположном ей) *типе социального и политического порядка*, который обозначается философом как «анархия»¹⁴. (курсив мой. — Г. К.). Яркой иллюстрацией того, о чем говорит Валентина Гавриловна, может быть приводимый ею же пример электоральной компании 1996 года, когда народ, к тому времени уже серьезно уставший от новых российских реформаторов, в

¹¹ Длугач Т. Б. Подвиг здравого смысла. М., 2008. С. 4.

¹² Там же. С. 9.

¹³ Там же. С. 9–10; см. также: с. 284–288.

¹⁴ Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 223.



очередной раз (вопреки ожиданиям многих) проголосовал за Ельцина (а не за коммунистов, шансы которых оценивались на тот момент достаточно высоко). И причиной тому, как показывает Федотова, было вовсе не «оболванивание» электората из телеэфира, а нечто другое, неожиданное — боязнь миллионов людей, что «коммунисты заставят их работать — вернуть к станкам, цехам, полям и фермам». «Они (россияне. — Г. К.) уже не хотели оставить частный извоз, холодную палатку, свой огород, сомнительный бизнес и пр. (Я уже не говорю о криминальных делах, в которые еще, слава Богу, было вовлечено не все самодеятельное население.) Миллионы людей не хотели уходить из натурального хозяйства, в которое они попали (попали в результате деиндустриализации 1990-х годов и вызванной ей массовой потери работы. — Г. К.), и видели в этом свободу в ее традиционном российском исполнении — волю (вместо свободы как политической системы и цивилизующей силы)»¹⁵ (курсив мой. — Г. К.). «Анархическое понимание свободы является типичным для России, в которой обнаруживается вторичная ценность свободы в сравнении с равенством и справедливостью, а также тяготение к анархическому представлению о свободе как воле», — заключает В. Г. Федотова¹⁶.

Таким образом, сравнительный анализ западной демократии в ее истоках и специфических особенностей понимания демократии в России свидетельствует о *глубоком и вряд ли до конца преодолимом различии в характерах, мироощущении русского человека и человека западного* (описанного выше аутиста-прагматика). Если западный человек в силу особенностей своей души (аутистически-идеалистической) склонен к самоорганизации, ответственности и дисциплине (результатом чего и становится демократия), то русский, опять-таки в силу своих природных душевных особенностей, мало способен (по своей воле) жить по *определенным четким правилам*, предпочитая (особенно в условиях цивилизационного кризиса и сопровождающего его распада государства) социально-организованной свободе *свободу как волю, анархию*. И эта психологическая особенность русского, русского человека, коренным образом отличающая его от человека западного, проистекает, согласно М. Е. Бурно, из вообще *дефензивной* (точнее, дефензивно-реалистической, материалистической) природы русской души¹⁷.

Значит ли это, что демократия (как произведение иной, аутистически-идеалистической, прагматической природы души) обречена в России? Несмотря на все неудачи демократии в нашей стране, все же не хотелось бы думать так. Демократия, как уже отмечалось, представляет собой универсальную ценность, и можно согласиться с профессором И. К. Пантиним, что сегодня и незападные народы (включая Россию) должны пытаться усваивать ее опыт¹⁸. Другое дело, что нам, русским, надо стараться более тщательно изучать свои национальные (в том числе национально-психологические) особенности с тем, чтобы, осторожно перенимая западный опыт, постепенно создавать *основы собственного проекта политического устройства* (если и не вполне демократического в классическом, западном понимании, то хотя бы с *существенными элементами* западноевропейской демократии), начало теоретическому осмыслению которого уже положено в научной среде¹⁹. И, конечно же, вместе с избирательным усвоением западного опыта по возможности пытаться привить себе *хотя бы толику той организованности, собранности, внутренней дисциплины*, которая от природы свойственна западным, аутистическим с педан-

¹⁵ Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 224.

¹⁶ Там же. С. 225; см. также: С. 98–151.

¹⁷ Бурно М. Е. О характерах людей. С. 353–354.

¹⁸ См.: Пантин И. К. Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего // Полис. 2007. № 6. С. 113–135.

¹⁹ См.: Демократия для России — Россия для демократии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. А. А. Гусейнов. М., 2008.



тичностью людям, и которая во многом обеспечивает успех западных ценностей и основанного на них западного образа жизни.

DEMOCRACY IN POST-SOVIET RUSSIA: VIEW FROM CHARACTEROLOGIC CREATOLOGY

G.J. KANARSH

*Institute of Philosophy of the
Russian Academy of Sciences,
Moscow*

e-mail: grigkanarsh@yandex.ru

In article from positions characterologic creatology (new interdisciplinary approach to creativity research — in the widest sense, including political, economic creativity) the modern reasons of difficulties of rooting of democracy on Russian «soil» are considered. The generalised characteristic of this «soil» (national-characterologic features), in comparison with the similar western (the Western Europe, the USA) national-characterologic features is given. The author aspires to underline that I «will get-tost» modern liberal democracy pragmatism, peculiar in to a measure to the West, than Russia, is not fatal to development of certain forms of democracy in our country.

Key words: democracy, national character, a pragmatism, Russia, the West.



УДК 323.1 (470.57)

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ*

А. С. ЩЕРБАКОВ

*Северо-Западная академия
государственной службы
г. Санкт-Петербург*

e-mail: as19792004@mail.ru

В статье рассматриваются процессы возникновения и деятельности общественных организаций этнической ориентации у русского населения Республики Башкортостан в контексте развития этнополитической ситуации в регионе на рубеже XX–XXI веков. Выделены их основные разновидности и показана динамика развития.

Ключевые слова: русские, республика Башкортостан, этнонациональное движение, этнополитика, общественные организации.

Русские – крупнейший по численности этнос Республики Башкортостан (1 490 715 человек или 36,3% населения республики – по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.). Этнокультурное развитие русских Башкортостана на протяжении всей истории их проживания в крае, начиная с XVI в., в значительной степени проходило, в контексте развития всей великорусской народности. История и культура русского населения края во многом фактически отождествлялась с историей региона, а изучение и анализ этой части населения считалось прерогативой российских академических центров. Центр изучения населяющих республику народов был смещен к башкирам, что было объективно.

В течение XX в., вплоть до 1990-х гг. численность русского населения в Башкирии постоянно увеличивалась. Источники увеличения численности: естественный прирост и миграции из других регионов СССР и Российской Федерации. Всероссийская перепись 2002 г. зафиксировала снижение численности русского населения – как и большинства других народов Башкортостана, за исключением башкир, численность которых заметно выросла.

Таблица 1

**Динамика численности русского населения Башкортостана
в 1897–2002 годы¹**

Годы переписей	Численность всего населения, чел.	Численность русского населения, чел.	Удельный вес русского населения, в %
1897	1 991 438	834 135	41,8
1926	2 665 836	1 064 707	39,9
1939	3 158 969	1 281 347	40,6
1959	3 336 289	1 418 147	42,4
1970	3 814 926	1 546 304	40,5
1979	3 844 280	1 547 893	40,3
1989	3 943 113	1 548 291	39,6
2002	4 104 336	1 490 715	36,3

В XX в. среди русских Башкирии интенсивно проходила урбанизация. В 1926 г. было 183 000 русских горожан, к 1939 г. это число увеличилось более чем в два раза.

* Статья подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по направлению «Исторические науки», мероприятие 1.2.2., контракт П664: «Национальные процессы на Южном Урале в XX–XXI вв.»

¹ Составлена по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. С. 65–66; Национальный состав населения БАССР. Уфа, 1990; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XLV Уфимская губерния. СПб., 1904; Население БАССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.). Уфа, 1986; Население Башкирии. По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. Статистический сборник. Уфа, 1971; Национальный состав населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.). Статистический сборник. Уфа, 2006.



Еще более возросли темпы прироста городского населения в военное и послевоенное время: в 1959 г. в городах республики проживало 818 000 русских, к 1989 г. к ним прибавилось еще 400 000 человек². Динамика урбанизации русского населения региона показана в табл. 2.

Таблица 2

**Изменение численности русского городского населения Башкортостана
за 1959–2002 годы (тыс. чел. и в %)³**

Годы переписей	Численность, тыс. чел.	Удельный вес
1959	817,9	57,7
1970	1100,0	71,1
1979	1218,2	78,7
1989	1285,3	83,0
2002	1232,2	83,0

При этом в общей массе городского населения республики русские составляют 47%⁴. Русские живут во всех городах и поселках республики и составляют более половины жителей Уфы, Белебея, Ишимбая, Мелеуза, Салавата, Стерлитамака, Давлеканово, а в городах Белорецке, Благовещенске, Бирске, Кумертау преобладают (от 64 до 72%)⁵. Русское городское население Башкирии оказывает значительное влияние на этнические и культурно-языковые процессы в городской среде. Значительный по численности этнический массив русских в населении городов республики образовался в силу исторических условий возникновения и развития городов Башкирии, которые основывались как русские поселения и в дальнейшем развивались как центры русской культуры, которая под влиянием общих тенденций развития этнических процессов, стала восприниматься как универсально-городская⁶.

Одной из главных отличительных особенностей развития политических процессов на рубеже 1980-х–1990-х гг. в России и республиках тогдашнего СССР стала мобилизация этничности, в политическом смысле известная также как «парад суверенитетов». Его существенными характеристиками являются рост национального самосознания, движение за национальное самоопределение и т.п.⁷ Начавшиеся на фоне общей демократизации и гласности эти процессы в итоге привели к формированию в ряде бывших автономных республиках РСФСР этнократических режимов. В обретшей независимость России в первой половине 1990-х гг. центробежные силы, особенно в национальных республиках, под этническими лозунгами, в определенной степени угрожали целостности страны. На волне этнической мобилизации, в некоторых республиках к власти пришли люди, которые в той или иной форме провозглашали курс на национал-сепаратизм⁸. Основными вехами этих процессов в Республике Башкортостан были: принятие Декларации о государственном суверенитете (11 октября 1990 г.), особый порядок присоединения к Федеративному договору 1992 г. (на территории Башкирии вступал в силу только после одобрения местным Верховным Советом, кроме того существовало и специальное приложение к нему), принятие Конституции РБ 24 декабря 1993 г. (закрепляла понятия «суверенитет», «гражданст-

² Ковязин С.А. Городское восточнославянское население Башкирии (численность и расселение) // Вопросы этнографии городского населения Башкортостана. Уфа, 1992. С. 37–43.

³ Национальный состав населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.). Статистический сборник. С. 10–18.

⁴ Там же. С. 10–14.

⁵ Там же. С. 64–113.

⁶ Об особенностях современной этнонациональной культуры и культурной политики см.: Савельев В.В. Национально-культурная политика как российская реальность // Управленческое консультирование. 2010. № 3. С. 157–169; Межуев В.М. Государство и культура: теоретические предпосылки культурной политики // Управленческое консультирование. 2008. № 1. С. 63–79.

⁷ Подробнее об этом см., например: Стребков А.И. Конфликты и интеграционные процессы в Содружестве Независимых Государств // Управленческое консультирование. 2007. № 1. С. 207–211.

⁸ Габдрафиков И.М. Республика Башкортостан. Модель этнологического мониторинга. М., 1998.



во республики», башкирский язык как государственный, вводила особые требования к кандидатам на пост президента РБ), заключение в августе 1994 г. Договора о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и РБ.

Рост национального самосознания затронул все народы исторически полиэтничной Республики Башкортостан⁹, в т.ч. и самую крупную этническую группу населения – русских. При этом, в республике не сложилось русского национального движения. Из общероссийских национально ориентированных и националистических партий на территории Республики Башкортостан некоторое время действовало Русское национальное единство (РНЕ) и несколько других организаций. Из республиканских – общественное объединение «Русь» и национально-культурный центр «Вече». Основными задачами в их программах названы сохранение единства России и отстаивание русского языка как второго государственного на территории Республики Башкортостан. При этом, РНКЦ «Вече» занималось исключительно культурными проблемами. Таким образом, на начальном этапе русского национального движения произошло разделение «сфер влияния». «Русь» стала заниматься политикой, а «Вече» – вопросами культуры, хотя только ими не ограничивается¹⁰.

Следует сказать, что ОО «Русь» появилось гораздо позже других этнонациональных организаций – в марте 1992 г. Оно было создано в целях «реализации и защиты гражданских, экономических, социальных, политических, культурных прав и свобод русского и других народов, подъема активности и самодеятельности русских, их участия в управлении государством и общественными делами, возрождения духовно-нравственных ценностей, казачества, развития научного, технического и художественного творчества, участия в благотворительной деятельности и т.д.». Руководящий орган – Дума движения. Лидер движения – бывший заведующий сектором Башкирского обкома КПСС, на тот момент – зав. кафедрой одного из уфимских вузов А.Н. Аринин. ОО «Русь» издавало газету «Отечество». В течение 1992–1993 гг. в деятельности данного общественного движения возобладали оппозиционные настроения по отношению к республиканской власти. Основным средством достижения программных целей движение видело участие в выборах в органы власти различного уровня. Так, А.Н. Аринин в 1993 г. выдвигался в депутаты Государственной Думы ФС РФ по Калининскому округу № 4 Республики Башкортостан и победил опередив четырех соперников. Безусловно, определенную роль в этом сыграл этнический фактор – преобладание русского населения в Уфе и, конкретно, на территории данного одномандатного округа. В 1995 г. А.Н. Аринин повторил свой успех на выборах в Государственную Думу II созыва по Октябрьскому одномандатному избирательному округу № 5 Республики Башкортостан на этот раз оставив позади восьмерых конкурентов. Примечательно, что в Госдуме А.Н. Аринин входил в проправительственную фракцию «Наш дом – Россия», а в организации и работе этого общественно-политического движения принимал участие также президент Башкирии М.Г. Рахимов. При том, что с этого времени А.Н. Аринин и возглавляемое им ОО «Русь» находятся в жесткой оппозиции к республиканским властям. В своих выступлениях он утверждает, что «национальные отношения в Башкирии стали разменной монетой в политике руководства РБ, заинтересованного в укреплении башкирской этнократии»¹¹. Его высказывания и деятельность стали вызывать резкое недовольство республиканских властей и башкирских национальных движений, был даже запущен в оборот термин “арининщина” – якобы обозначающий нечистоплотность в политике. В то же время ОО «Русь» пользовалась значительным авторитетом среди русского

⁹ Об исторической полиэтничности Башкортостана см.: Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992. См. также: Народы Башкортостана. Уфа, 2002.

¹⁰ Воробьев Д.В., Грушкин Д.В. Идея национальной государственности и проблемы этнической дискриминации в Республике Башкортостан. М., 1999.

¹¹ Аринин А.Н. Вера в Россию. М., 1997. С. 168.



населения республики, в тесном контакте с А.Н. Арининым работали некоторые татарские организации, также позиционировавшие себя как противники этнократического режима.

Наибольшего накала данное противостояние достигло ко времени очередных президентских выборов в Башкортостане летом 1998 г. Избирательная кампания начала раскручиваться примерно за год. Так, на совещании заместителей глав администраций районов и городов 12 августа 1997 г. было заявлено о единственном кандидате – М.Г. Рахимове, которому «нет альтернативы».

В период предвыборной кампании, кроме М.Г. Рахимова, было выдвинуто несколько кандидатов в президенты Республики Башкортостан: М.П. Миргазямов – бывший председатель Совета Министров республики, позиционировавшийся определенными кругами как «татарский кандидат»; А.Н. Аринин и другие.

Этнический фактор проявил себя на президентских выборах следующим образом: с одной стороны, из всех организаций национальной ориентации, только ОО «Русь» выдвинула своего кандидата – А.Н. Аринина; с другой стороны, действующего президента М.Г. Рахимова поддержали все без исключения башкирские национальные организации, при этом, Рахимов позиционировался как «наднациональный кандидат, защитник интересов всех башкортостанцев».

В ходе предвыборной гонки на «финишную прямую» вышли два кандидата: М.Г. Рахимов и Р.Г. Казаккулов. Остальные кандидаты не были зарегистрированы в связи с нарушениями в ходе предвыборной кампании. Например, у Миргазямова и Аринина часть подписей были признаны недействительными, либо оформленными с нарушением требований к их заполнению, а оставшееся количество подписей оказалось недостаточно для регистрации. После апелляции в Верховный Суд России 5 июня 1998 г. было принято решение зарегистрировать кандидатом в президенты Башкирии А.Н. Аринина, однако на следующий день Центризбирком Башкортостана вновь ему отказал. В итоге, лидер движения «Русь» так и не был допущен к выборам, а президентом республики на второй срок вновь был избран М.Г. Рахимов.

После этого поражения деятельность ОО «Русь» постепенно идет на спад, слабеют и политические позиции А.Н. Аринина: в 1999 г. ему не удалось вновь избраться в депутаты Государственной Думы, в Уфе он не остался – переехав в Москву возглавил Автономную некоммерческую организацию «Институт федерализма и гражданского общества». Последний эпизод зримого участия Аринина в политической жизни Башкортостана – его участие в выборах президента республики в 2003 г. На сей раз он был зарегистрирован как кандидат, но набрал всего лишь около 2% голосов избирателей. В данном случае, определенную роль вновь сыграл этнический фактор – в качестве «русского» кандидата, выражавшего интересы самого крупного народа республики, активно (хотя и негласно) позиционировал себя бизнесмен С.А. Веремеенко.

С последней трети 1990-х гг. в этнонациональном движении русского населения Башкортостана наступает новый этап. Впрочем, он характерен для подобных движений практически всех народов региона: власти республики стремятся поставить их под свой контроль. С этой целью в 1997–1999 гг. на государственные средства, как правило, в торжественной обстановке, прошли съезды татар, русских, чувашей, марийцев, украинцев, немцев, евреев и др. На этих мероприятиях были созданы постоянно действующие исполкомы съездов этих народов.

В известной степени, проведение этих съездов было упреждающе мерой против дальнейшей самостоятельной консолидации этнонационального движения народов Башкирии. Что касается русских общественных организаций, то такая попытка в то время действительно была предпринята. В октябре 1997 года состоялась встреча активистов и руководителей русских организаций Башкирии. В результате переговоров был создан организационный комитет по проведению Национального собора русского народа республики, который был намечен на начало 1998 года. Однако, съезд по объединению русских общественных организаций провести не удалось.



В итоге весной 1998 года, под «опекой» президентской администрации, в торжественной обстановке состоялся Конгресс русских Башкортостана. По результатам этого съезда был образован «Собор русских Башкортостана» – официальная общественная организация русского населения региона, получившая статус национально-культурного центра. Высшим органом Собора стал Исполком, а председателем был избран тогдашний министр физической культуры, спорта и туризма РБ В.Н. Самородов.

Следует отметить, что проведение подобных съездов и учреждение их исполкомов, по замыслу властей, призваны содействовать развитию культур и языков народов. Однако, на наш взгляд, чрезмерная опека государства при проведении мероприятий, нацеленных на "возрождение этнических культур", способствует усилению этнизации сознания граждан, опережающему росту этнического фактора в общественно-политической жизни, подмене общественной инициативы и самостоятельности масс инициативой государства.

Примером такого отношения государства к этническим группам явилась разработка так называемых этнических программ «Возрождение и развитие народов». Как правило, в основу этих программ берется моноэтнический подход. Анализ этих программ показывает, что в них народ, люди, человек выступают не как активный субъект истории, а как пассивный объект государственной заботы.

В этих программах этнос выступает отстраненным от межэтнических связей. Ведущее значение придается имманентному развитию языка; культура понимается преимущественно как возрождение этнических традиций. Соответственно, программы «Возрождения» включают мероприятия в сферах языка, образования и традиционной культуры. Однако они не охватывают жизнь этноса в целом, особенно в плане модернизации культуры и общегражданских взаимодействий. Этническое самосознание, этничность в этих программах понимается как некая неподвижная категория, без развития и динамики.

Именно такой организацией и оказался упомянутый выше Собор русских Башкортостана. Можно сказать, что его деятельность свелась к координации работы нескольких историко-культурных центров, расположенных в сельской местности с компактным проживанием русского населения (и это при том, что большинство русских республики живет в городах – см. выше табл. 2), организацией деятельности фольклорных коллективов, проведение локальных праздничных мероприятий по том или иному поводу (Аксаковские дни, Дни славянской письменности и культуры и т.п.). Это всегда сопровождалось выражением лояльности региональному руководству и лично первому президенту республики.

В первое десятилетие XXI в. для этнонационального движения русского населения Башкортостана характерна ситуация общего спада. В 2000 году был ликвидирован национально-культурный центр русских Башкортостана «Вече». По решению Советского районного суда г. Уфы в 2005 году та же участь постигла и ОО «Русь». Деятельность официальных русских общественных организаций отличает пассивность. Стоит отметить, что после 1998 г. ни одного съезда русских Башкортостана не было проведено (для сравнения: в первое десятилетие XXI в. состоялись два курултая башкир, конгресс татар, съезд чувашей, съезды финно-угорских народов республики).

Таким образом, в этнонациональном движении русского населения Башкортостана выделяются два основных периода:

Первый: 1991–1998 гг., характеризуется определенной стихийностью и, одновременно, стремлением к самоорганизации. Возникают самостоятельные русские общественные организации с широким спектром деятельности: этнокультурные проблемы, языковая ситуация, образование, политическая деятельность.

Второй: 1998–2010 гг. В это время русское этнонациональное движение переходит под опеку республиканских властей: создаются официальные русские общественные организации, независимые, наоборот – разными способами прекращают свою деятельность. Спектр деятельности оставшихся официальных в итоге ограничивается сферой культуры.



Такой ситуация оставалась вплоть до июля 2010 г., когда в Башкортостане сменился президент. Новый глава республики Р.З. Хамитов отметил необходимость корректировки этнической политики в регионе, что наверняка скажется на деятельности общественных организаций этнической ориентации.

ETHNONATIONAL MOVEMENT OF THE RUSSIAN POPULATION IN BASHKORTOSTAN AT THE TURN OF XX–XXI CENTURIES: THE MAIN STAGES OF DEVELOPMENT

A. S. SHCHERBAKOV

*North-West Academy
of Public Administration,
St.-Petersburg*

*e-mail:
as19792004@mail.ru*

The article deals with the origins and activities of public organizations of ethnicorientation among the Russian population of the Republic of Bashkortostan in the context of ethnopolitical situation in the region at the turn of XX-XXI centuries. Identified their main types and dynamics of development.

Key words: Russian, Bashkortostan, ethnonational movement, ethnic policies, civil society organizations.



УДК 323(574/575)

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ И ПРОЦЕССОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

И.Ж. ИСКАКОВ

*Межрегиональный
институт экономики
и права,
г. Санкт-Петербург*

e-mail: iiel2002@mail.ru

В статье анализируются точки зрения различных авторов на особенности политических институтов и процессов в Центральной Азии и делается вывод о том, что институты и процессы в Центральной Азии имеют свою историческую и социокультурную специфику, а многие популярные аналитические схемы, созданные в западной политической науке, по-прежнему не получают своего эмпирического подтверждения и требуют тщательной переработки.

Ключевые слова: Центральная Азия, политические процессы, модернизация, демократия, авторитаризм, историческое и культурное наследие.

В истории западной политической мысли многие авторы, начиная от Аристотеля до Цицерона, четко противопоставляли свободные институты Европы деспотической власти восточных правителей. Эта традиция сохранялась и в период средневековья. Само понятие «деспотизм», по крайней мере с XIV в., прочно отождествлялось с государствами Востока¹. В эпоху Возрождения разработали концепцию восточно-деспотического государства; в социальном и политическом плане оно являлось альтернативой свободному государству Запада (Макиавелли и др.)². В 1748 году Монтескье создает свой знаменитый труд «О духе законов»³, в котором он объединяет политические институты Востока в общую категорию деспотизма. Монтескье рассматривает восточный деспотизм как глобальную альтернативу свободному обществу. Подобно Макиавелли (в работе «Государь») он считает деспотическое государство царством рабов, страха и произвола, где нет места твердым законам и где все основано на слепом повиновении одному лицу. Монтескье подводит под восточный деспотизм климатическую базу. Не будем здесь вдаваться в подробности аргументации за и против, это целая страница в историографии стран Востока. Важно, что такая позиция вскоре встречает возражения, в частности, А.-Г. Анкетиль-Дюперона⁴. Последний, аргументируя против выводов (именно выводов) Монтескье, проводит три пункта (они прямо указаны в развернутом названии его работы, вышедшей в свет в 1778 г.), а именно:

- на Востоке нет абсолютной деспотии, так как наличествует законный способ достижения власти (подтверждаемый, например, церемониалами, аналогичными западному коронованию восходящего на престол);
- на Востоке вполне очевидно наличие законов, носящих универсальный характер (их нормы распространяются и на суверена, и на подданных);
- существует частная собственность (обладатели которой неотчуждаемо пользуются ею). Это сильные аргументы, которые автор выносит из опыта своих многотрудных восточных путешествий, в противовес Монтескье, основывающемуся на материалах путешествия Фр. Бернье.

¹ Васильев Л.С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 60-99.

² Васильев Л.С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 70-72; Васильев Л.С. ВОСТОК И ЗАПАД В ИСТОРИИ (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 101-102.

³ Монтескье Ш.Л. О Духе законов. М., 1955.

⁴ См. Иванов Н.А., Васильев Л.С. Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. Введение. М., 1993. С. 3-25.



Споры о характере политической власти и государства на Востоке продолжают до сих пор. После того, как «третья волна» демократизации, зародившись на юге Европы, прокатилась по ее Центральной и Восточной части и докатилась до стран Центральной Азии, они обострились с новой силой.

Следует напомнить, что Центральная Азия представляет собой крупнейший после России блок постсоветского пространства. Он занимает связующее положение между западной и восточной частями Евразии и промежуточное — между развитым Севером и развивающимся Югом. Это также один из богатейших регионов мира по запасам минерального сырья. Пространственное положение и ресурсные богатства делают Центральную Азию важным театром мировой политической игры.

Особенности политических процессов в Центральной Азии во многом обусловлены спецификой сложившегося общественного уклада и его институциональной основой — отношениями между властью и собственностью. Согласно мнению многих ученых-востоковедов, социологов и политологов, общественный уклад восточного общества имеет свои специфические черты, которые фундаментально отличают западное общество от восточного. В частности, согласно концепции «власти-собственности» восточного государства, предложенной Л.С.Васильевым⁵, государство (в лице его главы) воспринимается как носитель социально-политической и экономической власти одновременно. Система власти-собственности всегда доминировала. Она имела различные формы, включая советско-социалистическую. Но суть ее неизменно была одной и той же: частная собственность подчинена власти и бессильна перед произволом администрации.

Государство в этой системе представляется средоточием власти, тотальной и всемогущей по отношению к человеку как самоутверждающемуся субъекту в бытии. Система власти-собственности определяюще влияет на политику руководителей государств на Востоке. Правители всегда стремились всячески идеологизировать то наличное состояние, когда сосредоточение в руках государства всей полноты социально-экономической и политической власти при отсутствии способных противостоять ему общественных структур, лишало человека возможности выбора между конкурирующими социальными силами. Такая модель общественного устройства возводилась в некую предзаданную норму и многократно обосновывалась (что собственно и есть функция идеологии).

Для восточного государства характерно такое сочетание госсектора экономики и государственного аппарата, когда государство получает возможность жестко влиять на процессы взаимодействия экономических субъектов, во многом являясь одним из них. Это позволяет однозначно решать различные конфликтные ситуации к вышней пользе государства, служит его дальнейшему усилению. Все это отливало в представление о незыблемости общественных структур, которое не только предполагалось самим способом производства, но и выступало в качестве неизменного принципа социокультурной ориентации человека.

После распада СССР в 1991 г. в процессе становления независимых центрально-азиатских государств вопрос о стратегии модернизации экономических и политических систем стал главным для их лидеров.

Современные государства Центральной Азии все еще находятся в переходном состоянии. Это переходное состояние центрально-азиатских стран можно охарактеризовать как посткоммунизм, имея в виду в качестве основного аргумента «советское» происхождение государств региона. Но при этом следует оговориться, что на самом деле посткоммунизм имеет отношение все-таки больше к России, нежели к Центральной Азии. По мнению Муратбека Иманалиева, президента Института общественной политики, большинство стран этого региона имеют

⁵ Васильев Л.С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. С. 60-99.

«синдром внезапно приобретенной независимости»⁶. В реальной политике он проявляет себя, по его мнению, в:

- чрезмерной персонификации выбора пути развития с последующим формированием режима личной (либо семейно-клановой) власти (вождизма), с характерными элементами в диапазоне от деспотизма до мягкого мимикрирующего авторитаризма. Но следует отметить, что не во всем и не всегда виноват пришедший к власти лидер;

- моделировании экономического развития, компоненты которого представляют из себя советскую (иногда более жесткую) систему менеджмента; мозаичном внедрении механизмов рынка, местами возврате к натуральному хозяйству (прежде всего на селе); незаконной приватизации и личным контролем лидера за наиболее доходными отраслями; фрагментарной интегрированности в мирохозяйственные связи и т.д.;

- низком уровне политической и правовой культуры (что сильнее в центрально-азиатских странах — закон или родственные связи? Закон или телефонный звонок?); а также отсутствии баланса отношений в триаде «человек-общество-государство». В некоторых странах Центральной Азии гражданское общество как таковое просто не состоялось. Не функционируют в государствах региона такие системные понятия и циклы, как политическая и общественная регламентация передачи власти, разделение ветвей власти;

- дегуманизации, а в ряде случаев и разрушении общественных отношений, которое выразилось в кризисе института семьи, падении уровня образования и здравоохранения, еще большем разрыве между городом и селом, массовой миграции, а в некоторых странах Центральной Азии и криминализации политической, экономической и общественной жизни;

- непредсказуемой и не всегда ответственной внешней политике с постоянными дискурсами;

- отсутствии национальных систем ценностей и стабильно развивающихся элит, которые только начинают нарождаться.

В этой связи одним из самых важных вопросов, стоящих перед центрально-азиатскими государствами, считает М. Иманалиев, является проблема конструирования самоидентификационных моделей и в то же время поиска идентичности в окружающем пространстве.

Гипотетически перед странами региона существовало несколько путей развития: а) западный — открывая экономика, политический плюрализм, развитое «гражданское общество»; б) турецкий — достаточно либеральный, но ориентированный на разделение светских и мусульманских функций государства; в) иранский — мусульманско-теократический и антизападный; г) китайский — с сохранением жесткого политического режима, но ориентированный на реформы под контролем государства.

Как сегодня известно, практически ни один из вариантов развития не был в чистом виде реализован странами региона. Однако, в результате проведенных реформ в пяти государствах региона проводится несколько смешанных стратегий модернизации: а) стратегия частичной либерализации с опорой на энергетические ресурсы и элементами авторитаризма (Казахстан, Кыргызстан); б) авторитарные типы модернизаций с сохранением полного государственного контроля и использованием природного энергетического ресурса (Туркменистан, Узбекистан); г) периферийный, отсталый тип модернизации с элементами либерализации экономики (Таджикистан).

В течение длительного времени цивилизационное единство народов Центральной Азии считалось общим местом в большинстве научных трудов и политических оценок. Практически все современные лидеры Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана и Таджикистана, особенно во время региональных

⁶ Иманалиев М. Перспектива Центральной Азии стать мостом между Азией и Европой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ia-centr.ru/exsert/446



саммитов, подчеркивают общность истории и языков, происхождения и традиций, культуры и экономики. Основной тенденцией, отвечающей духу времени, многочисленными авторами считается интеграцию, в том числе и в Центральной Азии. Более того, само определение места Центральной Азии в мировой истории несет в себе политический подтекст. В частности, совсем недавно фактически все лидеры государств Центральной Азии называли свои страны «мостом между Западом и Востоком». И это местоположение должно было указывать на возможность универсального восприятия достижений обеих частей света.

Ещё десятилетие назад история Центральной (тогда — Средней) Азии рассматривалась как неотъемлемая часть истории СССР. Теперь пришло осознание того, что все-таки достаточно «оснований для рассмотрения Центральной Азии как типа локальной цивилизации»⁷. Более того, коллектив кыргызских ученых сделал вывод, что «Центральная Азия относится в большей степени к Востоку», но все-таки «сумела выработать собственное цивилизационное пространство»⁸. Авторы считают, что центрально-азиатская цивилизация вобрала в себя две составляющие — цивилизации кочевников и оседлых земледельцев⁹. При этом центрально-азиатский регион выступает как часть исламской цивилизации. Это признание является характерным для нынешнего состояния политических процессов в регионе. Признание особенностей составляет важную часть национальной самооценки и самоидентификации.

Центральная Азия всегда была сложным и противоречивым регионом. Возможно, поэтому современные оценки истории, состояния, перспектив региона носят самый разнообразный характер. Некоторые из них имеют характер изложения мифических представлений, а то и совсем далеки от истинного знания. Например, К. Плешаков пишет: «Занятная вещь: в Центральной Азии — вакуум централизма. Пространство, «привыкшее» быть объединенным (не важно, Чингисханом, Тамерланом, Александром II или Сталиным), раздроблено на пять государственных формирований. Границы между ними в советское время порой прочеркивали по линейке (например, между Казахстаном и Узбекистаном к западу от Арала). Этнотипы региона перемешаны. Четыре из них — родственные друг другу тюрки. Экономика Центральной Азии монокультурна. Надежды на «лучшую жизнь» основаны исключительно на экспорте (на Запад) природных ресурсов, в основном, нефти и газа, но еще и золота, наркотиков, меди и прочего. Выражаясь ученым языком, в Центральной Азии сложилось «протоимперское пространство». Попросту говоря, регион готов к объединению неким гегемоном»¹⁰.

Приблизительно аналогичный подход имеют и некоторые современные политологи, специализирующиеся на ситуации в новых независимых государствах. Политическая конъюнктура определила отношение к государствам Центральной Азии как системе «N-станов», имеющих общие экономические, политические, социальные основы и единое цивилизационное происхождение, а также близкие по своему типу политические режимы и экономическую политику. На этой основе события в Узбекистане весьма легко экстраполируются на Казахстан, а режим в Туркменистане ничем не отличается от таджикского или кыргызского. За десять лет сформировалось достаточно большое число штампов, которые никак не поднимают завесу над реальными процессами. Об этом, в частности, пишет Р. Абазов: «В советологии мы рассматривали одинаково процессы, происходящие в бывшем Советском Союзе, и процессы в Центральной Азии, в частности. Но реалии не всегда

⁷ Развитие межэтнических отношений в новых независимых государствах Центральной Азии. Бишкек, 1995. с. 65.

⁸ Там же. С. 166.

⁹ Там же. С. 169.

¹⁰ Плешаков К. Сквозь заросли мифов. // Pro et contra. Т.2. № 2. Весна 1997. С. 68-69.



соответствовали идейным конструкциям, которые мы пытались объяснить»¹¹.

Приверженность к готовым схемам часто приводит исследователей к необоснованным выводам и суждениям, что находит свое отражение в описании западными аналитиками ситуации в Центральной Азии. В результате переплетения мифов и далеких от реальности теоретических схем создается новый образ Центральной Азии, как группы государств с разной скоростью погружающихся в авторитаризм и тоталитаризм. Отличительными чертами нового мифа об этих странах и народах являются утверждения о неприспособленности к рыночным отношениям, глубоких корнях религиозного фундаментализма, застойности экономической жизни, чрезмерной приверженности патриархальным отношениям и постоянной борьбе между различными клановыми группировками.

Такой подход вызывает возражение, в первую очередь, среди специалистов, которые имеют давний опыт изучения народов и государств центрально-азиатского региона. Естественно, что многие проблемы существуют. Как и все новые государства, центрально-азиатские страны подвержены коррупции, существует борьба элит за передел собственности, слабо влияние общества на принятие государственных решений, малочислен средний класс, не находят своего выражения в парламенте и партийной системе интересы социальных групп. Таковы болезни общие. И страны имеют разный опыт их лечения.

Внимательное изучение региона приводит к пониманию того, что в нем существуют цивилизационные границы. И поиск особенного, частного, сугубо индивидуальных черт не является чем-то особым, эта тенденция носит общемировой характер. Детальное и глубокое изучение истории, свободное от идеологического диктата, обнаруживает тенденцию изучения цивилизаций, культур и субкультур, которое ведет к поиску не столько общего, сколько различий между ними. Более того, тенденция поиска идентичности ведет к переосмыслению прежних оценок, к выделению локальных цивилизаций.

По мнению А. Улуныяна, ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН, после распада СССР во всех государствах Центральной Азии наступил затяжной переходный период, продолжавшийся вплоть до начала XXI века. В настоящий момент по сформировавшейся модели правления говорить о единстве государств Центральной Азии не приходится. Их можно условно разделить на две группы, в одну из которых входят Туркменистан и Узбекистан, в другую — Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Критерием выделения групп служит степень тоталитарности существующего политического режима. Несмотря на то, что из всех стран региона только Киргизия наиболее близка к демократическим устоям, для всех государств Центральной Азии характерен полный контроль над законодательной властью. При этом нижняя палата парламента во второй группе стран избирается¹².

А. Власов, заместитель директора Информационно-аналитического центра МГУ им. М.В. Ломоносова, отмечает, что формы правления во всех странах региона схожи, различаются лишь степенью проявления черт тоталитаризма. При рассмотрении ситуации в Казахстане, который демонстрирует бурный экономический рост, не следует говорить о том, что экономические реформы там переходят в политические. Все страны региона сделали выбор в пользу этнонационализма как государственной идеологии. Форму правления, которая выстраивается государствами Центральной Азии, можно условно назвать «управляемой демократией» или же «фасадной демократией». Главные усилия руководства направлены на сохранение положения правящих элит. Оппозиция

¹¹ Абазов Р. Внешняя политика центрально-азиатских государств на примере Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана // Национальная и региональная безопасность центрально-азиатских стран в бассейне Каспийского моря. Алматы, 2000. С. 101.

¹² Центральная Азия: пути и возможности эволюции политических режимов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: ia-center.ru/archive/



является виртуальной, встраиваясь в существующие структуры и чутко улавливая настроения власти. В силу этого неизбежный кризис власти в центрально-азиатских государствах, о котором много говорили российские эксперты, вряд ли наступит. Построение «управляемой демократии» — таков самый вероятный сценарий развития стран региона. В силу каких-либо форс-мажорных обстоятельств (например, обострения исламского фактора) возможно только резкое обострение разногласий внутри правящих элит с трудно прогнозируемым исходом. Единственное исключение в регионе представляет собой Киргизия, которая в настоящий момент находится в крайне нестабильном состоянии. Возможно, построение государства придется там начинать снова с нуля¹³.

В заключении можно сделать следующий вывод. Политические институты и процессы в Центральной Азии имеют свою историческую и социокультурную специфику. Многие аналитические схемы, созданные в западной политической науке, по-прежнему не получают своего эмпирического подтверждения. Процессы демократизации и модернизации политической системы на практике принимают существенно иной характер, чем описывает теория. Российской политической науке предстоит еще многое сделать для того, чтобы адекватно описать происходящие здесь процессы. Необходимо преодолеть во многом ложные стереотипы и представления о государствах Центральной Азии как о восточных деспотиях, неспособных к развитию демократии. Подобного рода представления и оценки, по сути, повторяют то, что и сегодня еще нередко встречается в западной политической науке, описывающей политические процессы в России в традициях американской советологии.

SPECIFICITY OF THE POLITICAL INSTITUTES AND PROCESSES IN CENTRAL ASIA

I.Zh. ISKAKOV

*Interregional Institute
of Economics and Law,
St. Petersburg*

e-mail: iiel2002@mail.ru

The article analyzes the views of various authors on features of political institutions and processes in Central Asia and the conclusion is that the institutions and processes in Central Asia with its historical and cultural specificity, and many of the most popular analytical scheme, created in western political science, still do not receive their empirical confirmation and require careful processing.

Key words: Central Asia, the political processes, modernization, democracy, authoritarianism, historical and cultural heritage.

¹³ Центральная Азия: пути и возможности эволюции политических режимов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: ia-center.ru/archive/

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Белоножко Е.П.** – профессор кафедры теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
- Бортникова А.В.** – доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Вольнского национального университета, кандидат исторических наук, г. Луцк, Украина
- Ведешкин М.А.** – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Московского педагогического государственного университета
- Вьюнник Е.П.** – аспирант кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Гареева С.М.** – преподаватель истории и права Башкирского республиканского техникума культуры, г. Стерлитамак
- Дзидзишвили В.З.** – доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, кандидат исторических наук, г. Владикавказ
- Зиливинская Э.Д.** – докторант Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, кандидат исторических наук, г. Москва
- Иваницкая Я.Ю.** – аспирант кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Искаков И.Ж.** – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Межрегионального института экономики и права, кандидат юридических наук, г. Санкт-Петербург
- Канарш Г.Ю.** – старший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН, кандидат политических наук, г. Москва
- Кончаков Р.Б.** – доцент кафедры российской истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, кандидат исторических наук
- Котов П.П.** – профессор кафедры истории России и зарубежных стран Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета, кандидат исторических наук, Республика Коми
- Кудинова Ю.В.** – аспирант кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета
- Латыпов И.Р.** – аспирант отдела новейшей истории Института истории при Академии наук Татарстана, г. Казань
- Лисова С.Ю.** – доцент кафедры связи с общественностью, политологии, психологии и права Ивановского государственного энергетического университета им. В.И. Ленина, кандидат политических наук



- Ляховская О.В.** – студентка V курса кафедры российской и всеобщей истории исторического факультета Белгородского национального исследовательского университета
- Миронов В.В.** – доцент кафедры всеобщей истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, кандидат исторических наук
- Мошкин А.Н.** – профессор кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
- Нагаева С.К.** – доцент кафедры социальной работы Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, кандидат политических наук, г. Абакан
- Ореханов Ю.Л.
(свящ. Г. Ореханов)** – доцент кафедры истории Русской Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, кандидат исторических наук, г. Москва
- Пастухов А.М.** – соискатель Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН, г. Москва
- Прокопенко С.Н.** – доцент кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Рылкина А.П.** – аспирант кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Сковородников А.В.** – ст. преподаватель кафедры отечественной истории и управления непрерывного образования Алтайского государственного университета (г. Барнаул), кандидат исторических наук
- Сучалкин Е.А.** – аспирант кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Солнцев Н.И.** – профессор кафедры истории религии и культурологии Нижегородского государственного университета, доктор исторических наук
- Телин А.Е.** – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова
- Фролов Р.М.** – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова
- Чорев М.М.** – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Тюменского государственного университета
- Шаповалов В.А.** – профессор кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук



-
- Шапвалова С.П.** – доцент кафедры документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Шилов В.Н.** – профессор кафедры отечественной истории и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук
- Щербаков А.С.** – доцент кафедры истории и мировой политики Северо-Западной академии государственной службы, кандидат исторических наук, г. Санкт-Петербург



ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
- по электронной почте редакторам разделов: «Актуальные вопросы отечественной истории» – shatohin@bsu.edu.ru (Шатохин Иван Тихонович – заместитель главного редактора); «Актуальные вопросы всеобщей истории» – bolgov@bsu.edu.ru (Болгов Николай Николаевич); «Актуальные вопросы политологии» – Shilov@bsu.edu.ru (Шилов Владимир Николаевич – заместитель главного редактора); «Актуальные проблемы экономики» – Lomovceva@bsu.edu.ru (Ломовцева Ольга Алексеевна – заместитель главного редактора); ответственный секретарь серии журнала – vasilenko_v@bsu.edu.ru (Василенко Виктория Викторовна); сайт журнала: <http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ИНФОРМАТИКА» ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ»

В материалы включается следующая информация:

- | | | |
|--|---|--|
| <ol style="list-style-type: none"> 1) УДК научной статьи; 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков); 3) ключевые слова; 4) сведения об авторах (Ф.И.О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны); 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук); 6) текст статьи; 7) ссылки. | } | <p><i>на русском и английском языках</i></p> |
| <ol style="list-style-type: none"> 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук); 6) текст статьи; 7) ссылки. | } | <p><i>на русском языке</i></p> |

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4, портретный. Без переносов.
2. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
 - гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
 - размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт**.
4. Абзац:
 - отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;



-
- межстрочный интервал – одинарный.
5. Ссылки:
- номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная;
 - текст сноски внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – 9 пт.
6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт)**.
7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.
8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.



Приложение 1. Оформление статьи

УДК 65.01

КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ^{*}

А. В. ИВАНОВ¹**Л. Н. ПЕТРОВ²**¹⁾ *Департамент экономического развития Белгородской области*²⁾ *Белгородский государственный национальный исследовательский университет**e-mail: bor@bsu.edu.ru*

При выборе пути инновационного развития необходимо учитывать возможные риски и ограничения социально-экономического развития, продуцированные перспективами постепенного вступления России в единое мировое экономическое пространство. В работе рассмотрены ключевые вызовы развитию России и регионов на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: глобализация, вызовы развитию, риски и ограничения социально-экономического развития, региональная политика.

В последние годы в российском обществе обозначился явный дефицит долгосрочного (на 10-15 и более лет) видения перспектив развития национальной экономики¹.

KEY CHALLENGES TO REGION DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

A. V. IVANOV¹**L. N. PETROV²**¹⁾ *Department of Economic Development, Belgorod Region*²⁾ *Belgorod National Research University**e-mail: bo@bsu.edu.ru*

Choosing a way of innovative development it is necessary to take into account the risks and restrictions of socio-economic development, produced by prospects of the gradual introduction of Russia into the whole world economic space. There considered key challenges to development of Russia and its regions for the long-term prospect.

Key words: globalization, challenges to development, risks and restrictions of socio-economic development, regional policy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А.В.

- кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и права Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: dizelsnab@mail.ru, тел. 33-22-44

¹ Караганов С.А. XXI век и интересы России // Современная Европа. 2004. №3. С. 6; Айналов Д.В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900. С. 2.



Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру рисунка.

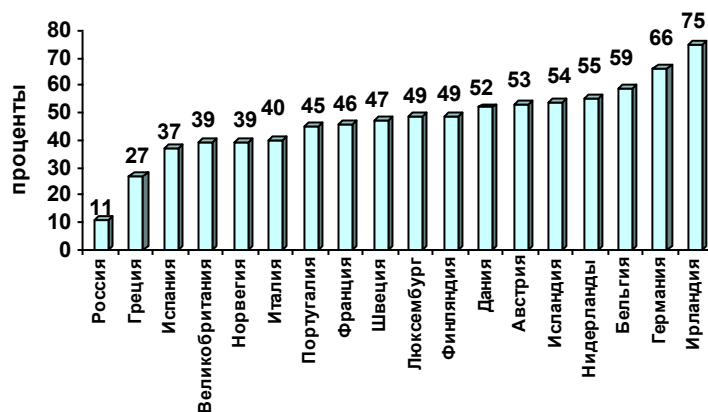


Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

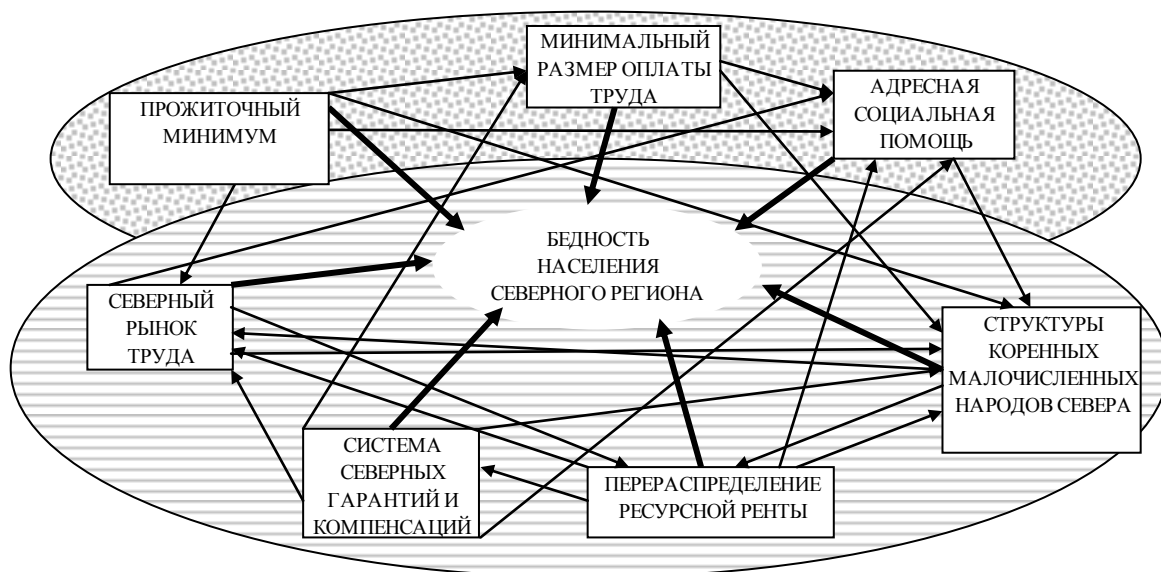


Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.

За публикацию рукописи в журнале «Научные ведомости Белгородского государственного университета» плата с авторов не взимается.